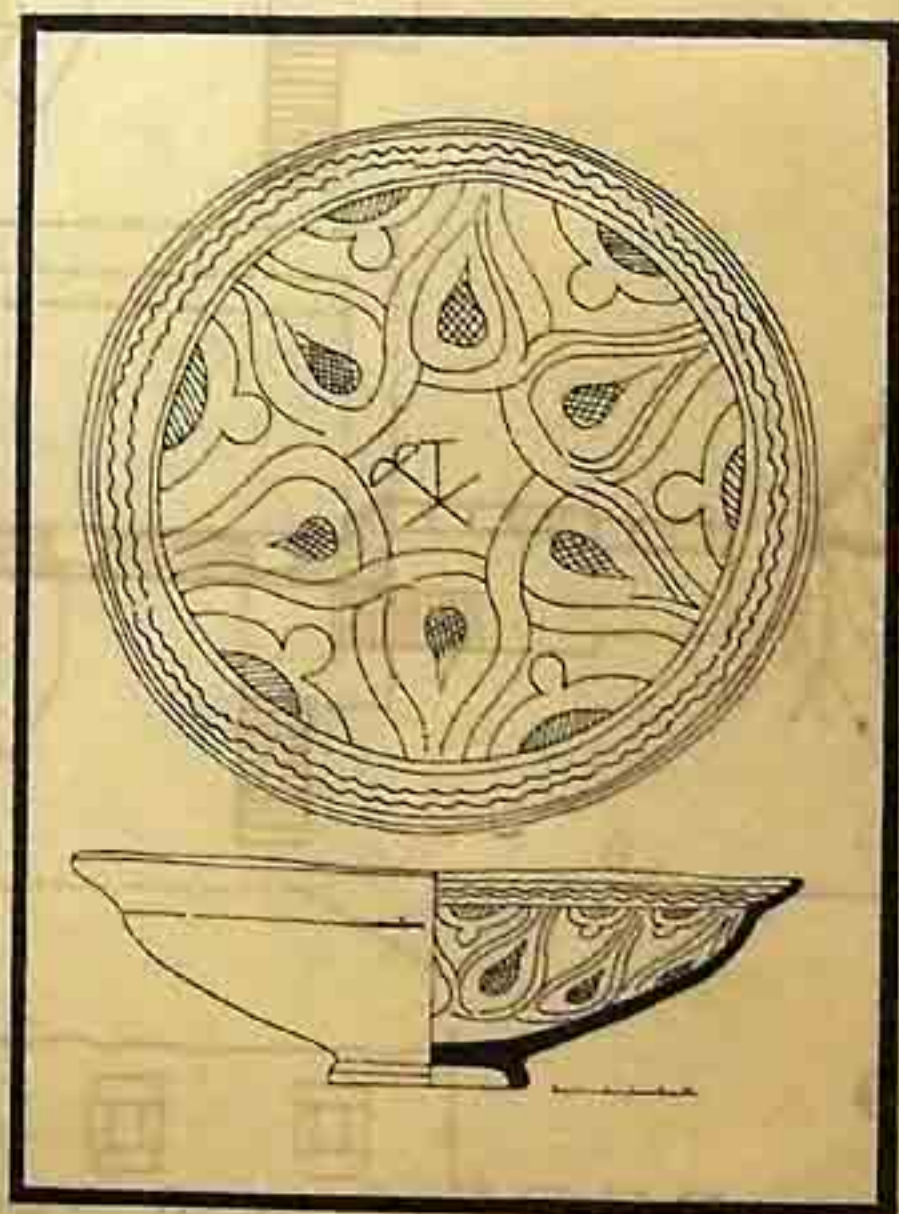

В.А. МЫЦ

УКРЕПЛЕНИЯ ТАВРИКИ X-XV ВВ.

КОПИРОВАНИЕ
ЭКЗЕМПЛЯРА

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1991

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

В. Л. МЫЦ

УКРЕПЛЕНИЯ
ТАВРИКИ
X-XV ВВ.

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1991

МЫШ В.Л. УКРЕПЛЕНИЯ ТАВРИКИ X—XV вв. / АН УССР. Ин-т археологии; Отв. ред. Г.Ю. Ивакин. — Киев: Наук. думка, 1991. — 164 с. — ISBN 5-12-002114-X

В монографии обобщены материалы по фортификации средневековой Таврики. Разработана социально-историческая типология памятников, предложена культурно-историческая их периодизация. Рассмотрены вопросы хозяйственной деятельности и социальной организации населения крепостей.

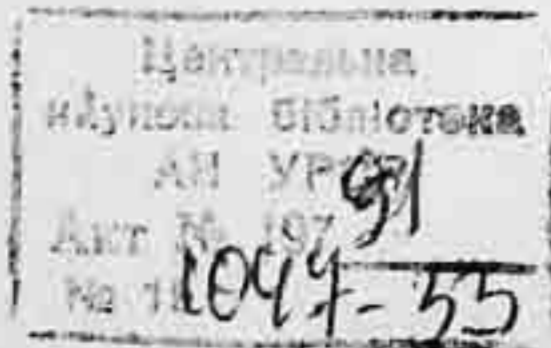
Для археологов, историков, архитекторов, краеведов.

Ответственный редактор Г.Ю. ИВАКИН

Утверждено к печати ученым советом
Института археологии АН УССР

Редакция литературы
по истории и археологии

Редактор А.А. Золотарева

М 0504000000-178 74-91
М221 (04)-91

ISBN 5-12-002114-X

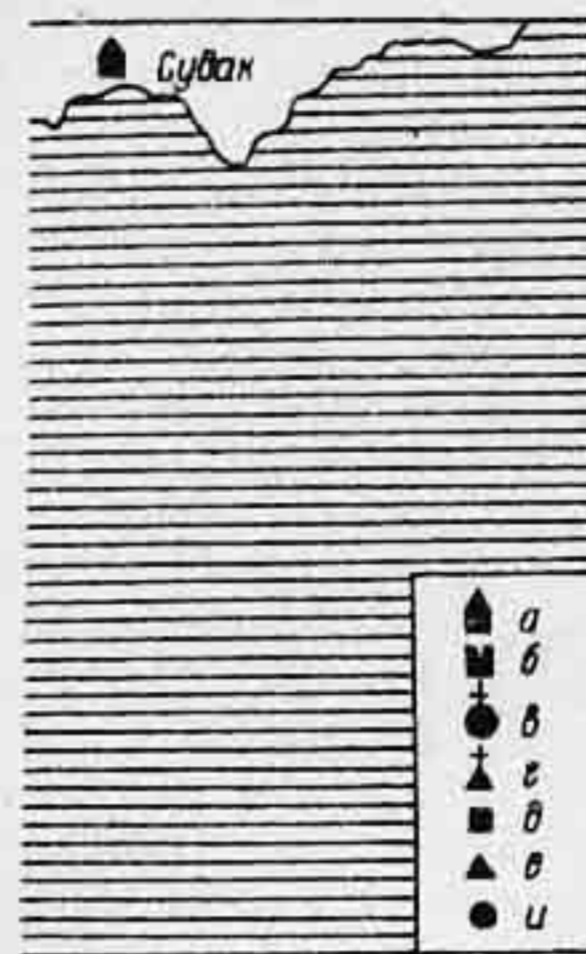
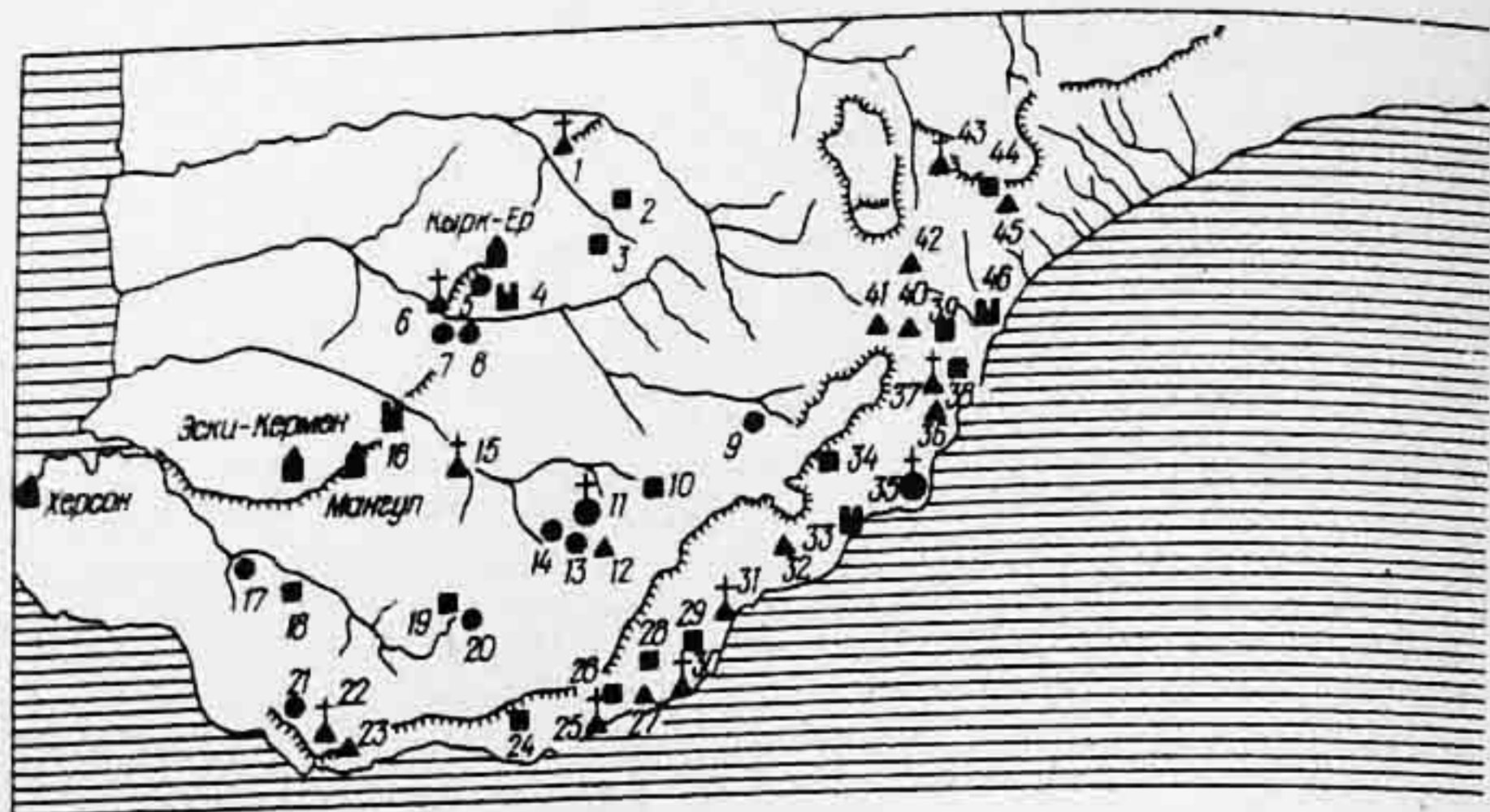
© В.Л.Мыш, 1991

В настоящее время на территории Юго-Западного, Южного и Юго-Восточного Крыма известно примерно 100 средневековых укреплений. Некоторые из них были относительно большими городами, обнесенными оборонительными стенами (Херсон, Эски-Кермен, Мангуп, Чуфут-Кале, Судак, Каффа, Боспор). Этим памятникам посвящена обширная научная литература, и поэтому в монографии они подробно не рассматриваются, а только упоминаются в качестве исторических аналогий. В работе исследуются основные средневековые укрепленные поселения (в большинстве своем — небольшие города, византийские крепости, замки, монастыри, укрепленные сельские поселения), всего около 80 пунктов (рис. 1—3). Расположены эти укрепления на сравнительно небольшой территории Горного Крыма (850 тыс. га), именуемой в исторической литературе Таврикой (между Севастополем и Феодосией — по линии Второй и Первой гряд, а также вдоль побережья). По сложившейся традиции часть крепостей Таврики, расположенных по линии Второй гряды Крымских гор и имеющих искусственные пещерные сооружения, называют пещерными городами, а укрепления, находящиеся в районах Главной гряды, — исарами. Эти названия, хотя и утвердились в научной литературе с начала XIX в., условны и не отражают времени их построения, характера самих крепостей, этнической и социальной принадлежности их обитателей.

Хронологические рамки избранной темы ограничены X—XV вв. Нижняя дата определяется временем падения хазарского господства на полуострове и организацией фемы Херсона, что знаменовало возвращение Южной Таврики под власть византийской империи, верхняя — захватом Крыма турками в 1475 г. При вторжении в XV в. османской армии большая часть укреплений Горного Крыма была разрушена и уже не восстанавливалась. Некоторые крепости в XVI—XVIII вв. перестраивались турками и приспособлялись к условиям применения огнестрельного оружия.

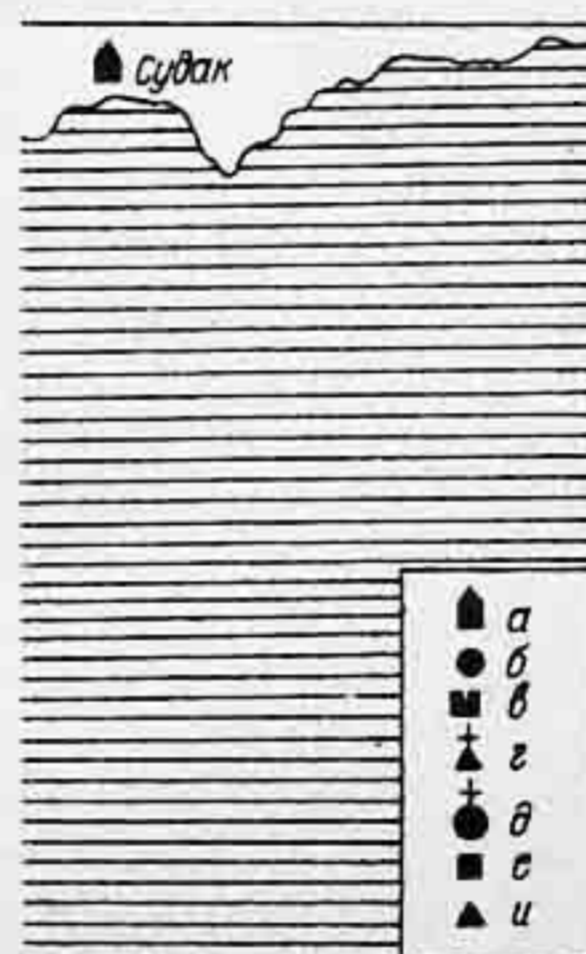
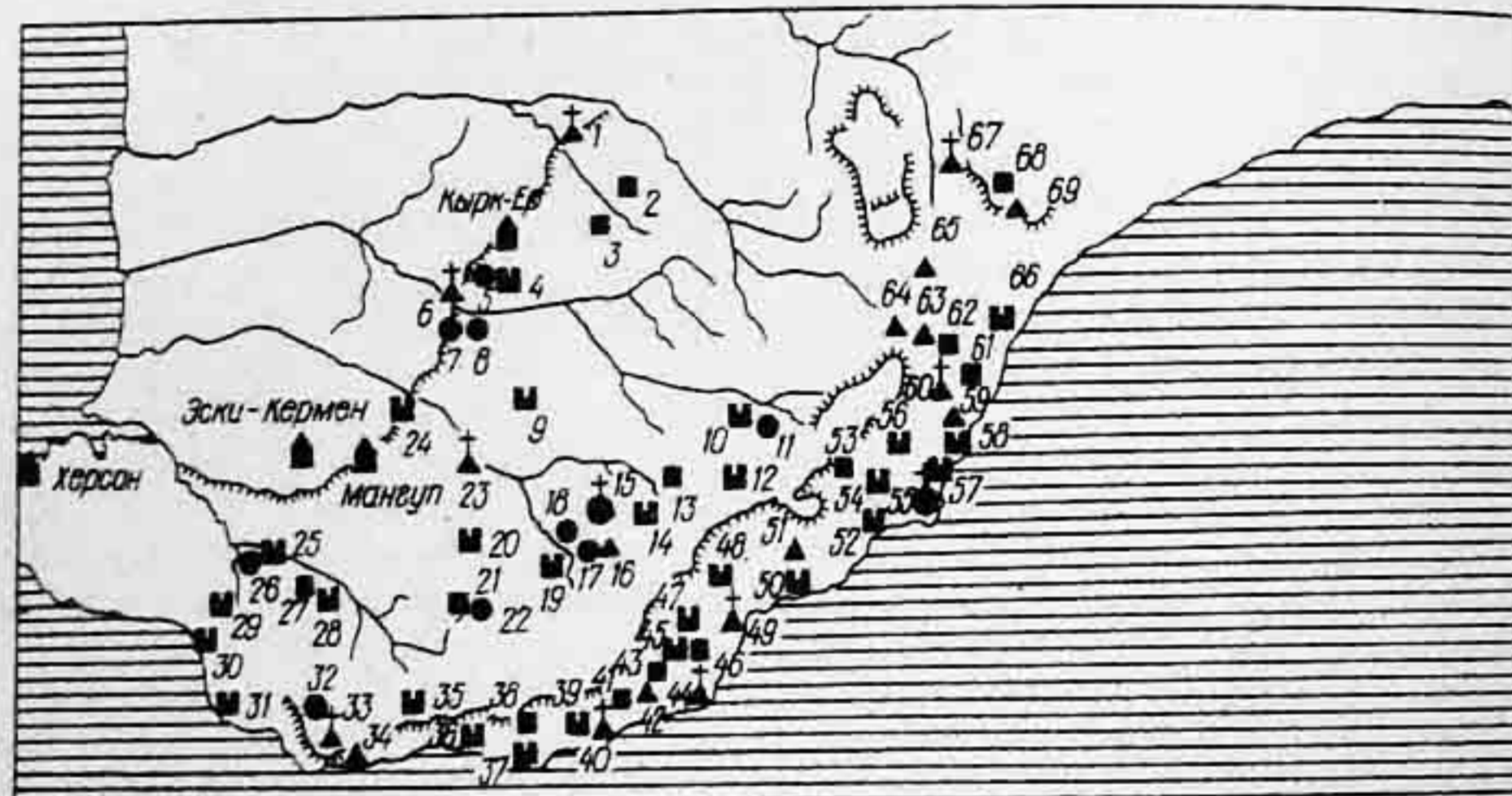
Исследование средневековых укреплений Таврики начато после присоединения Крыма к России в конце XVIII в. Внимание ученых было в основном сосредоточено на изучении городов и крепостей, находившихся на вершинах отдельных столовых гор и скальных мысов Второй гряды, — так называемых пещерных городов [Равдоникас, 1932, с. 5—106]. В статьях, посвященных истории средневековых укреплений Таврики, авторы в большинстве случаев обращались к рассмотрению частных вопросов, а в обобщающих работах монографического характера [Кулаковский, 1914; Якобсон, 1964] лишь говорится о существовании в Горном Крыму значительного числа крепостей. Слабая изученность этих памятников привела к тому, что их объявляли то византийскими, то таврскими, а то и римскими укреплениями. Даже среди специалистов, считающих укрепления средневековыми, а их большинство, нет до сих пор единого мнения о времени и причинах появления различных крепостей в Горном Крыму. Многие исследователи, увлекаясь обоснованием той или иной концепции, отрывались от археологических реалий и использовали средневековые крепости в качестве свидетельств разнообразных исторических событий, происходивших на территории полуострова от эпохи бронзы до позднего средневековья. Зачастую датировки устанавливали по умозрительным заключениям или ис-

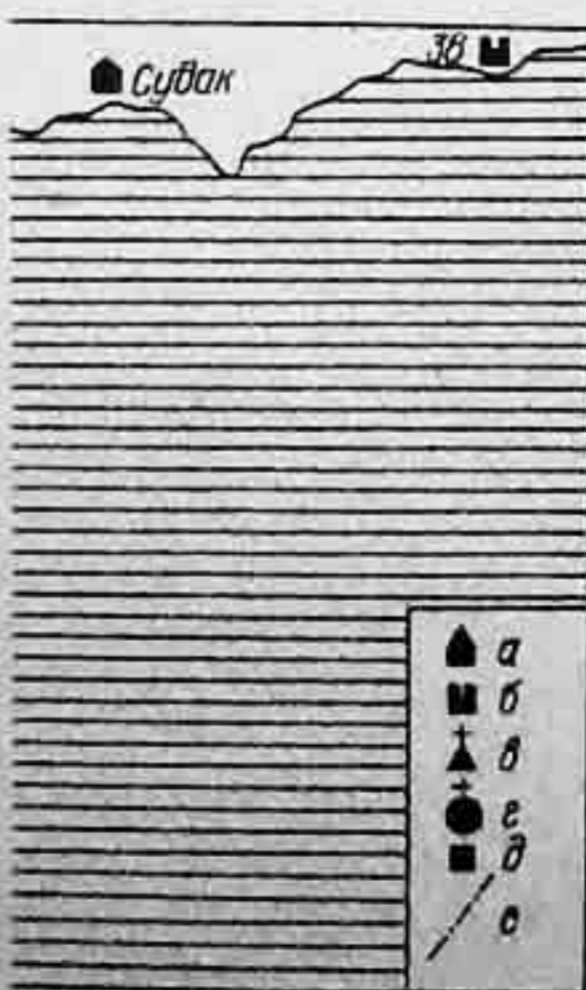
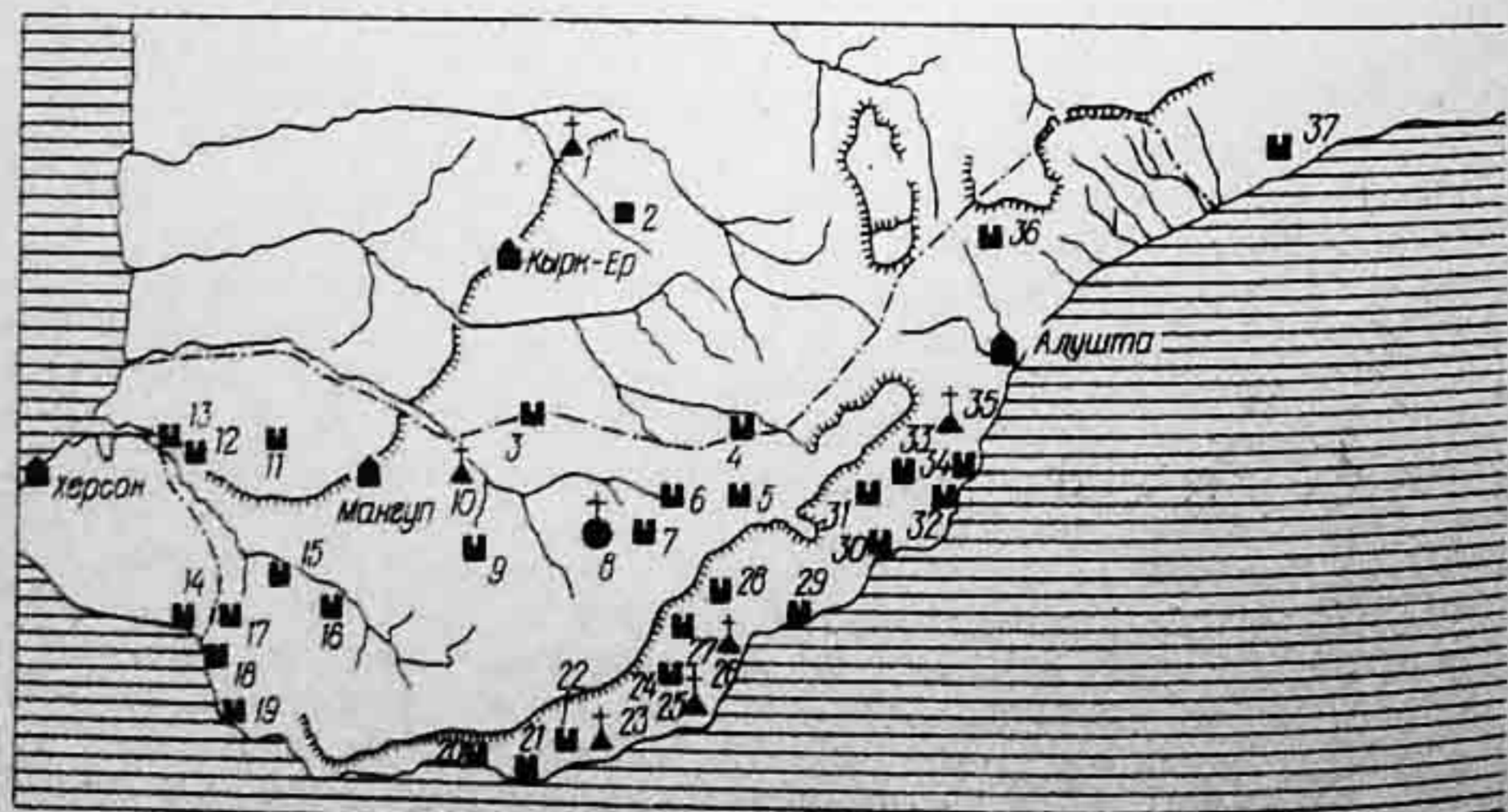

Р и с. 1. Схема расположения укреплений Таврики X—XI вв.: а — города; б — византийские крепости; в — церковно-феодалные комплексы; г — укрепленные провинциально-византийские монастыри; д — укрепленные поселения сельских общин; е — сторожевые городища сельских общин; и — укрепленные загоны и убежища. 1 — Бакла; 2 — Сарымамбаш-Кермен; 3 — Долгая; 4 — Тепе-Кермен; 5 — Кыз-Кермен; 6 — Качи-Кальон; 7 — Качи-Дже; 8 — Бурун-Кая; 9 — Басман; 10 — Кития; 11 — Бойка; 12 — Курушлюк II; 13 — Курушлюк I; 14 — Курушлюк III; 15 — Пампук-Кая; 16 — Сюйрен; 17 — Чирка-Каясы; 18а — Загайтанское; 18 — Асаране-Бурун; 19 — Бага; 20 — Хапулар; 21 — Ласпинское; 22 — Ильяс-Кая; 23 — Форосское; 24 — Биюк-Исар; 25 — Панеа; 26 — Алупка-Исар; 27 — Гаспра-Исар; 28 — Ургенда (Ореанда-Исар); 29 — Каракули-Кая; 30 — Ай-Тодор I; 31 — св. Иоанна; 32 — Палеокастрон; 33 — Гурзуф; 34 — Кобоплу; 35 — Аю-Даг; 36 — Карабах; 37 — Ай-Тодор II; 38 — Кафель; 39 — Сераус; 40 — Ай-Йори; 41 — Чунгур-Кая; 42 — Каменка; 43 — Пахкал-Кая; 44 — Демерджи I; 45 — Демерджи II; 46 — Алустон; 47 — Чатырдагское.

Р и с. 2. Схема расположения укреплений Таврики XII—XIII вв.: а — города; б — укрепленные загоны и убежища; в — византийские крепости и замки; г — укрепленные монастыри; д — церковные комплексы; е — укрепленные поселения; и — сторожевые крепости сельских общин; 1 — Бакла; 2 — Сарымамбаш-Кермен; 3 — Долгая; 4 — Тепе-Кермен; 5 — Кыз-Кермен; 6 — Качи-Кальон; 7 — Качи-Дже; 8 — Бурун-Кая; 9 — Керменчик; 10 — Кермен-Кая; 11 — Басман; 12 — Яманташ; 13 — Кития; 14 — Кучук-Узеньбаш; 15 — Бойка; 16 — Курушлюк I; 17 — Курушлюк II; 18 — Курушлюк III; 19 — Сюрю-Кая; 20 — Сандык-Кая; 21 — Бага; 22 — Хапулар; 23 — Пампук-Кая; 24 — Сюйрен; 25 — Чоргунский Исар; 25а — Загайтанское; 26 — Чирка-Каясы; 27 — Сарджик; 28 — Асаране-Бурун; 29 — Камара; 30 — Чембало; 31 — Кала-Фатлар; 32 — Ласпинское; 32а — Кокия-Исар; 33 — Ильяс-Кая; 34 — Форосское; 35 — Исар-Кая; 36 — Кастропуло; 37 — Кучук-Исар; 38 — Биюк-Исар; 39 — Лымена-Кале; 40 — Панеа; 41 — Ургенда; 42 — Гаспра-Исар; 43 — Алупка-Исар; 44 — Ай-Тодор I; 45 — Хачла-Каясы; 46 — Каракули-Кая; 47 — Учансу-Исар; 48 — Палекур; 49 — св. Иоанна; 50 — Рускофиль-Кале; 51 — Палеокастрон; 52 — Гурзуф; 53 — Кобоплу; 54 — Гелин-Кая; 55 — Аю-Даг; 56 — Дегерменкойский Исар; 57 — Кале-Поти; 58 — Плака; 59 — Карабахский Исар; 60 — Ай-Тодор; 61 — Кафель; 62 — Сераус; 63 — Ай-Йори; 64 — Чунгур-Кая; 65 — Каменка; 66 — Алустон; 67 — Пахкал-Кая; 68 — Демерджи I; 69 — Демерджи II; 70 — Чатырдагское.

Р и с. 3. Схема расположения укреплений Горного Крыма XIV—XV вв.: а — города; б — замки; в — укрепленные монастыри; г — укрепленный церковно-феодалный комплекс; д — укрепленные сельские поселения; е — примерная граница владений господ Феодоро; 1 — Долгая; 2 — Сарымамбаш-Кермен; 3 — Керменчик; 4 — Кермен-Кая; 5 — Яманташ; 6 — Кития; 7 — Кучук-Узеньбаш; 8 — Бойка; 9 — Сандык-Кая; 10 — Пампук-Кая; 11 — Кыз-Куле; 12 — Загайтанское; 13 — Каламита; 14 — Чембало; 15 — Чоргунский Исар; 16 — Сарджик; 17 — Камара; 18 — Кала-Фатлар; 19 — Кокия-Исар; 20 — Кастропуло; 21 — Кучук-Исар; 22 — Лымена-Кале; 23 — Панеа; 24 — Хачла-Каясы; 25 — Ай-Тодор I; 26 — св. Иоанна; 27 — Учансу-Исар; 28 — Палекур; 29 — Рускофиль-Кале; 30 — Гурзуф; 31 — Гелин-Кая; 32 — Кале-Поти; 33 — Дегерменкойский Исар; 34 — Плака; 35 — Ай-Тодор II; 36 — Фуна; 37 — Чобан-Куле; 38 — Кордон-Оба.

кусственно привязанным данным письменных источников. Поверхностное знакомство с памятниками привело к тому, что за пределами внимания ученых оказались тесно связанные между собой вопросы основных этапов крепостного строительства и формирования на территории полуострова городских центров и феодальных государственных образований. Долгое время не рассматривались вопросы экономики, хронология и типология памятников, фортификация, стратегия и тактика обороны.

В настоящей работе сделана попытка обобщить результаты изысканий последних десятилетий, в результате которых получен археологический материал, дающий возможность, используя данные исследований прежних лет, рассмотреть по-новому вопросы крепостного строительства. Изучение всех укреплений Таврики позволяет на широком историческом фоне проследить процесс развития фортификационных систем, изменения стратегии и тактики обороны, хронологии и типологии памятников, определить социально-историческую роль каждого типа укреплений на пути формирования феодального государства на территории Горного Крыма.

Цели и задачи настоящего исследования предопределены материалами, полученными в результате археологических раскопок последних лет. Последовательно рассматриваются история изучения средневековых крепостей Крыма, их топография, хронология, архитектурные особенности, устройство военно-инженерных сооружений. На основе анализа фортификации и внутрикрепостной застройки предлагается реконструкция оборонительных систем, выявляются причины изменения последних, связанные с развитием стратегии и тактики обороны, определяется историческая роль укреплений в борьбе населения Горного Крыма с иноземными завоевателями. Соответственно социальным группам населения, которым принадлежали укрепления, конструкции оборонительных сооружений, внутренней и внешней застройки памятников создается типология крепостей, характеризуются основные школы оборонного зодчества, существовавшие на полуострове в эпоху средневековья, выявляются принципиальные их различия. Материалы проведенных исследований способствуют освещению вопроса хозяйственной деятельности и социальной организации населения крепостей.

Г Л А В А I ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ УКРЕПЛЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТАВРИКИ

Свидетельства письменных источников об укреплениях средневековой Таврики чрезвычайно скупы. Исследователи обычно ссылаются на сообщение Прокопия Кесарийского о строительстве при императоре Юстиниане I (527—565) двух укреплений "Алустон и в Горзубитах" [Прокопий, III, VII, II] и упоминание Вильгельма Рубрука о 40 замках, виденных им в 1253 г. между Херсоном и Сугдеей [Рубрук, 1981, с. 197]*. Мартин Броневский, побывавший в Крыму в 1578 г., пишет, что в местах, представляющих выгодное положение, на горах и в лесах, видны следы развалин древних греческих замков, городов, храмов, монастырей, которые потеряли уже свои названия, оставаясь в течение стольких веков в забвении и без обитателей [1867, с. 350]. Матвей Меховский в трактате "О двух Сарматиях" (первое издание вышло в Кракове в 1517 г.) упоминает о городах и замках готов, разрушенных татарами [1936, с. 71]. Из сообщений средневековых авторов, пожалуй, наиболее ценными по своей полноте и точности являются сведения, сообщаемые турецким дипломатом и путешественником XVII в. Эвлией Челеби. В "Книге путешествий" Эвлия дает описание укреплений Инкермана, Балаклавы, Херсонеса, Чоргуня, Мангупа, Сюрени, Чуфут-Кале, Судака, Каффы, сообщая при этом и интересные исторические данные [Celebiego, 1969, с. 248—251, 254, 256—258, 260—324].

В 70-х годах XVIII в. в связи с русско-турецкой войной и укреплением позиций России в Северном Причерноморье в Западной Европе повышается интерес к истории Крыма, его прошлому и настоящему. В 1784 г. в "Большом землеописании Бюшинга" появляется раздел "Крымское ханство", написанный профессором Галльского университета Тунманном (эта работа была подготовлена около 1777 г.). До этого в литературе существовали лишь отдельные разрозненные сведения о Крыме, оставленные путешественниками XVI—XVIII вв. Тунманн первый создал очерк истории Тавриды с легендарных догреческих времен и до его дней. Низкий уровень исторических знаний XVIII в., малочисленность доступных источников явились причиной некоторых ошибок и пробелов, которые все-таки не умаляют значимости работы, сделанной автором очерка [Эрнст, 1936, с. 7]. Сам Тунманн никогда не бывал в Крыму и все сведения почерпнул из доступных ему изданий. Обращаясь к истории полуострова, он сообщает сведения и о некоторых крепостях Крыма, которые к тому времени уже лежали в развалинах. В горной части Таврики он отмечает остатки Херсонеса, Инкермана, Мангупа, Сюрени, Черкес-Кермена, Чуфут-Кале, Старого Крыма, Каффы, Судака, Алушты, Ламбата, Партенита, Гурзуфа, Ялиты, Балаклавы и при этом дает краткий исторический очерк по каждому памятнику [Тунманн, 1936, с. 32—41]. Тунманн ошибочно полагал, что в горной части полуострова в период развитого средневековья существовало два княжества: Теодоро (Инкерман) и Готия (со столицей на Мангупе). Крепость Дори (Дорас, Дорос) Тунманн также помещает в Инкермане.

* Верность сообщения Рубрука иногда ставилась под сомнение. В.Ю.Юргевич, увлекшись спором с П.И.Кеппеном и В.Томашеком о пребывании готов в Крыму еще в XIII в., считал, что Рубрук передал непонятый рассказ о замке Кырк-Ер или Кырк-Ор, название которого по Абульфеде означает "сорок мужей" [Юргевич, 1886, с. 9; Кеппен, 1837, с. 309; Tomashuk, 1881, с. 43]. М.Петрова при переиздании В.Рубрука высказала мнение, что число крепостей им сильно преувеличено [1981, с. 197, прим. 32].

В 1793—1794 гг. по Крыму совершил поездку П.С.Паллас. Изучение Тавриды (а его особенно интересовали горные районы) Паллас начал весной 1794 г. Будучи ученым-естествоиспытателем, Паллас проявляет живой интерес не только к природе Крыма, но и к его истории. Описания памятников, оставленные им, отличаются точностью и глубоким знанием средневековой фортификации. Им подробно описаны руины Мангупа, Эски-Кермена, Черкес-Кермена, Инкермана, Херсонеса, Балаклавы и других крепостей. Во время своего пребывания в Чоргуне, где он гостил у К.И.Габлица, Паллас имел возможность хорошо ознакомиться с памятниками Гераклеяского полуострова, характеристика которых в его труде занимает значительное место.

Материалы всей экспедиции до настоящего времени не переведены на русский язык, хотя уже в конце XVIII и начале XIX в. были изданы на немецком, французском и английском языках. Появившиеся в Записках Одесского общества переводы М.Славич [1881, с. 62—208] и Г.Караулова [1883, с. 35—92], по мнению А.Л.Бертье-Делагарда, изобилуют неточностями и грубыми ошибками [1886, с. 203, прим. 2]. Сам А.Л.Бертье-Делагард совместно с С.Л.Белявской подготовил перевод сочинения Палласа "Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства в 1793—1794 гг." [1918, № 56] *.

Передовых ученых и прогрессивных государственных деятелей России волновала дальнейшая судьба многочисленных исторических и археологических памятников, которые постоянно подвергались разрушению в условиях развернувшегося на полуострове нового строительства [Юргевич, 1889, с. 50]. В 1820 г. к министру духовных дел и народного просвещения А.Н.Голицыну обратился с докладной запиской В.В.Капнист, указывавший на недопустимость пренебрежения изучением и охраной древних памятников Крыма, которые, несмотря на их огромный исторический интерес, подвергаются постоянно и повсеместно разрушению [Юргевич, 1886, с. 50]. Голицын передал эту записку президенту Академии наук С.С.Уварову, и она была обсуждена на конференции 26 января 1821 г. [Гнучева, 1940, с. 165]. Подготовку плана работ по сохранению памятников старины на Таврическом полуострове возложили на академика К.Келлера, побывавшего на полуострове еще в 1804 г. [Юргевич, 1886, с. 51]. 21 мая 1821 г. Келлер выехал в Крым. Несколько позже к нему присоединился другой участник экспедиции — архитектор Е.Паскаль.

Работы Келлера и Паскаля продолжались в течение пяти месяцев и охватили районы Симферополя, Севастополя, Южнобережья, Феодосии и Керчи. Всего было обследовано 22 архитектурно-археологических памятника, выполнены их обмеры, сделаны зарисовки видов и отдельных деталей [Келлер, 1872, с. 372—396]. В основном изучались фортификационные сооружения (Чуфут-Кале, Мангуп, Инкерман, Херсонес, Чоргунская башня, Кокция-Исар, Гурзуф, Гелин-Кая, Демерджи, Судак, Каффа и др.). Исследованные объекты Келлер разделил на три группы: 1) постройки греческой архитектуры (из укреплений сюда отнесены Херсонес, Кокция-Исар, Демерджи); 2) остатки от "генуэзской архитектуры", куда кроме Балаклавы, Судака и Каффы причислены Мангуп, Инкерман, Гурзуф, Гелин-Кая; 3) татарские и турецкие памятники: Чуфут-Кале, гробницы и мечети средневековых городов. Как видим, большую часть обследованных крепостей Келлер считал генуэзскими постройками.

Наиболее полное описание интересующих нас укреплений было дано П.И.Кеппеном в его Крымском сборнике [1837]. Достаточно сказать, что эта работа до сих пор остается единственным трудом по данной группе памятников. Кроме того, Крымский сборник содержит не только многочисленные данные по археологии и топографии, но в нем автор приводит и собранные им исторические сведения.

На основе письменных источников большую часть укреплений Таврики Кеппен относит к византийской поре и считает их объектами византийского военного строительства в Крыму [1837, с. 44—45]. В качестве отправной хронологической точки он использовал свидетельство Прокопия Кесарийского (VI в.). Большая же часть крепостей датировалась им неопределенно — "послеюстиниановским" временем. В укреплениях Горного Крыма Кеппен видел регулярные цепи крепостей, взаимосвязанные и построенные по единому замыслу. В так называемые системы крепостей попадали памятники, никогда не существовавшие одновременно и относящиеся к разным историческим эпохам. Например, к средневековью Кеппен отнес и некоторые позднеантичные городища, включив опять же их в "систему" (Неаполь скифский, Ай-Тодор-Харакс и др.) [1837, с. 191, 325], а укрепление Сарымамбаш-Кермен (XIII—XIV вв.) считал скифской крепостью, построенной Палаком [Кеппен, 1837, с. 318].

В первой трети XIX в. к Югу России было привлечено внимание и западноевропейских ученых. В 1833—1834 гг. по Крыму и Кавказу совершил путешествие Ф.Дюбуа де Монпере, направленный французской Академией наук, который оставил обширное описание этих мест, снабдив их большим количеством иллюстраций. Его материалы были опубликованы первоначально на французском языке в шести томах (1839—1843) и Атласе (1840—1843) [Dubois de Montpereux, 1843]. В России эти издания еще в XIX в. стали библиографической редкостью, но так и не были полностью переведены на русский язык.

Сочинения Дюбуа де Монпере получило противоречивую оценку. Среди большинства краеведов того времени его труд пользовался необычайной популярностью. До нас дошли изображения древних предметов и зданий, которые в настоящее время исчезли полностью или сильно разрушены. Хотя помещенные в альбоме рисунки не во всем и не всегда точны, но из работ XIX в. это лучшее иллюстрированное издание по истории Крыма.

Дюбуа оказался прав, когда обнаруженные им в различных районах Горного Крыма могильники, состоявшие из погребальных сооружений в виде каменных ящиков, связывал с аборигенами полуострова — таврами [1843, с. 23—24]. Дальнейшие археологические исследования подтвердили это предположение. Но вместе с тем Дюбуа ошибочно приписывал сооружение пещер в Юго-Западном Крыму таврам, которые, по его мнению, не могли сооружать наземных жилищ. Приморские же тавры оставили "циклопические" сооружения, которые служили им жилищами и убежищами [1843, с. 23—24]. Эти наивные исторические построения уже неоднократно критиковались [Караулов, 1872, с. 84—85; Бертье-Делагард, 1886, с. 205]. Но, к сожалению, зерна заблуждений, посеянные Дюбуа, продолжали давать плоды длительное время в виде внешне стройных, а по содержанию глубоко ошибочных концепций о таврском происхождении укреплений Горного Крыма.

Во второй половине XIX в. наступает период, когда ученые уже почти не обращаются к истории средневековых крепостей. Эту роль берут на себя местные краеведы: А.Фабр, Г.Караулов, В.Кондараки, М.Сосногорова — люди образованные и одержимые стремлением принести пользу науке Отечества. Они были объединены Одесским обществом истории и древностей, сыгравшем большую роль в их творчестве.

В сочинениях Г.Э.Караулова высказывались мысли, весьма сходные с Ф.Дюбуа де Монпере, а впоследствии и М.Сосногоровой. Караулов расходится с Дюбуа в том, что считает "пещерные города" и "циклопические" постройки памятниками разновременными и построенными разными народами [1872, с. 85], по его мнению, "пещерные города" созданы киммерийцами, а горные укрепления относятся к еще более раннему времени [1872, с. 106].

* Новый перевод предполагалось издать в ИТУАК [Черепанова, 1968, с. 207].

В 1875 г. вышла статья М.Сосногоровой-Славич "Мегалитические памятники в Крыму" [1875, с. 266—287]. Основная идея, развиваемая автором, заключается в попытке доказать древнейшее происхождение горных крепостей, которые в большинстве своем относятся к доисторическим временам (к эпохе бронзы — В.М.)*. Укрепления, называемые Сосногоровой-Славич мегалитическими сооружениями, по ее мнению, одновременны "крымским дольменам" (таврским гробницам), менгирам и кромлехам. Хорошо зная труды крупнейших археологов России и Западной Европы, она пытается сравнивать крымские памятники с аналогичными сооружениями обширного региона Евразии, что придает ее рассуждениям научнообразный характер. Сосногорова считает укрепления Горного Крыма не только убежищами древних обитателей Таврики, но и святилищами их верховной богини Девы.

Другой краевед середины XIX в. А.Я.Фабр близок по своим взглядам к П.И.Кеппену. Он полностью разделяет его мнение о том, что горные укрепления представляли собой единую систему обороны "византийской поры" [1844, с. 239—242]. Знатоком крымских древностей Фабр проводил разведки в горных районах, не затронутых исследованиями Кеппена. В бассейнах рек Зуи и Бурульчи им выявлены три укрепления, построенные по преданию "френками" (генуэзцами — В.М.)**. Фабр и Кеппен делают одинаковую ошибку, включая в "систему" горных крепостей явно разновременные памятники, куда попадают и Неаполь Скифский, городища на Альме (вероятно, Алма-Кермен) и в округе дер. Ягмурчи [Кеппен, 1837, с. 325, 320; Фабр, 1844, с. 240].

Материалы, опубликованные в трудах В.Х.Кондараки, получили в литературе противоречивую оценку из-за того, что его сочинения иногда наполнены вымыслом, который трудно отличить от реально им виденного. Но практика последних десятилетий показывает, что общая направленность деятельности В.Х.Кондараки была весьма полезной — редкая работа обобщающего характера по истории (особенно средневековой) Крыма обходится без ссылок на те или иные его сообщения. Вышедшие из-под пера Кондараки работы, хотя во многом и повторяют друг друга, но содержат нужную информацию о памятниках, найденных им во время путешествий по районам Горного Крыма [1867; 1868; 1873; 1875; 1883]. Немало сделано Кондараки и для изучения укреплений Таврики. Полемизируя с Кеппеном, он постарался лично обследовать городища, о которых упоминал его предшественник, и дать им объективную оценку. Кроме того он посетил районы, ранее никем не изучавшиеся. Им были открыты средневековый комплекс памятников на Бойке***, укрепление на Сюрю-Кая, Дергерменкойский исар, Хапулар, Асаране-Бурун. Крепость Хапулар до сих пор остается неизвестной науке, и мы знаем о ее существовании только со слов Кондараки [1868, с. 293]. Городища Горного Крыма Кондараки считал средневековыми, но возражал против утверждения Кеппена, что они образовывали "единовременную систематическую оборону", находившуюся "во взаимном отношении" [1868, с. 291].

В 1866 г. по Крыму путешествовал Е.Марков, а в 1872 г. вышло первое издание его сочинения "Очерки Крыма", переиздававшиеся трижды (последний раз в 1902 г.). Популярность работы Маркова была обусловлена тем, что в ней красочно освещаются "картины крымской жизни, истории и природы" [1902, с. 1]. Наиболее интересными в его сочинении можно считать этнографические наблюдения, снабженные в последнем издании

* Циклопическими М.Сосногорова называла укрепления, стены которых сложены "насухо". Остальные же крепости она считала средневековыми.
** В 50-х годах эти городища обследовал П.Н.Шульц, который отнес их к эпохе тавров (например, Карлы-Кая на Зуе) [1959, с. 241, 244].
*** К этому сообщению долгое время относились с недоверием, пока его не подтвердили разведки О.И.Домбровского (1955—1956) [1968, с. 83—96].

хорошими фотографиями. На страницах книги Маркова находим упоминания или краткие описания многих крепостей Горного Крыма. В целом автор придерживается средневековой концепции происхождения укреплений, следуя во всем за П.И.Кеппенем.

С именем А.Л.Бертье-Делагарда связан новый этап в изучении средневековых укреплений Таврики. Крупнейший исследователь истории и археологии Крыма, человек многосторонних интересов, обладающий значительным запасом знаний, аналитическим умом и широким кругозором, он большую часть своей жизни посвятил научной работе. Его труды легли в основу современных знаний о средневековой Таврике и не устарели до настоящего времени [1886, с. 166—279; 1899, с. 1—42; 1918, с. 1—44; 1920, с. 1—134].

Большую научную ценность представляет архив А.Л.Бертье-Делагарда, в котором собран значительный материал [Черепанова, 1968, с. 205—212]. В связи с рассматриваемой темой особый интерес представляют многочисленные планы и чертежи средневековых укреплений. Все материалы выполнены Бертье-Делагардом во время поездки по Крыму в 1889 г. Именно в это время сделаны обмеры цитадели Мангупа, церкви в крепости Демерджи, Чобан-Куле, Сюйрени. Чуфут-Кале, Учансу-Исара и др. [1889, № 30—55]. До настоящего времени большая часть этого материала не издана.

В одной из первых своих работ "Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма", вышедшей в 1886 г., А.Л.Бертье-Делагард дает критический анализ написанного за последние десятилетия по истории Таврики и приходит к выводу, что многое было сказано мимоходом, страдает большими неточностями и носит противоречивый характер. Даже лучшие из описаний, сделанные Палласом, Кеппенем и Дюбуа, не полны, часто не похожи друг на друга и еще чаще не отвечают действительности [1886, с. 167]. По его мнению, каждое, пусть даже самое краткое описание, необходимо снабжать точными планами, рисунками, чертежами, фотографиями. Именно этот подход позволил перейти Бертье-Делагарду на качественно новый уровень исследования памятников.

В работах А.Л.Бертье-Делагарда нет и намека на "слепое" повторение уже сказанного его предшественниками, как бы ни был высок их научный авторитет. Принцип его исследований — во всем следовать факту. Он никогда не пытался увидеть в укреплениях Таврики древние сооружения тавров и всегда говорил об этих памятниках как о средневековых. Им также поставлена под сомнение концепция о системе горных крепостей [1886, с. 249], которые он видел разновременными.

Но в решении некоторых вопросов нельзя согласиться и с авторитетным мнением А.Л.Бертье-Делагарда, особенно когда он пренебрежительно высказывался о строительных навыках феодалов и защитных возможностях крепостей [1886, с. 261]. Конечно, по сравнению с фортификацией XIX в. укрепления Горного Крыма выглядят скромно, но для своего времени (XIII—XV вв.) их стены служили надежным укрытием. В этом отношении его рассуждения не носят конкретно-исторический характер. Без особых на то оснований Бертье-Делагард сделал вывод, что укрепления Горного Крыма использовались эпизодически, только в случае военной опасности, и в них не содержались постоянные гарнизоны [1899, с. 29—32]. В отдельных случаях он преувеличивает размах крепостного строительства, предпринятого турками в XVI—XVII вв. Например, Бертье-Делагард ошибочно считал цитадель Мангупа и Чоргунскую башню турецкими постройками [1886, с. 188, 248—249; 1918, с. 40].

В 1895 г. ИАК направил в Крым Ю.А.Кулаковского с заданием собрать на месте необходимые сведения для археологической карты полуострова. К выполнению этой задачи он привлек А.И.Маркевича [1895, с. 8]. Особое внимание ученый уделил обследованию пещерных городов. Он посетил Баклу, Чуфут-Кале, Тепе-Кермен, Качи-Кальон, Мангуп, Сюйрень, Эски-

Кермен, Черкес-Кермен, Инкерман [Кулаковский, 1896, с. 22]. Этот осмотр привел его к выводу, что раскопки их могли бы дать "обильный материал для уяснения вопроса о том, какое население в какую пору здесь обитало, а это могло бы содействовать устранению неправильных и очень распространенных представлений о доисторическом начале и характере этих оригинальных памятников" [1895, с. 11].

Из городищ, расположенных в прибрежной зоне полуострова, Кулаковский обследовал крепости в Оттузах, Алустан, Гурзуф, Кастель (этот памятник он предположительно отнес к позднеимперскому времени). Крепость в Оттузах (Кордон-Оба) он считал гетуэзской постройкой, возражая при этом Кеппену, "ошибочно принимавшему его за крайний пункт линии укреплений, возведенных Юстинианом в защиту крымских готов от северных варваров" [1895, с. 12]. Относительно крепости в Гурзуфе им высказано мнение, что это сооружение не имеет ничего общего (кроме места) с укреплением Прокопия, а наличие пушечных бастионов позволяет датировать его временем на тысячу лет более поздним (XVI в. — В.М.) [1895, с. 12]. Подводя итоги исследования укреплений Таврии, Кулаковский отмечает почти полную неясность времени их существования и то, что вопрос "о нем сам разрешится, когда можно будет свести в группы то множество крымских укреплений, которые констатировал и описал в Крымском сборнике Кеппен" [1895, с. 9].

Раскопки горных крепостей были начаты сравнительно поздно и не крымскими археологами, а приезжавшими на отдых специалистами из других районов России. В 1894 г. А.А.Бобринский провел визуальное обследование руин Гурзуфской крепости и ее окрестностей, где отмечает наличие обширного, но довольно позднего поселения. На территории крепости, у основания оборонительной стены, им была раскопана плитовая могила с захоронением XVII—XVIII вв. [1894, с. 56—58, рис. 1—7]. Укрепление Бобринский называет византийским на основании характера кладки, сходной, по его мнению, со стенами Херсонеса, но не связывает с памятником, упомянутым Прокопием [1894, с. 56, 58]. В 1903 г. В.Е.Данилевичем проведены раскопки на Кучук-Исаре [1907, с. 56—60]. По полученным материалам (в основном это фрагменты керамики) Данилевич удивительно точно определил дату существования крепости — XIII—XIV вв., что для того времени было делом необычным [1907, с. 58, 59].

Надо сказать, что на протяжении первых четырех десятилетий XX в. раскопки горных крепостей носили эпизодический и бессистемный характер и почти не повлияли на общее состояние изученности укреплений Крыма (для нас, правда, важен сам факт начала этих работ): Кокия-Исар, цитадель Мангула (Р.Х.Лепер, 1910, 1912—1913); Кордон-Оба (Н.С.Барсамов, 1927—1928); Бакла (Н.Л.Эрнст, 1929); Качи-Кальон (Н.И.Репников, 1933); Кыз-Куле (У.А.Боданинский, 1933); Сарджик (В.П.Бабенчиков, 1935); Каламита и Загайтанское (В.П.Бабенчиков, 1937); Кыз-Кермен (П.П.Бабенчиков, 1940). Раскопки были слабо документированы, а археологический материал в большинстве случаев остался не опубликованным.

В настоящее время трудно представить развитие крымской археологии без имени Н.И.Репникова, разносторонняя деятельность которого была плодотворной. Много им сделано для изучения культуры тавров, готов, освещения вопросов средневековой истории Крыма, в том числе и укреплений [1907, с. 101—148; 1909, с. 99—155, 1927, с. 137—140]. Он первый составил археологическую карту горной части полуострова [1933, 1940]. Н.И.Репников сумел почти полностью обобщить полученные данные по изучению горной части полуострова (остался неохваченным только юго-восточный район). Последователь А.Л.Бертье-Делагарда, он практически продолжил его исследования, применяя его методику. Н.И.Репников сумел привлечь к этой работе крымских краеведов В.П. и П.П. Бабенчиковых.

Как и Бертье-Делагард, Репников считал неверной мысль Кеппена о том, что "древние укрепления Южного берега, равно и нагорные, составляли единую систему византийской поры" [1933, с. 26]. Он также подверг критике В.Н.Дьякова за то, что он "воспринял ошибочную концепцию П.И.Кеппена о системе, передвинув в ней лишь датировку в "римское время" [1933, с. 26]. Но Н.И.Репников не был до конца последовательным в своих взглядах и в статье "О характере римской оккупации Южного берега Крыма" [1941, с. 121—128] практически полностью становится на позицию, которой придерживался В.Н.Дьяков. Репников признает, что исары Южного берега первоначально построены таврами [1927, с. 139], а затем использованы римлянами. Хотя он и не называет эту систему укреплений подобно В.Н.Дьякову Таврическим лимесом, но считает, что римская крепость на Ай-Тодоре не могла стоять изолированно на протяжении всего побережья, и поэтому датирует укрепления на г.Кошка и Аю-Даге римским временем. По его мнению, для контроля за морем римляне построили целый ряд крепостей, начиная на западе от мыса Айя (и даже Балаклавы) и заканчивая на востоке укреплением Кордон-Оба [1941, с. 124]. Разница во взглядах Репникова и Дьякова состоит в том, что, по мнению первого, крепости возведены для контроля за морем, по мнению второго — для охраны горных дорог. В отличие от Дьякова Репников не отрицал принадлежности горных крепостей к эпохе средневековья.

Интересные соображения по поводу времени и причин строительства укреплений Таврики в связи с решением готской проблемы были высказаны в 1933 г. Ф.И.Шмитом*. По его мнению, Юстиниан I в VI в. строит целую линию укреплений для защиты юго-западного угла Крыма, так называемой Готии, от набегов степных кочевников [1933, с. 13]. Страна готов была защищена "небольшими крепостями, планомерно расположенными во всех угрожающих местах" [1933, с. 13]. Ссылаясь на данные письменных источников, Шмит простирает Готию от Херсонеса до Судака и полагает, что, "тщательно обследовав побережье от мыса Айя до Алушты, следует найти готские укрепления, которые защищали южные границы их владений". Северные границы на протяжении нескольких десятков километров защищали пещерные города, расположенные у скальных обрывов Второй гряды, где крепости "тянулись сплошным рядом: Инкерман, Эски-Кермен, Суйрен, Качи-Кальон, Тепе-Кермен, Чуфут-Кале, Бакла". Ф.И.Шмит заключает: "... надо думать, что вся эта серия крепостей построена по единому разработанному компетентными военными плану" [1933, с. 19]. Сходные соображения высказывались позднее М.А.Тихановой и А.Л.Якобсоном, но первым идею о том, что пещерные города являются длинными стенами Прокопия Кесарийского, высказал Ф.Дюбуа де Монпере. Правда, эту же линию крепостей он назвал и "тавро-скифской" [1843, с. 250—252].

К середине 30-х годов исследователей Крыма начинает беспокоить общее неудовлетворительное состояние учета и фиксации археологических памятников. О большинстве из них имелись устаревшие, неточные сведения. Некоторые, будучи упомянуты 100 лет назад, с тех пор не были описаны и даже не посещались, а многие вообще оставались неизвестными [Эрнст, 1937, с. 243].

К тому времени сплошному археологическому обследованию подвергались лишь небольшие районы Крыма. Севастопольским музеем краеведения был подробно исследован Гераклеяский полуостров и составлена археологическая карта (работы выполнялись под руководством В.П.Бабенчикова). В результате разведок, проводившихся в 20—30-х гг. В.П.Бабенчиковым в районах Юго-Западного Крыма, получены дополнительные данные об

* Эта статья Ф.И.Шмита никак не озаглавлена. Она включена в виде пространного предисловия (26 стр.) в работу Н.И.Репникова Памятники истории материальной культуры на берегу Крыма от мыса Айя до Алушты включительно [1933а, 94 с.].

уже известных памятниках и открыты новые, ранее не известные крепости: Пампук-Кая (1936), Сандык-Кая (1938), Камара (1936), Загайтанское (1937). В 1938 г. впервые выполнена разведка массива Бойка [Репников, 1940, с. 255]. В 1927 г. П.П.Бабенчиковым на одном из отторженцев Кала-Фатлара обнаружены следы средневекового укрепления XIII—XIV вв., а в 1938 г. на мысе Калай-Бурун (Бурун-Кая) в долине реки Качи — линия оборонительной стены [Репников, 1940, с. 286]. В 1940 г. им же на Кыз-Кермене проведены раскопки [Веймарн, 1955, с. 65].

Алупкинский дворец-музей под руководством Н.Л.Эрнста в 1934—1935 гг. провел две экспедиции по обследованию, учету и описанию памятников Южного берега (от Айя до Алушты). Все памятники от первобытных до современных были разделены на десять групп. В шестую группу Эрнст включил развалины средневековых "греко-готских" крепостей или так называемых исаров. Всего им обследовано 25 укреплений. По мнению Эрнста, "исары представляют одну из интереснейших проблем истории южного берега" [1937, с. 244]. В отдельную (восьмую) группу выделены развалины генуэзских укреплений — к таковым он относит Гурзуф и Алушту. Результаты этих исследований предполагалось издать в монографии вместе с историко-археологической картой Южного берега. Эрнст успел опубликовать только краткий очерк, помещенный в сборнике "Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма" [1935, с. 425—443], где частично использованы эти материалы. По его мнению, на Южном берегу было несколько таврских укреплений, но они не сохранились, разрушены еще в XIX в. [1935, с. 426]. Строительство прибрежных крепостей Эрнст приписывает греко-готскому населению, которое было "бедным и слабым". Время строительства этих памятников он относит к IX—XII вв. Занявшие в XIII в. Крым татары, по его мнению, мало изменили положение населения Южного берега. По договору с татарами 1380 г. Генуя захватила часть побережья от Балаклавы до Судака (Готию) и "возвела для упрочения своей власти ряд крепостей, например, в Алуште и в Гурзуфе" [1935, с. 427—438].

Из сравнительно небольшого числа работ по изучению укреплений Таврики, вышедших в довоенное время, следует отметить статью С.Н.Бибикова об открытом им памятнике — Чоргунском исаре [1939, с. 30—32]. Отмечая необходимость создания обобщающей работы по этой группе памятников, С.Н.Бибиков переносит основной аспект их изучения из формального (топография, фортификация, внутрикрепостная застройка крепостей и проч.) — в социально-исторический (социальная природа и социальный характер памятника). Он считал, что укрепления имели немаловажное значение в истории средневекового Крыма не только как крепости, но, судя по некоторым данным, и как замки феодалов-властителей отдельных территорий, входящих в уделы крымских средневековых княжеств [1939, с. 30]. В дальнейшем эта идея стала ведущей в работах О.И.Домбровского, занимавшегося проблемой истории исаров в 50—70-е годы.

Еще в конце XIX в. появляются первые осторожные высказывания относительно того, не содержали ли некоторые укрепления Южного берега позднеантичную (римскую) основу [Кулаковский, 1895, с. 11]. Найденные при раскопках Харакса фрагменты чернолощенной керамики и наличие на нижней оборонительной стене крепости "циклопической" кладки позволили утверждать, что первоначальное укрепление было построено таврами, а в последствии перестроено римлянами [Репников, 1927, с. 137; Дьяков, 1942, с. 53]. Так родилась внешне стройная и привлекательная, но не подтвержденная до настоящего времени археологическим материалом концепция, получившая наиболее полное развитие в работе В.Н.Дьякова [1942]. По его мнению, римляне на протяжении I—III вв. н.э. для упрочения своего господства на территории Горного Крыма создают на побережье линию крепостей, которые должны были служить базами для сухо-

путных сил, контролирующих дороги, ведущие к перевалам. Захватив и разрушив таврские крепости, римляне возвели на их руинах свои блокгаузы и посты. В качестве главного укрепления в Таврическом лимесе Дьяков помещает Ай-Тодор, при этом крепости на г.Кошка и Аю-Даге играли роль фланговых укреплений [Дьяков, с. 18, 53, 56, 63—67]. Укреплениям Кастель, Гурзуф, Палеокастрон, Учансу-Исар, Ореанда-Исар, Гаспра-Исар, Алупка-Исар, Кастропуло и др. Дьяков отводит роль блокгаузов и постов. Он считает, что эта система крепостей была ориентирована на берег — т.е. оборону от врагов, идущих не с моря, а с суши. Дьяков пишет: "Этот оборонительный пояс создал народ, уверенный в своем морском господстве" [1942, с. 64]. По его мнению, П.И.Кеппен ошибочно приписывал постройку этих укреплений Юстиниану или византийским грекам [Кеппен, 1837, с. 9; Дьяков, 1942, с. 65]. Простирая Таврический лимес на все побережье от мыса Айя до Кордон-Обы и включая сюда все расположенные на этом участке укрепления, Дьяков заключает, что это не "генуэзские крепости", а античные кастелы, аналогичные Хараксу, и следовательно, — римские. "Это части римского limes'a, который был сооружен по типу дунайского и является его продолжением в Таврике" [1942, с. 72—73].

Раскопками последних лет ни на одном из укреплений, названных В.Н.Дьяковым, не обнаружено находок первых веков н.э. При наших обследованиях только на Ореанде-Исаре, Ай-Йори и Алустане встречены обломки амфор и краснолаковых сосудов II—III вв. н.э. Но все это подъемный материал, не связанный с какими-либо строительными остатками.

В 1945 г. в Крыму начала свои работы Тавро-скифская экспедиция, которой руководил П.Н.Шульц. В поле деятельности экспедиции попали и укрепления Горного Крыма, которые в своей основе, по его убеждению, являлись памятниками таврского происхождения. Приступая к исследованию крепостей, он уже имел сложившееся представление об их развитии, основанное на работах довоенных авторов. Груз предшествующих представлений, от которого он не смог избавиться даже под давлением неопровержимых фактов, свидетельствующих о средневековом происхождении исаров, увел ученого от истины. П.Н.Шульцу казалось, что предпринятые на первых порах (1945—1948) обследования укреплений Таврики подтверждали мнение об этих городищах как таврских. Налицо были "циклопические" стены, близость таврских некрополей, визуальная связь памятников и прочие аргументы прежних сторонников "таврской" концепции [Шульц, 1949, с. 56—66].

Но проведенные на некоторых памятниках раскопки давали или исключительно средневековый материал или очень скромные находки, которые можно было предположительно связывать с таврами. Шульц в 1950 и 1955 гг. провел раскопки на г.Кошка и обследовал руины "таврских" укреплений на г.Крестовой, Ай-Тодоре, Аю-Даге, Кастеле, Сераусе, Ай-Йори [1957, с. 62]. В 1959 г. вышла статья П.Н.Шульца, в которой он подводит итоги более чем десятилетним исследованиям культуры тавров, "О некоторых вопросах истории тавров" [1959, с. 235—272]. В ней Шульц продолжает настаивать на таврском происхождении укреплений Горного Крыма. Так, в группу убежищ попадают римский Харакс, Кастель (X—XIII вв.), Аю-Даг (X—XIV вв.), Басман (X—XIII вв.), а к таврским укрепленным поселениям относятся Бурун-Кая (IX—X вв.), Кошка (XIII—XIV вв.), Крестовая (XIII—XIV вв.), Сарымамбаш-Кермен (XIV—XV вв.) и др. [1959, с. 241]. Наличие крепостей у тавров позволяет П.Н.Шульцу утверждать, что они в I тыс. до н.э. находились уже на "ступени патриархально-родового строя" [1959, с. 266]. П.Н.Шульц считал, что В.Н.Дьяков и Н.И.Репников преувеличивали роль Рима в Таврике. По его мнению, римский лагерь находился только на Ай-Тодоре и другие укрепления никогда римлянам не принадлежали [1959, с. 270]. Таврские же укрепления он выстраивает в "цепь", сообщение между ними могло осуществляться огнем и дымом [1959, с. 252].

Пытаясь объяснить наличие на укреплениях Горного Крыма большого количества средневековой керамики, П.Н.Шульц перебрасывает своеобразный хронологический "мостик", считая, что "многие средневековые крепости и замки возникли непосредственно на местах таврских укреплений и унаследовали от них некоторые строительные приемы" [1959, с. 257]. В кладке стен многих исаров он видит "старую таврскую традицию" [1959, с. 257].

В конце 50 — начале 60-х годов А.М.Лесковым была подготовлена первая обобщающая работа, посвященная изучению истории и культуры таврских племен, "Горный Крым в I тыс. до н.э." [1965]. Рассуждения Лескова по поводу таврских укреплений, расположенных на Южном берегу, не отличаются оригинальностью, потому что практически дословно повторяют уже сказанное П.Н.Шульцем [1965, с. 29—48]. Лесков продолжал отстаивать таврское происхождение некоторых укреплений, зная, что эта концепция не находит себе подтверждения в конкретном археологическом материале, полученном даже при его исследованиях. Во время работ Лескова на г.Крестовой (Алупка-Исар) в 1957 г. обнаружены "остатки средневекового жилища, тогда как таврских материалов не оказалось" [1965, с. 42]. Но автор делает противоположный вывод: "Очевидно, подобно другим укреплениям Южного берега Крыма Крестовая служила убежищем для близживущих тавров..." [1965, с. 42]*.

М.А.Тиханова, не занимаясь детальным обследованием пещерных городов Юго-Западного Крыма, пыталась объединить эти памятники, включив их в единую систему, построенную якобы по распоряжению императора Юстиниана I для защиты готов [1953, с. 319—333]. При этом она неверно трактует точку зрения П.И.Кеппена о длинных стенах Прокопия, которые он будто бы видел в линии городов-крепостей [1953, с. 320]. Опять воскресает идея линейной обороны, только теперь она переносится в Юго-Западный Крым и делится на два отрезка Таврического лимеса. Первый, по мнению М.А.Тихановой, вытянут с запада на восток (Мангуп, Эски-Кермен, Шулдан (? — В.М.), Инкерман) и закрывает крупные горные проходы, а второй перпендикулярен первому и направляется с юго-запада на северо-восток (Сюйрен, Качи-Кальон, Тепе-Кермен, Чуфут-Кале). Основное назначение этих двух линий обороны, сооружение которых относится еще к доюстиниановскому времени, по М.А.Тихановой, — защита территории Херсонеса [1953, с. 324].

Все эти рассуждения основываются на плохом знании топографии памятников юго-западной части полуострова и были подвергнуты справедливой критике со стороны Е.В.Веймарна [1958] и Домбровского [1968, с. 71—75]. Но их мнение не нашло широкой поддержки, и в византиноведческой литературе продолжало бытовать представление о Таврическом лимесе, якобы уже открытым советскими археологами в Юго-Западном Крыму [Артамонов, 1962, с. 193; Удальцова, 1969, с. 131]. Поэтому Е.В.Веймарн вынужден был еще раз вернуться к этому вопросу [1973, с. 255—257].

А.Л.Якобсон, придерживавшийся первоначально точки зрения М.А.Тихановой, все-таки пришел к заключению, что "пещерные города" не являются длинными стенами Прокопия, но продолжал настаивать на локализации их в Юго-Западном Крыму [Дашевская, Якобсон, 1961, с. 290; Якобсон, 1964, с. 12, прим. 41]. Занимаясь в конце 50 — начале 60-х годов изучением раннесредневековых сельских поселений Юго-Западного Крыма А.Л.Якобсон провел и обследование крепостей, которые он также считал раннесредневековыми (VIII—IX вв.): в Байдарской долине (1958) — дв

* Столь подробное рассмотрение "таврской концепции" происхождения укреплений Таврики сделано преднамеренно, потому что она, не имея под собой достоверных оснований, прочно утвердилась в научной литературе [Ильинская, Тереможкин, 1986, с. 171—172; Махнева, 1988, с. 129, 135—136, и др.].

укрепления в районе с.Новобобровка, на Пампук-Кая раскопана трехал-сидная церковь (1960—1961), небольшие работы проведены на Кыз-Кермене (1961—1962) [1964, с. 47—49; 1970, с. 103—110; 176]. Следует отметить, что Якобсон занижал даты строительства многих укреплений Таврики. Например, памятники XIII—XIV вв. Керменчик, Качи-Кальон, Сандык-Кая он относит к X в. [1970, с. 14, 16, 171]. Тепе-Кермен он вообще не считал укреплением и называл "полупещерным монастырем" [1964, с. 32, 51, 52, 102]. Возникновение замков в Горном Крыму он относит то к XI—XII, то к XIII—XIV вв. [1970, с. 14, 176—177]. Большую же часть городищ Якобсон называет "крепостями-убежищами", связанными с синхронными поселениями [1970, с. 169]. Сама идея верна, но памятники, выбранные для исследований, датированы Якобсоном неверно, отчего рассуждения о социальном характере того или иного укрепления, утрачивая конкретный смысл, носят отвлеченный теоретический характер [1970, с. 169—177].

Не будучи последовательным в датировках и исторической характеристике отдельных памятников, А.Л.Якобсон достаточно ясно сформулировал социально-историческую концепцию возникновения укреплений Таврики. Он считал, что в VI—VII вв. крепостное строительство в Крыму вела византийская администрация, в VIII—IX вв., когда ослабла власть Византии, возникают крепости-убежища и укрепленные поселения, построенные общинниками для своей защиты, а уже в XIII—XIV вв., при достижении зрелости феодальных отношений, строятся замки [1970, с. 176—177]. Но А.Л.Якобсон лишь в общих чертах намечает основные этапы крепостного строительства в Таврике, что в некоторой степени отражало процесс развития феодальных отношений [1970, с. 177].

В 50—70-е годы появилась серия работ Е.В.Веймарна, в которых он пытается теоретически обобщить историю пещерных городов [1953; 1955; 1958, с. 71—79; 1958б, с. 55—62; 1958а, с. 7—62; 1965, с. 146—147; 1968, с. 45—77; 1971, с. 61—65; 1973, с. 255—257; Веймарн, Лобода, Пиоро, 1974, с. 123—139]. В статье "Пещерные города" Крыма в свете археологических исследований 1954—1955 гг." Веймарн дает своеобразную трактовку характера и причин возникновения этих памятников. Укрепления он делит на две группы: большие и малые. К малым городам (площадью от 1 до 2 га) Веймарн относит Каламиту, Тешкли-Бурун, Сюйрен, Тепе-Кермен, Баклу, а к большим (площадью от 10 до 90 га) — Эски-Кермен, Кыз-Кермен, Чуфут-Кале, Мангуп. Если следовать логике рассуждений Веймарна, то складывается впечатление, что первоначальные размеры памятника (точнее, размер возвышенности, на которой он располагался) определяли его судьбу в дальнейшем. Малые крепости, например, в будущем могли стать только феодальными замками, а большие города возникали на торговых путях к Херсону [1958, с. 76—77]. Но основной причиной строительства крепостей, по мнению Е.В.Веймарна, является развитие феодальных отношений (V—VII вв.! — В.М.) в среде местного населения [1958, с. 75—79; 1965, с. 146—147; 1973, с. 256—257].

Подобную попытку выйти на социально-историческую характеристику памятников следует признать неверной. Развернутая критика всех положений этой статьи Е.В.Веймарна дана А.Л.Якобсоном [1970, с. 175—176]. Позже Веймарн еще раз возвращается к этому вопросу, не отвечая на замечания своего оппонента, и повторяет все ранее сказанное [1973, с. 256—257]. Причем на этот раз в группу малых "пещерных городов" попадает и укрепление Пампук-Кая, на котором никогда не было искусственных пещерных сооружений [1973, с. 257].

Упомянутые работы Е.В.Веймарна вызвали определенный отклик в литературе. В 1961 г. вышла статья Д.Л.Талиса "Некоторые проблемы истории средневековой Таврики и литература последних лет", где автор исследует взгляды Веймарна на происхождение пещерных городов, но не излагает своей концепции [1961, с. 241—244]. Сделано это было им позднее

в работе, подводящей итог его многолетних исследований в Крыму, "Обзорные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник" [1974, с. 84—113]. В ней Талис ограничивается анализом восьми крепостей, относящихся к группе пещерных городов. В основу типологии он кладет топографический признак. К первому типу отнесены укрепления, расположенные на отдельно стоящих столовых горах (Эски-Кермен, Тепе-Кермен, Мангуп-Кале); ко второму — памятники, плато которых еще не успели отделиться и соединены с основным массивом узким перешейком (Чуфут-Кале, Сюйрен, Кыз-Кермен); к третьему — с трех сторон защищенные стенами, с четвертой — ограниченные обрывами (Каламита, Бакла). Начало крепостного строительства он относит к V в. н.э. и связывает его с ростом гуннской опасности. Инициатором этого строительства выступает византийская администрация и только в одном случае (Бакла) укрепление возведено общинниками для своей защиты в качестве убежища [Талис, 1974, с. 112—113]. По мнению Талиса, именно топографическое положение памятника определяло его социально-историческую функцию. Так, например, Каламиту и Баклу он считает убежищами только потому, что они не могли "господствовать" над окружающей местностью, а это якобы противоречит функциям, которые должны были выполнять византийские укрепления. Упрекая своих предшественников в отсутствии дифференцированного подхода при освещении истории памятников, он тем не менее становится на сторону тех, которые видели в пещерных городах созданный Юстинианом Таврический лимес, исключая из системы этих укреплений только Баклу [1974, с. 103].

В рассуждениях Д.Л.Талиса много спорного. Во-первых, для анализа он почему-то берет только восемь крепостей из 34 известных в этом районе Горного Крыма. О существовании других памятников он даже не упоминает и не оговаривает, чем определен его выбор. Во-вторых, критерий для типологии выбран неудачно. Крепость строили в соответствии с данными ландшафта, выбирая наиболее удобное для этого место. В-третьих, датировка укреплений построена не на конкретном археологическом материале, а на предположении о возникшей в V в. н.э. гуннской опасности.

С 1953 г. в Крыму начинает проводить самостоятельные обследования различных памятников геолог Л.В.Фирсов. Впоследствии к экспедиционным работам его привлекал П.Н.Шульц, всячески способствуя им, несмотря на то, что Фирсов иначе рассматривал проблему происхождения крымских исаров, справедливо считая, что тавры никогда не строили крепостей [1970, с. 7]. Кроме того, "увлечение исарами, как возможными сооружениями тавров, не только не способствовало освещению различных сторон таврской культуры, но причинило этому определенный вред, уведя исследователей по ложному пути..." [1970, с. 7]. На протяжении нескольких лет Л.В.Фирсов проводил тщательные обследования "таврских" крепостей, чем в значительной степени способствовал изменению бытовавшего тогда мнения. В "циклопических" кладках стен многих городищ (Алупка-Исар, Лимена-Кале, Палеокастрон, Бюк-Исар, Ильяс-Кая и др.) был найден известковый раствор. Оказалось, что нижняя стена Харакса сложена на растворе, подобном раствору кладки терм, и следовательно, построена не таврами, а римлянами [Фирсов, 1963, с. 1—43, рис. 1—13; 1967, с. 217—218].

В целом наблюдения Л.В.Фирсова интересны, хотя и не со всеми его положениями и выводами можно согласиться, прежде всего в вопросах датировки. Фирсов определял время бытования укреплений VI—XIII вв., сужая иногда — до VI—X и даже VIII—X вв. [1970, с. 28], основываясь не на археологическом материале, а на свидетельствах Прокопия и Рубрика. Правда, для некоторых памятников Фирсов делает исключение, например укрепление Исар-Кая (у горного прохода Шайтан-Мердвен) он датировал в широких пределах IX—XV вв. Разрушение этого памятника относил к XV в.

и связывал с захватом Южнобережья генуэзцами и карательной экспедицией Карло Ломелино 1434 г. [1974, с. 108]. Наши раскопки 1979—1980 гг. показали, что это укрепление является однослойным памятником XIII в. [1987, с. 228—245].

Значительный вклад в дело изучения укреплений Таврики внес О.И.Домбровский. Начиная с 1955 г. им проводились обследования отдельных районов и памятников первоначально Юго-Западного, а впоследствии и Южного берега Крыма. К середине 50-х годов о большинстве городищ бытовали устаревшие представления, а некоторые еще не были найдены (после упоминаний П.И.Кеппена, В.Х.Кондараки, Е.Л.Маркова). Сторонник "средневековой" концепции происхождения крымских исаров О.И.Домбровский много сделал для освещения социально-исторической роли этих памятников. Именно такой подход предопределил изменение представления об этих укреплениях как памятниках таврской поры. В 1955—1956 гг. им проведено обследование Бойки, Сюрю-Кая, Пампук-Кая, Сарымамбаш-Кермен, развалин стен на перевалах Главной гряды и др. С 1958 г. начинается исследование Гурзуфской крепости, а в 1961—1962 гг. ведутся раскопки на Гаспринском исаре, Басмане, в 1963 г. — на Аю-Даге и Кошке, в 1964 г. на Пахкал-Кая и Фуне [1961, с. 155—167; 1963, с. 25—32; 1966; 1968, с. 3—8; 1968а, с. 83—96; 1972; 1974, с. 3—56; 1975, с. 467—476; 1986, с. 518—535]. В связи со строительством новой дороги Ялта — Севастополь на Южнобережье под руководством О.И.Домбровского в течение нескольких лет (1965—1969) проводятся широкомасштабные исследования. Общие итоги проведенных работ Домбровский подводит в статье "Средневековые поселения и "исары" крымского Южнобережья" [1974, с. 3—56]. Анализируя фортификационные сооружения крепостей, сравнивая их устройство и размеры, О.И.Домбровский подразделяет укрепления на четыре типа, отмечая при этом, что "встречаются и промежуточные, совмещающие в себе черты двух или нескольких основных" [1974, с. 45]. К первому типу им относятся византийские приморские крепости. Ко второму — укрепленные монастыри "провинциально-византийского образца". По мнению Домбровского, к "наиболее раннему и чисто местному типу" принадлежат убежища сельских общин. Некоторые из этих памятников постепенно застраиваются, образуя укрепленные поселения, а другие упраздняются. Памятники четвертого типа — замки светских феодалов, появляющиеся в период зрелого средневековья, выделяются по наличию жилой башни-донжона. Эта группа крепостей подразделяется им на мелкие (с одной линией крепостных стен) и укрепления с цитаделью, обособленной от посада. О.И.Домбровский полагает, что замки первого вида несли сторожевую службу на границах владений крупных феодалов, которым принадлежали большие замки [1974, с. 46—47].

Строительство южнобережных крепостей О.И.Домбровский считает результатом длительной политики Византии по "захвату и закреплению за собой всего побережья между Херсоном и Боспором" [1974, с. 44]. В расположении крепостей он видит две линии: одни стоят непосредственно над морем, а другие — между морем и обрывами Главной гряды. По его мнению, крепости "среднегорной" полосы принадлежали князьям Феодоро и должны были сдерживать стремление генуэзцев овладеть всем Поморьем [1974, с. 44—46].

Таким образом, у О.И.Домбровского мы видим совершенно новый подход к решению вопроса о социально-исторической роли укреплений Горного Крыма. Через призму архитектурно-археологических данных автор стремится выделить те социально-политические силы, которые участвовали в крепостном строительстве. В этом отношении сближается с точкой зрения О.И.Домбровского и концепция А.Л.Якобсона.

Но недостаточная изученность памятников приводит О.И.Домбровского к ошибкам частного характера, повлиявшим и на выводы общего порядка.

Слабая разработанность вопросов датировок укреплений заставляет его не померно расширять хронологические рамки существования укреплений. В результате чего разновременные оборонительные сооружения сосуществуют на протяжении практически всего средневековья, иногда перманентно перерастая из одного в другое. Таким образом, выстраиваются в две противостоящие друг другу в XIV—XV вв. линии крепости, которые были разрушены еще в XIII в. и более не восстанавливались (Шайтан-Мердвен, Алушка-Исар, Гаспра-Исар, Палеокастрон, Кобоплу, Кафель, Сераус, Пахкал-Кая и др.). И если убрать с археологической карты эти памятники, то "система противостояния" распадается. О.И.Домбровский почему-то считает укрепленные убежища чисто местным типом памятников. Именно общинные убежища и были широко распространены на территории Византии с раннего средневековья [Липшиц, 1958, с. 25—26; Яковсон, 1970, с. 176]. Замки О.И.Домбровский хотя и относит к периоду зрелого средневековья (XIII—XIV вв.), но почему-то в большинстве случаев почти всегда датирует X—XV вв. Поселения и укрепленные монастыри возникают, по его мнению, в VIII—X вв., в то время как материал с этих памятников датируется концом IX—X вв., а закрытые комплексы — исключительно X в.

Уже к началу 70-х годов начинает ощущаться недостаток, с одной стороны, обобщающих работ, а с другой — материала, на котором они могли бы быть созданы. Постепенно в горной части полуострова разворачиваются систематические исследования ряда укреплений. В.Е.Рудаковым (1972—1980) ведутся раскопки на Бакле [1975, с. 20—32; 1979, с. 105—111; 1981, с. 73—83; 1984, с. 35—56], А.Г.Герценом (1974—1986) изучаются оборонительные сооружения Мангупа [1983, с. 88—104; 1984], И.А.Барановым (1977—1989) проводятся работы в Судакской крепости [1979, с. 297; 1981, с. 228—229; 1988, с. 81—96], А.В.Белым (1980—1985) исследуется городище Кыз-Кермен [1986, с. 213], Ю.С.Ворониным (1978—1980) — Скуйренская крепость [1979, с. 313—315], Е.А.Айбабиной — Каффа [1988, с. 67—80]. Автором начиная с 1977 г. обследовались малоизученные горные урочища. В результате этих разведок получен не только дополнительный материал об уже известных памятниках, но и открыто десять новых, ранее неизвестных укреплений. Со временем разведывательные работы заменяются стационарными раскопками: исследуются городища Исар-Кая (1979—1980), Пампук-Кая (1980), Фуна (1980—1986) и Алустон (1984—1989) [Мыш, 1979, с. 376—377; 1981, с. 288—289; 1986, с. 278—279; 1987, с. 228—245; 1988, с. 97—115]. На некоторых памятниках раскрытые раскопками площади достигают значительных размеров: Алустон — 2500 м², Фуна — 2000 м².

Завершая историографический обзор, мы видим, что в исследовании средневековых укреплений Горного Крыма можно условно выделить пять хронологических этапов, для которых характерны отличия в подходе к их изучению. Первый этап можно охарактеризовать как академический. Он начинается в конце XVIII в. работами Тунманна (1784) и П.С.Палласа (1794) и заканчивается выходом в свет труда Ф.Дюбуа де Монпере (1843). Представителями академических кругов были составлены лаконичные и, как правило, строго научные описания памятников. Причем индивидуальные характеристики укреплений даются на широком историческом фоне и носят исследовательский характер. Многие из того что было написано в свое время Тунманном, П.С.Палласом, К.Э.Келлером, П.И.Кеппеном, Ф.Дюбуа де Монпере, легло в основу изучения средневековой истории Крыма и не утратило своего значения до сих пор.

Второй этап (40—80-е годы XIX в.). К концу 40-х годов XIX в. интерес академических кругов к укреплениям Горного Крыма ослабевает. Исследовательскую функцию на себя берет группа местных краеведов, внесших определенный вклад в дело изучения памятников средневековой Таврики. Особо плодотворными были изыскания А.Я.Фабра, Г.Э.Караулова, М.А.Сос-

ногоровой-Славич, В.Х.Кондараки, Е.Л.Маркова. Для работ отдельных краеведов характерно критическое отношение к творческому наследию представителей академических кругов, а также стремление заполнить "белые пятна" на археологической карте полуострова. А.Я.Фабром и В.Х.Кондараки был открыт ряд ранее неизвестных укреплений. Но в целом краеведческий этап отличает стремление к популяризации исторических знаний при снижении общего научного уровня исследовательских работ. В области теоретического осмысления причин и времени возникновения укреплений Горного Крыма краеведы следуют за своими предшественниками.

Третий этап (80-е годы XIX — 30-е годы XX в.) в изучении укреплений Горного Крыма начинается с выхода в свет трудов А.Л.Бертье-Делагарда. Впоследствии этим талантливым исследователем издается ряд работ, которым было суждено значительно изменить сложившееся представление об истории средневековой Таврики как средоточия христианских реликвий и святых мест. В конце XIX — начале XX в. в исследование горных крепостей включаются представители научных кругов (историки и археологи), что заметно улучшило изученность памятников. В этот период расширяется круг ученых, занимающихся обследованием крепостей. В разное время на городищах проводили работы Ю.А.Кулаковский, Р.Х.Лепер, Н.И.Репников и др. В этот же период начинаются раскопки крепостей. Третий этап характеризуется переходом к накоплению более точной, достоверной информации о памятниках, получаемой путем съемок, обмеров, фотографирования. Делаются первые попытки обобщить собранный материал на формально-типологическом уровне (Ю.А.Кулаковский, Н.И.Репников). В советский период намечается интенсификация процесса исследования различных городищ, внимание ученых привлечено к изучению пещерных городов. Создается первый историографический очерк по этой группе укреплений [Равдоникас, 1932, с. 5—106].

На четвертом этапе (конец 30 — 70-е годы) происходит переход от формально-типологического к социально-историческому освещению памятников (С.Н.Бибииков, О.И.Домбровский, А.Л.Яковсон). В это же время появляются и социологические концепции раннего развития феодальных отношений в Горном Крыму, в результате чего возникают замки в V—VII вв. (Е.В.Веймарн). Раскопки крепостей проводятся на относительно небольших площадях.

Значительную сложность вызывает датировка укреплений, которая строится на узкой археологической базе, что приводит к ошибочному мнению о длительном существовании многих памятников. Хронология крепостей зачастую основывается на искусственно привлеченных письменных источниках.

Пятый этап начинается в конце 70-х годов и характеризуется расширением площадей исследуемых памятников с целью получения данных по истории того или иного укрепления. Особое внимание уделяется датировке укреплений, вопросам экономики, социальной и политической истории населения средневековой Таврики. Обоснование дат строится в основном на закрытых комплексах. Но весь этот большой и ценный научный материал пока не опубликован, что и является одной из задач современного этапа исследования укреплений средневековой Таврики.

В исторической интерпретации крепостей Горного Крыма по ходу их исследования возникали различные направления, среди которых следует выделить три: древнее; античное; средневековое. М.А.Сосногорова пыталась связать появление некоторых фортификационных сооружений (мегалитов) в Горном Крыму с деятельностью населения эпохи бронзы. Г.Э.Караулов приписывал создание ряда крепостей киммерийцам. Но эти две точки зрения на древнейшее происхождение крымских крепостей не получили поддержки в научной литературе. Особо широкое распространение из "древнего" направления получила "таврская" концепция, основоположни-

ком которой являлся Ф.Дюбуа де Монпере. В той или иной степени эту точку зрения поддерживали в свое время Н.И.Репников, Н.Л.Эрнст, В.Н.Дьяков, а в 40—50-е годы последовательным приверженцем таврской концепции был П.Н.Шульц, в 60-е годы — А.М.Лесков.

Строительство некоторых средневековых укреплений Горного Крыма иногда ошибочно приписывалось грекам эллинистической поры: Кокия-Исар [Суров, 1942, с. 93—128], Загайтанское [Жеребцов, 1985, с. 38—45] или скифам (П.И.Кеппен, В.Н.Юргевич, Н.Л.Эрнст — Сарьмамбаш-Кермен). В "античном" направлении получила широкое развитие "римская" концепция (Ю.А.Кулаковский, Н.Л.Эрнст, В.Н.Дьяков, Н.И.Репников), которая приобретает наиболее завершенную форму, лишенную различных оговорок, в трудах В.Н.Дьякова. Исследования последних десятилетий показали, что увлечение "таврской" и "римской" концепциями происхождения крепостей Горного Крыма направили ученых по ложному пути, затормозив процесс их исследования.

Основным направлением в изучении времени и причин возникновения укреплений Таврики с конца XVIII в. было "средневековое" направление. В 50—70-е годы большая группа ученых (Е.В.Веймарн, О.И.Домбровский, В.Е.Рудаков, Д.Л.Талис, М.А.Тиханова, А.Л.Якобсон и др.) занималась разработкой важнейших вопросов истории горных крепостей. Благодаря их изысканиям и теоретическим разработкам сформировались современные взгляды на время и причины возникновения укреплений средневековой Таврики. Е.В.Веймарн, О.И.Домбровский, Д.Л.Талис, А.Л.Якобсон создали ряд обобщающих работ по отдельным группам памятников, в которых на современном научном уровне рассмотрены проблемы хронологии и типологии памятников, социально-историческая роль крепостей в жизни населения Крыма VI—XV вв. Эти материалы послужили надежной основой для создания настоящей работы, в которой автор сделал попытку обобщить опыт многолетних изысканий своих предшественников.

ГЛАВА II ФОРТИФИКАЦИЯ

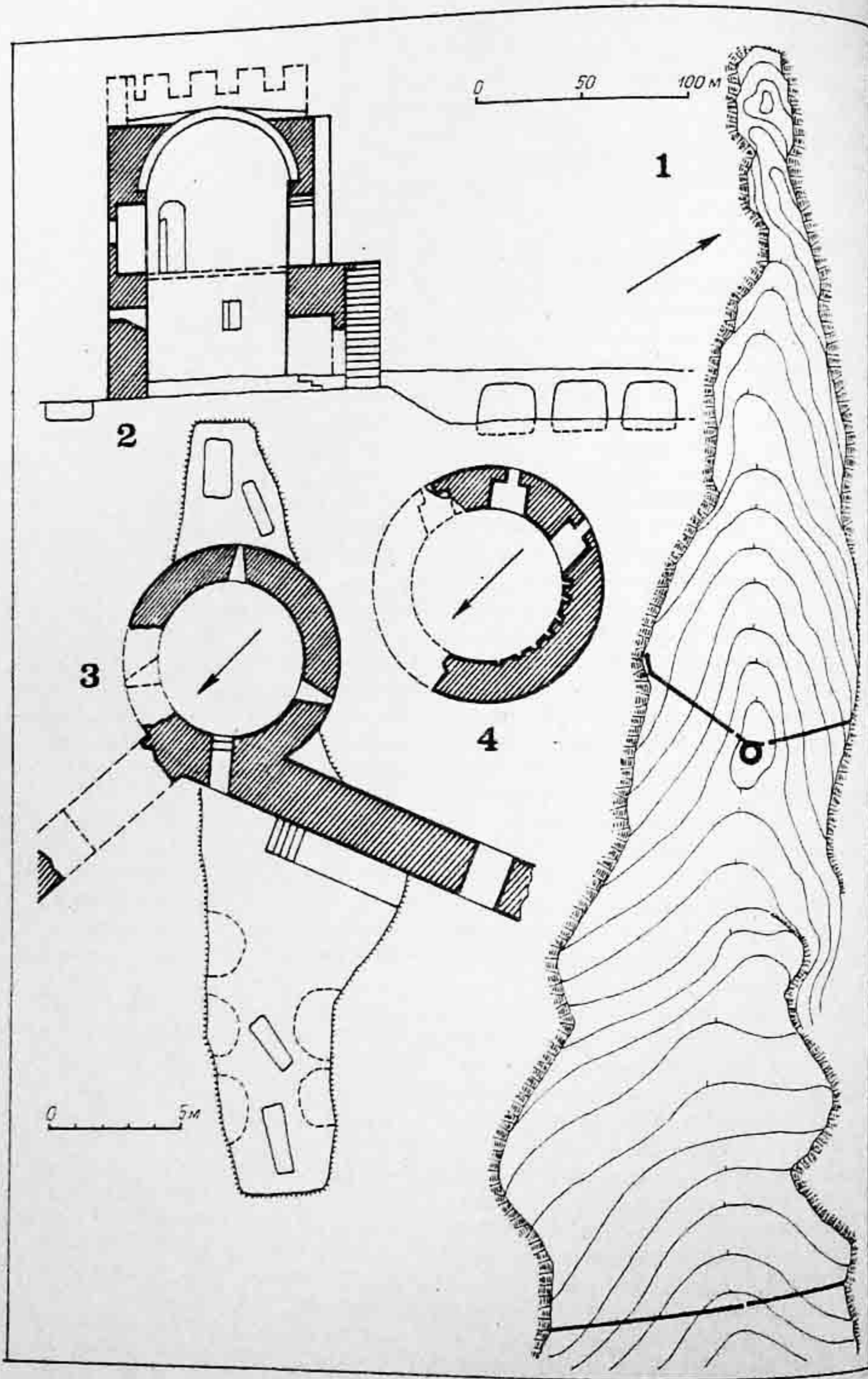
Истории развития фортификации средневекового Крыма посвящена обширная литература, но в ней освещаются в основном отдельные укрепленные поселения или группы памятников. Поэтому автор счел необходимым сделать беглый обзор истории развития оборонного зодчества Таврики на протяжении всего периода средневековья (VI—XV вв.), в котором рассматриваются: планировка оборонительных сооружений и внутрикрепостная застройка; формы башен и стен, их роль как основных элементов организации обороны крепостей; ворота, потерны, мосты, рвы, машикули; техника кладки и конструкция стен; состав строительных растворов; типология укреплений. Освещение материала приходится вести в более широком хронологическом диапазоне, потому что многие памятники, построенные в VI—X вв., продолжали существовать в XIII—XV вв.

Внутрикрепостная застройка. Одно время считалось, что на территории укреплений не было построек и население ими пользовалось только в случае военной опасности [Бертье-Делагард, 1899, с. 29—32]. Но исследования последних десятилетий показывают, что многие крепости были застроены довольно плотно и в них практически не оставалось свободного места. На первый взгляд застройка кажется хаотичной. Она, видимо, зависела от характера укрепления и в значительной степени от рельефа возвышенностей, на которых они строились. Некоторые укрепления (в основном приморские и крепости глубинных горных районов) — Каламита, Чембало, Алустон, Гурзуф, Сюйрен, Бакла — имели плотную застройку с улицами и переулками, которая сходна с планировкой средневековых городов (рис. 4—8). За пределами стен этих крепостей находились обширные пригороды (посады) с менее плотной застройкой, но также сходной с городской. Подобная схема — укрепленное ядро и почти вплотную примыкающее к нему не защищенное стенами поселение — характерна для "малых" городов Горного Крыма XII—XV вв.

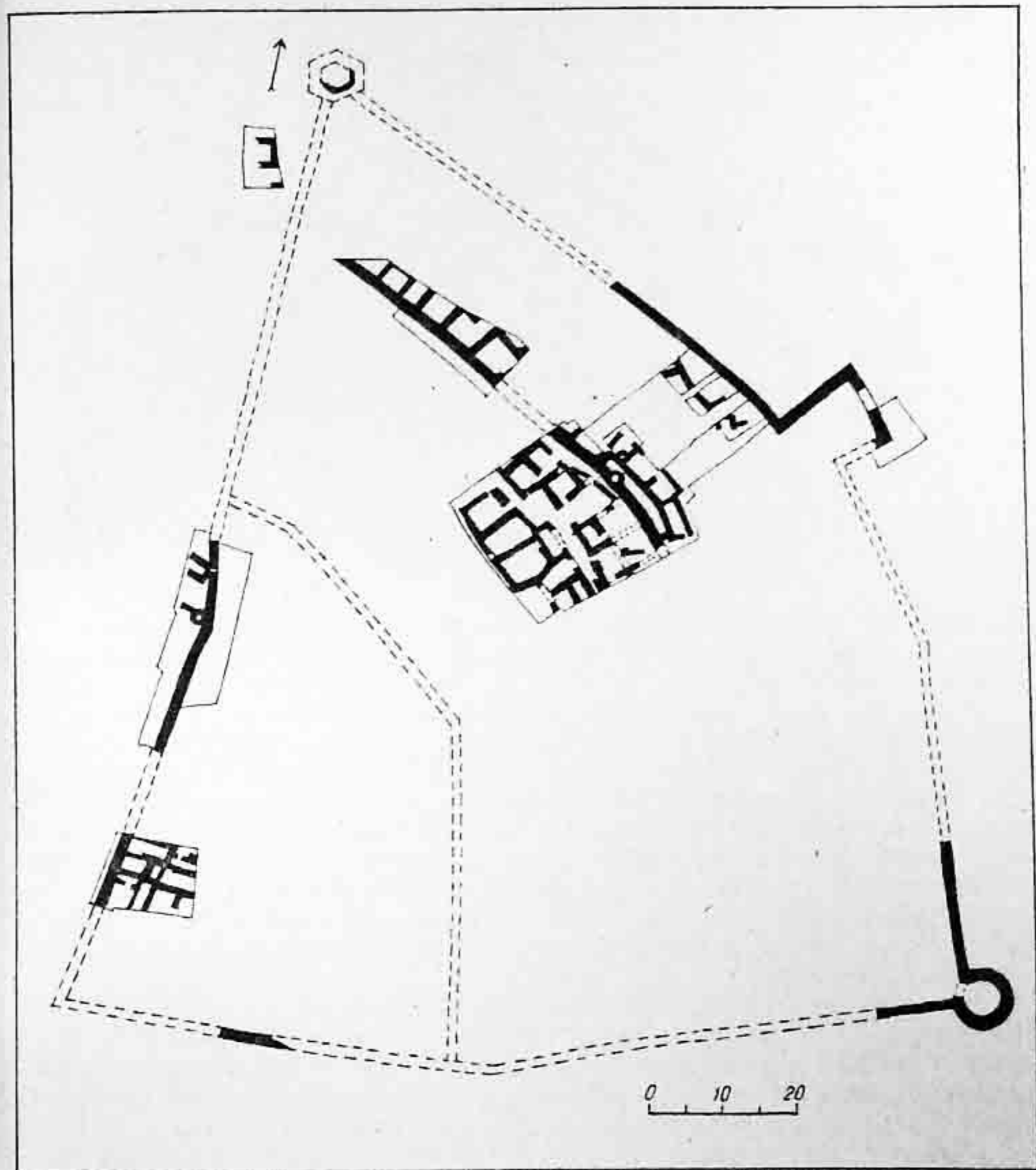
Количество построек, их размер и планировка внутри крепостей различны. Например, в укрепленных поселениях Сарьмамбаш-Кермен, Асаране-Бурун, Кастель и других число домов достигает 50—100. Но и укрепления X—XIII вв. значительны по своим размерам: от 2,5 до 7 га. В Алуште XIV—XV вв. на площади немногим более 1 га размещалось около 90 домов. Приведенные цифры показывают, что плотность застройки малых городов примерно в 3—3,5 раза выше, чем плотность застройки укрепленных сельских поселений (в городах в среднем на один дом приходится 138 м², а в поселениях — 475 м²). Во всех крепостях территория, защищенная стенами, использовалась экономно, постройки, как правило, небольших размеров, в плане имеют форму неправильных четырехугольников и часто состоят из одной, реже — двух или трех комнат площадью от 26 до 86 м². Многокамерные большие дома площадью 160—170 м² в укреплениях встречаются редко. Две такие постройки известны в крепости Сюрю-Кая и Исар-Кая (над Гаспррой) [Домбровский, 1974, с. 32, рис. 19] (рис. 9, 4; 10, 3).

Некоторое представление о быте и жилище феодалов дают материалы раскопок и архитектурного анализа дворца на Мангупе (площадь двухэтажного дворцового здания составляет 800 м²), цитадели Феодоро и донжона замка Фуна. Площадь трех этажей донжона Фуны составляет около

Р и с. 4. Сюрренская крепость: 1 – план укрепления (по Н.И.Репникову); 2 – продольный разрез башни; 3 – план нижнего этажа и примыкающих куртин; 4 – план второго этажа башни (по А.Л.Бертье-Делагарду).

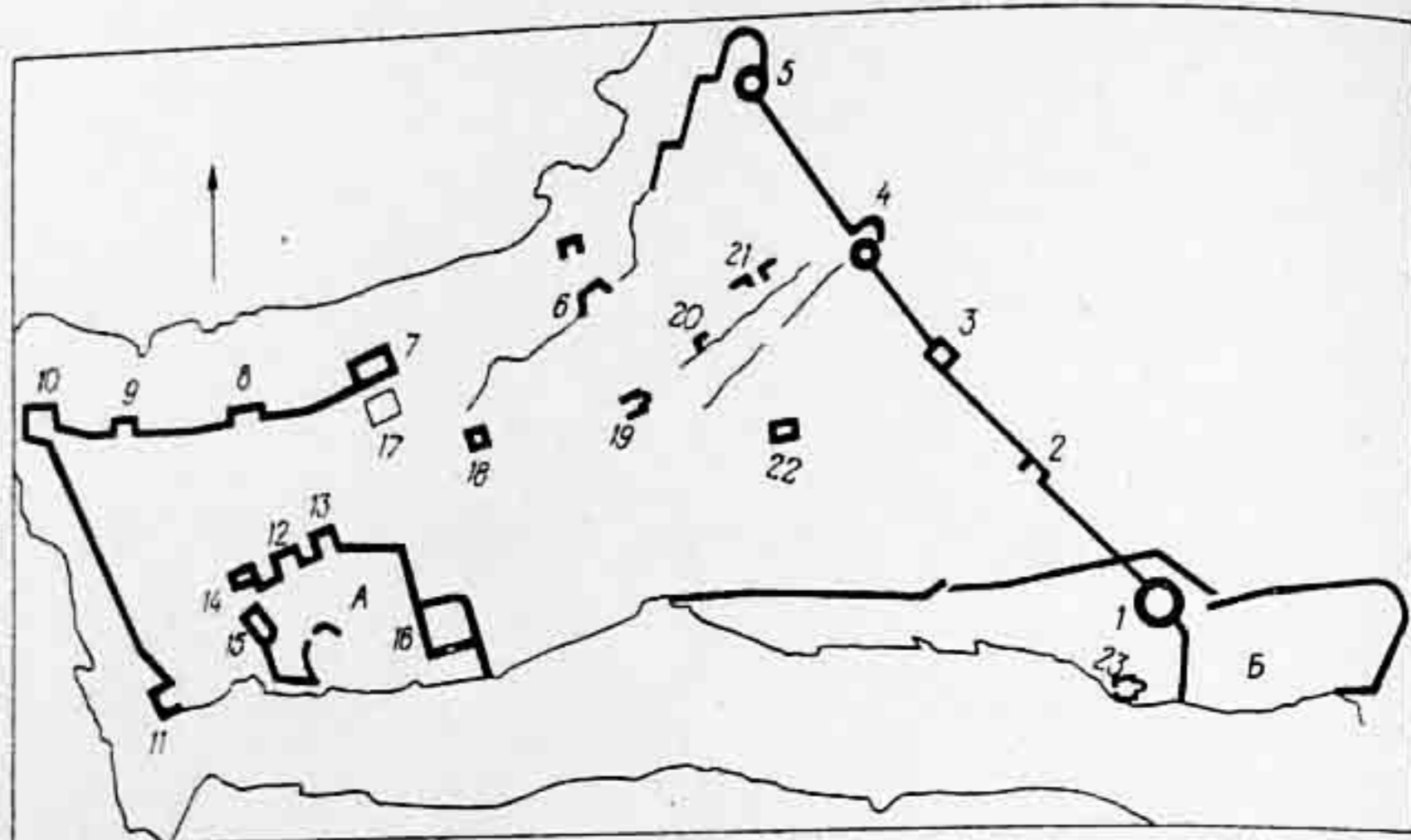

Р и с. 5. Крепость Алустон (по материалам раскопок 1984–1986 гг.).

180 м². Даже если учесть, что часть площадей использовалась в хозяйственных целях, это все равно больше, чем в строениях рядовых горожан и крестьян.

Планировка оборонительных сооружений средневековой Таврики практически всегда соответствует естественному рельефу местности и состоит из одинарной, двойной или тройной линии стен, усиленных башнями или без них. Строители крепостей Крыма стремились максимально использовать труднодоступность отдельных горных массивов, приспособив их к условиям обороны устройством куртин, боевых площадок, башен и проч. Для крымской фортификации укрепления с полным периметром стен крайне редки. Это города Херсон, Каффа, Солхат, Боспор; небольшие приморские укрепления Кордон-Оба, Алустон, Кале-Поти; сельские городища Асаране-Бурун, Долгая, Чирка-Каясы, Ласпинское, Бойкинское (Курушлюк III), Чатырдагское, Кольцеобразное на Аю-Даге. Во всех этих случаях защитные свойства местности были недостаточны и поэтому приходилось обносить стенами всю возвышенность, на которой располагалась крепость.

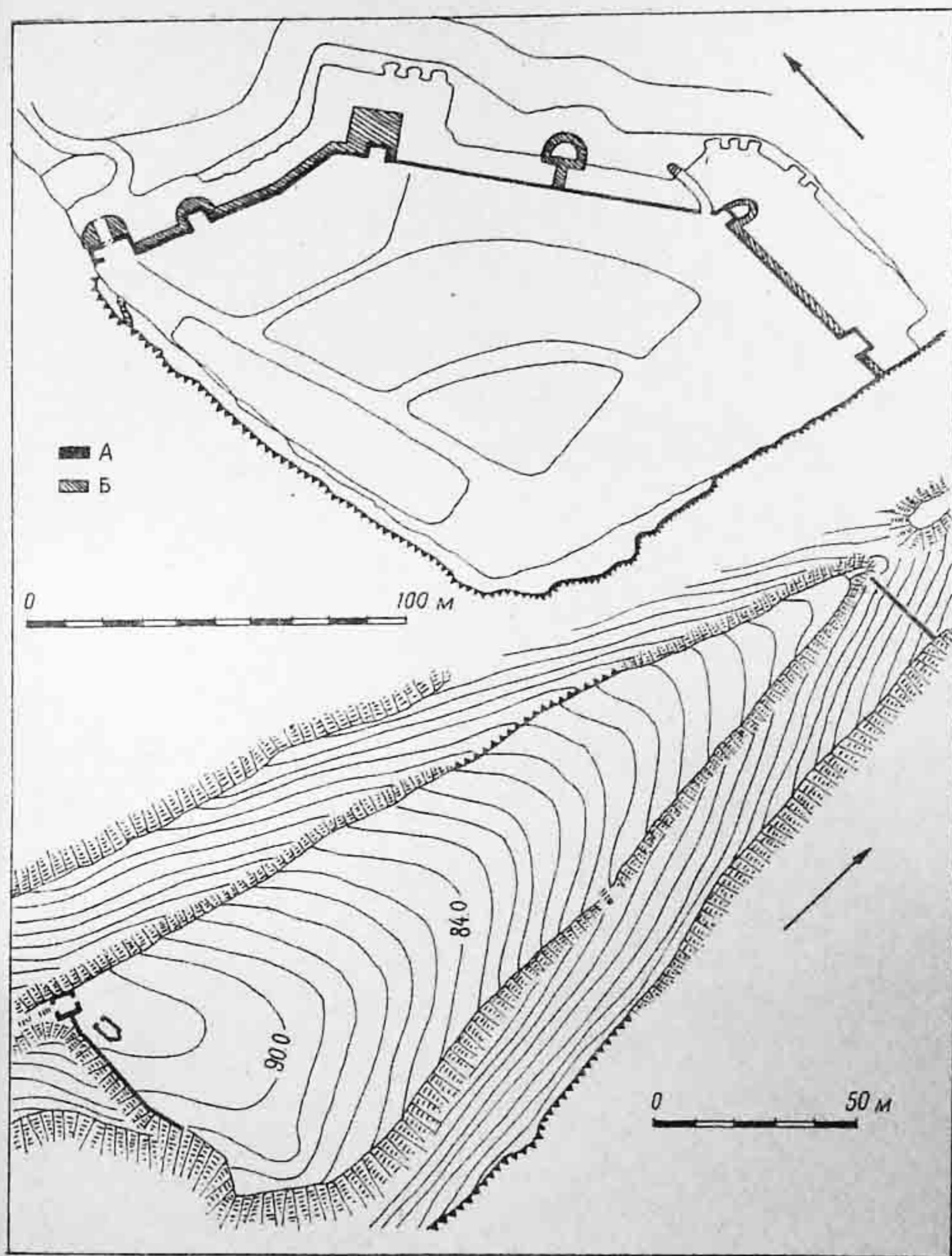
Р и с. 6. План генуэзской крепости Чембало XIV-XV вв.: А - замок св. Георгия; Б - замок св. Николая; 1-18 - руины оборонительных стен и башен; 19, 23 - руины храмов; 17, 18, 20-22 - остатки жилых и хозяйственных строений.

Двойную линию стен имели относительно большие и малые города-крепости Херсон, Каффа, Судак, Чуфут-Кале, Алустан, Тепе-Кермен, Гурзуф, Сүйрен (рис. 4; 5; 11, 6; 8, 2). Тройную систему оборонительных стен имели города Мангуп, Чембало, Солхат (?); замки - Сандык-Кая, Сюрю-Кая (рис. 10, 3; 12, 1). Как видим, сложная система фортификационных сооружений характерна для городов и крайне редко замков (два памятника этой группы скорее являются исключением, чем закономерностью). Почти во всех городах были цитадели, напоминающие по устройству феодальные замки, в которых жили правители городов или районов. На Мангупе это цитадель и княжеский дворец, в Чембало, Алуште, Солдае, Каффе - цитадели, где проживала аристократическая часть населения (рис. 13). В цитаделе Солхата, вероятно, находился дворец наместника, а впоследствии хана.

Приведенные примеры показывают, что планировка оборонительных сооружений городов в некоторой степени отражала их социальную структуру. В каждом городе находился хорошо защищенный особо привилегированный район, в котором обитала аристократическая часть населения, хранилась казна, припасы продовольствия, вооружение.

Цитадели, как правило, занимали возвышенную и труднодоступную часть, отдаленную от остальной территории городов. В некоторых случаях цитадель являлась наиболее древней частью, с которой начиналось развитие городов (Каффа, Чембало, Алустан, Гурзуф). Но иногда выделение цитадели из общегородской застройки происходило уже в условиях формирования феодального города. Ярким примером тому служит система обороны Мангупа, в котором постепенно обособляется "верхний город" (60-е годы XIV в.), а в начале XV в. возводится замок на мысе Тешкли-Бурун. Формирование Мангупа как феодального города и столицы небольшого княжества завершается в основном во время правления князя Алексея Старшего (1411-1446), когда им был построен дворец (1425) и цитадель (между 1425 и 1459 гг.).

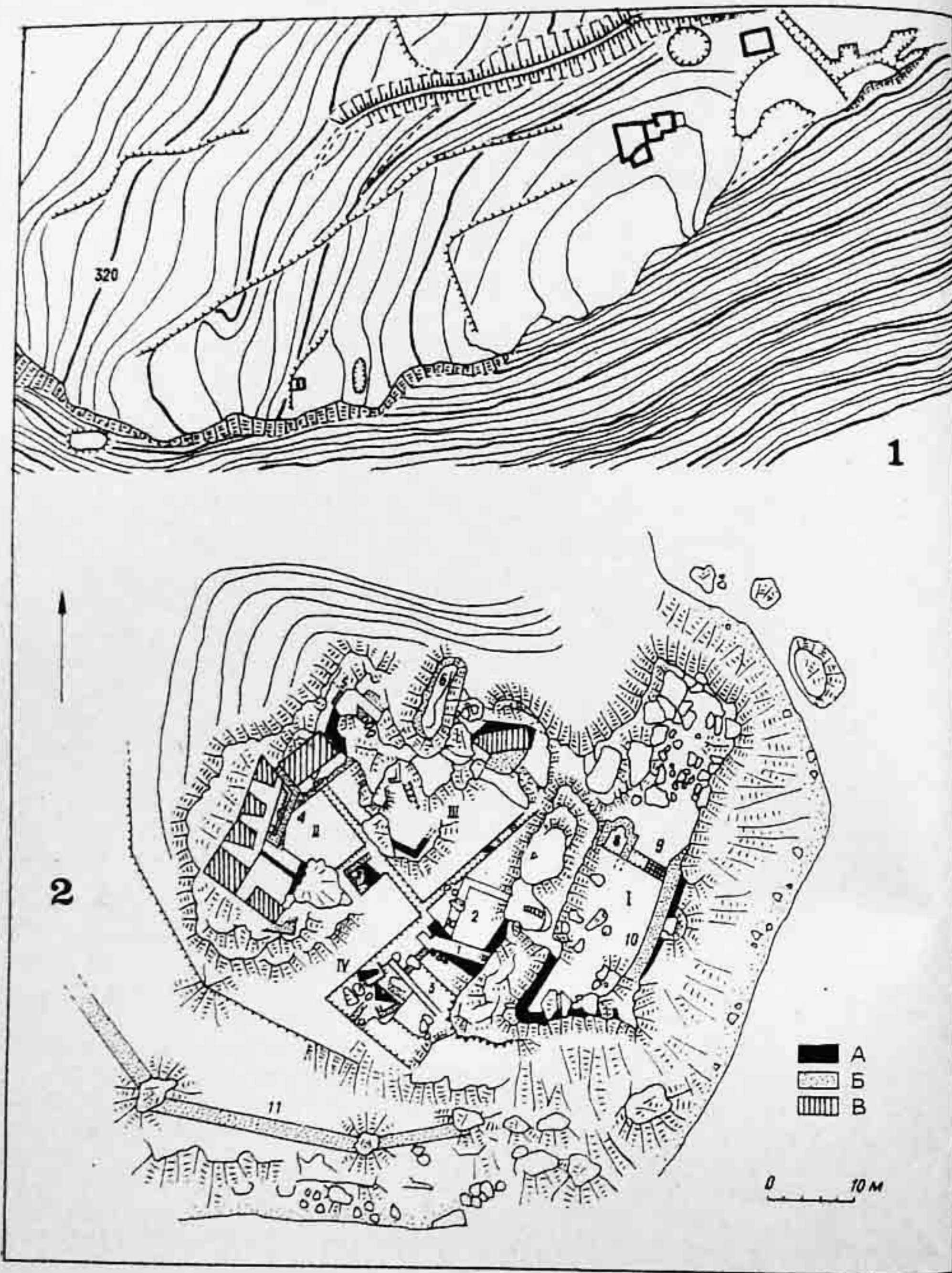
Центральное место в застройке укреплений занимают храмы. В большей части крепостей церкви строились небольших размеров, что может указывать на некоторую ограниченность круга лиц, молящихся в этих церквях (особенно в замках). На Кыз-Куле размеры храма 7,5 × 4,5 м, на Кипиа - 6 × 3,5 м, Биюк-Исаре - 4,7 × 2,7 м и т.д. (рис. 14, 6; 25, 3). Они представляют собой однонефные одноабсидные сооружения, ориентированные на северо-восток или восток (рис. 14, 4-11). Немногочисленные церкви

Р и с. 7. Укрепления Юго-Западного Крыма: 1 - Каламита-Инкерман - VI-XVII вв. (по А.Л.Бертье-Делагарду: А - феодоритский строительный период XV в. и Б - турецкий строительный период XVII в.); 2 - замок XIV-XV вв. Кыз-Куле.

монастырей отличаются от культовых построек большинства городищ своими размерами и архитектурой. Так, на Ильяс-Кая размеры храма 9,4 × 4,75 м, на Пахкал-Кая 9 × 6 м, на Пампук-Кая 9,8 × 8,5 м, Панеа 15 × 7 м. Монастырские церкви были однонефными одноабсидными (Пахкал-Кая, Ильяс-Кая, Ай-Тодор и др.) или трехнефными трехабсидными Пампук-Кая, Панеа (?) постройками (рис. 14, 2, 3, 9). Церковь на Пампук-Кая представляла собой небольшую базилику с тремя абсидами, причем южный неф был превращен в галерею, отделенную от наоса стеной [Якоб-

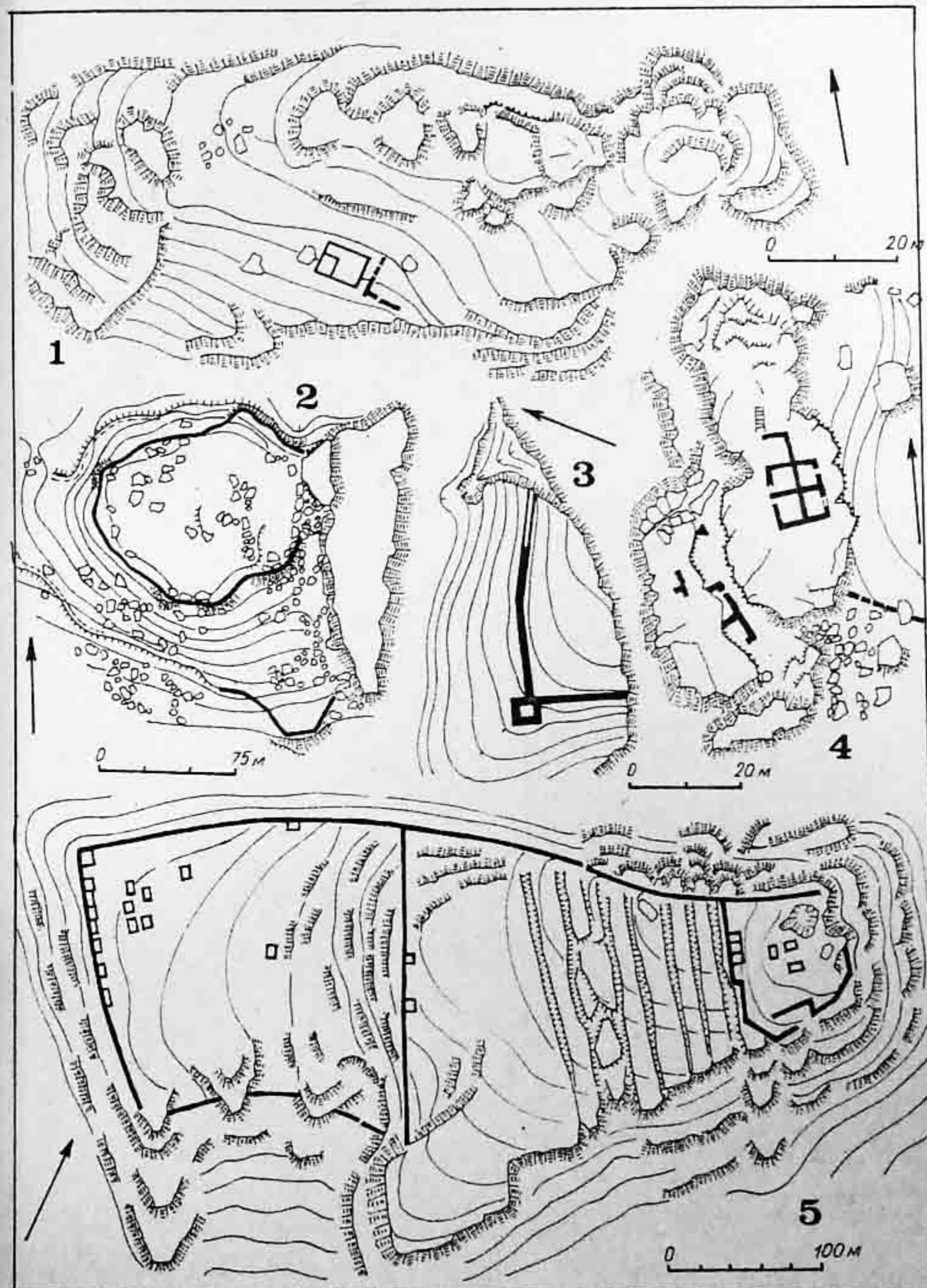

Р и с. 8. Византийские укрепления Таврики: 1 – Бакла; 2 – Гурзуф (по О.И.Домбровскому).

сон, 1970, с. 123, рис. 77]. Явление редкое в церковной архитектуре средневекового Крыма представляет собой храм замка Фуна (рис. 14, 11). Перестроенный в 1459 г. из надвратной башни, он сочетает в себе две функции: оборонительную и культовую. На втором этаже был устроен алтарь, а остальная часть является как бы продолжением двухэтажной композиции полукруглой башни. Собственно для богослужения использовался только верхний этаж, а нижний служил в качестве прохода в крепость (здесь же размещался и аркосолий с костницей).

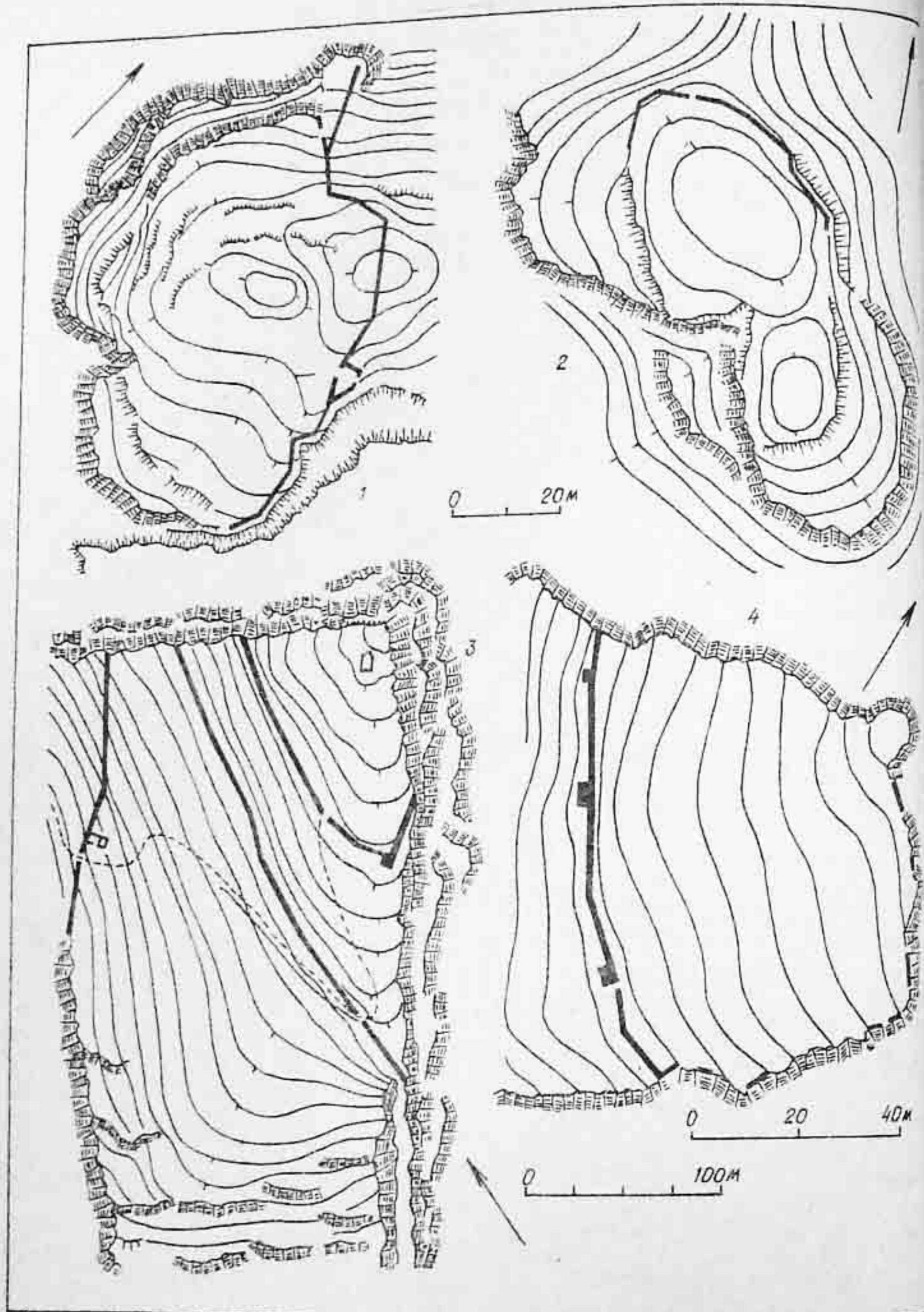
Стены храмов в большинстве случаев возводились из бута на песчано-

Р и с. 9. Югобережные укрепления X–XV вв.: 1 – Кастропуло; 2 – Ореанда-Исар; 3 – Ай-Тодор I; 4 – Гаспра-Исар; 5 – Алупка-Исар (по Л.В.Фирсову); 1, 2, 4 (по О.И.Домбровскому).

известковом растворе (иногда кладка велась на глине). Полы в церквях часто были земляными или же выстланы плитками песчаника (на Фуне пол храма был деревянный). Пол монастырской церкви в Панае первоначально был украшен мозаикой, а затем выложен плитками белого мрамора [Домбровский, 1974, с. 28, рис. 18]. Стены покрывались известковой штукатуркой с росписью.

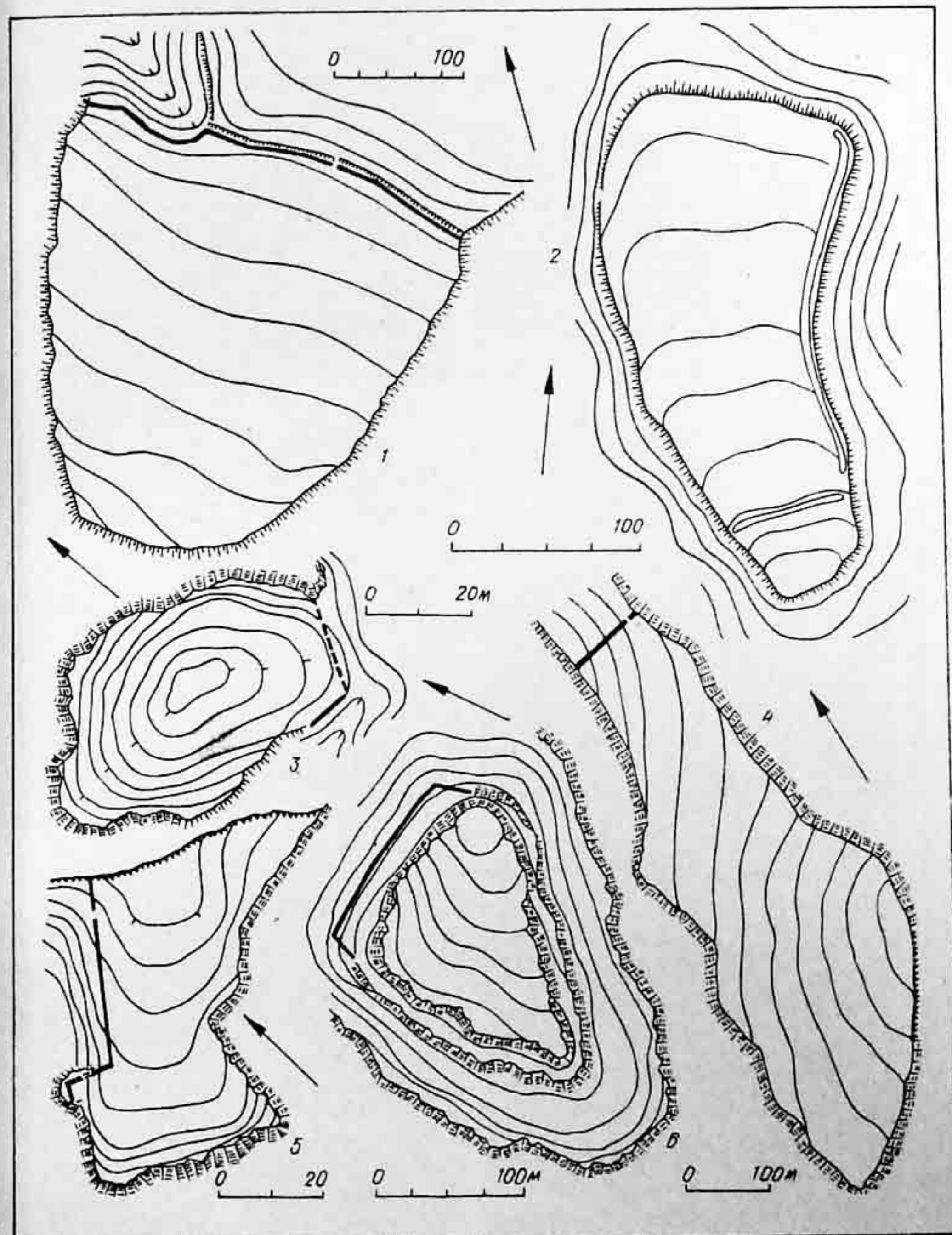

Р и с 10. Планы средневековых укреплений Юго-Западного Крыма: 1 – Курушлюк II; 2 – Курушлюк I; 3 – Сюрю-Кая; 4 – Сарджик (по Е.В. Веймарну).

Строительство культовых, бытовых и фортификационных сооружений указывает на высокий уровень строительного дела у средневекового населения Горного Крыма, которое находилось под сильным влиянием византийской культуры. В строительстве некоторых храмов и крепостей принимали участие византийские мастера, прибывшие, вероятно, из Херсона.

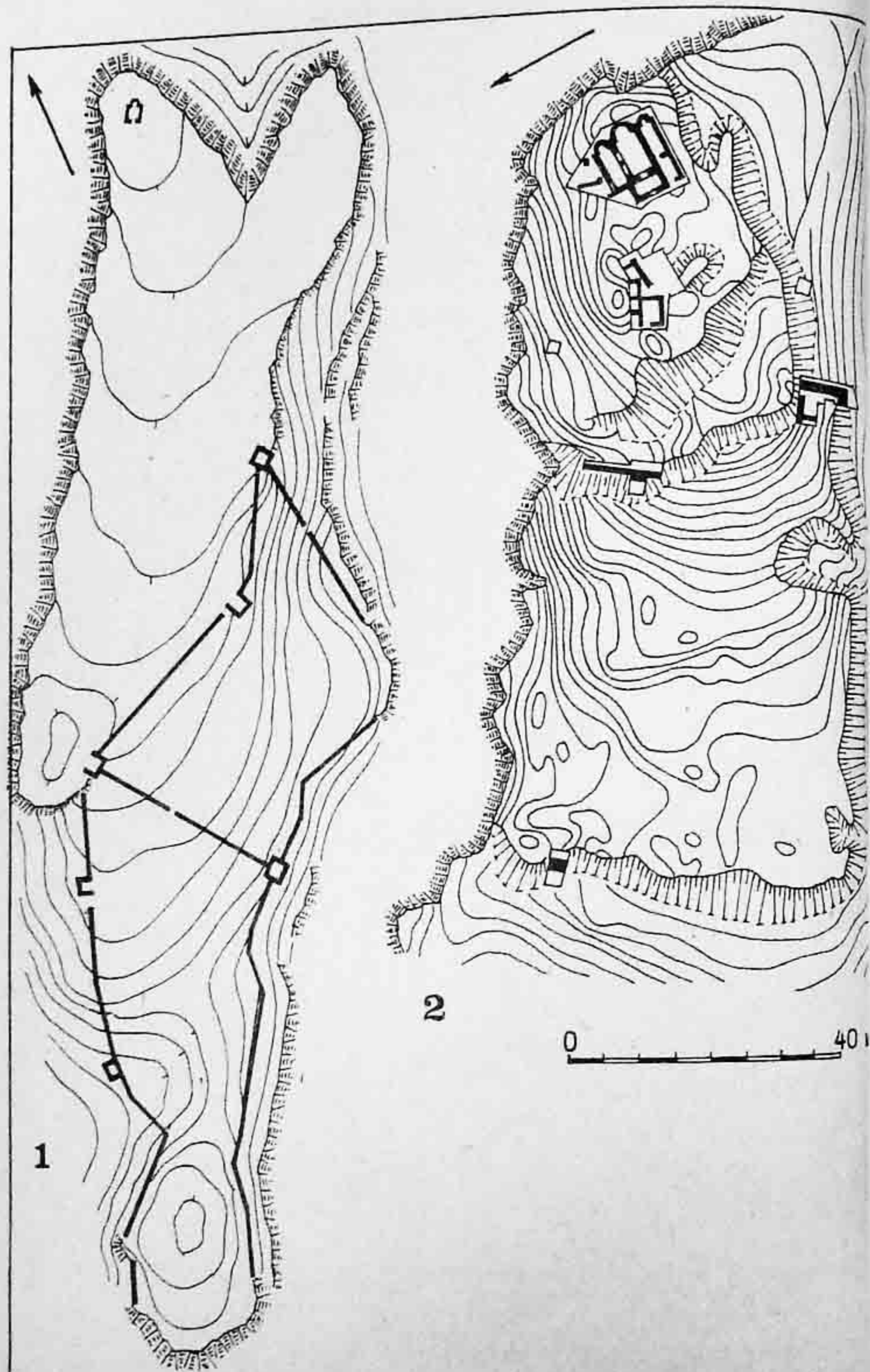
Башни и стены являются основными элементами организации обороны крепостей. Вспомогательную роль в некоторых случаях играли боевые площадки, размещавшиеся на скальных выступах возвышенностей и включенных в систему обороны крепостей, прикрытые парапетами или фашинами

Р и с 11. Городища Юго-Западного Крыма: 1 – Сарымамбаш-Кермен; 2 – Долгая; 3 – Кучук-Узеньбашский Исар; 4 – Кыз-Кермен; 5 – Качи-Кальон; 6 – Тепе-Кермен.

В защите пещерных городов значительной была роль казематов, вырубленных вдоль обрывов и заменявших собой башни и куртины. Башни всегда возводили на наиболее ответственных участках обороны и они выполняли многоплановую роль: с них вели фланговый и фронтальный обстрел, ликвидируя "мертвое" пространство перед куртинами, обеспечивали защиту ворот, в них хранили оружие, снаряжение, продовольствие, запас воды; на них несли дозорную службу. Иногда башни использовали для жилья. На наиболее мощных башнях или в них устанавливали метательные машины (баллисты), а с развитием артиллерии – пушки.

Р и с. 12. Укрепления Бельбекской долины: 1 — замок XIII—XV вв. Сандык-Кая; 2 — укрепление монастырь (?) X—XV вв. Пампук-Кая.

Раннесредневековые башни византийских крепостей сохранились плохо. Их руины выявлены при раскопках Херсона, Каламиты, Эски-Кермен, Мангула, Баклы. В большинстве случаев они прямоугольные, квадратные или круглые в плане и характерны для византийской и подражавшей

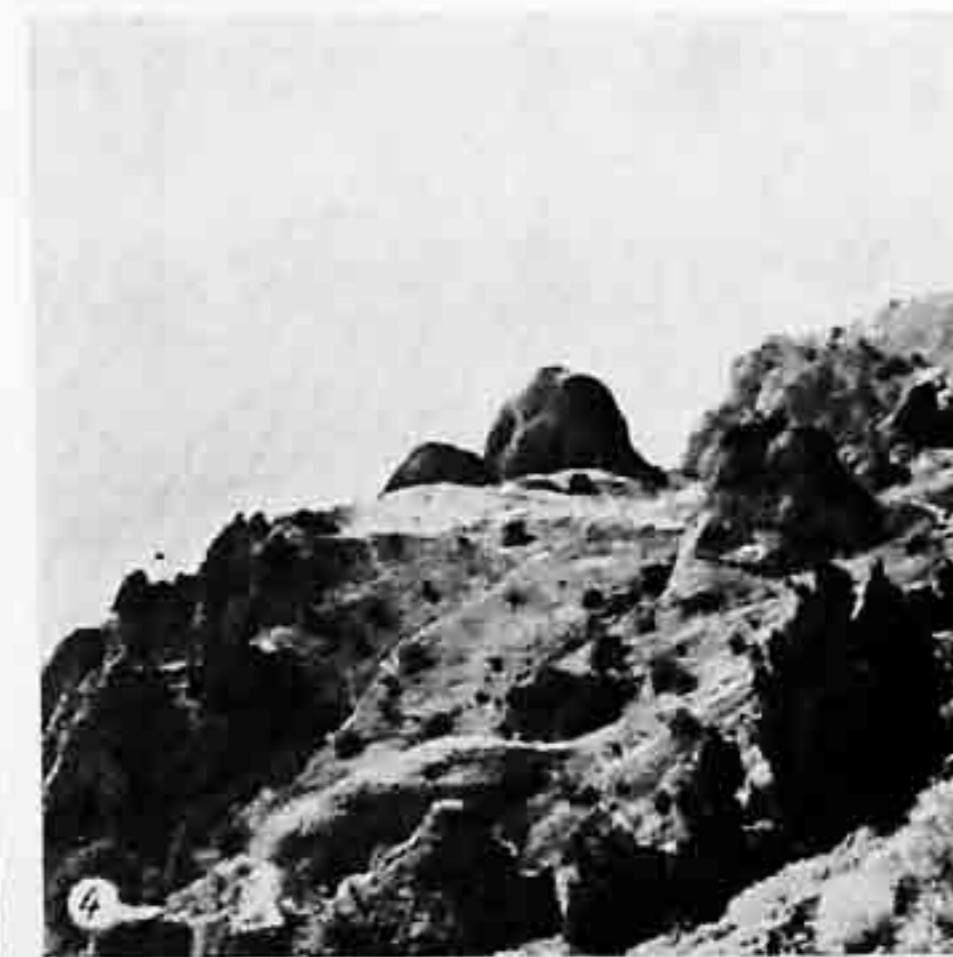

Фото 1. Укрепления Горного Крыма X—XIII вв.: 1 — укрепление Чунгур-Кая, вид с запада; 2 — крепость Кипна, вид с запада; 3 — укрепление Пахкал-Кая, вид с северо-востока; 4 — укрепление Демерджи II, вид с юго-востока; 5 — крепость Тепе-Кермен, вид с юго-запада; 6 — Загайтанская скала, вид с северо-запада.

Фото 2. Укрепление Лимана-Кале (г. Кошка): 1 — общий вид со стороны шоссе Ялта—Севастополь; 2 — оборонительная стена, вид с востока; 3 — деталь кладки оборонительной стены, внутренний панцирь; 4 — руины оборонительной стены, вид с запада.

Фото 3. Крепости Таврики X—XIV вв.: 1 — Качи-Кальон, вид из верховьев Алимовой балки; 2 — Качи-Кальон, руины оборонительной стены XIII—XIV вв.; 3 — Басмай; 4 — Пана, руины оборонительной стены XIII—XIV вв.; 5 — крепость Кала-Фатлар (XIII в., деталь кладки оборонительной стены).

Фото 4. Укрепления Таврики X—XV вв.: 1—Алупка-Исар; 2—Бшок-Исар, вид с юга; 3—Панеа, вид с запада; 4—Кучук-Исар (мыс св. Троицы), вид с севера; 5—Гурзуфская крепость, вид с юго-запада; 6—мыс Плака, вид с юга.

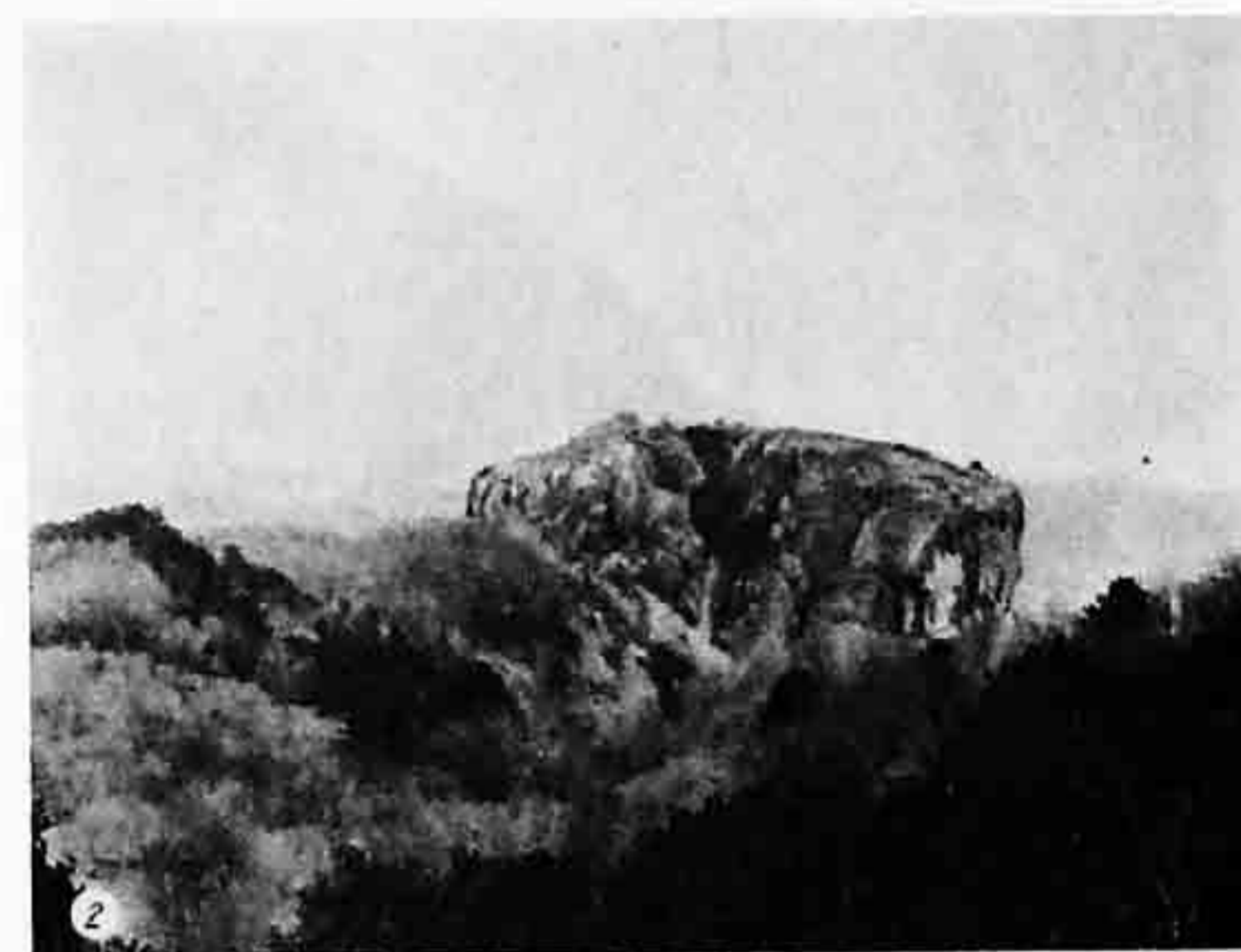

Фото 5. Укрепление Гелин-Кая (Кизил-Таш) XIV—XV вв.: 1—вид на крепость с юга; 2—вид на укрепление с севера; 3—руины крепостной башни XIV—XV вв., вид с северо-запада.

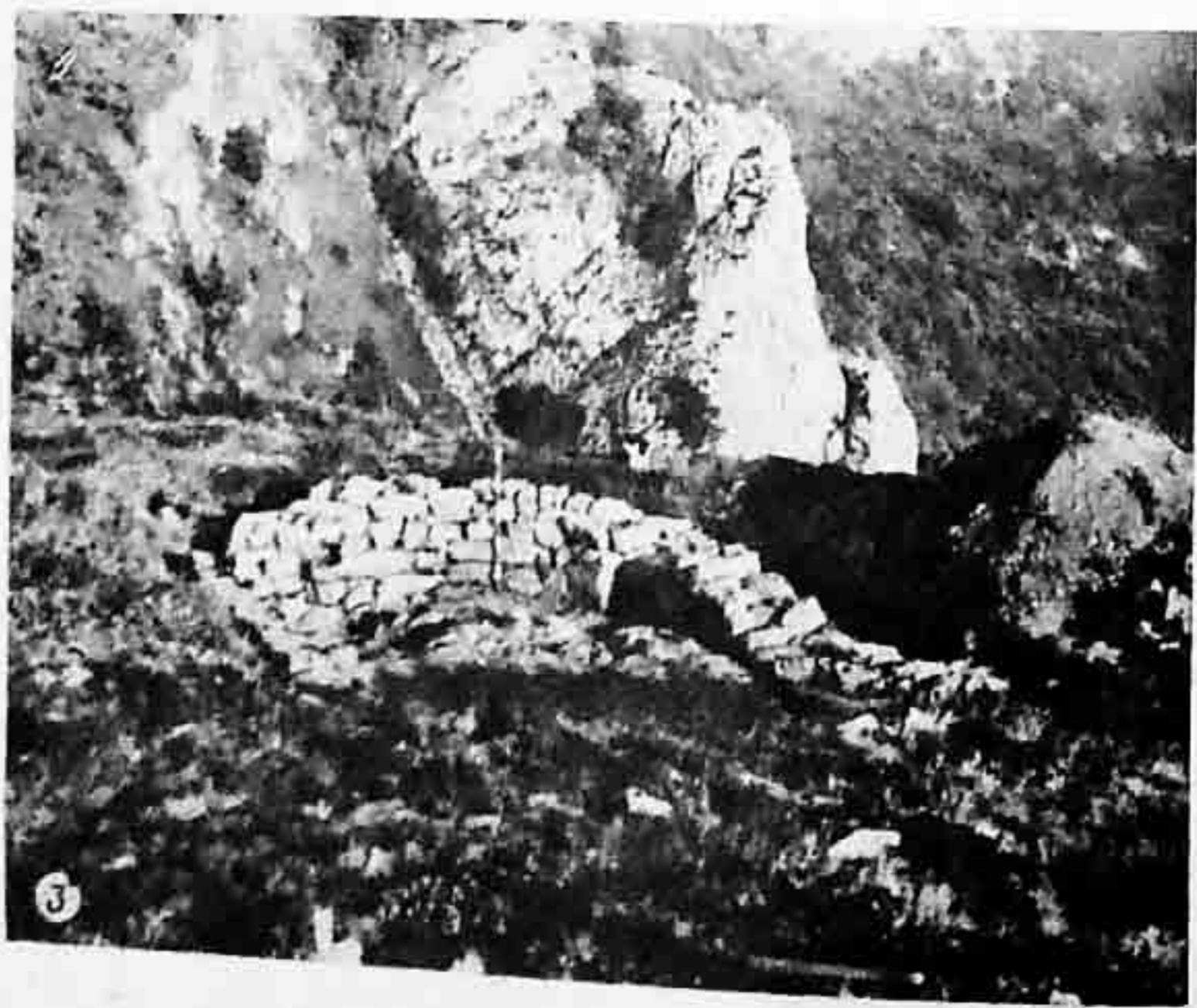
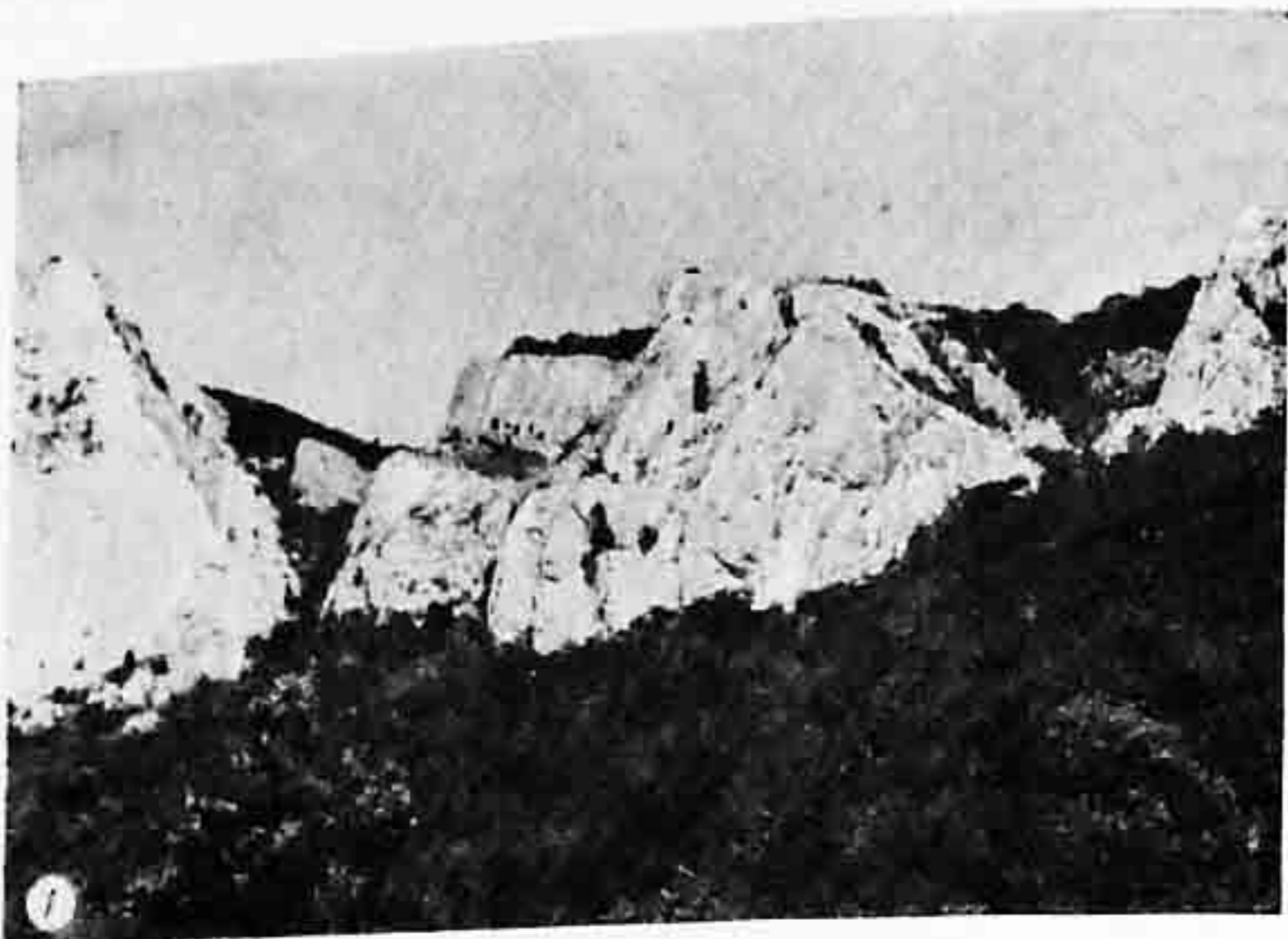

Фото 6. 1 — вид на горный проход Шайтан-Мердвен и скалу Исар-Кая со стороны старого шоссе Ялта—Севастополь; 2 — укрепление Исар-Кая, вид с востока; 3 — руины крепостной церкви, вид с запада.

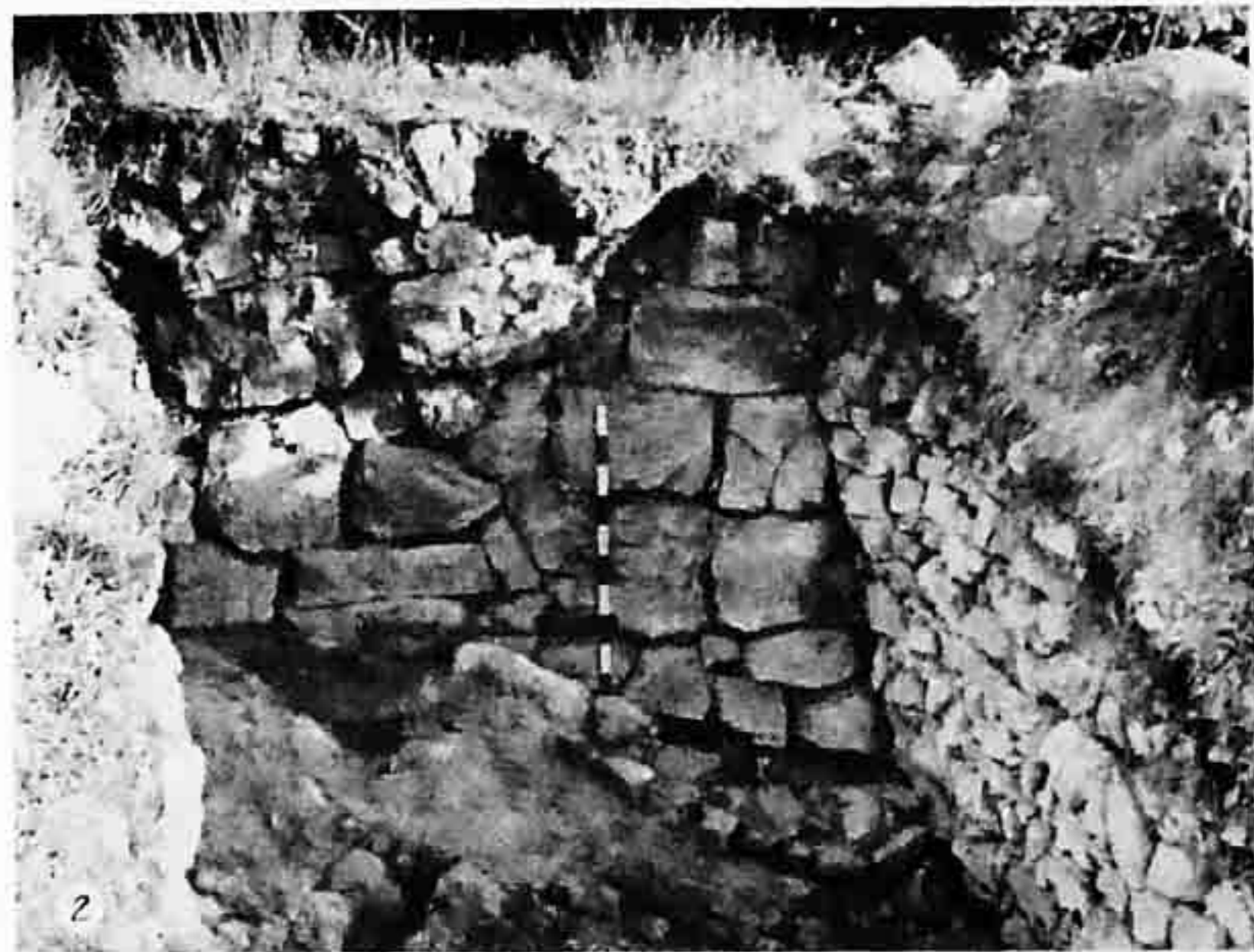

Фото 7. Укрепление Исар-Кая (XIII в.): 1 — апсида крепостной церкви; 2 — фрагмент кладки башни донжона XIII в., вид с юго-востока; 3 — остатки железоплавильной печи.

Фото 8. Цитадель Мангупа на мысе Тешкли-Бурун: 1 — ворота цитадели Мангупа, вид с запада; 2 — вид на ворота с востока; 3 — руины донжона XV в., вид с запада.

Фото 9. Руины крепостей XIV—XVII вв.: 1 — Чембало (Балаклава), донжон цитадели XIV—XV вв.; 2 — Каламита (Инкерман). Руины круглой башни турецкого времени (XVI—XVII вв.); 3 — Каламита, вид на въездную башню XV в. с юго-востока; 4 — Чобан-Куле, руины донжона XV в.; 5 — крепость Алустан, башня Ашага-Куле XIV—XV вв.

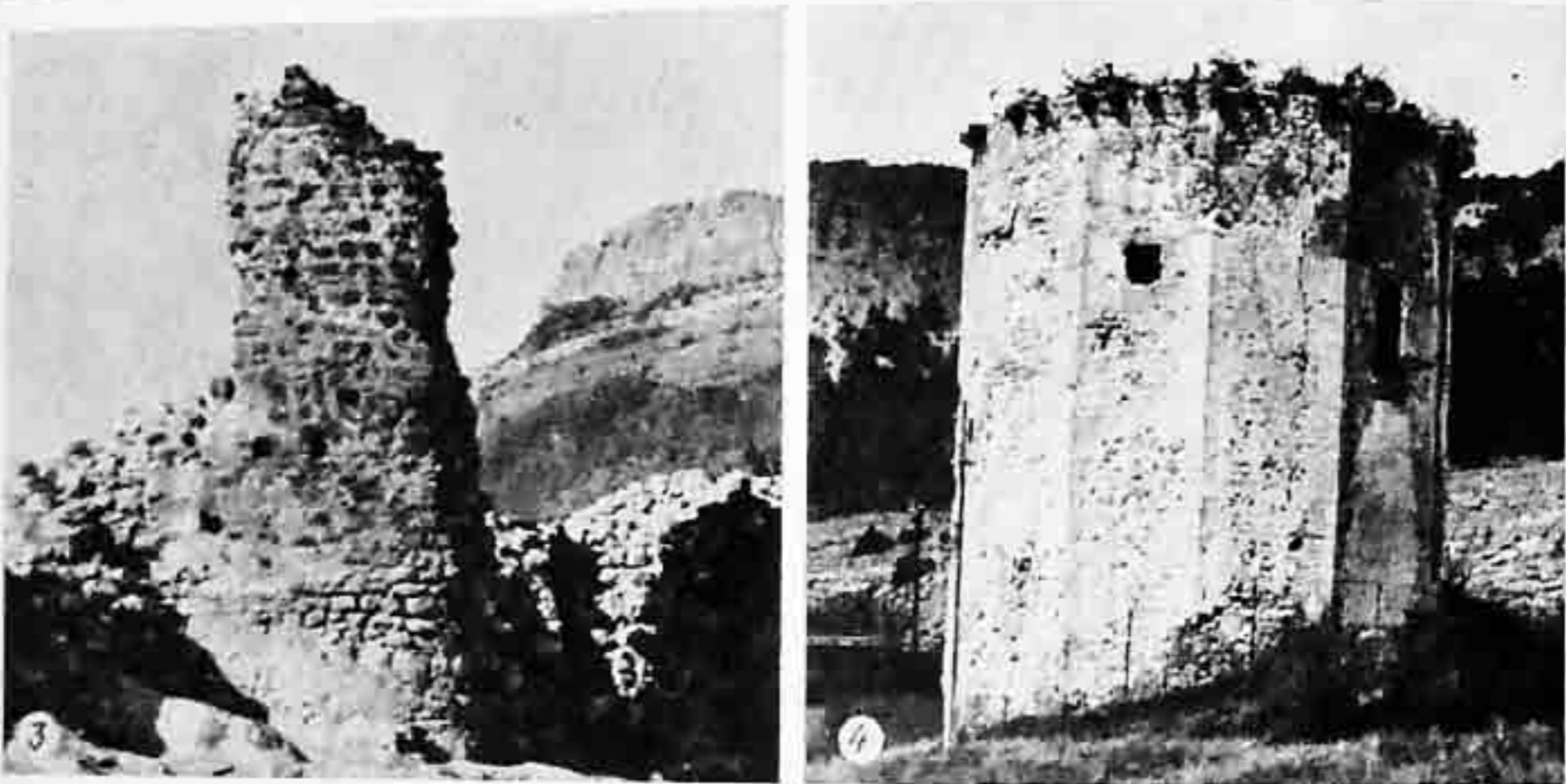
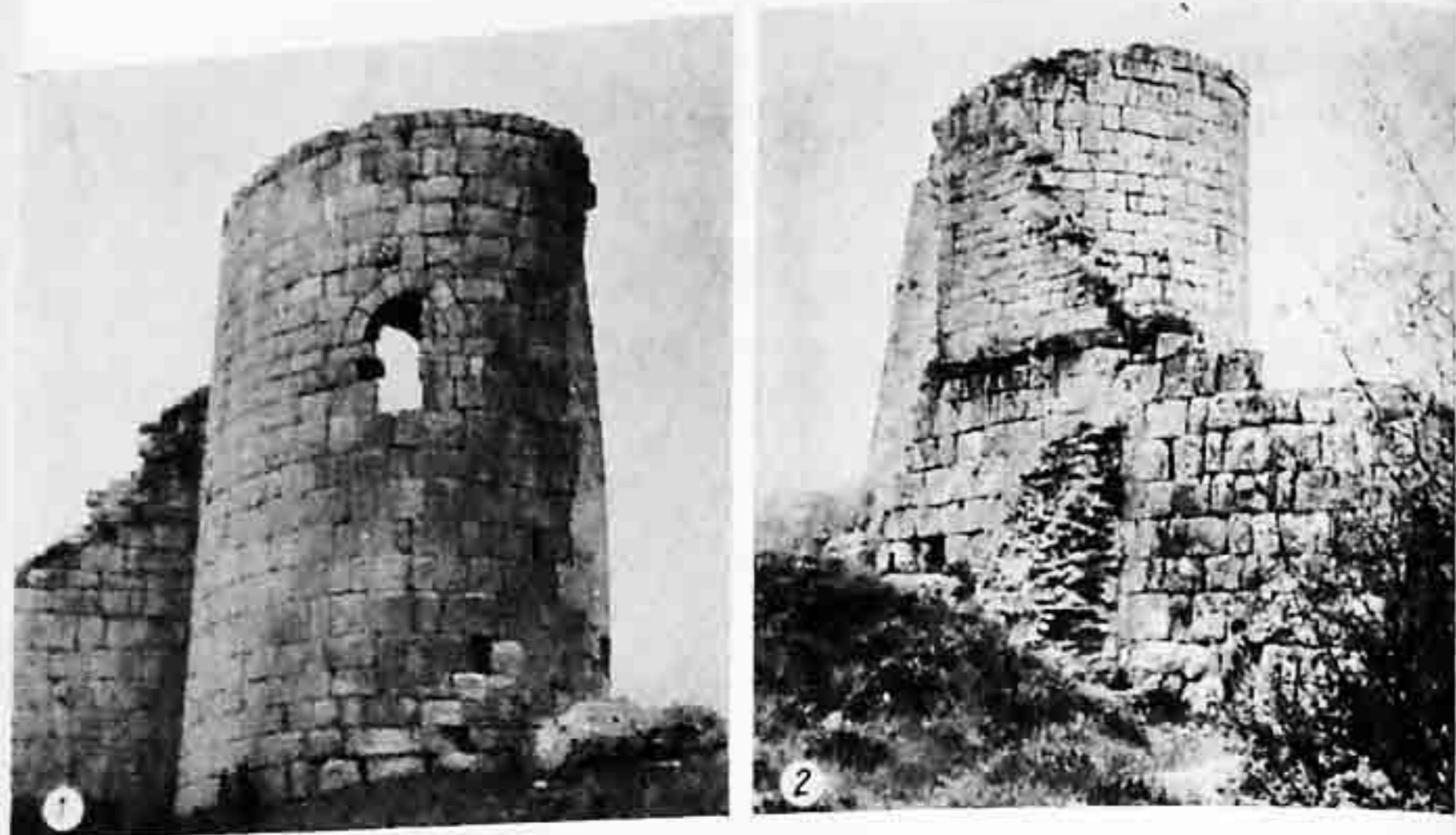

Фото 10 1—Сюйренское укрепление, вид с юго-востока; 2—вид на башню и участок стены Сюйренского укрепления с запада; 3—крепость Фуна, руины полукруглой башни XV в., вид с юго-востока; 4—Чоргунская башня (XV в.), вид с юга.

Л. Шварц

Фото 11. Крепость Фуна XIV—XV вв.: 1—руины церкви Федора Стратилата; 2—развалины въездной башни XV в., вид с востока; 3—деталь кладки южной стены церкви Федора Стратилата; 4—участок оборонительной стены XV в.

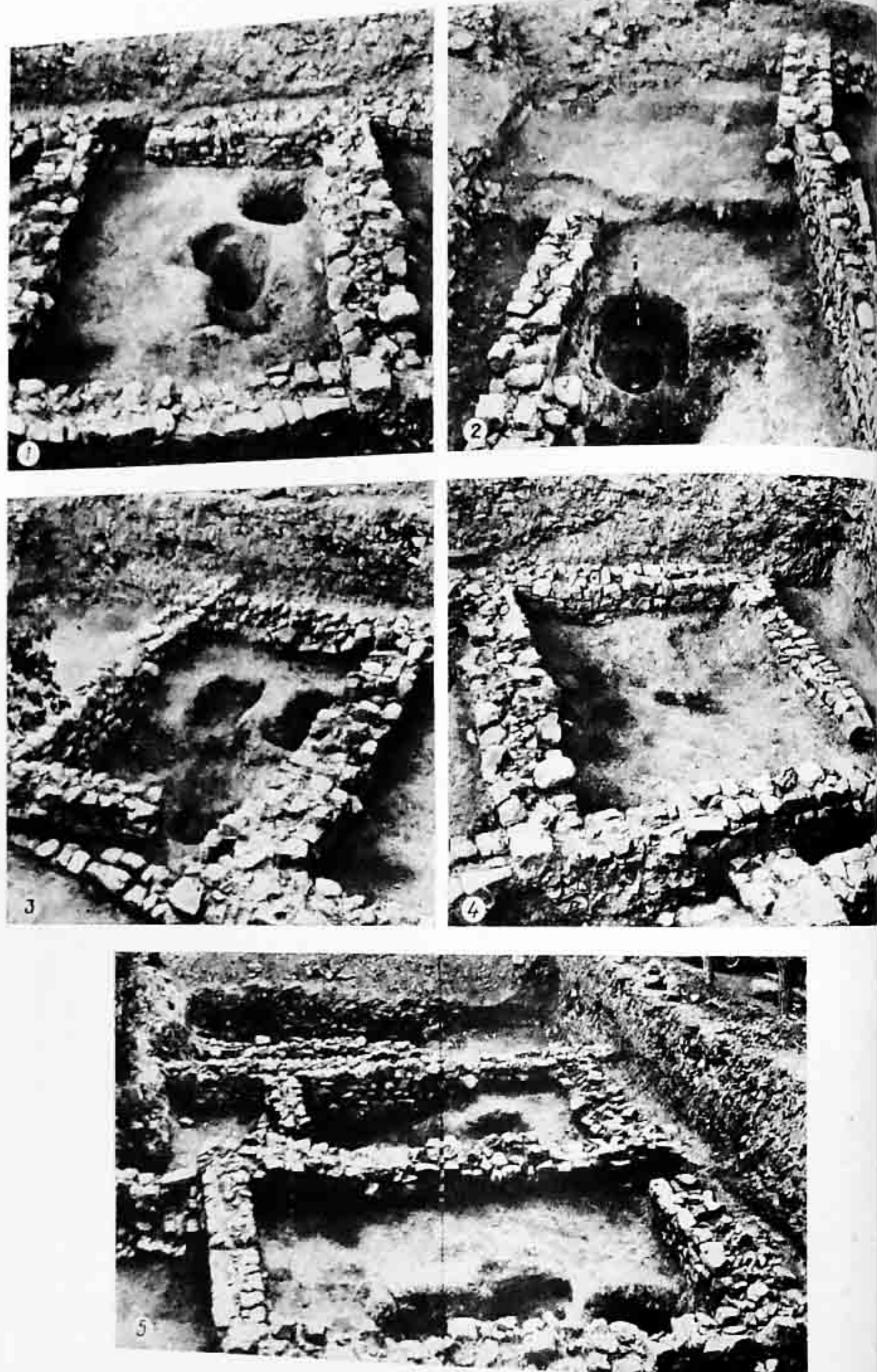

Фото 12. Крепость Алустан; 1 — помещение № 2 XIII—XV вв. вид с северо-востока; 2 — помещение № 5, вид с северо-востока; 3 — помещение № 3; 4 — помещение № 1, вид с востока; 5 — общий вид участка раскопок 1984 г. (помещения XIII—XV вв.).

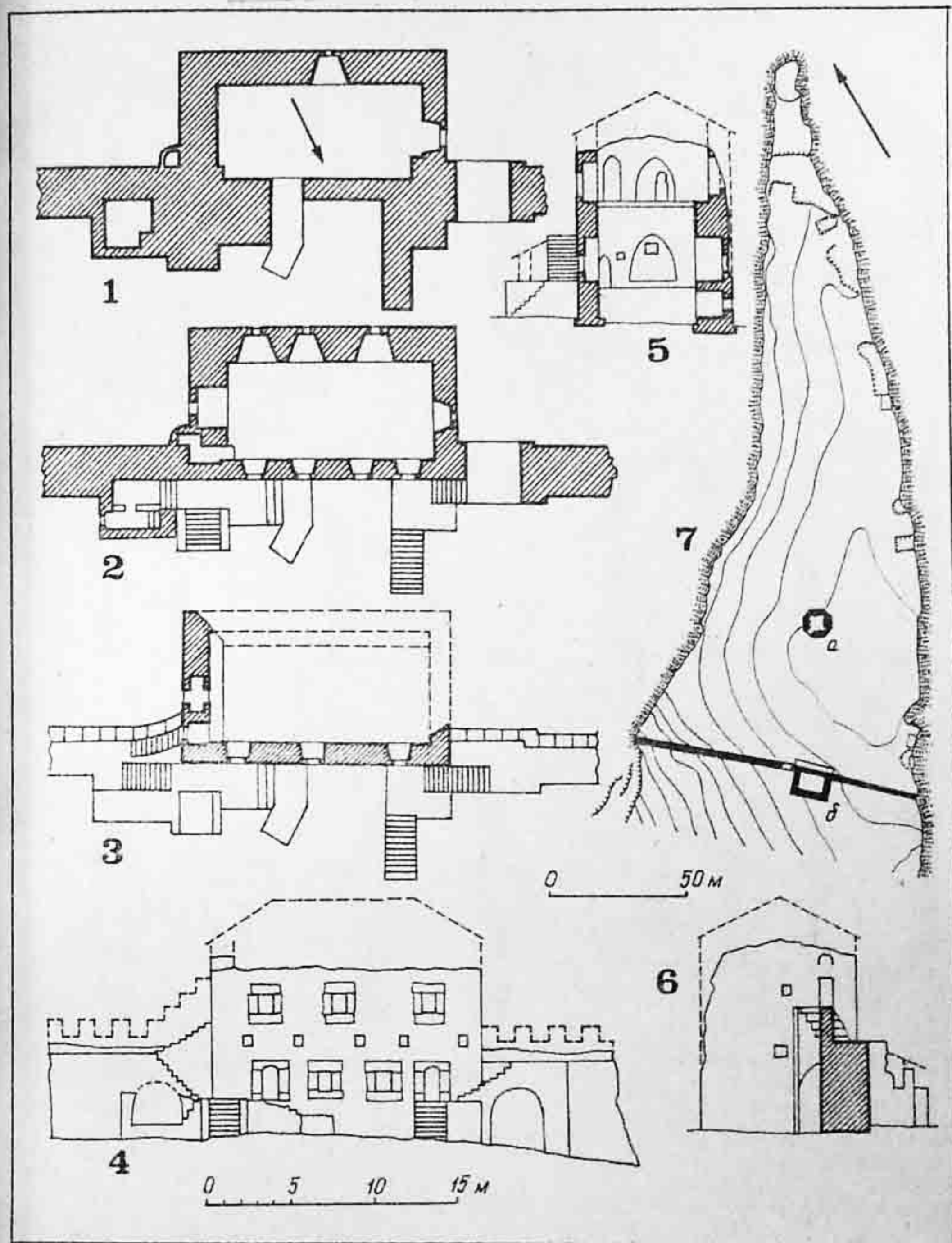

Рис. 13. Цитадель Мангула на мысе Тешкли-Бурун (XV в.): 1 — план первого этажа донжона; 2 — план второго этажа; 3 — план третьего этажа; 4 — восточный фасад башни; 5 — поперечный разрез; 6 — южный фасад (по А.Л.Бертье-Делагарду); 7 — план цитадели на мысе Тешкли-Бурун: а — октагональная церковь; б — донжон.

ранней болгарской фортификации VI—X вв. [Рашев, 1982, с. 148—150, табл. IV, 1, 4; LIV, 1, 2; Овчаров, 1982, с. 44—49]. Самая большая ранне-средневековая башня (Зенона) находится на юго-восточном фланге обороны Херсонеса, и к X в. ее диаметр достиг 23 м [Гриневич, 1927, с. 45—71]. Одна из наиболее крупных башен ранневизантийского времени в Каламите находилась на месте стыка куртин, где в настоящее время видны подтески и "постели" для установки квадров. Размеры башни 13 x 14 м при толщине стен 2,3 м. Она, вероятно, прикрывала ворота, которые находились к юго-

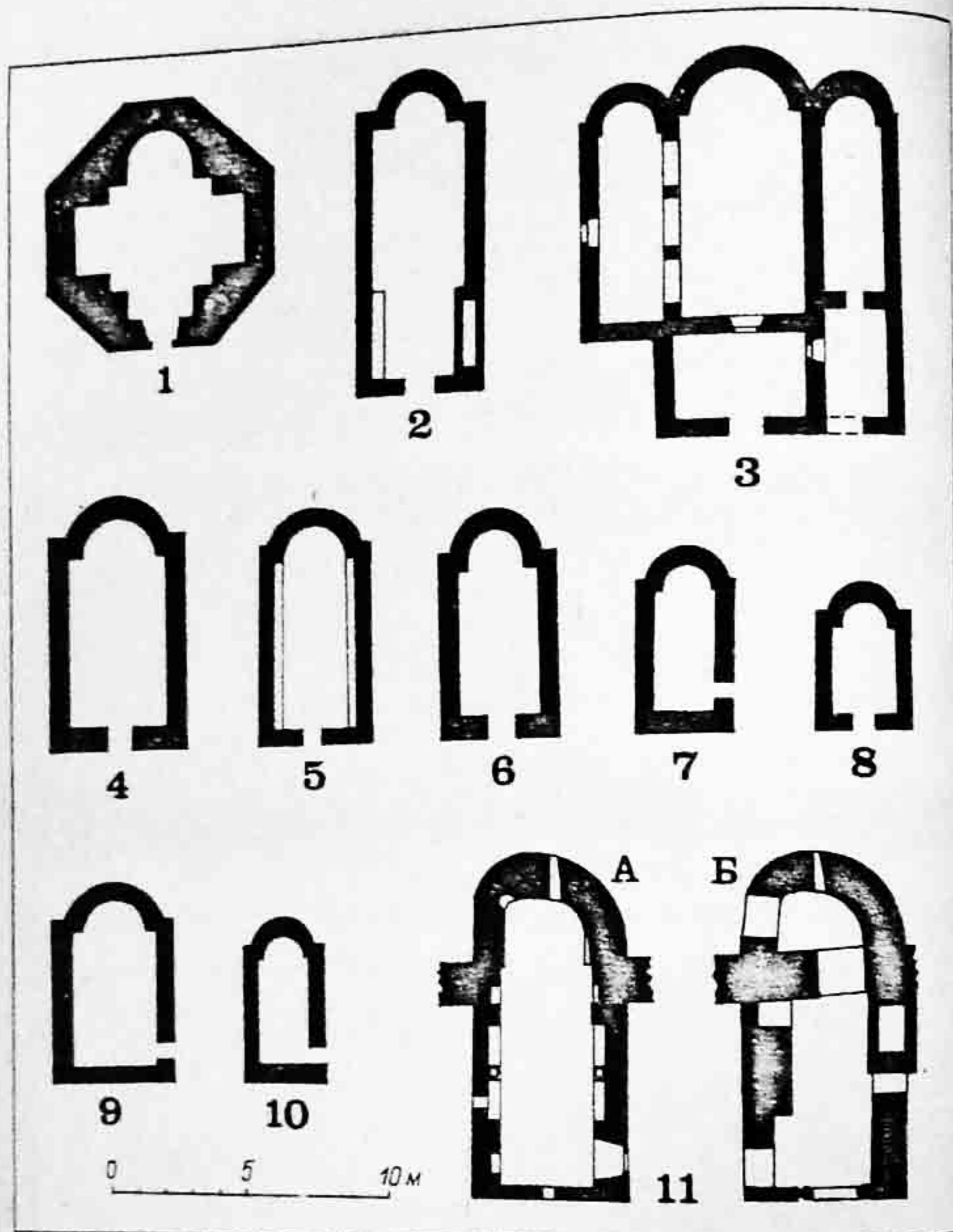

Рис. 14. Планы церквей X-XV вв. из укреплений Таврики: 1 - октагональный храм Мангула (в мысе Тешкли-Бурун); 2 - Ильяс-Кая; 3 - Пампук-Кая; 4 - Кордон-Оба; 5 - Хачла-Каясы; 6 - Кыз-Куле; 7 - Исар-Кая; 8 - Чембало (св. Николая?); 9 - Ай-Тодор II; 10 - Ай-Тодор I (св. Константина?); 11 - Фуна (Фелора Стратилата): А - второй этаж; Б - нижний этаж.

западу от нее (раскопки на этом участке в 1985 г. провел В.Ф.Филипенко). На Бакле раскопками выявлены развалины прямоугольных башен 7,5 x 6 м, сложенных из квадров на известковом растворе. Расстояние между ними 25 м [Талис, 1974, с. 100-101]. Единственная хорошо сохранившаяся раннесредневековая круглая башня (VI-VII вв.) скйренского укрепления достигает в высоту 10 м и стоит на возвышенной части мыса Кулле-Бурун (рис. 4). Ее диаметр 8 м, к ней под углом 132° сходятся две куртаны, она выдвинута во фронт обороны.

В период развитого средневековья формы башен становятся более разнообразными. К уже отмеченным прямоугольным, квадратным и круглым добавляются трапециевидные, полукруглые или U-образные, шести- и двенадцатигранные, эллипсоидные в плане. Внешняя форма башен не всегда совпадает с их внутренней планировкой. Эллипсоидные башни, например,

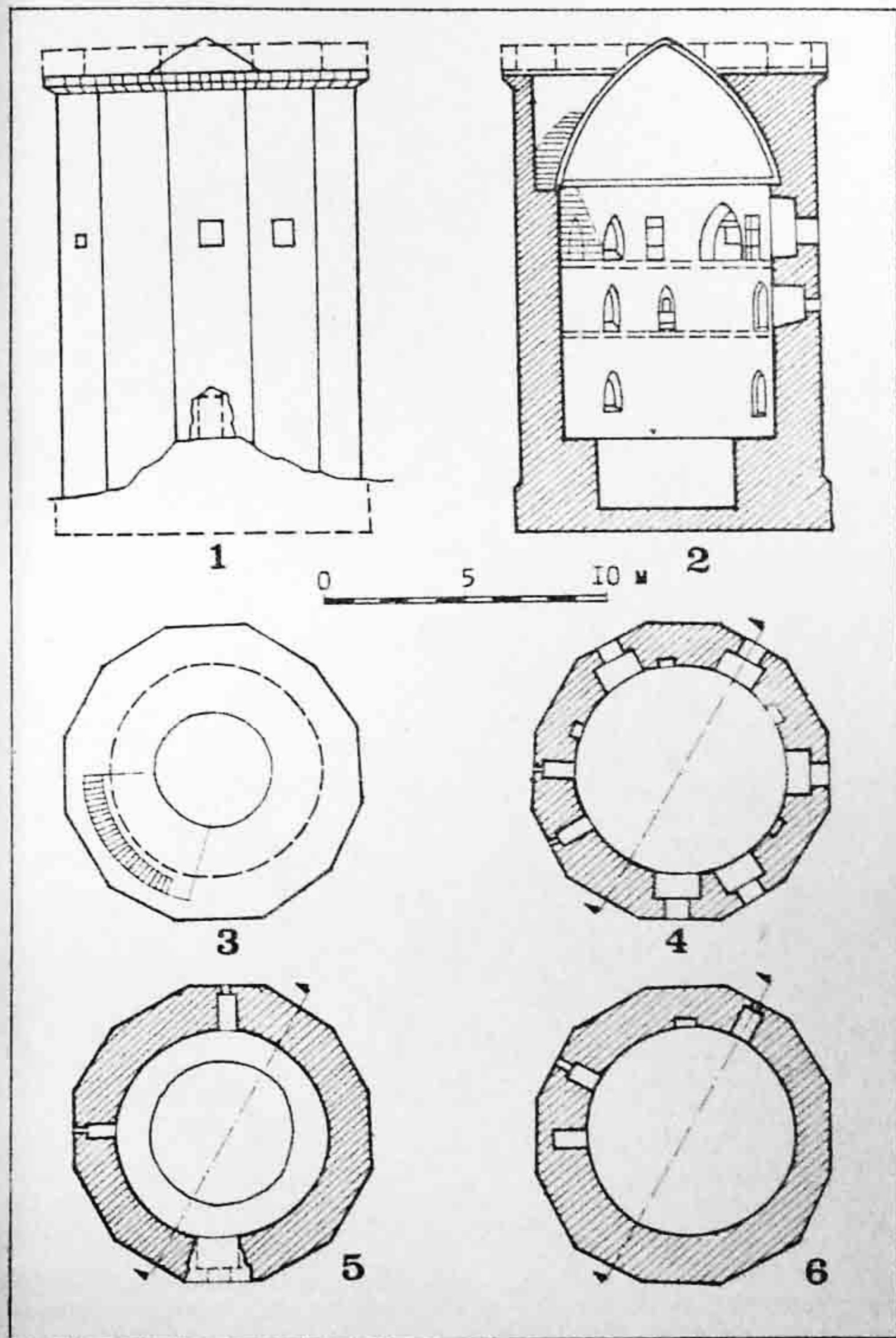
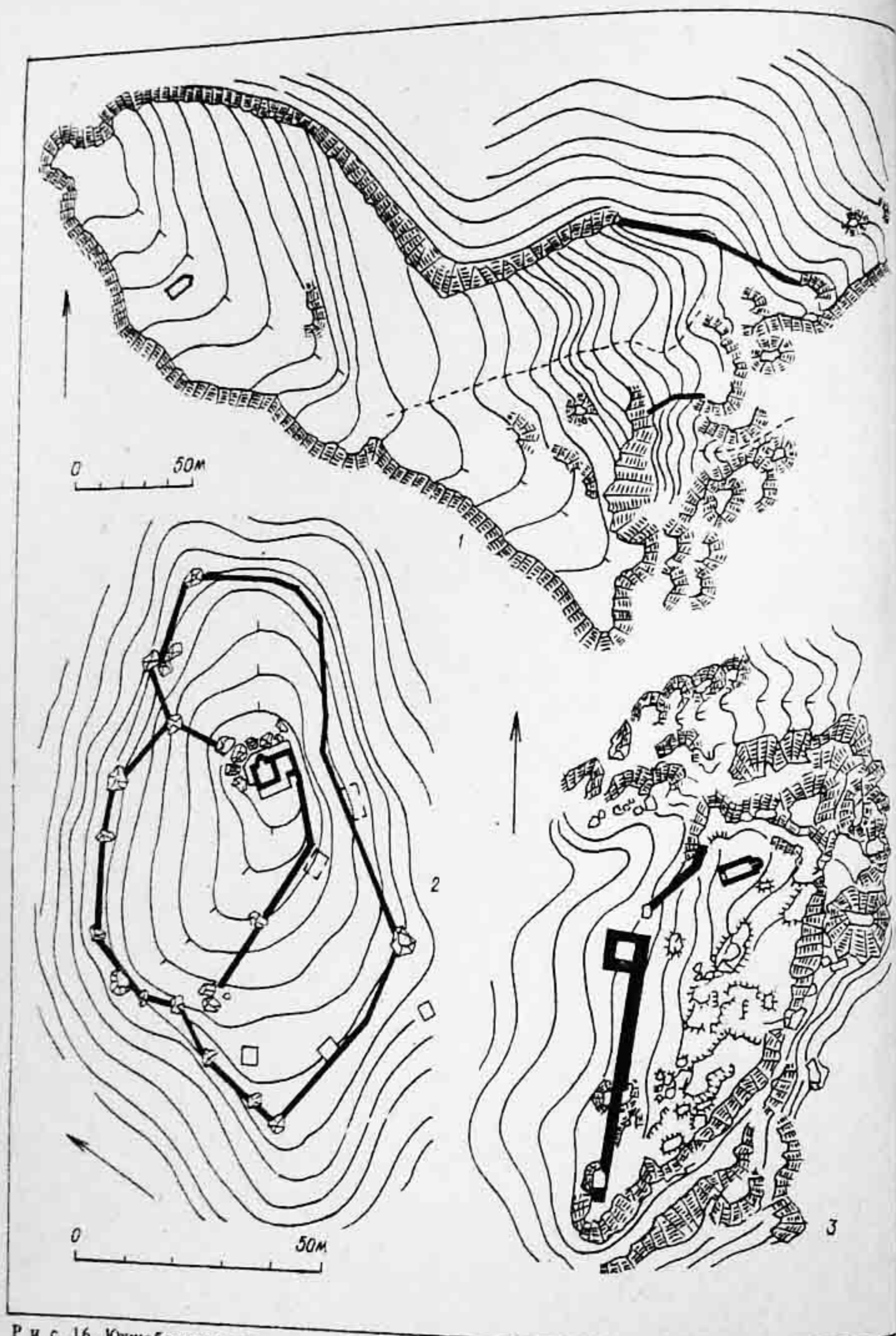

Рис. 15. Чоргунская башня (XV в.): 1 - вид с северо-запада; 2 - продольный разрез; 3 - план верхней боевой площадки; 4 - план третьего этажа башни; 5 - план нижнего этажа; 6 - план второго этажа (по А.Л.Бертье-Делагарду).

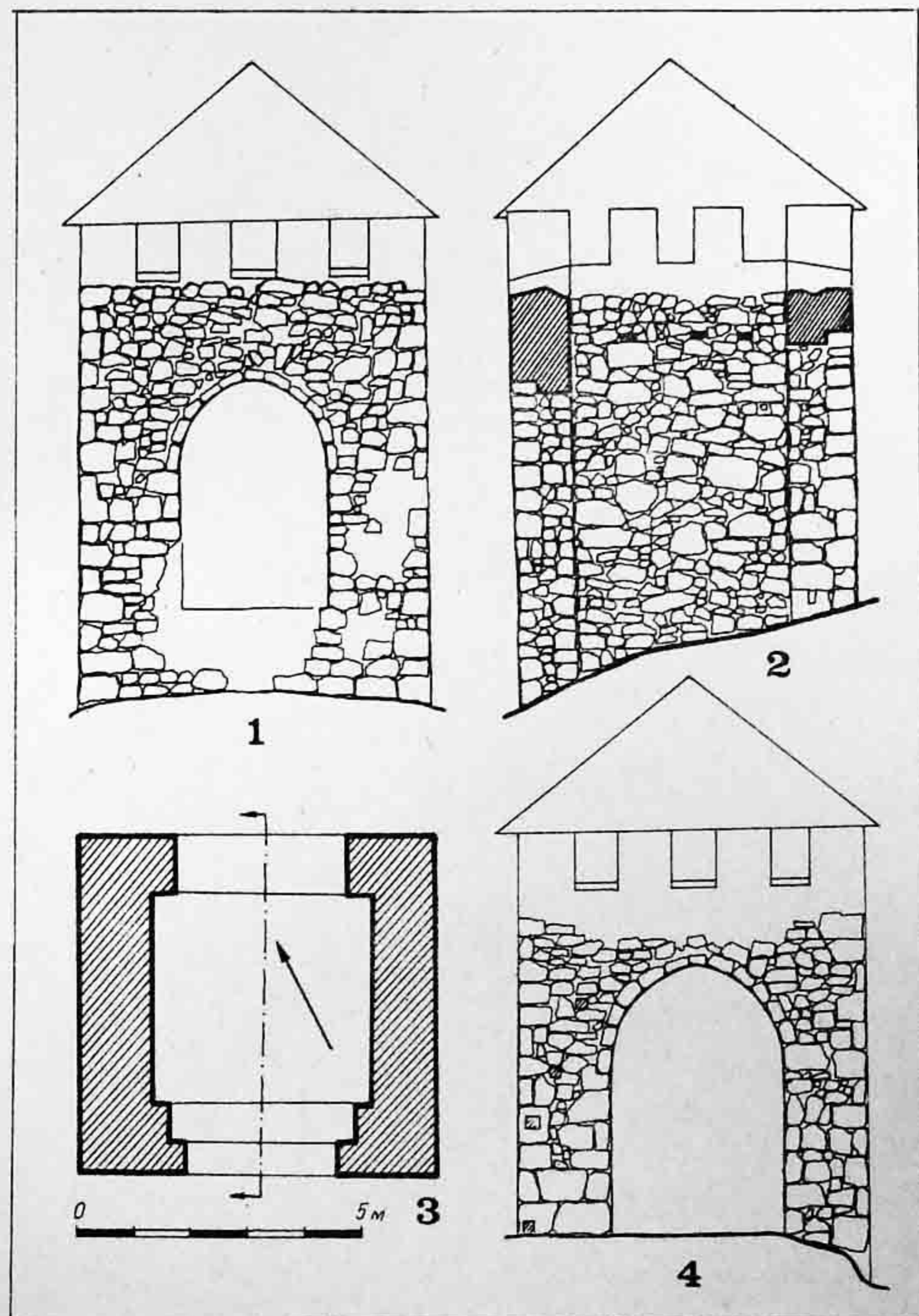
чаще всего имели внутри форму четырехугольника (башни № 4 и 5 Чембало), а двенадцатигранная башня в Чоргуне (ныне - Чернореченское) - круглую (рис. 15). Преобладающей формой башен во все периоды остаются прямоугольные, как наиболее простые при строительстве и удобные.

Р и с. 16. Южнобережные укрепленные монастыри (1 – Ильяс-Кая, 2 – Ай-Тодор II) X–XV вв. замок Хачла-Каясы XIII–XV вв. (1, 3 – по О.И.Домбровскому).

По своему местоположению (и следовательно по назначению) башни делятся на угловые; межстенные; свободно стоящие; надвратные. Свободно стоящие башни в крепостном строительстве Таврики встречаются редко и известны только на шести памятниках. В 110 м к северо-западу от крепостных ворот Каламиты находилась отдельно стоящая трехэтажная башня (XV в.), через которую проходила дорога к укреплению. Завершалась башня открытой боевой площадкой с зубчатым парапетом на концах. Сейчас ее местоположение определяется по вырубкам в скале. Она отмечена на планах Инкертмана 1773 и 1783 гг. и изображена на рисунке

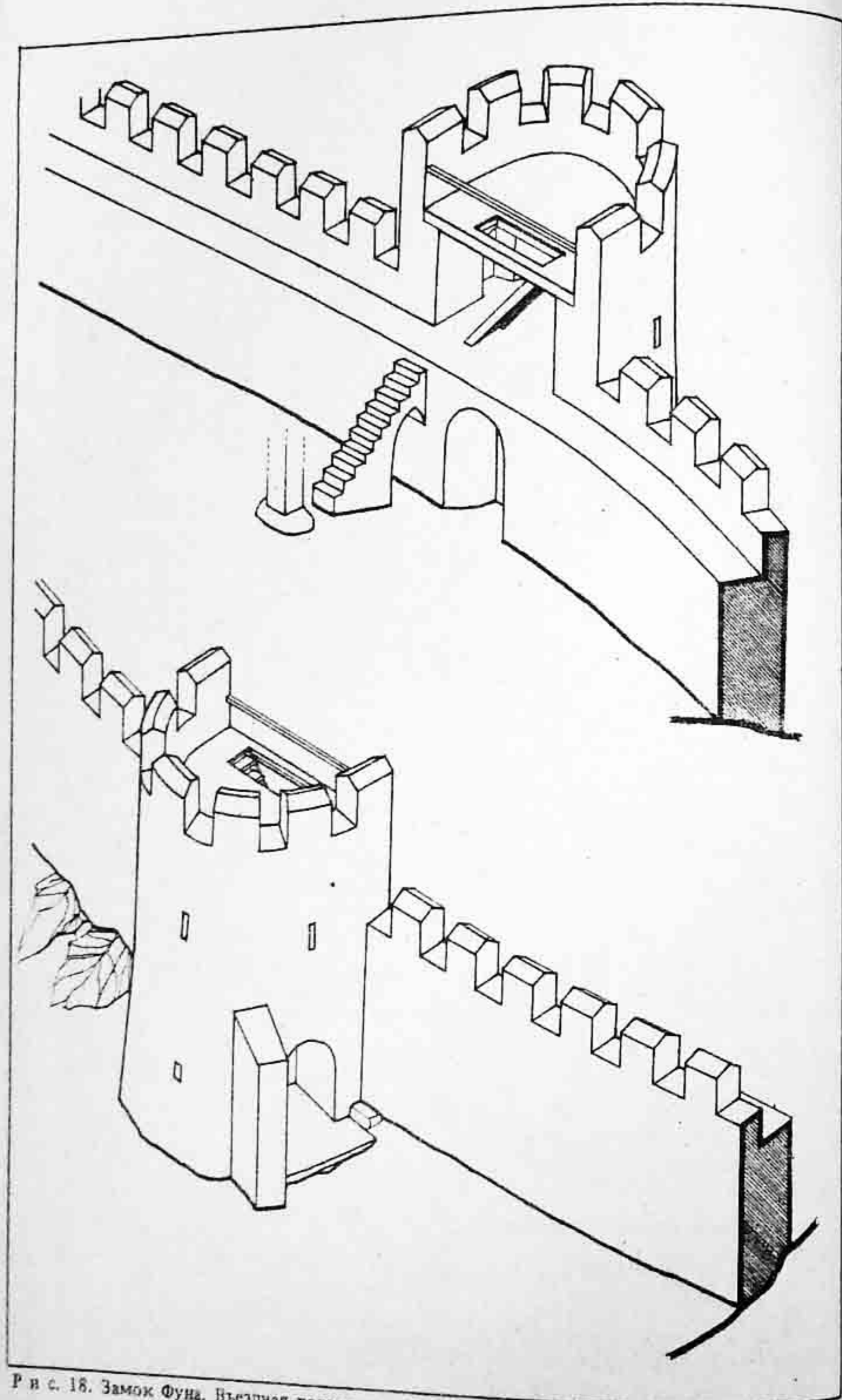

Р и с. 17. Укрепление Кыз-Куле XIV–XV вв. Въездная башня: 1 – южный фасад; 2 – продольный разрез; 3 – план башни; 4 – северный фасад (по Н.И.Репникову, реконструкция верхней части башни автора).

поручика П.Гриненталя 1783 г., но отсутствует на точном рисунке М.Иванова 1786 г. [Кулаковский, 1914, № 53]. Видимо, к 1786 г. она была уже разобрана до основания.

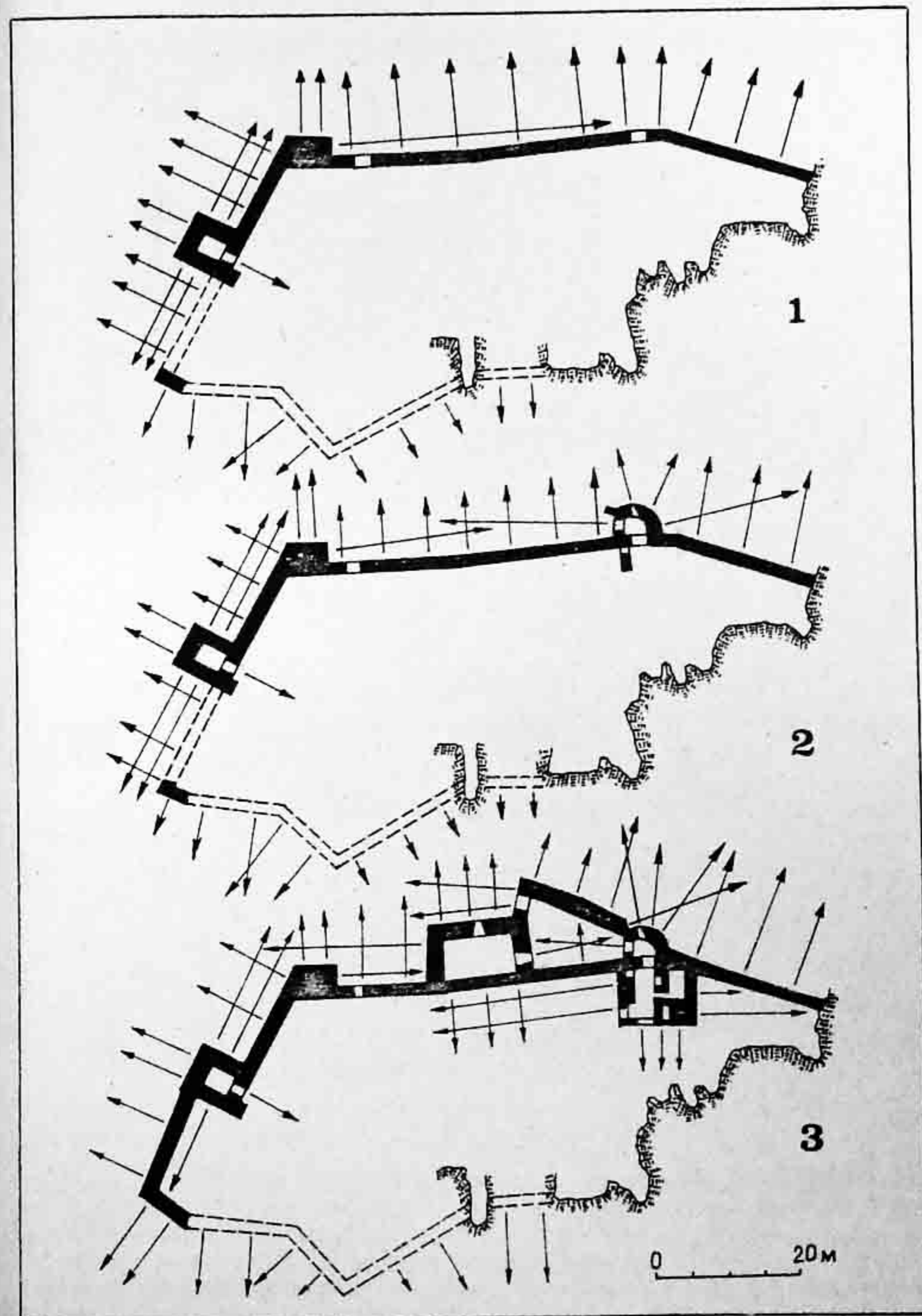
Напротив входа в крепость Гелин-Кая (Кизил-Таш) XIV–XV вв., на расстоянии 16 м от оборонительной стены, находилась прямоугольная башня, занимавшая основное положение в системе защиты укрепления. Размеры

Р и с. 18. Замок Фуна. Въездная полукруглая башня первой четверти XV в.: 1 - вид с юго-запада; 2 - вид с северо-востока (реконструкция В.П.Кирилко).

башни 6,9 × 6,8 м. Толщина стен 1,2—1,5 м. Обе описанные башни (Каламиты и Гелин-Кая) были установлены для контроля подходов к крепостным воротам и служили для них дополнительным прикрытием. Отдельно стоящая башня Чобан-Куле служила донжоном замка братьев Гуаско (вторая

Р и с. 19. Схема развития системы обороны замка Фуна: 1 - конец XIV в.; 2 - первая четверть XV в.; 3 - 1459—1475 гг.

половина XV в.). В плане она имеет форму эллипса размером 12,75 × 14 м, сохранившаяся высота 8—9 м. Башня была многоярусной. В основании помещался бассейн для воды, на втором этаже устроен камин, бойница с камерой, внутрикрепостная лестница, которая вела на второй этаж. Толщина стен на уровне первого этажа в пределах 1,80—4,45 м.

Чоргунская башня может служить примером укрепления, сочетающего в себе донжон и сторожевую крепость, стоявшую у переправы через р.Чер-

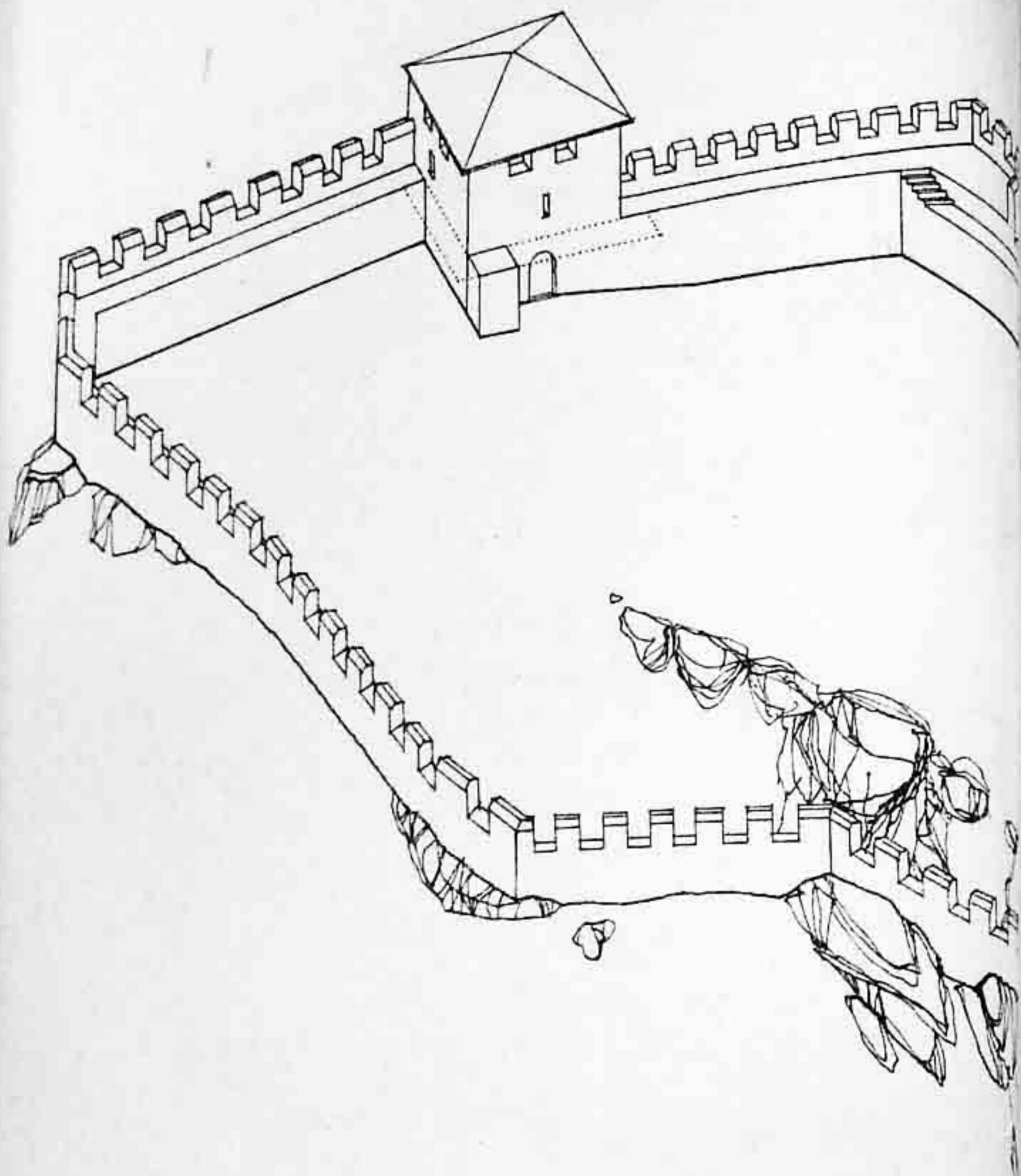
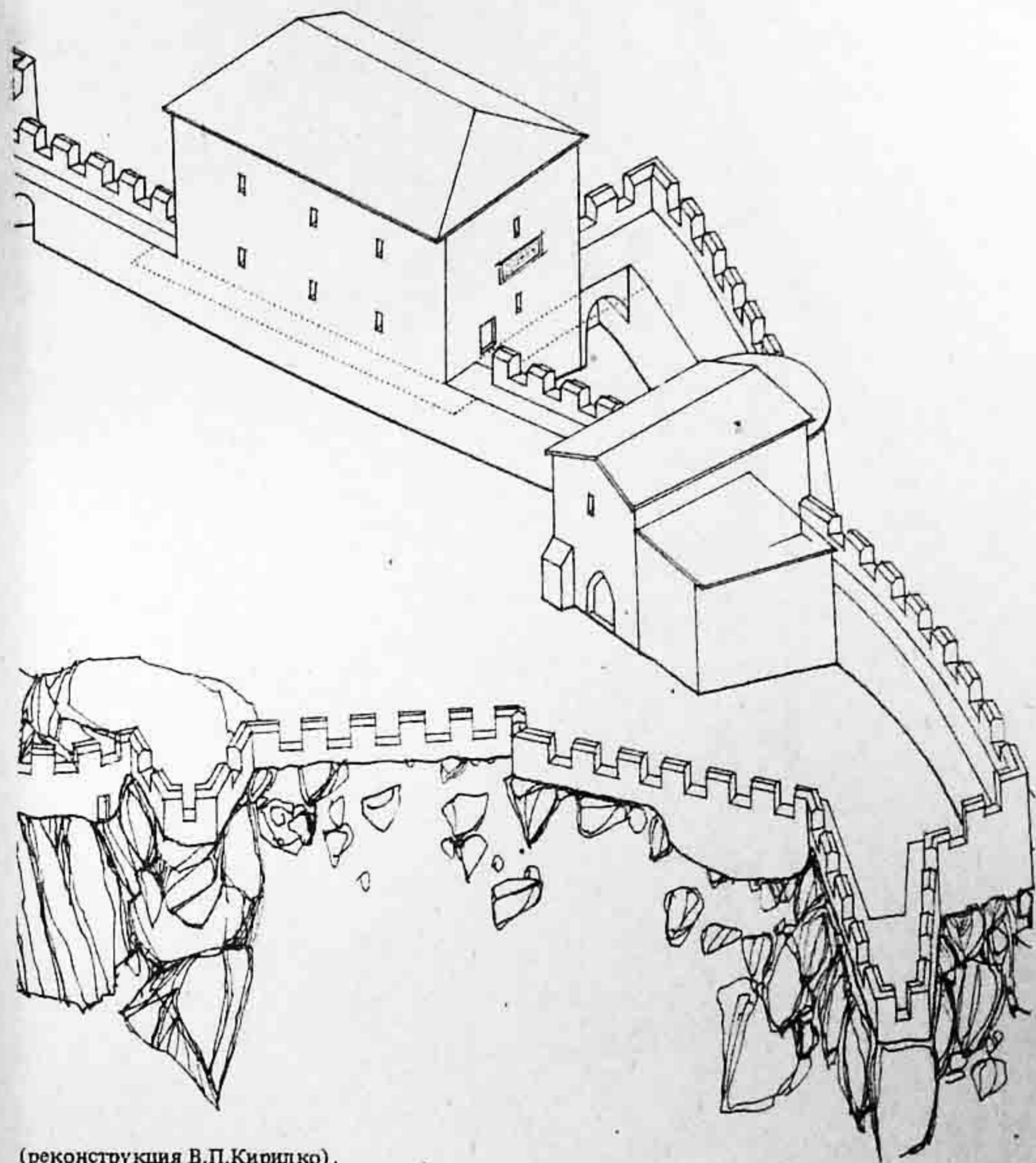

Рис. 20. Замок Фуна в 1459–1475

(реконструкция В.П.Кирилко).

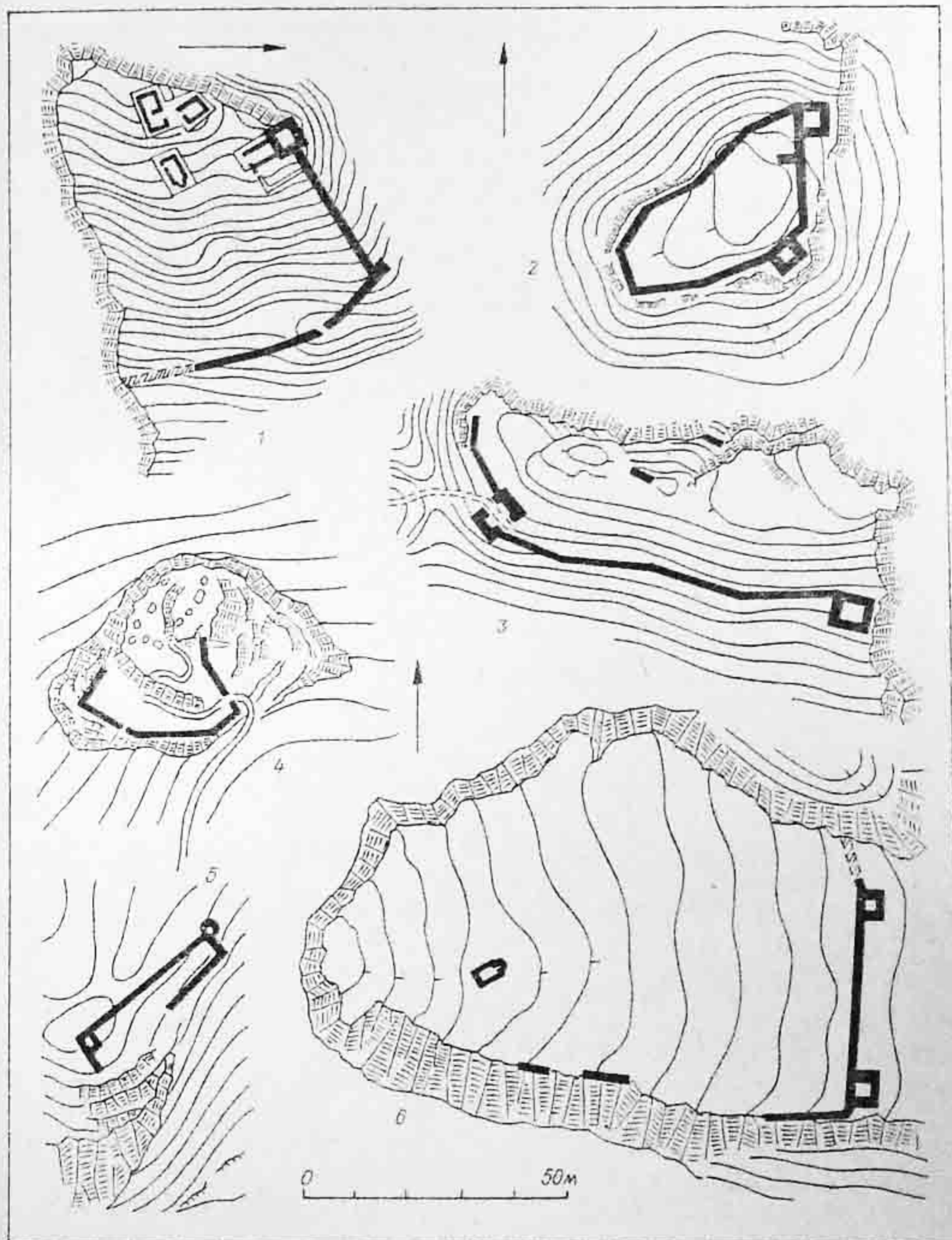
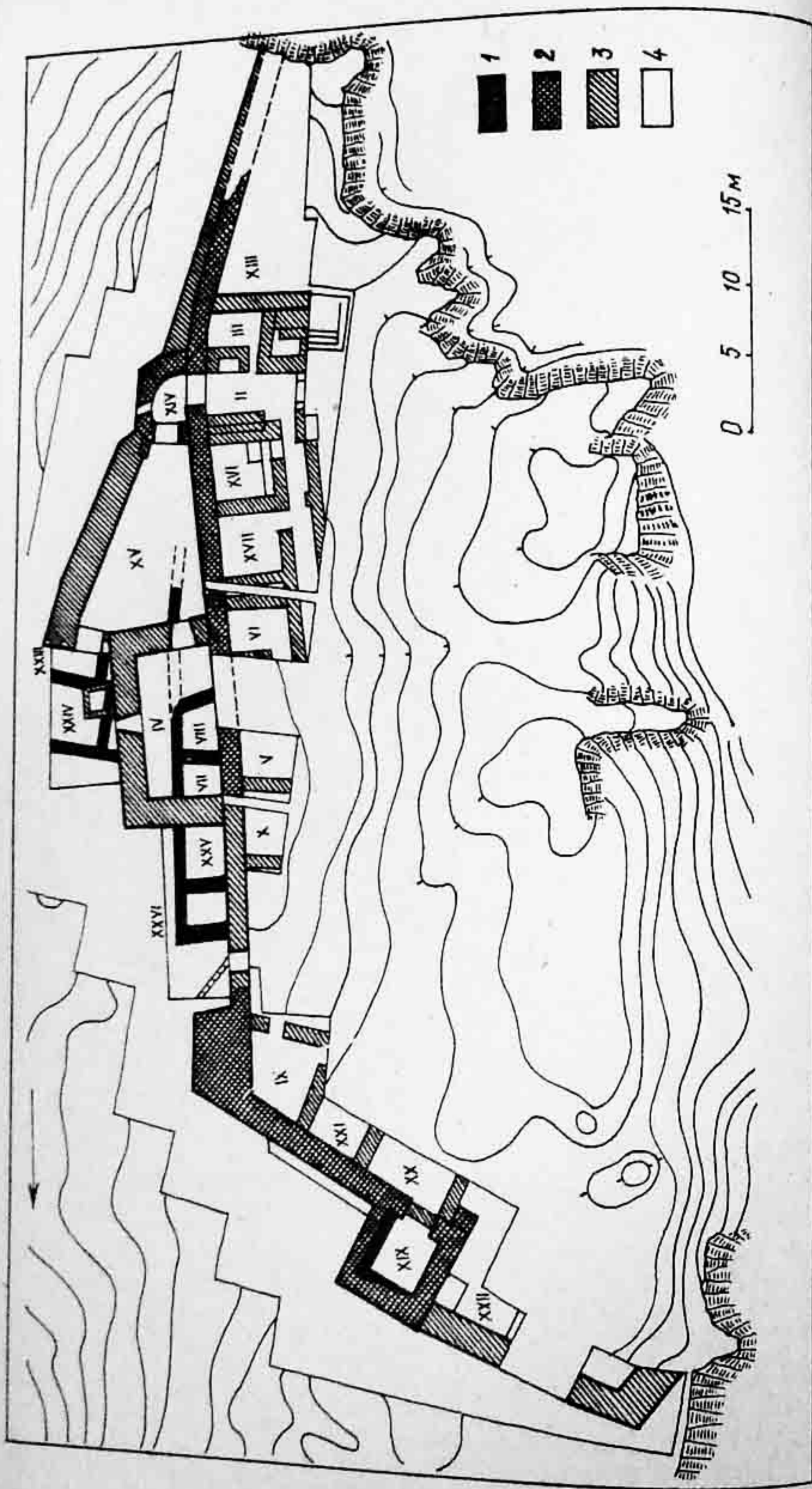
ную в XV в. С наружной стороны она двенадцатигранная, внутри круглая (рис. 15). Внешние размеры $12,5 \times 14$ м, толщина стен $2,85\text{--}3,60$ м, сохранившаяся высота 22 м. Башня трехэтажная с открытой боевой площадкой наверху, огражденной парапетом на каменных кронштейнах с машикулями. На уровне цоколя находится цистерна для воды. На первом и втором этажах было устроено по две амбразуры. На третьем — шесть окон-бойницы для шкафов, камин, внутрстенная винтовая лестница, ведущая на верхнюю площадку. Третий этаж перекрыт стрельчатым куполом, выложенным из плинфы.

К этой же группе можно отнести Дозорную башню Судакской крепости (XIV–XV вв.) и башню XIII в. укрепления Ай-Тодор (у с. Малый Маяк). Дозорная башня имеет неправильную (полигональную) в плане форму размером $13,25 \times 8,10$ м. Она была двухэтажной и служила, вероятно, маяком [Опочинская, 1986, с. 259–260, рис. 7] или зернохранилищем, об этом писал в свое время Эвлия Челеби [Czelebie, 1969, с. 311–312]. До воз-

ведения монастырской церкви на вершине г.Ай-Тодор в XIII в. (рис. 16, 2) стояла сторожевая башня. Она была прямоугольная в плане размером $6,5 \times 5,15$ м, толщина стен $1,4\text{--}1,5$ м.

Башен, которые были сооружены над входом в крепость, относительно немного. Их руины известны на восьми средневековых укреплениях Таврики. Наиболее древней из них (VI в.) является воротная башня Мангупа (расположена в верховье балки Капу-Дере), сложенная из квадратов на цементном растворе. После многочисленных ремонтов и перестроек она просуществовала в общей сложности около 1000 лет (VI–XVI вв.). Пролет арки ворот составлял 3,8 м, ширина въезда 2,6 м. От воротной башни Эски-Кермена сохранились в настоящее время только вырубленные в скале "постели", дающие представление о ее размерах и планировке. Это была большая прямоугольная башня ($10,4 \times 7,2$ м) с толщиной стен 2 м, построенная, вероятно, как и вся оборонительная система крепости, в VI–VII вв. и просуществовавшая до XIII в. В высоту воротная башня достигала

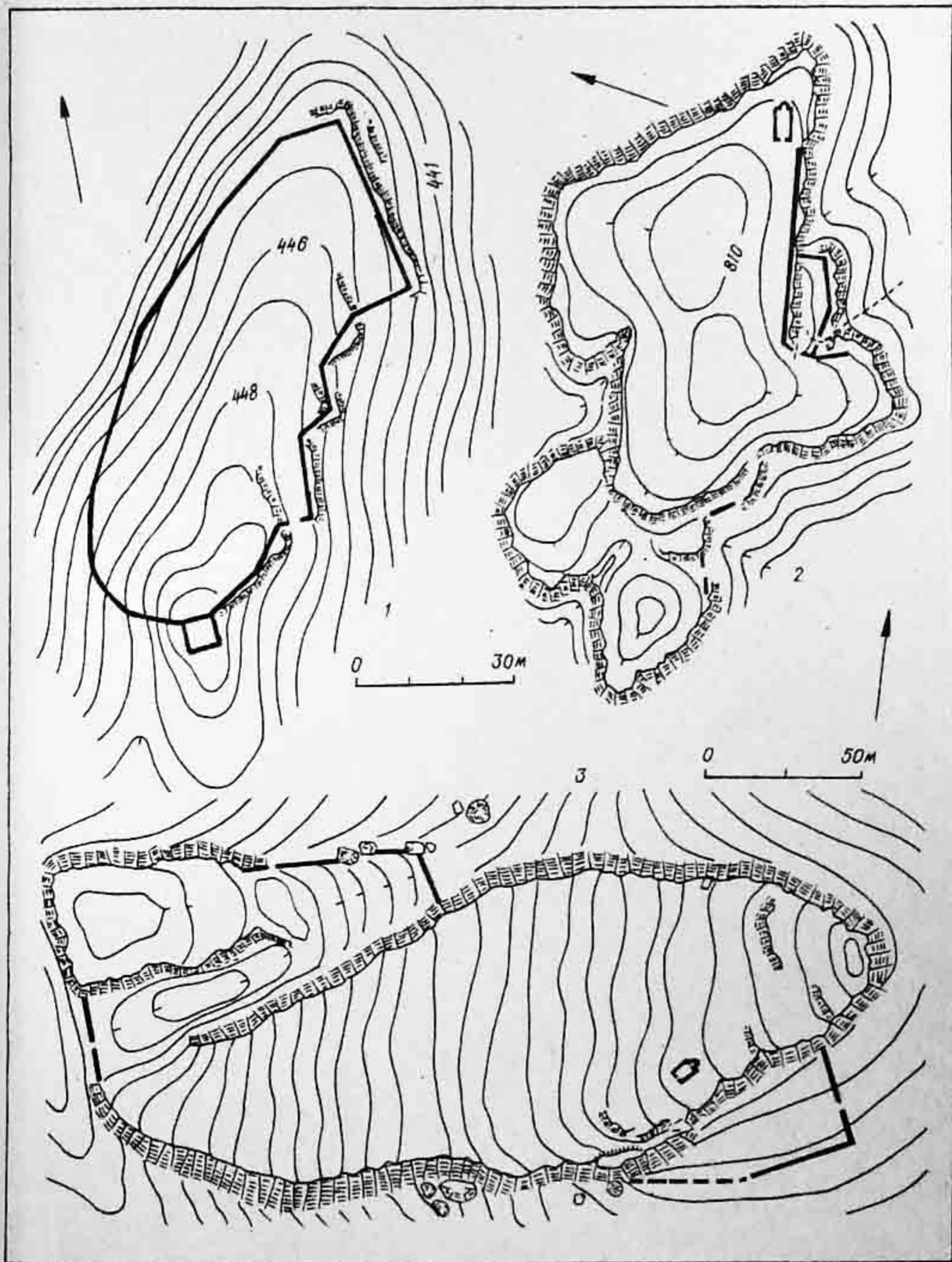
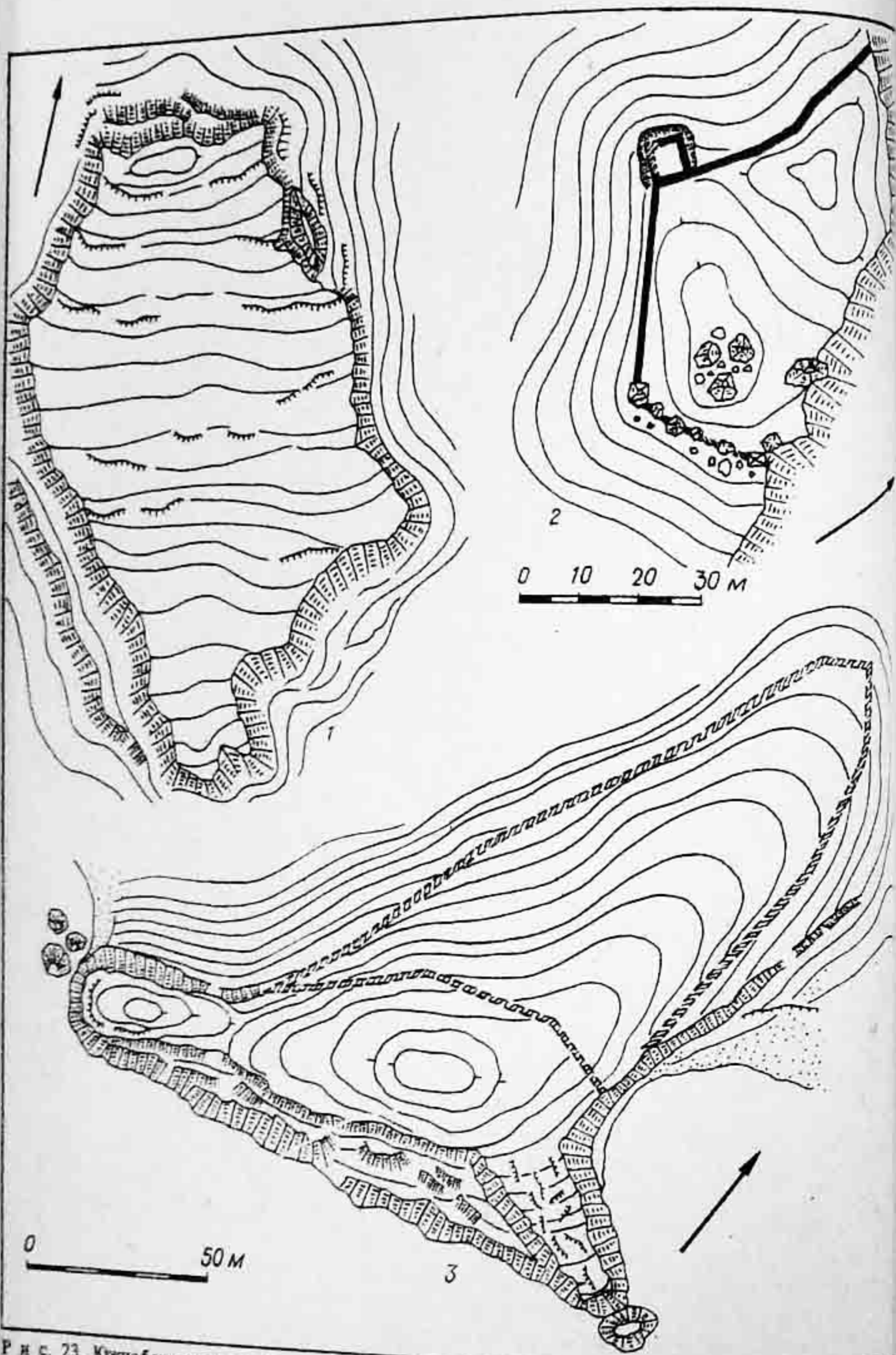

Р и с. 22. Замки XIII—XV вв.: 1 — Исар-Кая (у горного прохода Шайтан-Мердвен); 2 — Кале-Поти; 3 — Кермен-Кая (по О.И.Домбровскому); 4 — Учансу-Исар; 5 — Рускофиль-Кале (по А.Л.Бертье-Делагарду); 6 — Кокия-Исар.

ла 6,5—7 м (с парапетом и мерлонами) [Веймарн, 1958, с. 19—21, рис. 3, 12; 4, 6, 8]. Ворота имели арочное перекрытие [Сумароков, 1803, с. 48]. Ширина ворот 2,7—3 м, высота, вероятно, около 4 м.

Все остальные башни более позднего происхождения и датируются XIII—XV вв. Они принадлежат в большинстве своем к типу "ворота-башня" с упрощенным и сложным планом. Упрощенные ворота состояли из обыкновенных выступающих наружу или внутрь стен башен с воротными проездами. Башни чаще прямоугольные в плане (Кермен-Кая, Чуфут-Кале,

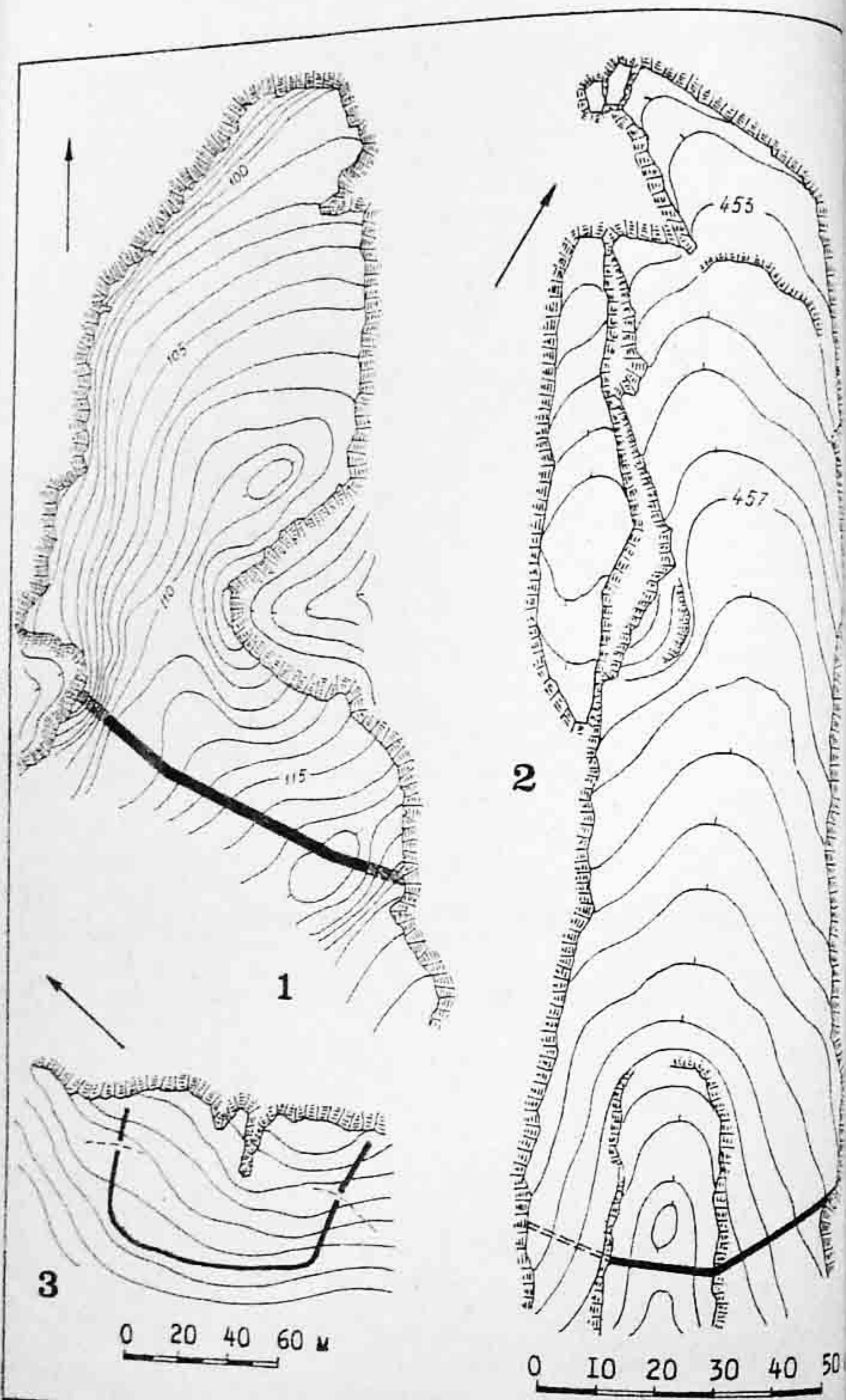
Р и с. 23. Южнобережные укрепления X–XIV вв.: 1 – Кобоплу; 2 – Дегерменкойский Исари; 3 – Плака.

Кыз-Куле)*. От надвратной башни Кермен-Кая (XIII–XIV вв.) сохранилось только основание. Его зачистки в 1962 г. произвел О.И. Домбровский [1963, с. 30–32, рис. 4]. Размеры въездной башни 6 x 8 м, ширина ворот 2,7 м (рис. 13, 3). Надвратные башни Фуны, Каламиты, Кыз-Куле, Чуфут-Кале сохранились достаточно хорошо для того, чтобы составить полное представление об их устройстве (рис. 17). Размеры въездной башни Кыз-Куле (XIV–XV вв.) 6,30 x 6,35 м, толщина стен 1,2 м. Сохранилась в византийской фортификации они получили название "пропутнакулум" [Овчаров, 1982, с. 44]

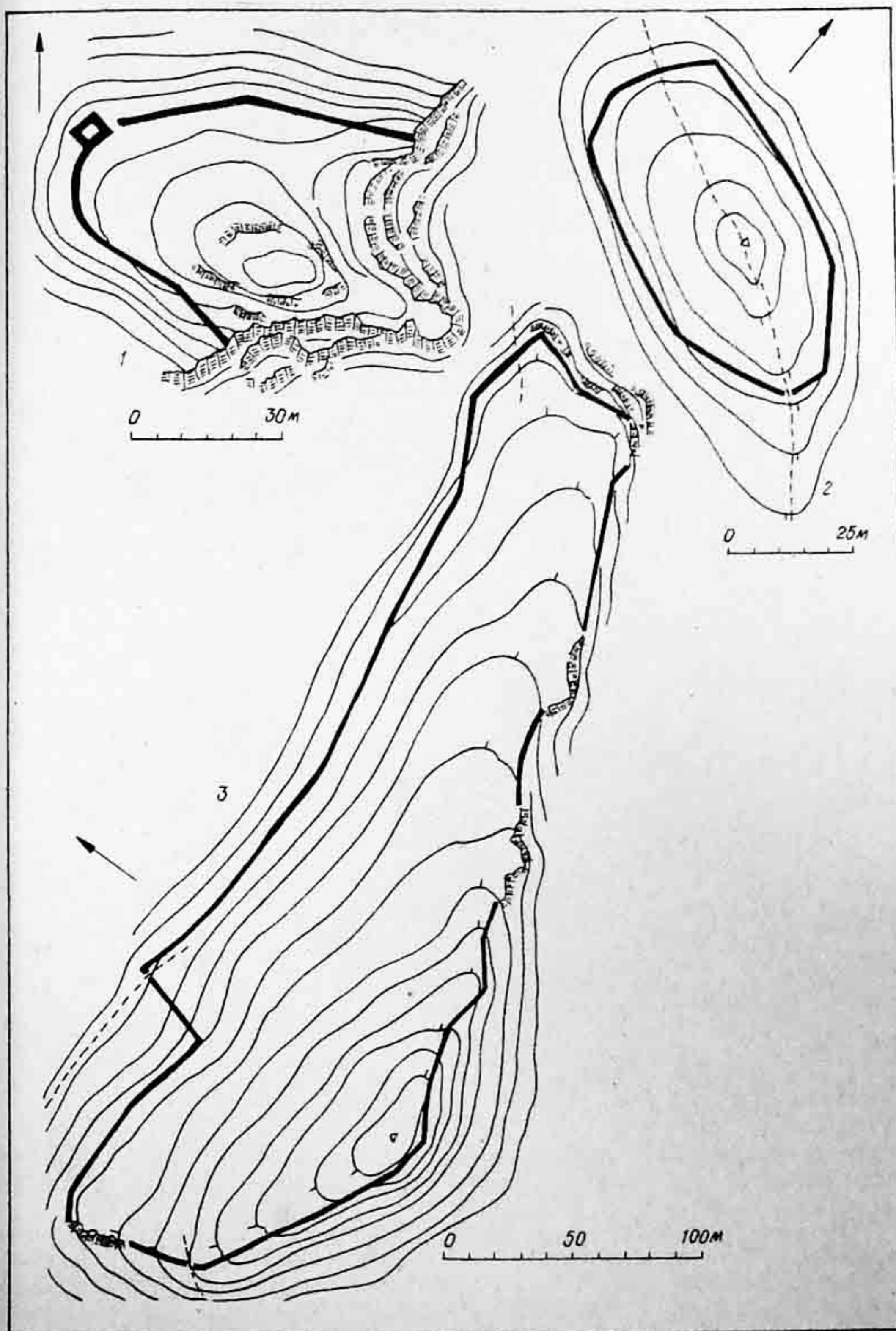
Р и с. 24. Укрепления Юго-Западного Крыма XIII–XV вв.: 1 – Керменчик; 2 – Яманташ; 3 – Киша.

соту на 7,8 м. В южной и северной стенах находятся две стрельчатые арки разной ширины и высоты. Высота арки южного фасада 4 м, ширина 2,6 м, северного фасада 4,6, ширина проезда 3 м. В пятах арок сохранились гнезда, в которых вращались полотнища ворот. Верх башни разрушен. Настил боевой площадки находился на высоте 6,8 м от основания (на это указывают пазы на внутренней поверхности стен). По всей вероятности, башня имела шатровое покрытие, покоившееся на парапете с окнообразными бойницами. Вся эта конструкция по высоте не превышала, видимо, 6 м. Если наши расчеты правильны, то общая высота башни Кыз-Куле около 13–13,5 м (рис. 17, 1, 2, 4).

Р и с. 25. Общинные городища Юго-Западного Крыма: 1 - Бурун-Кая (съемка И.А.Баранова Качи-Дже; 3 - Басман (по О.И.Домбровскому).

Р и с. 26. Укрепления X-XIII вв. долины р.Черной: 1 - Чоргунский Исар; 2 - Чирка-Каясы; 3 - Асаране-Бурун.

Ворота в средней крепостной стене Чуфут-Кале (Кырк-Ер) были построены, вероятно, в XI-XII вв., а в XIV в. перестроены (уже после захвата крепости татарами). Находятся они примерно в центральной части стены. Перекрыты арочным проемом шириной 4 м, высотой 6,5 м. Ворота массивные, открывались вовнутрь. В откосах сохранились пазы от засовов.

которым они запирались. Особенность ворот Чуфут-Кале состоит в том, что они как бы отступают от линии стены вовнутрь крепости. Подобный прием позволял надежно обеспечить вход в крепость фланговым обстрелом с куртины: с востока стена выступает на 6,1 м, а с запада на 1,5 м. Над во-

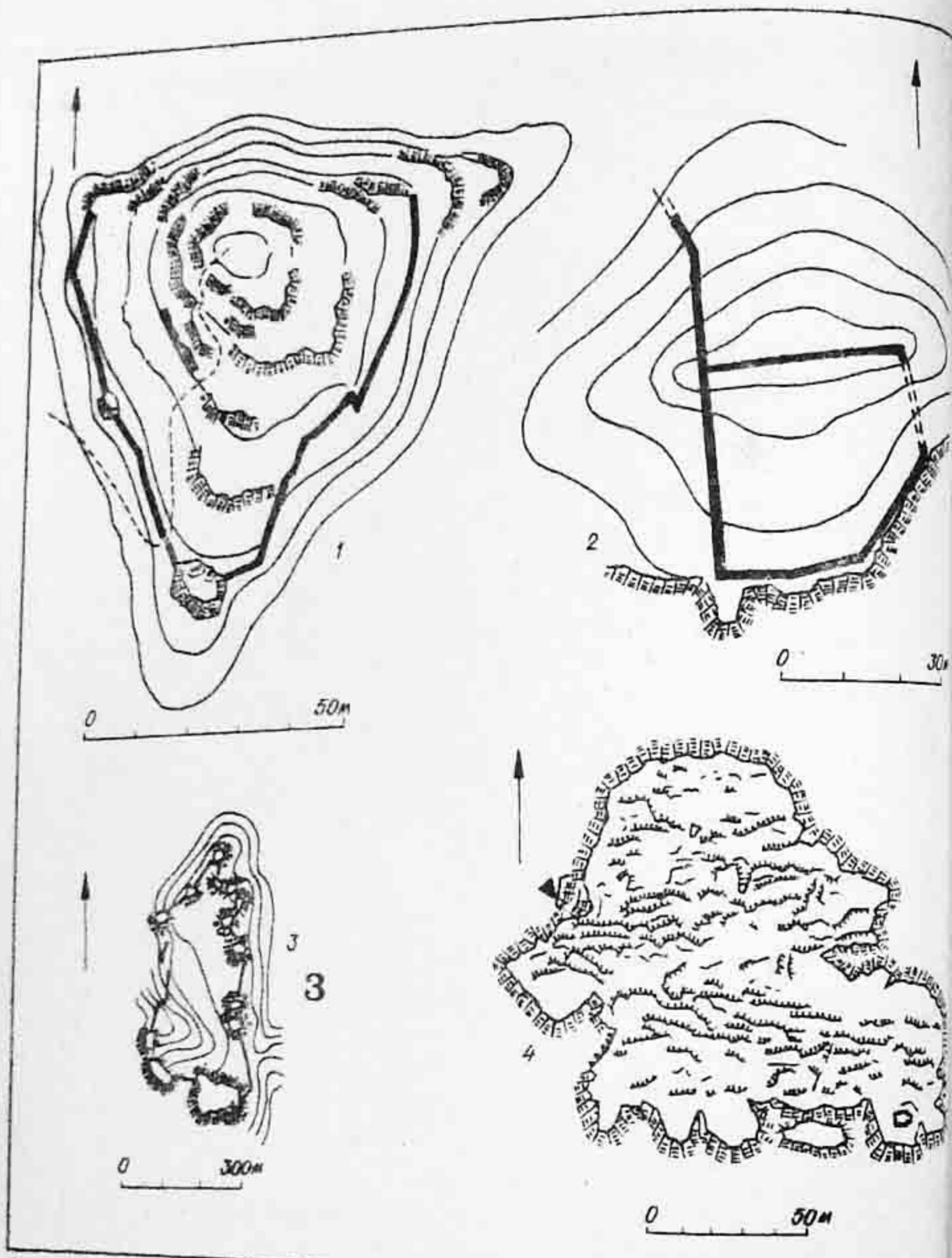

Рис. 27. Южнобережные укрепления IX–XIII вв.: 1 – Чунгур-Кая; 2 – "питатель" Чатырлаг; 3 – Биук-Исар (по О.И.Домбровскому); 4 – вершина Биук-Исара (состав Л.В.Фирсова).

ротами размещалась открытая боевая площадка 5 × 5 м. Общая высота ворот с парапетом и мерлонами достигала 10 м [Веймарн, 1905, с. 56].

Въездная башня Каламиты (построена, вероятно, 1427 г.) первоначально была прямоугольной в плане 6 × 10,9 м. Ширина ворот составляла 5,3 м. Толщина стен при этом не превышала 1,2 м. Высоту первоначальной въездной башни определить сложно, потому что ее разрушили еще в древности. При перестройке крепости, предпринятой генуэзцами между 1434 и 1441 гг., въездная башня достигает размера 13 × 10,6 м за счет выдвигания в наполюющую сторону. В плане она теперь имела U-образную форму. Воротный проем становится более узким и низким: ширина 3,1, высота 3 м (реставрация 1905 г., видимо, не сильно изменила их размер). С наружной стороны над воротами на высоте 5,8 м устраивается галерея с машикули, по окончании которой на каменных кронштейнах, прикрытая парапетом и зубцами. Завершается

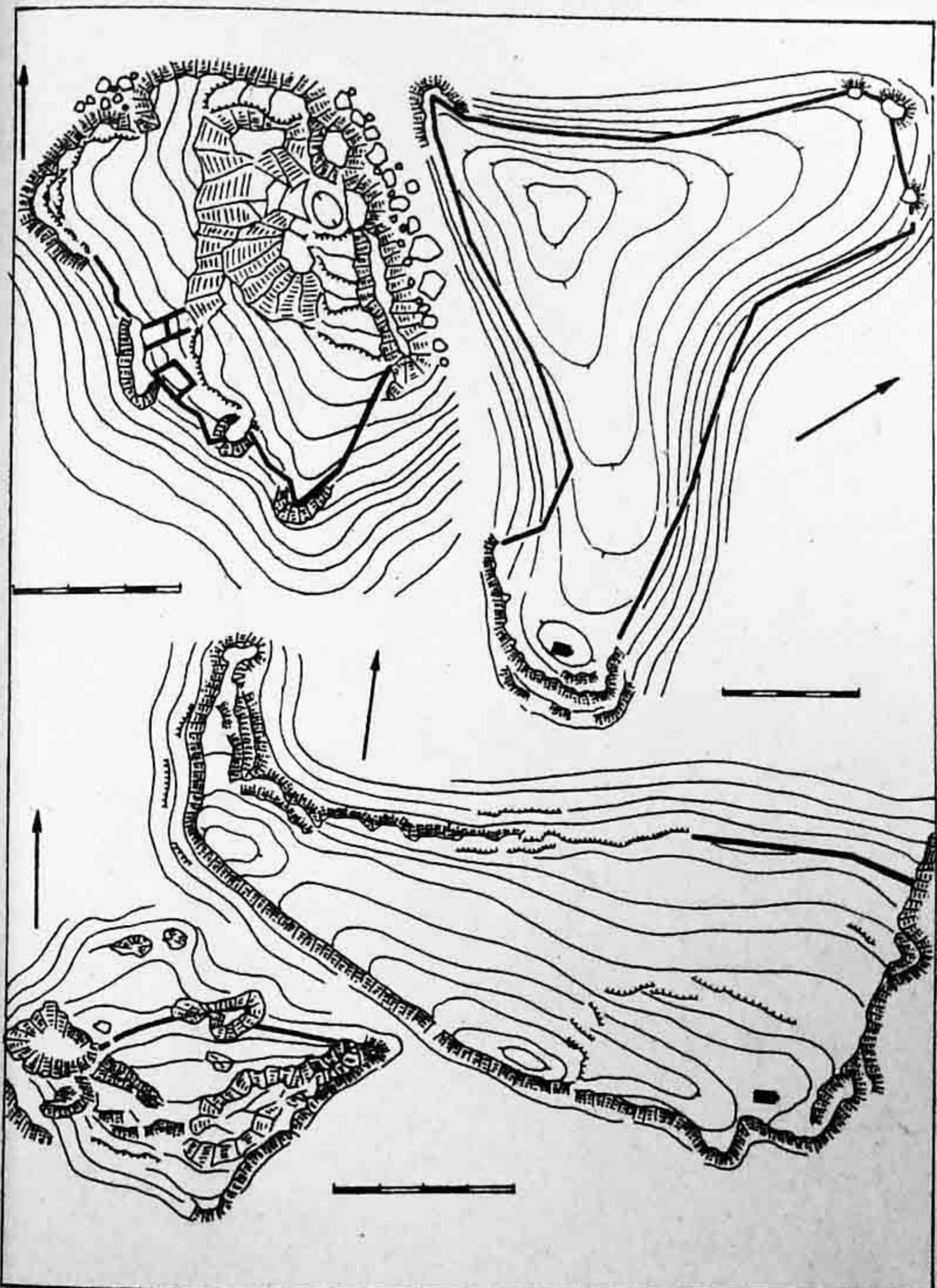
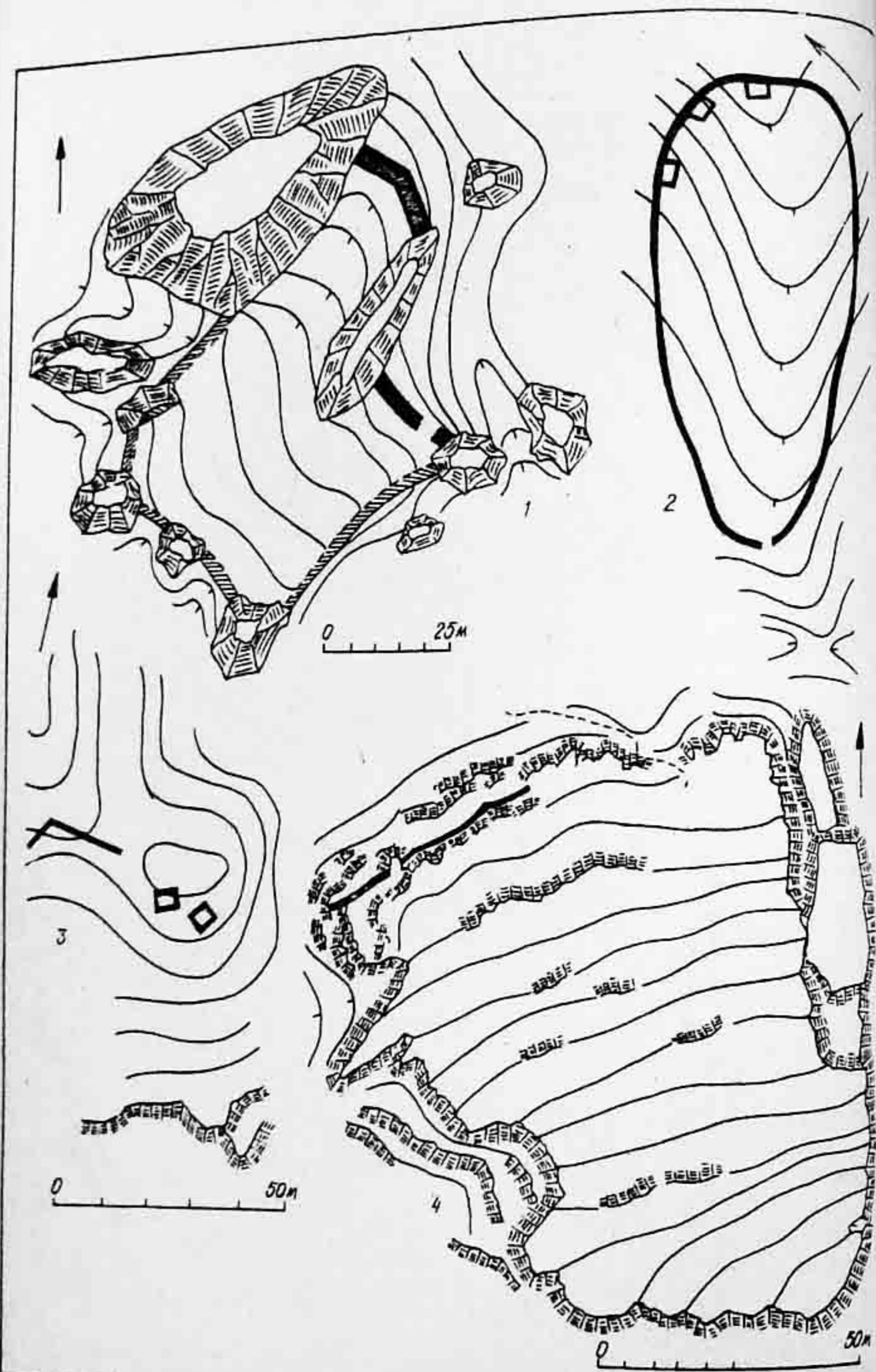

Рис. 28. Планы южнобережных укреплений X–XIII вв.: 1 – Ай-Йорй; 2 – Сераус; 3 – Палеокастрон (по О.И.Домбровскому); 4 – Пахкал-Кая.

башню открытая боевая площадка с мерлонами. Вся эта конструкция хорошо видна на рисунке М.Иванова 1786 г. [Кулаковский, 1914, № 53].

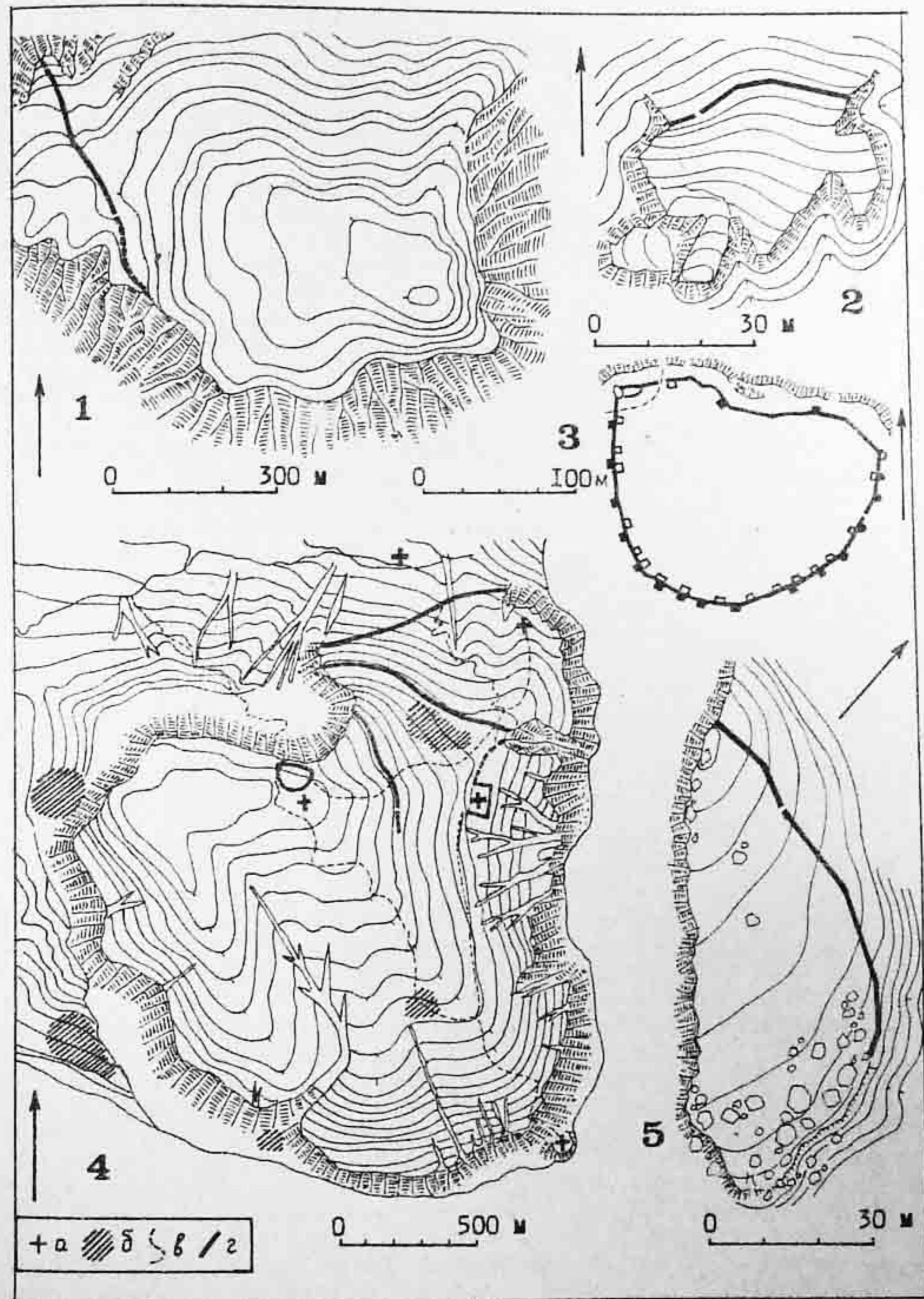
Надвратная башня Фуны была построена в первой четверти XV в. Вход в крепость XIV в. на этом участке не был чем-либо защищен. Его перекрывал цилиндрический свод высотой 2,75, шириной 1,9 м. Для прикрытия этого входа и была сооружена U-образная башня размером в основании 6,4 × 5,5 м, высотой около 9 м, выступающая за линию стен на 3,7 м. Те-

Р и с. 29. Южнобережные укрепления X–XIII вв.: 1 – Демерджи II; 2 – Ласпинское; 3 – Форосское; 4 – Каракули-Кая.

перь войти в крепость можно было только через эту башню. Нападающие, приближаясь к воротам крепости, вынуждены были подставлять не прикрытый щитом правый бок. Ширина нового входа 1,8, высота 2,5 м. Для дополнительной защиты входа с восточной стороны к башне пристраивалась стена длиной 1,2–1,5 м, шириной 0,7 м. Ее высота, видимо, не превышала 3 м (рис. 18). Сходные по планировке входные устройства получили распространение уже в раннее средневековье. Примером тому может слу-

Р и с. 30. Южнобережные укрепления X–XIII вв.: 1 – Кафель; 2 – Карабахский Исар; 3 – Кольцеобразное на вершине Аю-Дага; 4 – Аю-Даг (по О.И.Домбровскому и И.А.Баранову: а – храмы; б – поселения; в – дороги; г – заградительные стены); 5 – Каменка.

жить надвратная башня Анкарской крепости (VII в.) [Jerphanion, 1928, с. 175–180]. Надвратная башня Фуны была двухэтажной с открытой верхней площадкой. На второй этаж попадали по каменной лестнице, пристроенной перпендикулярно к крепостной стене (обычно лестницы идут вдоль стен, не мешая передвижению). Под лестницей был устроен проход со стрель-

чатой аркой (рис. 18). В 1459 г. вход в крепость Фуна был еще более усложнен: к восточной куртине пристраивается большая башня-донжон, а между въездной балней и юго-восточным углом донжона возводится стена протяженностью 16,5 м, толщиной 2,7—3 м (вероятная ее высота 7—8 м), которая замыкала образовавшийся проход трапециевидной в плане формы. Вход шириной 2,4 м был устроен между юго-восточным углом башни и новой заградительной стеной. Высота арки этого входа, видимо, составляла 3,6 м. Таким образом, к 1459 г. на Фуне была создана сложная система защиты крепостных ворот, не имеющая себе аналогов в крымской фортификации XIV—XV вв. (рис. 19—21). Подобные системы входов получили распространение в средневековой фортификации Болгарии XIII—XIV вв. и известны в укреплениях Баба Вида, дворцовом ансамбле Царевграда Тырнова, в крепости Рам [Харбова, 1981, с. 73]. Сходные по планировке входные устройства известны в Порховской (возведена в 1387 и перестроена в 1430 году), Изборской, Острожской, Псковской крепостях и получили в русской фортификации название "захабов" [Рапопорт, 1961, с. 151—152, рис. 118, 121, 122, 124; Кирпичников, 1984, с. 248—261, рис. 136, 3, 8; 144, 145, 147, 149, 150], а в оборонительном зодчестве европейских государств — "клавикула" [Clossarium Arts, 1977, с. 26].

Угловые башни имели особенно важное значение в организации обороны крепостей, потому что обладали более широкими возможностями для ведения наблюдения за противником и обстрела предпольного пространства. В Крыму угловые башни имели в плане круглую, трапециевидную, прямоугольную, шестигранную форму. Круглые угловые башни сравнительно редки и известны на трех крепостях XIV—XV вв. Это башня Ашага-Куле крепости Алустан (диаметр 8 м, сохранившаяся высота 16 м), Рускофиль-Кале (не сохранилась) и малая круглая башня Чобан-Куле (диаметр 5 м, она, видимо, служила водораспределительным колодезем). Прямоугольные и квадратные угловые башни на средневековых укреплениях Таврики встречаются чаще и известны в крепости Исар-Кая у горного прохода Шайтан-Мердвен (XIII в., размер башни 7 × 7,4 м), Камара (XIII—XIV вв., 7,5 × 7,5 м), Бакла (VI—X вв., 6 × 7,5 м), Качи-Кальон (XIII—XIV вв., 7 × 4,5 м), Кермен-Кая (XIII—XIV вв., 6,2 × 6,3 м), Керменчик (XIV—XV вв., 8,8 × 8,7 м), Сандык-Кая (XIII—XV вв.), Дегерменкойском исаре (XIII—XIV вв.), Кале-Поти (XIII—XIV вв., 7 × 6 м), Ай-Тодоре (у Ласточкина гнезда — рис. 22, 1, 2, 3, 6; 23, 2; 24, 1). Некоторые угловые башни XIII—XV вв., имеющие в плане, как правило, трапециевидную форму, представляют собой не только в фундаменте, но и на уровне верхнего этажа монолитную конструкцию (Фуна, Исар-Кая, Сюрю-Кая, Лимена-Кале). В таких случаях башни вместе со стеной образуют блок, не боящийся ударов тарана (рис. 21). Угловые башни неправильной многоугольной формы крайне редки. Одна такая башня известна на укреплении Кала-Фатлар. Редкостью является и шестигранная башня Чатал-Куле (Рогатая башня) Алуштинской крепости (XIV—XV вв.). Шести- и восьмигранные угловые и отдельно стоящие башни характерны для фортификации развитого средневековья. Подобные башни известны в цитадели крепости Рам (Болгария), которая была построена в XII в. и перестраивалась в конце XV — начале XVI в. [Дероко, 1950, с. 134, рис. 127, 128; Харбова, 1981, с. 73], укрепления Маглич (XIV в.), Небольшая башня в Белграде, донжон замка Голубаш (Югославия) [Дероко, 1950, с. 112, рис. 94]. При перестройке крепости Смедерево в 1480 г. турки по ее углам возвели три восьмигранные башни [Дероко, 1950, с. 147—148, рис. 142]. О. Шуази считал, что особенно часто восьмигранные башни возводились в Италии, откуда они, видимо, распространились на Балканы и проникли в Крым [1937, с. 537]. В настоящее время в самой Италии почти не сохранились многогранные башни. Можно назвать только большую восьмигранную башню XIV—XV вв. в замке Монтигноссо [Casiagli, 1979, с. 78, рис. 31].

Большинство башен в укреплениях средневековой Таврики устанавливалось между стен. Межстенные башни имеют круглую, квадратную, полу-круглую или U-образную форму, но преобладали во все периоды прямоугольные в плане башни. Иногда их число достигает нескольких десятков (особенно в таких крупных городах, как Херсон, Мангуп, Солдайя, Каффа, Солхат). Межстенные башни имели многоплановое функциональное назначение. Они служили для хранения припасов продовольствия, вооружения, обеспечивали прикрытия ворот, потерь, фланговый и фронтальный обстрел. Особо широкое распространение в XIV—XV вв. получили башни с открытой тыльной стороной (горжой). Они известны на Мангупе, Каламите, Чембало, Сандык-Кая, Солдае, Каффе. Трехстенные башни Каламиты, пристроенные к уже существовавшим куртинам, небольших размеров (ширина 6,5 м), выступают за линию стен на 3,5—3,6 м. Толщина стен этих башен невелика — 1,1—1,2 м. Они были трехэтажными с открытой верхней боевой площадкой. Достигали в высоту 12—13 м.

Иногда башни, занимающие межстенное положение, имеют внушительные размеры. Например, башня Орта-Куле (XIV—XV в.) алуштинской крепости (12 × 12,5 м, толщина стен 2,85 м) или башня-донжон замка Фуна (9,5 × 14,15 м, толщина стен 2,3 м) и цитадели Мангупа (9,6 × 16,6 м, толщина стен 1,75—2,3 м).

Расстояния между башнями на укреплениях средневековой Таврики не всегда строго выдерживались, потому что их возводили только на особо опасных участках обороны, которые, вероятнее всего, могли быть атакованы нападающей стороной. В Алуште, например, расстояния между башнями Чатал-Куле, Орта-Куле и Ашага-Куле 70—75 м, а по западной (протяженность 135 м) и южной (125 м) линиям стен башни вообще отсутствуют, видимо, ввиду значительной крутизны склонов. В крепости Фуна на восточном и западном участках стен протяженностью 114 м к 1459 г. было установлено четыре башни, расстояния между которыми составляют 8,16—16,7 м. Такой плотности расположения башен не имеет ни одно укрепление Крыма. В среднем же расстояние между башнями в крепостях Таврики приближается к каноническому — 35—40 м [Шуази, 1937, с. 516].

Для общинных городищ (укрепленных сельских поселений) не характерно строительство башен (рис. 25; 30, 1, 2, 5). Исключение составляют только два укрепления: Кыз-Кермен и Кольцеобразное укрепление на Аю-Даге, характер которого не совсем ясен и на протяжении последних десятилетий вызвал много споров среди ученых. На Кыз-Кермене на протяжении 125 м (длина стены, перегораживающей мыс) отмечено наличие только двух небольших полукруглых башен, примыкающих к куртине и выступающих за линию стены на 2,55 м. Расстояние между башнями 24 м (они смещены ближе к западному обрыву, первая башня находится в 31 м от него). Если предположить, что башни равномерно располагались вдоль всей стены, то по крайней мере должно было быть еще две башни. Но их остатки не выявлены раскопками [Бельй, 1981, с. 229—230]. Оборонительная стена Кыз-Кермена специфична и значительно отличается от остальных фортификационных сооружений, возведенных сельскими общинами Горного Крыма в IX—X вв. Она однолицевая. Внешний панцирь сложен из грубо отесанного бучардой известняка (блоки небольших размеров — 0,2 × 0,4 × 0,5 м) без связующего раствора. Кладка стоит не на скале, а на грунте, хотя для сооружения траншеи достаточно было углубиться на 0,3—0,4 м. С внутренней стороны к лицевому панцирю примыкает насыпь из бута и щебня, образующая пандус, обеспечивающий выход на боевой путь стены. Полная высота куртины с парпетом не превышала 5 м. На наш взгляд, сооружение башен (они явно построены после возведения стены) преследовало две цели: укрепить куртину, предохраняя ее от опрокидывания в наружную сторону под напором насыпного грунта, в этом случае башни играли роль контрфорсов и не были выше уровня боевого пути стены; обеспечить "верный" обстрел перед куртинами.

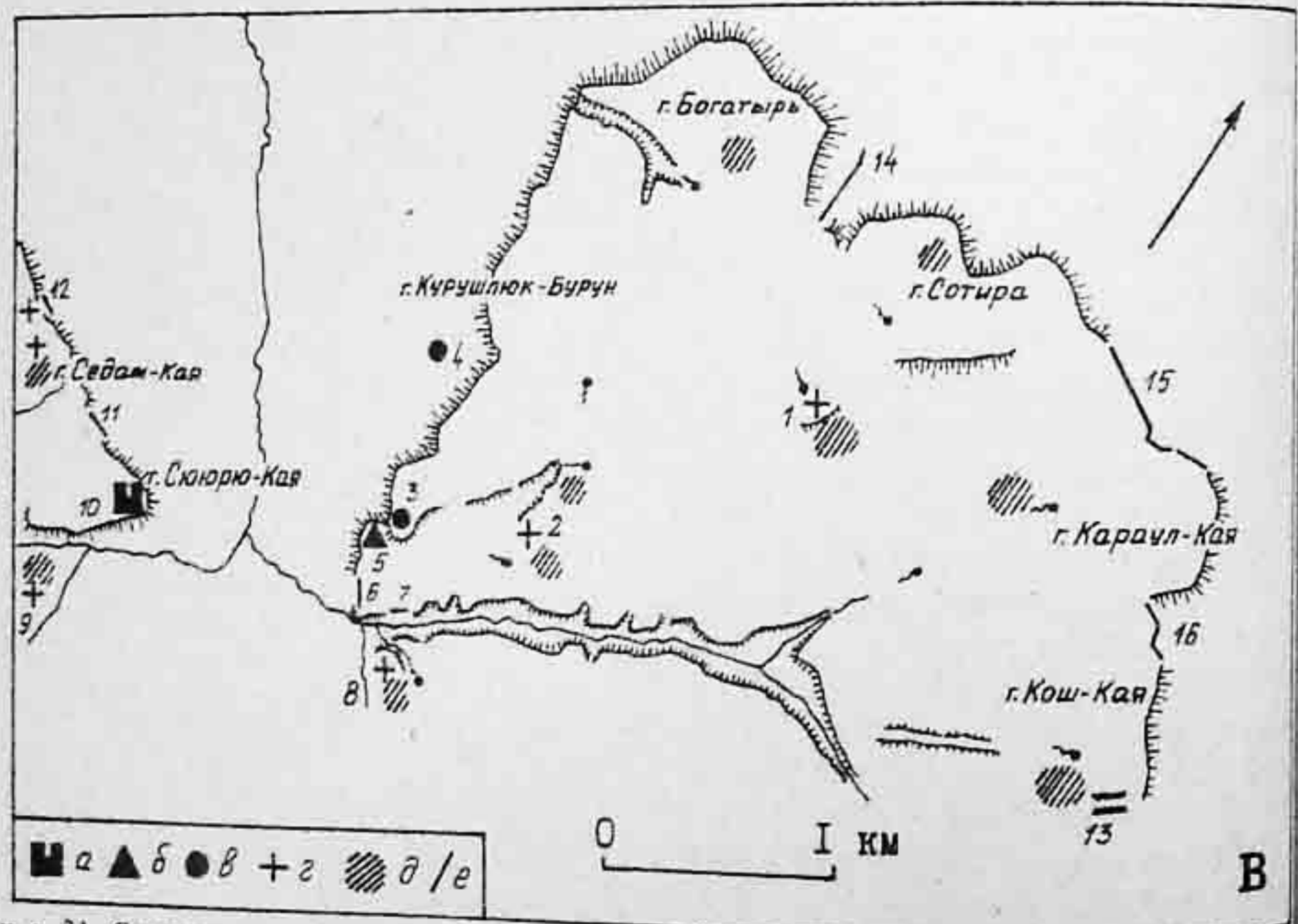
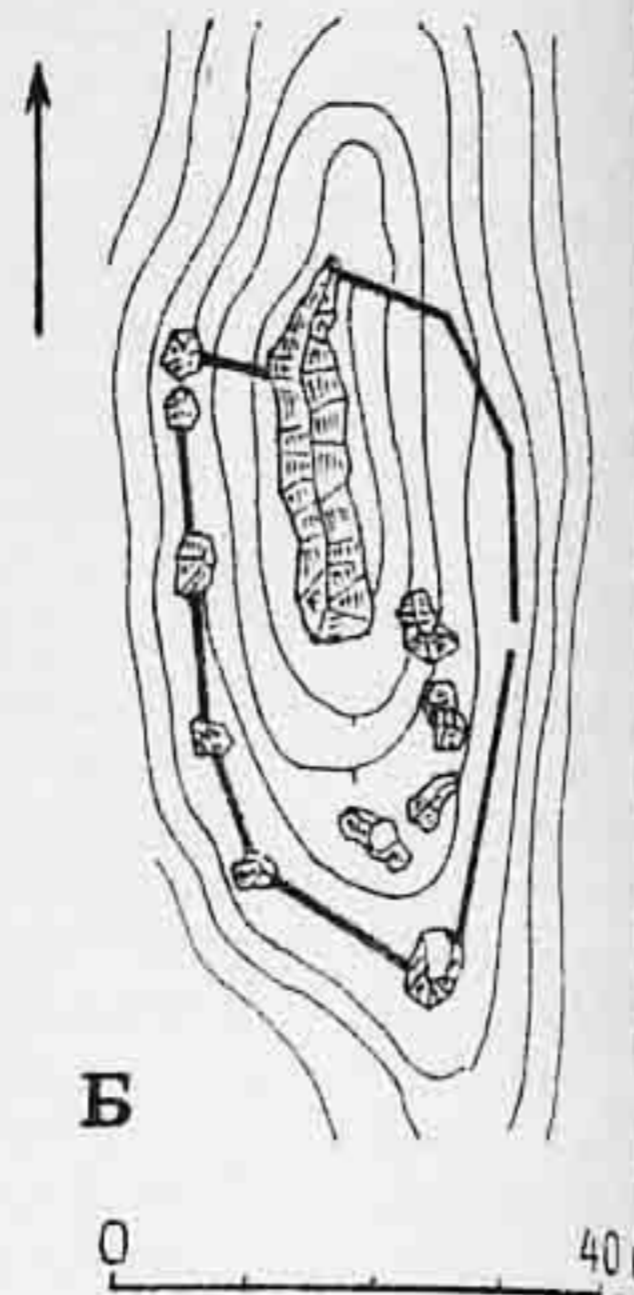
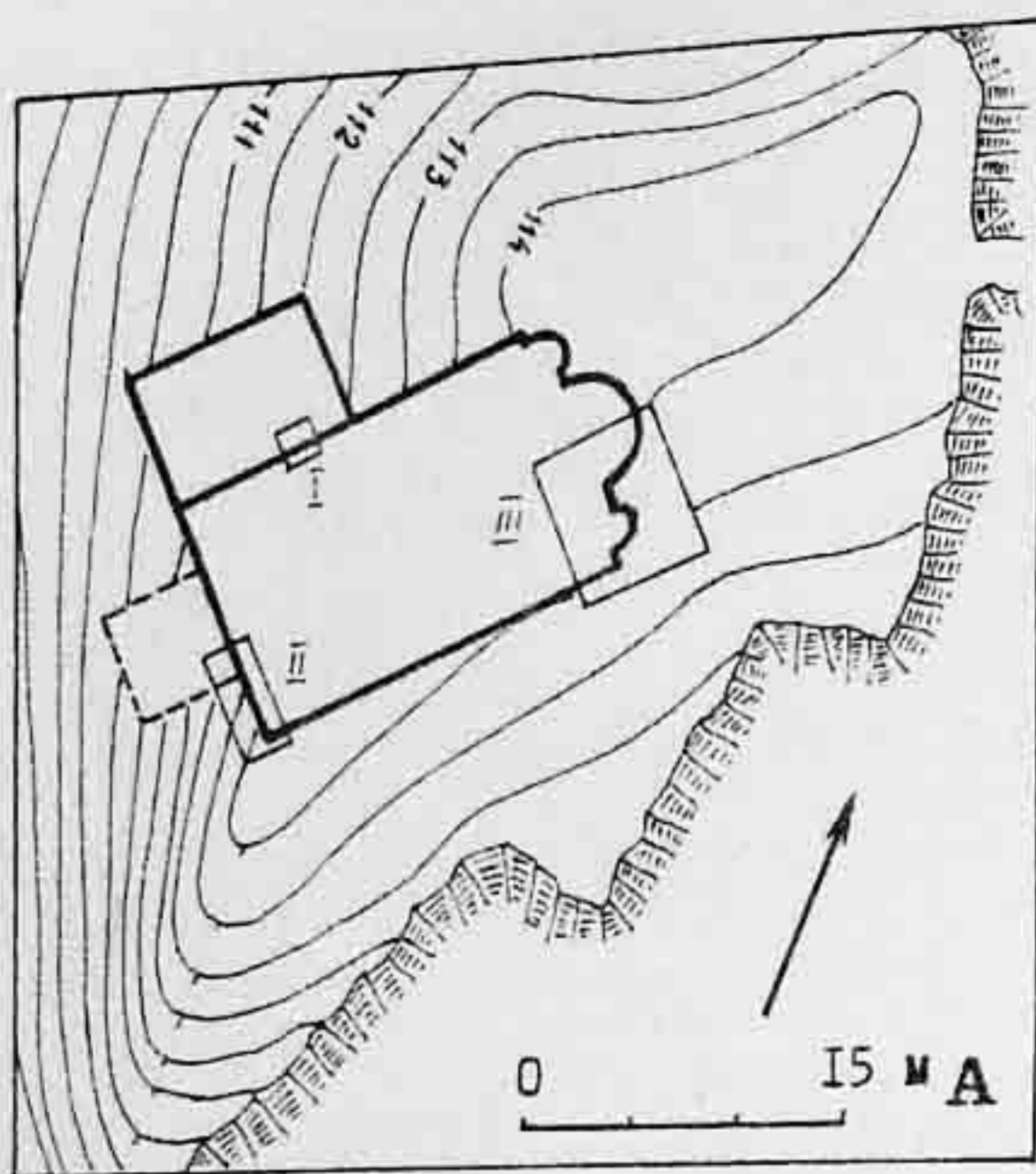

Рис. 31. Средневековые памятники X—XV вв. Коккозской долины и массива Бойки. А — храм Спаса на г. Сотера (по О.И. Домбровскому); Б — укрепленный загон у Бойкинского водопада (Курушлюк III); В — археологическая карта Бойки и Коккозской долины: а — замок XII—XIII вв. на г. Сюрю-Кая; б — сторожевое укрепление; в — укрепленные загоны; г — храмы; д — поселения; е — заградительные стены на перевалах: 1 — храм Спаса; 2 — храм и поселение у источника Джамлык-Су; 3 — Курушлюк I; 4 — Курушлюк III; 5 — Курушлюк I; 6, 7, 11, 12, 14, 15, 16 — заградительные стены на перевалах; 8 — храм и поселение в уроч. Алманчук (Панагия); 9 — храм и поселение в уроч. Гаур-Чаир; 10 — Сюрю-Кая; 13 — ров на склоне г. Кош-Кая.

Рвы, мосты, ворота и потерны. Для укреплений Таврики устройство рвов не характерно*. Это объясняется, с одной стороны, тем, что в большинстве случаев в них просто не было необходимости, а с другой — устрой-

* При строительстве некоторых средневековых городов Крыма перед крепостными стенами сооружались рвы и насыпались вала. Их остатки сохранились в Каффе, Солдае, рвом, видимо, обнесены стены Солхата. В Каламите ров раннесредневекового происхождения (VI в.) [Веймарн, 1958а, с. 62]. Перед средней стеной Чуфут-Кале было вырублено в скале три рва шириной 4 м, глубиной до 2 м, которые, вероятно, наполнялись водой [Веймарн, 1968, с. 49—52].

ство их в горных условиях технически сложно из-за прочности некоторых пород камня. Оборонительные рвы известны только на Бойке и Сарымамбаш-Кермене (рис. 31). На Бойке ров перегораживал перешеек, соединяющий горный массив с Яйлой [Домбровский, 1968, с. 83]. Следы рва и вала прослеживаются здесь на протяжении 50 м. Современная ширина рва 8—10 м, глубина 1,5—2 м. Сооружение рва перед стеной укрепления Сарымамбаш-Кермен диктовалось условиями его местоположения на оконечности ровного плато, что обеспечивало свободный подход к стене при штурме. Поэтому перед куртиной вырыли ров, глубина которого в настоящее время 0,7—1 м, ширина 4,5—5 м. Землю, выбранную при его сооружении, насыпали с внутренней стороны для пологого подъема на боевой путь. Перед входом в крепость ров был засыпан и по сторонам облицован бутовым камнем насухо.

Возведение мостов у крепостных стен средневековых укреплений Крыма является большой редкостью. Через ров в Каффе мосты были стационарными и не поднимались. Подъемные мостики сооружались только у входов в башни-донжоны (Консульский замок в Солдае, башня св. Николая в Чембало и, вероятно, донжон Чобан-Куле). Перед башней Кыз-Куле также находился деревянный мост, полотно которого опиралось на толстые бревна и он никогда не поднимался. Никаких приспособлений для подъема этого моста в стенах башни не видно. В Европе подъемные мосты появляются не ранее XIII в. и получают широкое распространение в XIV—XV вв. [Шуази, 1937, с. 528]. Как видим, в Крыму система подъемных мостов применялась только генуэзцами в укреплениях конца XIV — начала XV в. [Caciagli, 1979, с. 215, рис. 103].

Для большинства крепостей Таврики характерно относительно простое устройство ворот в виде проемов шириной 1,6—2,7 м (более широкие ворота редки). Иногда они фланкируются башнями. При этом их сооружали, следуя фортификационным канонам, справа от башен, чтобы подвергать обстрелу нападающих с незащищенной стороны [Витрувий, 1936, с. 35]. Но уже в раннее средневековье делаются исключения в зависимости от конкретных условий местности. Примером тому служит строительство ворот Сюйренской крепости, размещенных слева от башни и почти вплотную к ней (справа от башни находится потерна). При ширине ворот Сюйрени 3,2 м к ним можно подойти только по узкому проходу 3,5 м.

Важную роль в организации обороны крепостей были призваны играть потерны (небольшие ворота), предназначенные в основном для вылазок. Их стремились сооружать в скрытых местах, не видимых со стороны штурмующих. Поэтому вылазные калитки устраивали в башнях или возле них, реже — на ровных участках куртин, а чаще в местах, где стены делали изгибы. Из крымских памятников VI—XV вв. потерны открыты практически на всех укреплениях, на которых велись раскопки: они известны в большом количестве в Херсоне [Якобсон, 1959, рис. 26], Эски-Кермене [Веймарн, 1958, рис. 3, 8, 7, 11], Мангупе, Сюйрени, Чуфут-Кале [Веймарн, 1968, рис. 7, 7], Бакле [Талис, 1974, с. 100], Каламите [Веймарн, 1958а, с. 58—59, рис. 3—4], Чембало, Кыз-Кермене, Фуне и др. В цитадели Мангупа были устроены две потерны: одна в северной стене донжона, непосредственно у ворот (рис. 15, 1), другая на южном участке куртины. На Бакле для организации вылазок в скале был прорублен тоннель, через который можно было под стеной выйти за пределы крепости. При общей ширине 3,5—5 м, высоте 2 м тоннель у выхода резко сужается до 1,8—2 м, в высоту 1,5 м [Талис, 1974, с. 100]. Через потерну в восточной стене Каламиты можно было попасть в ров, а это позволяло скрытно выйти за пределы крепости и нанести внезапный фланговый удар нападающим. На Кермен-Кая вылазная калитка шириной 0,7 м была устроена между башней и обрывом. На Фуне потерна сооружается в 1459 г. между донжоном и угловой башней. Первоначально ее ширина составляла 1,58 м. До 1475 г., когда за-

мок был разрушен турками, потеряна несколько раз перестраивалась: сначала ее сузили до 0,98 м, а затем полностью заложили.

Машикули*. На первый взгляд постановка вопроса может показаться странной ввиду того, что в литературе по оборонному зодчеству средневековой Таврики едва можно набрать несколько строк и примеров на эту тему. Еще в 1886 г. А.Л.Бертье-Делагард, описывая Чоргунскую башню, отметил на ее вершине наличие массивных каменных кронштейнов, на которые опирался парапет. Но сам исследователь отверг мысль о том, что зодчество башни могла быть организована посредством устройства машикули на навесных кронштейнах. К этому выводу А.Л.Бертье-Делагарда привела принятая им априорно установка, что Чоргунская башня является сооружением поздним (турецкого времени — XVI—XVIII вв. — В.М.) и не могла служить целям обороны [1886, с. 250]. Этот ошибочный взгляд на памятник прочно утвердился в литературе [Репников, 1940, с. 28—29] и сравнительно недавно его повторил Д.Л.Талис [1974, с. 94].

Первоначально Н.И.Репников [1932, с. 187], а затем Е.В.Веймарн [1958, с. 23] и Д.Л.Талис [1974, с. 95] поставили вопрос о возможности использования в качестве машикули отдельных окон и амбразур в казематах пещерных городов. Но при осмотре всех пунктов, на которые ссылались эти авторы, легко убедиться в ошибочности их суждений. Дело в том, что из пещерных казематов через окнообразные бойницы можно вести обстрел под углом не более 60° к горизонту, а в большинстве случаев — 35—45°. Следовательно, эти фортификационные устройства были предназначены для поражения осаждающих еще на подступах к укреплению. Достигнув отвесных стен, роль которых выполняли скальные обрывы, штурмующие практически становились неуязвимыми для защитников крепостей. Основная цель сооружения машикули — обеспечение поражения противника у самого основания стен, башен и воротных проездов. Причем поражение камнями, стрелами и прочими средствами производилось под углом 90 и менее градусов (до 65°). Как раз этого и не позволяют осуществить бойницы в казематах пещерных городов, а значит, их нельзя классифицировать как машикули.

Естественно возникает вопрос: использовались ли в фортификации средневекового Крыма машикули и как они выглядели? Ввиду развернувшихся на полуострове реставрационно-ремонтных работ на оборонительных сооружениях средневековых крепостей, этот вопрос носит не только историко-теоретический, но и прикладной характер. Сравнительно хорошо сохранившиеся стены и башни укреплений в большинстве случаев позволяют только догадываться, какой облик имели части, венчавшие их.

А.Л.Якобсон при описании фортификационных сооружений Каффы говорит о наличии машикули на башнях города. Здесь он несколько детализирует этот аспект, отмечая на башне св.Константина машикули на кронштейнах**. На это беглое упоминание исследователи средневекового Крыма не обратили внимания. О машикули на воротной башне Судакской крепости пишет А.А.Артемьев, также не вдаваясь в детали [1985, с. 289]. С.А.Секиринский подробно описывает эти башни, но умалчивает о машикули [1955, с. 67]. А.И.Опочинская, впервые опубликовавшая точный план ворот Судака, не упоминает о наличии на них навесных кронштейнов от машикули

* Машикули — галерея с навесными бойницами. Этимологически — "позволяющее пропускать то, что сокрушает" [Леврон, 1986, с. 29]. В эпоху средневековья получили распространение машикули двух систем: на выступах и на арках. В первом случае машикули с помощью выступов опираются на массивную крепостную стену, во втором — нагрузка переносится на опорные точки на контрфорсах стены [Леврон, 1986, с. 28—29]. С системой машикули европейцы близко познакомились во время первых крестовых походов. Впоследствии рыцари пользовались ими во всех крепостях Палестины [Шуаля, 1937, с. 518].

** Е.А.Айбабин также бегло упоминает о наличии на башне св.Константина на уровне второго этажа сохранившегося ряда кронштейнов, которые некогда поддерживали машикули, идущие галереями вдоль стен башни [1988, с. 76].

[1986, с. 253—265, рис. 4, 5]. И.А.Баранов считает, что на кронштейны опирались стропила перекрытия воротных башен, а не навесные бойницы [1988, с. 82, рис. 10].

Изучение руин башен укреплений Юго-Западного Крыма Чуфут-Кале, Сюйрени, Кыз-Куле, Мангупа позволяет с уверенностью говорить, что на этих памятниках машикули отсутствовали (для рассмотрения нами привлечены только хорошо сохранившиеся башни). Здесь для ликвидации "мертвого" пространства перед куртинами и башнями использовались фланговый обстрел и амбразуры "подошвенного боя". Стены на этих памятниках не превышают 6,5—10 м, а башни — 10—15 м. Пожалуй, единственное исключение среди названных укреплений составляет донжон цитадели Мангупа, на внутреннем фасаде которого, на уровне третьего этажа, помещались пять каменных кронштейнов. Эта внутренняя парадная часть здания практически лишена защитных приспособлений на случай захвата противником цитадели: пять широких окон и два дверных проема явно ослабляли защитную функцию башни. На пять каменных кронштейнов опиралась деревянная галерея с машикули, полностью закрывая три окна третьего этажа, обеспечивая обстрел террасы перед входами в донжон. Подобные галереи обычно сооружали в случае военных действий, а в мирное время их конструкции хранили в разобранном виде [Султанов, 1903, с. 194—195]. В данном исключении можно видеть влияние западноевропейской фортификации на оборонное зодчество Мангупа XV в.

Но если для крепостных сооружений глубинных горных районов такое явление, как машикули, не характерно или крайне редко (отмечено только на одном памятнике), то в ряду прибрежных крепостей имелись на вооружении машикули, от которых сохранились до наших дней реальные остатки в виде выносных каменных кронштейнов (Чоргунская башня, воротная башня Судака и башня св.Константина в Феодосии), либо их наличие зафиксировано на рисунках конца XVIII в., когда эти памятники находились в хорошем состоянии. Например, над воротами Каламиты во время владения ею генуэзцами в XV в. была устроена боевая площадка с машикули, прикрытая парапетом с мерлонами. Остатки этого сооружения хорошо видны на точном рисунке М.Иванова, сделанном в 1786 г. [Кулаковский, 1914, рис. № 53 из альбома М.Иванова]. На эту важную деталь не обратил внимания А.Л.Бертье-Делагард, приписывавший перестройку воротной башни туркам [1886, с. 197—205]. Турки в XVII—XVIII вв. при реконструкции крепости вряд ли стали бы возводить машикули на выносных кронштейнах, которые уже к XVII в., когда все более широкое применение при штурмах крепостей получает "огнестрельная" артиллерия, не строятся в европейских странах*.

Машикули на каменных кронштейнах были устроены на особо важных башнях в Каффе (башня св.Константина, Джюванни ди Скаффа, св. Фомы, Доковой), Судаке (донжон консульского замка Санта Кроче, воротная, состоящая из двух башен, Якобо Торсело и Бернабо ди Франко ди Пагано), Алуште (Чатал-Куле, Орта-Куле, Ашага-Куле), Чобан-Куле, Чембало (донжон в замке св.Николая, св.Георгия и угловая № 5), уже упоминавшейся Чоргунской башне и двух башнях в Каламите (Воротная и Проездная), — всего на 16 памятниках.

Машикули завершали архитектурно донжоны, воротные башни и башни с цистернами для воды. Эти укрепления, кроме Каламиты и Чоргунской

* Крепостные стены XII—XIII вв. Дубровника после 1453 г. подвергаются значительной перестройке с целью их приспособления к условиям применения огнестрельного оружия. Архитектор из Флоренции Микеллози, реконструировавший в 1461 г. самую большую башню в Дубровнике — Минчету, сохранил зубчатый парапет на кронштейнах с арками, который носит в данном случае декоративный характер [Lukša, 1972, с. 12—14].

башни*, на основании письменных источников связывают со строительной деятельностью генуэзцев в XIV—XV вв. Генуэзские башни отличаются массивностью и высотой, достигавшей иногда 20—25 м (а не 15, как считает А.А.Артемов) [1985, с. 288]. Некоторые башни генуэзских крепостей имели завершение в виде двух-трех поясов арок. Аркатурные пояса носили не только декоративный характер, но и позволяли увеличить вынос кронштейнов, выступающих от поверхности стены не более чем на 0,7—1 м. Сами кронштейны изготавливались из цельных блоков известняка и песчаника либо из трех каменных брусков, поставленных один над другим с некоторым выдвиганием вперед верхних ярусов. Таким образом, получались составные кронштейны, способные выдерживать значительные нагрузки. Концы брусков в этих случаях закругляли, что придавало кронштейнам вид сложных фигурных профилей. Иногда им также придавали профиль наподобие "гуська" (например, Чоргунская башня). Составные кронштейны сохранились до настоящего времени на трех памятниках: башне св.Константина (Каффа) и башнях Якобо Торсело и Бернабо ди Франко ди Пагано (Солдайя)**. Здесь высота кронштейнов, состоящих из трех брусков, равна 0,9 м, они выступают от поверхности стен на 0,7 м, расстояние между кронштейнами 0,68—0,70 м.

Наличие на башнях аркатурных поясов дает представление о том, как крепился каменный парапет на кронштейнах. Для этого с кронштейна на кронштейн перебрасывались арки, на которых надстраивались парапет и мерлоны [Viollet-le-Duc, 1875, с. 201, рис. 4; Султанов, 1903, с. 196]. Есть также основание считать, что в большинстве случаев галереи с машикули имели перекрытия. Причем кровля опиралась не на парапет, стоящий на кронштейнах, а на внутренние каменные и деревянные конструкции стропил [Viollet-le-Duc, 1875, с. 198—199, рис. 2; Шуази, 1937, рис. 363, М].

В двух известных нам случаях галереи с машикули занимают не верхнюю, а среднюю часть башен. Это Воротная башня в Каламите и башня св.Константина в Феодосии. В Каламите машикули находились на высоте 5,8 м, прикрывая вход в крепость и ликвидируя полностью "мертвое пространство" перед воротами. На башне Константина галерея с машикули находится на высоте 12,4 от современной поверхности.

Иногда косвенно о наличии машикули на тех или иных башнях (даже при условии, что не сохранились кронштейны или аркатурные пояса) говорит наличие каменных откосов-талусов, на которых как бы возвышаются сами башни. Талусы придавали башням более прочное положение, а также служили для рикошетирования снарядов, сбрасываемых на штурмующих через машикули [Viollet-le-Duc, 1875, с. 207, рис. 10; Леврон, 1986, с.28]***. На крымских памятниках каменные откосы есть на круглой башне Чембало (замок св.Николая), башне консульского замка Санта Кроче и башне Бернабо ди Франко ди Пагано в Солдае, башнях св.Фомы и св.Константина в Каффе, башне Орта-Куле в Алуште (талус перестраивался при реставрации башни в XIX в.).

Что касается определения времени строительства башен с машикули на средневековых памятниках Таврики, то для этого известно достаточно

* В связи с решением вопроса, кем была построена Чоргунская башня, определенный интерес представляет сообщение П.С.Палласа и А.Л.Бертье-Делагарда о ручье Баргана или Багана (Вагана, Вагала), впадающем в р.Черную у с.Чоргунь (ныне Чернореченское) [Pallas, 1801, с. 103; Бертье-Делагард, 1886, с. 247]. В одном из генуэзских источников под 1461 г. упоминается селение Ваганда [Юргевич, 1886, с. 6]. Вероятно, с.Чоргун в XV в. носило название Баганда (Баганда) и принадлежало генуэзцам, которые возвели здесь сторожевую башню.

** Еще одним примером применения профилированных консолей в виде кронштейнов среди архитектурных памятников Солдаи является "храм на консолях", построенный, вероятно, не ранее XIV в. Его северная апсида поддерживается тремя профилированными кронштейнами.

*** Подобный прием использовался в фортификации стран Востока с древнейших времен, был занесен крестоносцами из Сирии и быстро нашел применение в оборонном зодчестве европейских государств [Шуази, 1937, с. 517].

эпиграфических материалов [Юргевич, 1863, с. 157—177; Skrzinska, 1928, с. 101—138; Скржинская, 1958, с. 166—175]. К наиболее ранним постройкам с машикули относится башня Джiovанни ди Скаффа — 1342 г., а наиболее поздним — башня св.Константина — 1467 г. (время последней перестройки и ремонта башни). Реконструкцию Каламиты генуэзцы, вероятно, провели в течение 10—12 лет: захватив крепость в 1434 г., они, видимо, вынуждены были ее вернуть к 1441 г. (в этом году был заключен договор о "мире" между Генуей, Венецией, Кафпой и Мангупом) или в 1446 г., когда трапезундский флот (13 галер) деспота Давида во время похода на Каффу в качестве базы использовал гавань Каламиты [Карпов, 1981, с. 113]. Таким образом, прибрежные укрепления Крыма Каламита, Чембало, Чоргунская башня, Алушта, Чобан-Куле, Солдайя, Каффа являются памятниками западноевропейского фортификационного искусства XIV—XV вв.

Стиль завершения крепостных стен и башен аркатурными поясами и машикули на навесных кронштейнах зародился в Северной Италии и распространился еще в эпоху раннего Возрождения на Апеннинах [Cacingli, 1979, с. 27—38, 55, 179—221, рис. 8, 14, 15, 19, 20, 88, 97, 106, 112]*. В XIII—XV вв. этот стиль также отмечен на обширном регионе в фортификации Центральной, Южной и Западной Европы [Bevenuti, 1940, с. 46—47, рис. 4; Дероко, 1950, с. 48, 49, 54, 88, рис. 38, 39, табл. IV, VIII; Benov, 1964, с. 106, рис. 51, 73; Харбова, 1979, с. 82, рис. 32, е, ж, з; 1981, с. 75, рис. 25, е, г; Попович, 1982, рис. 36]. С походами крестоносцев он распространился на материковой Греции, азиатском континенте и на островах Средиземноморья [Paradissis, 1979, с. 37; 1982, с. 50—58, 142—145, 155—159, рис. 18, 61, 78], достигнув восточного побережья Черного моря и района Трапезунда, рядом с которым генуэзцы и венецианцы возвели свои крепости [Карпов, 1981, с. 63, 69, 111]. Сильное влияние североитальянской архитектурной школы обнаруживается практически на всем побережье Средиземного и Черного морей, где располагались фактории Венеции и Генуи.

Техника кладки и конструкция стен. Каждому этапу крепостного строительства в Таврике соответствует определенная техника кладки и конструкция стен. Ранневизантийская фортификация VI—X вв. значительно отличается от оборонительных сооружений XII—XV вв. На первом этапе лицевые панцири стен и башен в основном возводятся из тесаных блоков (квадров) с внутренней забутовкой и заливкой известковым раствором (opus caementicum) [Вачева, 1979, с. 2—3]. В данном случае основную роль в конструкции играют панцири. Квадровая кладка (opus quadratum) применялась при возведении стен крепостей Юго-Западного Крыма: Херсона, Каламиты, Эски-Кермена, Мангупа, Сюрени, Тепе-Кермена, Чуфут-Кале, Баклы. Во всех случаях использовался местный строительный материал. Некоторое исключение в группе раннесредневековых византийских крепостей составляют Алустон и Гурзуф, стены которых сложены из бута с отесанной лицевой стороной. Куртина Алустона (VI в.), открытая раскопками 1987 г., на протяжении 35 м сложена из крупных камней (размер некоторых достигает 0,9 × 0,5 × 0,4 м) с соблюдением горизонтальности рядов. Толщина стены 2,8 м. Сохранилась в высоту до 2,2 м. При ее сооружении была создана платформа-фундамент (или субструкция) [Овчаров, 1982, с. 34] шириной 3—3,3 м, на которую установили крепостную стену. Эта куртина сложена на известковом растворе с добавлением морского песка крупной фракции.

Использование бутового камня при возведении крепостных стен в VI—VII вв. византийскими мастерами явление довольно частое и хорошо пред-

* Законодателями подобной архитектурной моды в дворцовом строительстве считаются мастера из Флоренции. Классическим примером тому служит Палаццо Венеция, построенный около 1455 г. уроженцем из Венеции кардиналом Петро Барабаро (будущий папа Павел II — 1464—1471 гг.) [Федорова, 1985, с. 156].

ставлено материалами раскопок на территории Болгарии [Овчаров, 1982, с. 70—71]. Стена Алустана соответствовала канонам фортификации того времени. Согласно "Тактике" анонимного византийца VI в. средняя толщина на куртины должна была составлять 5 локтей (около 2,3 м), а высота 20 локтей (9,5 м) [Велков, 1959, с. 177]. Если следовать этим расчетам, то толщина стены Алустана составляет 6 локтей (2,8 м), высота 22 локтя (около 10,5 м). Столь мощными оборонительными стенами обладали не многие ранневизантийские крепости. Например, из 78 укреплений VI в., расположенных на территории современной Болгарии, только 16 имели примерно такие же толстые стены [Овчаров, 1982, с. 35]. О том, насколько качественно были выполнены строительные работы в Алустане, говорит факт долговременности существования крепостной стены (несмотря на многочисленные пожары и разрушения) — VI—XV вв.

Несмотря на общее конструктивное единство оборонительных стен крепостей VI—IX вв. Юго-Западного Крыма, кладка представлена несколькими вариантами: трехслойная двулицевая; двухслойная двулицевая; двухслойная однолицевая. В основном использовалась кладка, состоявшая из двух рядов облицовки с забутовкой между ними [Талис, 1974, с. 92]. Облицовка стен выполнялась из известняковых блоков, уложенных с соблюдением рядов. Их размер 1 × 0,8 × 0,5 м. Забутовка состоит из щебня и грубо околотого камня, скрепленного известково-песчаным (или чисто известковым) раствором, как, например, на Эски-Кермене и Бакле [Веймарн, 1958, с. 9; Талис, 1974, с. 99]. Кладка ложнотычковая постелистая или орфостатная и тычковая орфостатная. Чередование квадров ложком и тычком прослеживается на отдельных участках крепостных стен Мангупа (Капу-Дере), Сюрени, Чуфут-Кале (первый строительный период). Куртины большинства раннесредневековых византийских крепостей сложены из блоков, поставленных тычком к лицевой части стены. Эта система кладки характерна не только для укреплений VI—VII вв. Таврики, но известна на городищах этого времени, возведенных византийскими мастерами в Северной Африке [Lassus, 1982, с. 64—70], Болгарии [Харбова, 1981, с. 105—106, 125, рис. 43, 51, а—в; Овчаров, 1982, с. 64—66, рис. 42] и других районах империи.

Для установки стен на скальной поверхности иногда вырубались специальные "постели", которые иногда позволяют установить планировку оборонительных сооружений даже тогда, когда куртины и башни не сохранились [Якобсон, 1949, с. 55—63; 1950, с. 118]. Но в большинстве случаев строители обходились, видимо, без вырубок, подсыпая под стены щебень или глину (как, например, сделано на Сюрени и Бакле) [Талис, 1974, с. 93, 99].

Высота стен и их толщина на каждом укреплении зависели от конкретных условий местности. Ширина ранневизантийских куртин не одинакова даже на одном памятнике. На Мангупе она составляет 1,7—3,5 м [Талис, 1974, с. 92], Эски-Кермене — 1,7—2 м, Сюрени — 2,5, Чуфут-Кале — 4—4,5 м [Веймарн, 1968, с. 55]. О высоте стен чаще всего можно судить только предположительно, потому что боевые площадки раннесредневековых куртин сохранились только на Эски-Кермене и Сюрени, где они соответственно находились на высоте 2,8—3,2 м (Эски-Кермен) [Веймарн, 1958, с. 27—29] и 3,8—4,5 м (Сюрени). Боевой путь был выложен плитами, которые на Эски-Кермене достигают значительных размеров — 2 × 1 × 0,3 м [Веймарн, 1958, с. 27]. На Сюренской крепости они несколько меньших размеров — 1,5 × 0,6 × 0,25 м. С напольной стороны боевой путь с размещавшимися на нем защитниками крепости прикрывал парапет с мерлонами общей высотой до 1,8—2 м. Реконструировать эти элементы на Сюренской крепости позволяют находки в завале стен мерлонных колпаков треугольной в сечении формы размером 0,45 × 0,5 × 0,9 м. Эти параметры служат для точной реконструкции парапета и мерлонов: толщина парапета состав-

ляет 0,5 м, ширина мерлонов 0,9 м, расстояние между мерлонами тоже, видимо, было около 0,9 м. Треугольные в сечении мерлонные колпаки известны из раскопок раннесредневековых стен Херсона [Белов, 1953, с. 240, рис. 8, 9] и в целом характерны для византийской фортификации [Харбова, 1981, с. 117—118, рис. 49; Овчаров, 1982, с. 36]. Г.Д.Белов принял мерлонные колпаки, обнаруженные им у западной оборонительной стены Херсона (VI в.), за сами мерлоны (зубцы) и поэтому неверно реконструировал верхнюю часть куртины [1953, с. 240, рис. 8, 9]. Назначение мерлонных "двускатных" колпаков не ограничивалось только "отводом дождевых вод", как считали М.Харбова и др. [1981, с. 117—118]. Они также должны были рикошетировать каменные ядра, которыми нападающие стремились поразить защитников крепости или сбить мерлоны. В западноевропейской фортификации периода развитого средневековья двускатные мерлонные колпаки трансформируются в карнизы с двумя скатами, выступающими более чем на 1 м с каждой стороны, рикошетируя снаряды и прикрывая тем самым защитников [Шуази, 1937, с. 522].

Ширина боевого пути (или плоскости обхода) стен ранневизантийских крепостей составляла 1,2—3,5 м. Высота с парапетом и мерлонами была различной от 5 до 10,5 м. В среднем она, видимо, составляла 7—8 м. Если ширина боевого хода была менее 1,5 м, то на стене не смогли бы разойтись два вооруженных воина [Витрувий, 1936, с. 32]. Это, в свою очередь, требовало сооружения консольного выноса для расширения ходовой части. Консольный вынос и настил в таких случаях делали из дерева, которые были недолговечными, быстро выходили из строя, особенно при возникновении пожара. В Сюренской крепости плоскость обхода с внутренней стороны башни была сделана из больших плит известняка. В этом примере можно видеть стремление строителей избежать использования деревянных конструкций при сооружении укрепления.

Оборонительные сооружения сельских (иногда и городских) общин Таврики IX—X вв. резко контрастируют с фортификацией византийских крепостей VI—X вв. Их стены в большинстве случаев сложены из бута на глине или насухо. Эта техника кладки восходит, видимо, к местной традиции глубокой древности и напоминает убежища первых веков н.э. Создается впечатление, что строители возводили эти оборонительные сооружения в спешке, на скудные средства и при непосредственном приближении опасности в конце IX — начале X в. В Алуште в это время в 30—40 м перед крепостью VI в. строится новая стена толщиной 1,5—1,9 м. Сложена она из разномерного бута на глине и опоясывала восточный склон Крепостной горки. Такая же стена, но из грубо отесанных блоков мшанкового известняка была установлена на восточном склоне Тепе-Кермена, прикрывая нижний ярус пещер и пригород. Причем эта кладка однолицевая с заполнением внутреннего пространства буютом и землей. Рядом на Кыз-Кермене и в верховьях Алимовой балки (Качидже) в IX—X вв. также возводятся стены, которые не могли служить надежной защитой при долговременной осаде. Их высота с парапетом не превышала 5 м. Для придания куртинам большей устойчивости их панцири выкладывались под углом 80—85° к горизонту. Простота (если не слабость) фортификационных сооружений сельских общин, поселения которых были защищены в основном естественными преградами, говорит, видимо, не только о спешке и недостатке средств, но и о том, что они были предназначены для обороны от противника, не обладающего осадными средствами и не владеющего хорошо разработанной тактикой штурма крепостей [Рапопорт, 1956, с. 146].

Оригинальным явлением в фортификации Крыма X—XII вв. можно считать конструкцию и технику кладки средней оборонительной стены Чуфут-Кале. В отличие от ранневизантийской кладки первого строительного периода (VI в. ?) куртина X—XII вв. сложена из блоков с пятью отесанными гранями. Шестая сторона оставлена даже без грубой оббивки. При этом ши-

рина отесанных боковых сторон блоков не превышает 10—20 см при толщине камня 0,4—0,6 м. Облицовка стены, достигавшей в ширину 4, а в высоту 10 м, выкладывалась из тщательно подогнанных камней [Веймарн, 1968, с. 45—77]. Раствор между швами не заливался, поэтому блоки сторонами непосредственно примыкали друг к другу. Швы между камнями замазывались с внутренней стороны густым раствором. После этого пространство между лицевыми панцирями заливалось жидким известково-песчаным раствором, в который укладывались бутовый камень и щебень. Поэтому в бутобетоне отсутствуют пустоты и стена представляет собой монолитное сооружение. Подобная техника кладки, когда каменные блоки одновременно являлись облицовочным материалом поверхности стен, опалубкой для внутрестенного бутобетона и конструкцией, принимающей на себя часть нагрузки, приходящейся на стену, характерна для мастеров средневековой Армении [Халпахчян, 1953, с. 45—46, рис. 12—13].

В период развитого средневековья, когда на территории Горного Крыма на рубеже XII—XIII вв. разворачивается новый этап крепостного строительства, стены укреплений возводятся из бута на известково-песчаном растворе. Панцирная каменная облицовка несет нагрузку распора. Облицовка и забутовка плотно перевязаны и практически не разделимы. Кладка ведется без строгого соблюдения горизонтальности рядов. Бутовая система кладки на известково-песчаном растворе в этот период преобладает и получает широкое распространение в районах Черного и Средиземного морей [Дероко, 1950, с. 38—55, рис. 21—42; Хаброва, 1981, с. 110—111, рис. 45, б—е]. Тщательно отесанный камень используется только при оформлении углов, откосов, амбразур, башен, лестниц и проч. Куртины становятся более тонкими и высокими. Чтобы придать стенам и башням устойчивое положение, их облицовка выкладывается под углом 80—85°. Поэтому в своей верхней части стены сильно сужаются. Ходовая часть становится настолько узкой (1,1—1,3 м), что для ее расширения сооружается из дерева консольный вынос. Настил боевого хода также был деревянным. Поэтому при раскопках у оборонительных стен XIII—XV вв. прежде всего находят сгоревшие деревянные конструкции от ходовой части.

Важной конструктивной частью оборонительных стен остаются парапеты и зубцы. Ширина брусвера в это время (XII—XV вв.) составляет 0,5—0,9 м. Верхнюю часть зубцов венчают чаще двускатные колпаки, выложенные из бута на известковом растворе. Зубцы генуэзских укреплений чаще всего имеют завершение в виде хвоста ласточки. Остатки таких зубцов зарисовал в 1786 г. М.Иванов на Воротной башне Каламиты.

Существенной деталью крепостных стен и башен XII—XV вв. является использование при их возведении деревянных брусков и бревен, скрепленных между собой и образующих рамы. Если в раннем средневековье дерево использовалось крайне редко и почти исключительно для междуэтажных перекрытий башен и лестниц, то в XII—XV вв. широко применяются сантрачные системы, игравшие роль скрытых крепежных внутренних поясов [Харбова, 1981, с. 110—111, рис. 45, б—е]. При сооружении высоких и массивных стен из бута до момента застывания известкового раствора требовалось создание связующего каркаса, предохранявшего стену от расползания. К тому же каркас позволял равномерно распределить нагрузку на нижнюю часть кладки. В Крыму сантрачные системы использовались не только при строительстве куртин, но и при возведении полукруглых, круглых и прямоугольных башен. Следы от деревянных брусков выявлены в башне Ашага-Куле в Алуште (башня круглой формы) Чобан-Куле, Чембало, Каламите и других укреплениях XIII—XV вв. Достаточно хорошо видна сантрачная система в полукруглой башне замка Фуна, построенной в первой четверти XV в. На сохранившуюся высоту башни — 7,4 м — приходится шесть ярусов деревянных брусков и бревен четырехгранной в срезе формы размером от 8 × 11 до 15 × 18 см. Наименьшее расстояние между ярусами 0,42 м, максимальное (V—VI ярусы) — 2,03 м, а в среднем не пре-

вышает 1,23 м. Причем в нижней части башни деревянные бруска укладывались почти через каждые два — четыре ряда кладки (0,4—0,8 м).

Строительные растворы. При изучении средневековых оборонительных сооружений особое значение наряду с исследованием их конструктивных особенностей имеет характеристика строительных растворов — степень обжига извести, процентное содержание и качество наполнителей (песка, глины, толченой керамики). Знание характера раствора позволяет судить о принадлежности памятника к той или иной строительной школе, а также к определенному строительному периоду.

В некоторых случаях при первом знакомстве с укреплениями Горного Крыма создается впечатление, что их оборонительные стены сложены насухо без связующего раствора. Это обстоятельство и позволило отдельным ученым отнести время строительства горных крепостей к таврской поре [Шульц, 1959, с. 251]. Но, как показали дальнейшие исследования (особенно за истекшие два десятилетия), укрепления Таврики в своей основе являются средневековыми памятниками и были построены в VI—XV вв. При проведении на них раскопок и углубленных разведок удалось обнаружить остатки вяжущего раствора — известковая крошка, морской песок, гравий с налипшими кусочками извести.

Строительные растворы, которые использовались при возведении крепостей, можно разделить на три типа: известковый; глиняный; комбинированный (кладка панцирей выполнялась на извести, а забутовка между ними скреплялась глиняным раствором или чередовалась укладка ярусов, сложенных на извести, с ярусами, сложенными на глине). Комбинированный раствор применялся, видимо, в целях экономии извести, которой при сооружении крепостей требовалось много. По подсчетам Л.В.Фирсова, вяжущий раствор на средневековом укреплении Алушка-Исар составлял 1/8 часть всего объема кладки стены [1963, с. 223]. Кроме соображений экономического порядка (недостаток средств для возведения оборонительных сооружений на известковом растворе, что было все-таки дорогим), можно назвать и другие причины, заставлявшие вести кладку на глине или насухо. Это прежде всего срочность строительства крепостных стен, вызванная приближением опасности. В некоторых случаях, видимо, строители фортификационных сооружений, возведенных насухо или на глине, следовали местным традициям. Подобное явление характерно не только для Крыма — оно отмечено также на Кавказе [Мшвениерадзе, 1959, с. 29—53], в Болгарии и в других районах Средиземного моря [Овчаров, 1982, с. 70].

Под воздействием выветривания известкового вяжущего раствора, который как бы создавал предохранительную оболочку, глина быстро вымывалась и стены разрушались под воздействием сил природы. Стены, сложенные на глине, разрушались, видимо, еще быстрее, чем кладки, возведенные с использованием комбинированного вяжущего раствора. После разрушения оборонительных стен на глине или на глине-известке создавалось впечатление, что они были сложены насухо. Куртины, сооруженные с использованием известкового раствора (кладка панцирей и забутовка), разрушаются медленней.

Известны также случаи, когда на одном укреплении в различные периоды его существования оборонительные стены строились с использованием иного вяжущего раствора. Например, на г.Крестовой в Верхней Ореанде первоначально крепостные стены были возведены на известково-песчаном растворе (X—XII вв.), а при их перестройке в XIII в. в качестве вяжущего использована глина, что придало "пестрый" характер кладке оборонительных стен [Скобелев, 1974, с. 108—111].

Крепостные стены большинства средневековых укреплений Горного Крыма сложены с использованием известково-песчаного раствора*.

* Цемяночный раствор при строительстве горных крепостей использовался редко. На цемьянке сложены раннесредневековые стены в Херсоне, на Мангупе, второй этаж Сюрренской башни, ранняя куртина Алустана.

куртины небольшой группы "исаров" были возведены "насухо" или, как говорилось выше, на глиняном и комбинированном растворе. К укреплениям со стенами, построенными насухо, в Юго-Западном Крыму относятся Сарымамбаш-Кермен, Долгая, Басман, Кыз-Кермен, Курушлюк I, Курушлюк II, Бага, Хапулар (?), Асаране-Бурун, Загайтанское (раннее), Чирка-Каясы, Тепе-Кермен (нижняя стена), Качи-Дже, Сюрю-Кая (две нижние стены). Кроме того, "насухо" сложена передовая "таврская" стена Сюйренского укрепления, а также средняя оборонительная стена Алустана.

На Южнобережье — это Ай-Мори, Сераус, Чунгур-Кая, Каменка, Чатырдагское, Демерджи I и II, Карабахский исар, Кастель, Аю-Даг, Коболу, Каракули-Кая, Ласпинское, Биюк-Исар (нижняя стена). Таким образом, примерно 32 укрепления имеют кладку стен "насухо". Из них шесть крепостей имеют стены, сложенные на извести и "насухо", т.е. около 1/3 из известных в настоящее время в Горном Крыму городищ построены с использованием в качестве вяжущего глины или глиняной извести.

Как вяжущее при приготовлении раствора вводился растительный белок, возможно, отвар или крахмальный клейстер, что способствовало упрочению раствора. Заполнитель представлен местным горным песком со сложным минеральным составом, в который входят кварц, полевые шпаты, кристаллический известняк, пироксен и диффузивный материал и все многообразие минералов, слагающих диориты и гранодиориты. Определенный интерес представляет примесь в составе заполнителей кератофиров. Так называется красно-бурый материал, внешне напоминающий цемянку, а в действительности представляющий собой продукт выветривания бескварцевых эффузивных горных пород, содержащих преимущественно гидроокислы и окислы железа, часто хлоритизированные. В растворах крепости Фуна кератофиры применены не в чистом виде, а присутствуют как естественная примесь в заполнителе (об этом говорит их небольшое количество и неравномерное распределение в растворе).

Несмотря на общее сходство составов, растворы Фуны содержат разное количество заполнителя, что сказалось на прочности, визуальной характеристике, и свидетельствуют о одновременности и поэтапности строительства и о разных школах мастеров. Процентный состав заполнителя (песок) и известкового вяжущего различен от 42 до 90 % (известь) и соответственно от 10 до 50 % — песок различной фракции. Для кладки стен дождюна 1459 г. известь составляет 83—85 %, а песок соответственно — 15—17 %.

Типология средневековых укреплений Таврики. Критериями функциональной типологизации крепостей могут быть система и конструкция оборонительных стен, башен и проч.; характер внутрикрепостной застройки; социально-историческая значимость укрепления в окружении синхронных поселений.

Сложность социально-исторической типологии состоит в том, что многие укрепления функционировали на протяжении длительного времени, поэтому система, конструкция обороны, техника кладки, характер застройки и их социально-историческая значимость менялись.

В крепостном строительстве Таврики принимали участие различные социально-политические и экономические силы, что накладывало свой отпечаток на характер и внешний облик укреплений. Это византийская администрация, сельские общины и монастыри, светские феодалы, владельцы Феодоро, генуэзская Колония и итальянские сеньоры. Зачастую внешний облик укреплений находился в тесной зависимости от того, какими людскими, материальными ресурсами и техническими возможностями, военнотеоретическими знаниями и практическими навыками обладали социальные прослойки или классы феодального общества, ведущие крепостное строительство. Чем выше был уровень перечисленных факторов, тем внушительней воздвигалось укрепление. Поэтому среди городищ VI—XIII вв.

легко можно было отличить крепостные сооружения, построенные византийскими мастерами на основании передовых принципов фортификации своего времени, от крепостей общинников, внешне простых или даже примитивных. Но все-таки одним из факторов, влияющих на изменения конструкции оборонительных сооружений, является развитие тактики штурма крепостей. Именно переход к тактике прямого штурма укреплений привел к быстрому исчезновению общинных городищ, которые не были приспособлены к отражению нападения с применением камнеметов, таранов и прочих средств захвата.

Распознавание различных типов памятников периода развитого средневековья усложняется, когда в Крыму в XIV—XV вв. существуют три основных вида укреплений: город, замок, укрепленный монастырь, потому что их фортификационные сооружения практически ничем не отличаются (единство применяемой тактики приводит к однообразию фортификации). Почти во всех случаях мы находим стены и башни, сложенные из бута на известково-песчаном растворе. В тех случаях, когда памятник изучен археологически слабо, для определения его функциональной значимости приходится привлекать данные топонимики, письменных источников, а иногда предания и легенды.

Достаточно полные знания о системе обороны, характере внутрикрепостной застройки позволяют определить его социально-историческую значимость. В связи с этим выделяются такие разновидности укреплений: города; византийские крепости; укрепленные монастыри; городища сельских общин; заградительные стены на перевалах; укрепления типа замков в прибрежных и горных районах.

Средневековые города Крыма были хорошо укреплены и имеют многовековую историю (Херсон, Мангуп, Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Судак, Каффа, Солхат, Корчев-Боспор). Херсон и Боспор унаследовали от античной эпохи городскую структуру, планировку, а также оборонительные сооружения, которые уже в период раннего средневековья подверглись существенной реконструкции [Прокопий Кесарийский, 1939, с. 249—250]. Историческая значимость городов Таврики была различной. По размерам и численности населения их условно можно разделить на большие, средние и малые. К группе больших следует отнести города-крепости с населением 3—5 тыс. человек (в Херсоне и Судак в период расцвета население было, видимо, и того больше); к числу средних — города с населением 2—3 тыс. человек (Чуфут-Кале, Эски-Кермен, Мангуп); к группе малых — пункты, население которых совместно с жителями пригорода не превышало 1—2 тыс. человек.

Часть городов Южной Таврики выросла из раннесредневековых византийских крепостей VI—VII вв. Таковыми являются Каламита, Эски-Кермен, Мангуп, Сюйрен, Тепе-Кермен, Чуфут-Кале, Бакла, Гурзуф, Алустан, Судак. В своей основе эти укрепления сохранили раннесредневековые фортификационные сооружения до XIII в. На протяжении VI—XIII вв. крепостные стены и башни городов неоднократно ремонтировались, что изменяло их внешний облик, но планировка почти всегда оставалась прежней.

Города Таврики играли многоплановую социально-историческую роль в жизни края. Они являлись политическими, хозяйственными, административными, военными, религиозными и культурными центрами. Среди них ведущая роль до XIII в. принадлежала Херсону. В городах размещались византийские гарнизоны и администрация. Они служили опорными пунктами империи на территории полуострова на протяжении VI—XII вв. (до 1204 г.). Основой экономики населения городов являлись сельское хозяйство, ремесло и торговля. Пожалуй, только Херсон находился в сильной зависимости от торговой конъюнктуры. Остальные города Таврики обладали определенной экономической независимостью. Территории этих ук-

решений были плотно застроены. К укреплениям примыкали обширные посады*, жители которых занимались сельским хозяйством, ремеслами, торговлей и промыслами.

Укрепленные монастыри X—XV вв. выделяются доминирующим положением храма среди других строений [Домбровский, 1974, с. 45]. На Южном берегу к этой группе крепостей относятся Ильяс-Кая, Панеа, св. Иоанна (?), Ай-Тодор (у пос. Малый Маяк), Пахкал-Кая и, вероятно, Ай-Тодор у Ласточкина гнезда (рис. 1—3). В Юго-Восточном Крыму к этому типу городищ предположительно можно отнести только Пампук-Кая и Качи-Кальон**.

Наиболее ранние укрепленные монастыри возникают на рубеже IX—X вв. Некоторые из них существуют до конца XV в. (рис. 2—3). Но не все они были построены в IX—XIII вв. Например, на г. Ай-Тодор у с. Малый Маяк монастырская церковь возведена в XIV в. на руинах сторожевой башни.

Среди множества крепостей средневековой Таврики особое место занимает Бойковский массив (рис. 2—3; 30, В). По площади, защищенной стенами (225 км²), с ним не может сравниться ни одно укрепление Горного Крыма. Пока не совсем ясен и характер этого огромного комплексного памятника. О.И. Домбровским было высказано предположение, что это городище представляло собой замкнутый удел, состоящий из нескольких поселений, объединенных вокруг большого храма Спасителя, который являлся для них в X—XIII вв. религиозным и административным центром [1968, с. 96; 1974, с. 55]. Оборонительные сооружения Бойки состоят из длинных стен, перегораживающих горные перевалы, двух небольших укреплений на южной оконечности хребта Курушлюк и рва, пересекающего узкий перешеек, соединяющий Бойку с Яйлой (рис. 30, В). В данном случае имеем довольно пестрый набор фортификационных сооружений. Видимо, Бойка представляла собой укрепленный церковно-феодалный комплекс — явление оригинальное среди крепостей Южной Таврики X—XV вв., хотя нечто похожее можно наблюдать и на Аю-Даге (рис. 30, 4). Сходство этих памятников уже отмечалось в литературе [Домбровский, 1974, с. 54]. Большую ясность в трактовку этого памятника могут внести только дальнейшие раскопки на Бойке и в особенности исследования примечательного по своему местоположению и размерам храма Спаса (рис. 30, А).

Городища сельских общин Горного Крыма (общин Готии письменных источников) делятся на поселения, обнесенные крепостными стенами; укрепленные загоны для скота, убежища; сторожевые посты (рис. 2—3). В большинстве случаев оборонительные стены этих крепостей сложены из бута насухо или на глине. В загонках для скота и убежищах культурный слой практически отсутствует, что затрудняет их датировку. На территории укрепленных сельских поселений и сторожевых постов размещались жилые и хозяйственные постройки X—XIII вв. Иногда внутри оборонительных стен находились и небольшие церкви. К XIV в. городища общинников на территории Горного Крыма исчезают почти повсеместно. Материал XIV—XV вв. обнаружен только на двух укрепленных сельских поселениях — Сарымамбаш-Кермен и Долгая в долине р. Бодрак (рис. 1—3).

Наиболее многочисленной группой крепостей Южной Таврики являются феодалские замки (рис. 1—4, в). Они появляются на рубеже XII—XIII вв., что знаменует собой переход к развитому средневековью на территории Горного Крыма. Крепостные стены замков сложены из бута на известково-песчаном растворе. Основную роль в организации их обороны играют башни-донжоны, не характерные для общинных городищ. Внутрикрепост-

* Исключением составляет только Сюйренская крепость, рядом с которой нет посада, но у подножия мыса Куле-Бурун находится обширное средневековое поселение, игравшее роль пригорода.
** Еще не до конца выяснен вопрос о существовании оборонительных сооружений у пещерных монастырей Юго-Западного Крыма. Поэтому эти памятники не рассматриваются в монографии.

ную территорию замков занимают жилые и хозяйственные постройки слуг феодалов и дружинников. Здесь же находятся небольшие храмы-часовни, в которых зачастую устраивались фамильные усыпальницы, а вокруг располагались могилы рядовых обитателей крепости. Замки делятся на две основные хронологические группы: памятники конца XII—XIII в. и укрепления конца XIV в. — 70-х годов XV в. (рис. 3). Замки XIV—XV вв. имеют более сложную систему обороны (например, замок у селения Фуна) (рис. 21). Замки делятся на государственные и частновладельческие. В XII—XIII вв. строительство замков в Таврике ведет, вероятно, провинциально-византийская знать, получившая во владения земельные наделы — прони. Помимо частновладельческих замков прониаров в 60-х годах XIV в. крепостное строительство ведут князья Феодоро, стремившиеся укрепить свои границы. Замки мангупских князей сочетают в себе черты частновладельческих и государственных крепостей, несших сторожевую службу на границах княжества. Укрепления Коммуны Генуи в Таврике на начальном этапе колонизации также являлись государственными замками. Со второй половины XV в., когда переживает острый кризис вся колониальная система генуэзцев в Черном море, начинают сооружать или покупать у Коммуны замки частные лица — итальянские сеньоры (например, замок братьев Гуаско в селении Тасили).

Помимо перечисленных разновидностей оборонительных сооружений в Таврике X—XIII вв. существовали заградительные стены, закрывающие проходы в отдельные горные долины и урочища: на Караби-Яйле, между Северной и Южной Демерджи, у подножия Эклизи-Буруна, на перевалах между обрывами Южного бережной яйлы — Байдарском, Бузлукском, Тарпанбаирском [Соломоник, Домбровский, 1968, с. 33; 1986, с. 533; Веймарн, 1980, с. 19—33]. Развалины таких стен известны между Сюрю-Кая и Седам-Кая, у пещеры Данильча-Коба. Перевал из Байдарской долины в уроч. Кокия защищала стена, о которой упоминал П.И. Кеппен [1837, с. 57]. Все эти заградительные стены сложены из бута насухо и в них можно видеть следы строительной деятельности сельских общин, стремившихся создать коллективную систему обороны от нападений кочевников в IX—XIII вв.

Если говорить о разновидностях средневековых укреплений Таврики, то в их разнообразии Крым не представляет собой исключения в кругу причерноморских государств, находившихся под сильным влиянием византийской культуры (VI—XIII вв.). Имея в каждом локальном районе свои местные черты, укрепления Крыма, прибрежной зоны Кавказа и Малой Азии, Балкан, Греции обладают и большим сходством [Мшвениерадзе, 1959, с. 29—50; Дероко, 1950; Харбова, 1979; 1981; Рашев, 1982; Овчаров, 1982; Paradissis, 1972; 1982; и др.] Это позволяет объединить их в большой восточномедиземноморский регион, фортификация которого после крестовых походов и с проникновением в бассейн Черного моря в XIII—XV вв. итальянских торговых республик — Генуи и Венеции — начинает испытывать влияние западноевропейского оборонного зодчества [Caciagli, 1979; Eydoux, 1982; Paradissis, 1972; 1982]. Практически во всех прибрежных районах Причерноморья можно найти черты местной, византийской и североитальянской строительной школ. Причем на протяжении всего периода средневекового оборонного зодчества развивается по пути стирания локальных национальных черт и различий, приобретая общеевропейский характер.

Рассмотренный выше материал показывает, что в VI—XV вв. в Таврике (в южной горной части и прибрежной полосе) выделяются три основные школы оборонного зодчества, имеющие существенные архитектурные отличия. Первая — это провинциально-византийская школа, унаследовавшая принципы фортификации предшествующего времени. В большинстве своем в архитектурном отношении это скромные постройки с относительно низкими стенами и башнями, причем башни только на 1/3 возвышаются над

стенами. Ранневизантийская фортификация (VI—X вв.) в значительной степени отличается от фортификации XII—XV вв. Если на первом этапе лицевые панцири стен и башен в основном возводятся из тесаных блоков с внутренней забутовкой и заливкой известковым раствором, то на втором этапе (в поздневизантийский период) используется только бутовая кладка на известково-песчаном растворе.

Вторая — местная строительная школа (представлена памятниками IX—XIII вв.). Оборонительные сооружения сельских общин резко контрастируют с фортификацией византийских крепостей. Их стены сложены из бута на глине или насухо. Эта техника кладки восходит, видимо, к местной традиции и напоминает убежища первых веков н.э. и крепости хазарского каганата.

Третья — североитальянская (генуэзская) школа, для которой характерно наличие аркатурных поясов и арочных карнизов с машикули, завершающих донжоны и воротные башни. Активное крепостное строительство генуэзцы ведут начиная с 40-х годов XIV в. и до 70-х годов XV в. Наличие машикули обеспечивало эффективную оборону высоких башен замков. Поэтому в архитектурном облике городов и крепостей, построенных местными греками и генуэзцами, имелись существенные различия.

ГЛАВА III ОРГАНИЗАЦИЯ ОБОРОНЫ

Стратегия и тактика обороны. Весь период средневековой истории Крыма характеризуется безраздельным господством в степной части полуострова кочевых народов: гуннов, хазаро-болгар, печенегов, половцев, татаро-монголов. Плодородные горные долины и прибрежные территории в то же время занимало земледельческое оседлое население, весьма пестрое по своему этническому составу, находившееся под сильным культурным влиянием Рима, а затем и Византии. Уже во II—III вв. н.э. римляне рассматривают прибрежные и горные территории Крыма как свои и стремятся обезопасить их от вторжений кочевников путем создания сети опорных пунктов, разместив отряды легионеров в Херсонесе, Хараксе, Алма-Кермене, Боспоре. Для быстрой переброски войск использовалась эскадра военных кораблей, базировавшихся в Херсонесе. Наследница Рима — Византия — продолжала укрепление своих владений в Таврике. Усилившийся в V—VI вв. натиск варварских племен на границы империи привел к потере византийской армией стратегической инициативы. Это заставило правительство направлять значительные усилия на строительство оборонительных сооружений, что в определенной степени отражало неуверенность византийских полководцев в успехе полевых сражений [Пузыревский, 1884, с. 14, 21]. В первую очередь византийцы стремились укрепить старые городские центры. Таковыми в Таврике являлись Херсонес и Боспор. Но вместе с тем нуждались в защите и обширные территории Предгорного и Горного Крыма, занятые земледельческим населением (подданными империи или ее союзниками — федератами). На границах Византийской империи в V—VI вв. разворачивается строительство отдельных опорных пунктов и систем, состоявших из сторожевых башен, валов, длинных стен, засек и проч., называемых обычно "лимесами". Уже во времена правления императора Юстиниана I (527—565) в Юго-Западном Крыму была создана система "длинных стен", которые закрывали проходы (клинсуры) в горные долины, заселенные готами (гото-аланами) — федератами империи [Прокопий Кесарийский, 1939, с. 249—250]. Реальные остатки этих стен еще до конца XVIII в. были видны в Инкерманской долине в устье р. Черной у крепости Каламита [Pallas, 1801, с. 203]. Такую же заградительную стену открыл автор во время разведок 1979 г. у Эски-Кермена, а В.А.Сидоренко в 1984 г. у Мангупа в балке Каралез. Возможно, что дальнейшие исследования позволят выявить остатки подобных стен и в других горных проходах речных долин Юго-Западного Крыма. Открытые под Эски-Керменом и Мангупом остатки длинных стен сложены в технике квадратной кладки. Они закрывали проходы в долины в наиболее узких местах (выгодных в тактическом отношении). Одновременно с длинными стенами на Южном берегу строятся два небольших сторожевых укрепления Алустон и Горзувита. Гарнизоны, разместившиеся в них, осуществляли контроль за каботажным плаванием и населением окрестных мест, служили опорными пунктами империи на побережье в случае военных действий.

Длинные стены, построенные в середине VI в. для защиты оседлого населения горных долин, создавали для обороняющихся тактическое преимущество, лишая кочевников возможности внезапного нападения. Охрана

горных проходов-клинур обеспечивалась отрядами готов — федератов империи, о чем и сообщает Прокопий Кесарийский [1939, с. 249—250].

Но создав в середине VI в. в Горном Крыму относительно сильную в тактическом отношении оборону, состоявшую из системы длинных стен, византийские фортификаторы понимали, что она не может обеспечить стратегического господства над этой территорией по ряду причин. Во-первых, длинные стены прикрывали небольшую часть Юго-Западного Крыма протяженностью не более 30—35 км (от Каламиты до Баклы). Во-вторых, прорыв противника в одном месте мог разрушить всю систему. В-третьих, линейное (кордонное) расположение войск приводило к рассредоточению сил обороняющихся. Поэтому для закрепления стратегического господства в конце VI в. рядом с длинными стенами строятся крепости, которые могли принять под свою защиту мирное население долин и воинские подразделения в случае отхода от стен или прорыва противника на одном участке обороны. Строительство этих опорных пунктов лишало противника возможности развивать успех даже в случае захвата клисур. Таким образом, византийской администрацией Таврики в VI в. в два этапа создается сложная система охраны границ, ориентированная в наиболее опасном направлении — со стороны степи — и состоящая из длинных стен, перекрывавших горные проходы и сети опорных пунктов — крепостей, располагавшихся в непосредственной близости от клисур (Каламита, Эски-Кермен, Мангуп, Сүйрен, Тепе-Кермен, Чуфут-Кале, Баклу)*.

В VIII—IX вв. с укреплением власти хазар в Крыму и стабилизацией военно-политической обстановки в регионе эта система перестает функционировать, потому что византийцы вывели свои гарнизоны из крепостей, а горные проходы, видимо, уже не охранялись хазарами. Захват клисур в 787 г. восставшими сторонниками Иоанна Готского и господина Дороса был кратковременным и вскоре хазары восстановили свой контроль над Горным Крымом.

В X в. после падения хазарского господства в Таврике византийская администрация фемы Херсона восстанавливает крепости и, вероятно, систему длинных стен в горных проходах Юго-Западного Крыма. Одновременно с этим на перевалах Главной гряды возводятся стены, служившие защитой для жителей Южного бережья в том случае, если кочевникам удавалось пройти через первую заградительную линию. Заградительные стены Главной гряды сложены из бута насухо, чем они сильно отличаются от византийских длинных стен времен Юстиниана I. Остатки этих стен до настоящего времени можно видеть на Караби-Яйле (Чегенитра-Богаз и Таш-Хабах-Богаз), между Северной и Южной Демерджи, у подножия Эклизи-Буруна, в верховье р. Ангара (между Чатырдагом и Долгоруковской яйлой), на некоторых перевалах южного бережной яйлы (Байдарском, Бузлукском, Тарпанбаирском) [Соломоник, Домбровский, 1968, с. 33; 1986, с. 533; Веймарн, 1980, с. 19—33]. Проход из Байдарской долины в уроч. Кокция также защищала стена [Кеппен, 1837, с. 57]. Вторая линия "длинных стен", проходившая по Главной гряде, по своей протяженности почти вдвое превосходит первую линию обороны. Охрана перевалов Главной гряды обеспечивалась, видимо, отрядами стратиотов. В X в., кроме еще одной линии длинных стен, общинниками-стратиотами возводятся и ряд укрепленных сельских поселений, обитатели которых несли сторожевую службу на перевалах у горных проходов и стратегически важных дорог. Созданная в X в. сложная система обороны районов Горного Крыма от нападений кочевников функционировала вплоть до прихода татаро-монголов — в XIII в. О вооруженных стычках на перевалах Главной гряды говорят частые находки у заградительных стен боевых топоров и наконечников стрел.

* Автор отдает себе отчет в гипотетичности предложенной им схемы организации обороны византийской провинции в VI в. Но иначе трудно понять всю совокупность имеющихся здесь памятников.

Активизация фортификационного строительства в районах Горного Крыма в X в., с одной стороны, указывает на длительную напряженность военно-политической обстановки на полуострове, вызванную хазаро-византийскими и русско-византийскими войнами, проникновением на полуостров печенегов, а с другой — на возросшую роль сельских общин в защите византийских владений в Таврике.

Фортификационные сооружения сельских общин в X—XII вв. отличаются своей простотой и явно не были предназначены для защиты от противника, обладавшего хорошо разработанной тактикой штурма крепостей с применением таранов и камнеметов. Стены их укреплений сложены насухо или на глине, были не высоки (3—5 м) и больше предназначались для того, чтобы за ними можно было укрыться небоеспособной части населения на время набега кочевников. Сами кочевники крымских степей X—XII вв. (печенеги и сменившие их в середине XI в. половцы) не применяли метательные средства при организации походов в горные районы. В это время (X—XII вв.) преобладала полевая бой на открытой местности. Охраняемые отрядами стратиотов стены на горных перевалах, если и не полностью, то хоть временно задерживали вторжения в горные долины орд кочевников, не давая им возможности внезапно напасть на жителей долин. Вряд ли кочевники предпринимали длительные осады горных крепостей. Захватить их они могли только внезапно. Против подвижных отрядов кочевников громоздкие камнеметы также были малоэффективны. Поэтому в слоях X—XII вв. находят, как правило, только "ядра" для пращи. Но не всегда защита за стенами укрепленных сельских поселений и небольших городов была достаточно надежной. На это указывают следы пожаров и разрушений X—XII вв. на территории крепостей Горного Крыма. По свидетельству Анны Комнины и Георгия Акрополита, кочевники редко осаждали крупные города. Им чаще удавалось овладеть небольшими городами, которые были слабее укреплены. Стремясь избежать прямых военных столкновений с кочевниками, жители крымских гор иногда откупались от них, выплачивая дань. Так, например, В. Рубрук (1253) сообщает, что до прихода в Крым татар обитатели горных крепостей платили дань куманам (половцам) [Рубрук, 1981, с. 197].

На рубеже XII—XIII вв. натиск кочевников на население Горного Крыма возрастает. При этом происходит, видимо, и изменение в тактике захвата городов и крепостей. Потому что именно в это время на смену относительно простым, наспех сооруженным, почти без использования вяжущего раствора стенам приходят куртины, возведенные на известково-песчаном растворе. Новые укрепления имели башни, которые обеспечивали фланговый обстрел. При этом обеими сторонами (осажденными и осаждающими) применяются метательные машины. Об этом достаточно ясно говорят материалы раскопок крепостей XII—XIII вв. Запасы каменных ядер разного диаметра для баллист были обнаружены в цитадели Гурзуфской крепости, на Гаспринском исаре [Домбровский, 1974, с. 11, 31], на Ай-Тодоре у пос. Мальный Маяк [Паршина, 1969, с. 286], в укреплении на г. Крестовой близ Верхней Ореанды [Скобелев, 1974, с. 110], Сүйренской крепости [Воронин, Даниленко, Кутайсов и др., 1979, с. 314], где они были сложены у оборонительной стены по 100—500 штук. В укреплении же Исар-Кая (XIII в.) в трех раскопах найдено около 150 метательных "снарядов", разбросанных на большой территории. На одних камнях следы сколов, образующихся при ударе о прочную преграду, другие расщеплены. Возможно, в данном случае обнаружены "ядра", которые применены нападающей стороной во время штурма крепости, а не являлись запасами, подготовленными для отражения нападения [Мыш, 1987, с. 241].

Столь существенные изменения фортификации Горного Крыма, произошедшие на рубеже XII—XIII вв., были связаны с изменением тактики штурма крепостей. Вероятно, в это время тактика захвата укреплений внезап-

ным набегом или блокадой заменяется тактикой прямого штурма с применением различных технических средств (камнеметов, таранов, станковых луков, "живого" огня). Есть основание считать, что тактика боя кочевников (половцев) к концу XII в. также претерпевает изменения. Если ранее она строилась практически только на использовании лука, сабли и копья, то теперь при организации штурма крепостей делается попытка использовать всевозможные осадные машины, которые могли быть заимствованы ими из среднеазиатских стран. Ипатьевская летопись под 1184 г. отмечает поход половцев во главе с ханом Кончаком на Русь. При этом в войске Кончака находился мастер-мусульманин, умеющий изготавливать и применять разнообразную метательную технику [ПСРЛ, т. 2, с. 634, 635]. Несмотря на то что в рассматриваемый период основным военным противником населения средневековой Таврики оставались кочевники, не стоит полностью исключать и вероятность возникновения внутренних междоусобиц, во время которых могли быть разрушены отдельные крепости. О том, что жители крымских городов и крепостей владели разнообразными метательными орудиями, повествует Ибн-ал-Биби в своем рассказе о походе малоазийских турок на Судак в 1221—1222 гг. Отражая предпринятый турками-сельджуками штурм крепости, жители Судака "сражались нефтью, черхами, стрелами и камнями" [Якубовский, 1928, с. 57]. Под "нефтью" надо, очевидно, понимать применение "живого" или "греческого огня", метавшегося при помощи ручных огнеметов — сифонов [Арендт, 1936, с. 171—173, 202] или самострелов, метавших сосуды или копья с огнем ("шерширы") [Орлов, 1946, с. 124]. Черхами назывались большие станковые луки, распространившиеся в Европе в XII—XIII вв. под влиянием китайской военной техники [Нунзи, 1941, с. 94—192]. Весьма показательно то, что туркам-сельджукам не удалось захватить Судак при прямом штурме. Город был сдан после того, как полководец Хусам-ад-динамир "завлек мнимым поражением войска противника вдаль от города, а потом погнав их к городу и разбил" [Якубовский, 1928, с. 57]. При этом сражении у стен Судака жители города ввели в бой пехоту и конницу, но потерпели поражение в открытом бою.

Первая четверть XIII в. ознаменовалась появлением в восточноевропейских степях монголов, завоевания которых предопределили историю народов Евразии почти на три столетия. В Крыму монголы появились в 1223 г. Об этом сохранился ряд свидетельств письменных источников. На полях Судацкого греческого синаксаря под 27 января 1223 г. сделана лаконичная запись: "В тот же день впервые пришли татары" [Антонин, 1863, с. 601, № 33]. Арабский писатель Ибн-ал-Асир (1160—1233) пишет, что "придя к Судаку, татары овладели им, а жители его разбрелись; некоторые из них со своими семьями и своим имуществом взобрались на горы, а некоторые отправились в море и уехали в страну Румскую" [Тизенгаузен, 1884, с. 26].

В результате пятилетнего похода 1236—1241 гг. татаро-монголы завоевали земли Волжской Болгарии, Руси, половецких кочевий. Имея огромную армию, вооруженные разнообразной осадной техникой и получив большой опыт захвата городов путем прямого штурма, монголы прошли через земли Польши, Чехии, Венгрии и в 1242 г. вышли к Адриатическому побережью. В начале 1243 г. монголы во главе с Бату возвращаются из похода в Западную Европу и размещаются в причерноморских и прикаспийских степях [Егоров, 1985, с. 26—27]. Во владения монголов в это время входили и Степной Крым. Население горной части с укрепленными городами и сельскими поселениями сохранило автономию, выплачивая монголам дань [Рубрук, 1981, с. 197]. Таким образом, Горный Крым попадает в зависимость от татаро-монголов в период между 1243 и 1253 гг. На Таврику татары совершают набеги с момента своего первого появления в причерноморских степях. Первоначально их удары были направлены на районы Во-

точного Крыма, прежде всего Судак, который подвергался разгромам в 1223, 1238, 1242, 1249 гг. [Якобсон, 1950, с. 33]. Походы татар в горные районы Крыма предпринимались и во второй половине XIII в. Весьма смутное упоминание об одном таком набеге сохранилось на страницах греческого синаксаря под 28 мая 1278 г. [Антонин, 1863, с. 614, № 126]. Но наиболее значительным по своим последствиям считается поход в Таврику Ногай, датируемый 1299 г. (на Судак напали 20 декабря) [Антонин, 1863, с. 596, № 5]*. Именно к этому времени большинство исследователей относят следы пожаров на Бакле, Тепе-Кермене, Суйрени, Эски-Кермене, Херсоне [Якобсон, 1959, с. 232—233]. После этого погрома некоторые города и крепости не восстанавливаются. Жизнь на них, если не сразу, то постепенно угасает (Тепе-Кермен, Эски-Кермен, Суйрен, Исар-Кая и др.).

Но материалы раскопок последних десятилетий, производившихся на Бакле и Херсоне, позволяют внести коррективы в это традиционное мнение. Дело в том, что время бытования монет, найденных в слое пожара Баклы, Эски-Кермена и Херсона, не выходит за рамки 50—60-х годов XIII в., на что обратил внимание еще В.Е.Рудаков [1975, с. 23]. Следовательно, разрушение этих городов и крепостей произошло еще до похода Ногай в Крым.

Таким образом, к концу XIII в. татаро-монголами была захвачена часть Предгорного и Горного Крыма (в районе современного Бахчисарая). Располагающиеся здесь города и византийские крепости были разрушены. Созданная Византией в VI—XII вв. система обороны вместе с гибелью этих городов и крепостей перестает функционировать. В некоторых городах, в которых жизнь еще продолжает теплиться, татарами были разрушены оборонительные сооружения. Вероятно, именно в это время (конец XIII в.) были снесены стены Мангупа, Алушты, Судака (раскопки И.А.Баранова). С потерей оборонительных стен жители городов становятся практически беззащитными перед лицом постоянной татарской опасности. Сами татары, чувствуя себя вполне уверенно в открытом бою, не сооружали каких-либо фортификационных систем для защиты своих поселений и городов, и пока были достаточно сильно, не позволяли это делать другим. Достигнув апогея своего могущества во время правления ханов Узбека (1312—1342) и Джанибека (1342—1357), Золотая Орда уже к концу 50-х годов, в правление Бердибека (1357—1359), начинает приходить в упадок. В обстановке междоусобиц группировка сарайских ханов, которая в 60—70-е годы XIV в. придерживалась в основном оборонительной тактики, стремилась укрепиться в Сарае-ал-Джедид. Не надеясь на свои силы в открытом бою с Мамаем, столица в это время обносится крепостными стенами, что вообще было делом неслыханным для Золотой Орды, кичившейся своей силой и не признававшей никакой фортификации [Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1970, с. 160]. Письменные источники свидетельствуют, что еще один крупный городской центр Золотой Орды Хаджитархан был обнесен стенами [Тизенгаузен, 1884, с. 184]. И не только земледельческое население окраинных территорий Золотой Орды стремится обезопасить себя созданием новых крепостей и восстановлением старых. Некоторые татарские феодалы в сложной обстановке 60—70-х годов XIV в. начинают возводить для собственной защиты укрепления, сходные по устройству с замками западноевропейских феодалов [Егоров, 1980, с. 195—196].

* Кризис, созданный сепаратизмом Ногай в конце XIII в., отразился и на судьбе городов Крыма. Поражение Токты позволило Ногаю захватить на короткое время и его Крымский улус. В Таврику для сбора дани Ногай отправил своего внука Актджу, который был убит в Каффе в 1298/99 г. Как сообщает арабский историк Рукнеддин Бейбарс, узнав об этом, Ногай "отправил в Крым огромное войско. Оно ограбило город, убило множество крымцев, взяло в плен находившихся в нем купцов мусульманских, аланских и франкских, захватило имущество их, ограбило Сарукерман. Кырк-Ери, Керчь" [Тизенгаузен, 1884, с. 112]. В повторном сражении, произошедшем в 1300 г. между Ногаем и Токтой, войско Ногай было разбито, а сам он убит. Таврика опять перешла к Токте (1290—1312).

При хане Бердибеке (1357—1359) Крымский улус принадлежал эмиру Мамаю [Кеппен, 1837, с. 82—83; Тизенгаузен, 1884, с. 389]. Занимая высшую в государстве должность беклярбека, Мамай к тому же был женат на дочери хана [Тизенгаузен, 1884, с. 389]. С началом смут в Золотой Орде он активно включился в борьбу за обладание ханским престолом, прикрываясь на первых порах сменяемыми им марионетками. Поход Мамаю на Сарай в 1361 г. не был удачным. В том же году он вернулся в Крым [Тизенгаузен, 1884, с. 389], рассчитывая пополнить свои войска для продолжения борьбы. В 1362 г. Мамай опять направился из Крыма в Сарай. Джедид, который ему удавалось захватить трижды: в 1363, 1368 и 1372 гг. [Егоров, 1980, с. 60]. После ряда неудач в 1374—1375 гг. Мамай обосновался в Крыму, где он старался накопить силы для дальнейшей борьбы с претендентами на сарайский престол. Вероятно, к этому времени относятся и сооружение крепостных стен Солхата, периметр которых достигал 16,5 км. Мамай отобрал у генуэзцев селения, захваченные ими еще в 1365 г. Возвращены они были уже Тохтамышем по договору 1380/81 г., подтвержденному в 1387 г. [Кеппен, 1837, с. 82—85].

Система обороны княжества Феодоро, возникшего в 60-х годах XIV в. на части земель, принадлежавших в V—XIII вв. Византии, строилась для организации защиты от противника, обладающего сильным военным флотом и применяющего тактику морского десанта. Поэтому все военные акции против генуэзцев феодориты проводили в зимние месяцы, когда навигация в Черном море заканчивалась из-за частых штормов, и гарнизонам прибрежных крепостей трудно было получить военную поддержку с моря. Захватить Чембало феодоритам удавалось дважды именно в зимние месяцы 1423 и 1433 гг. В борьбе с генуэзцами владельцы Мангупа широко использовали дипломатические приемы, привлекая на свою сторону татар, Комнинов, венецианцев. В войне против Каффы в 1434 г. они выступают совместно с татарами и при поддержке венецианцев.

Стратегия обороны княжества Феодоро строилась на системе крепостей, расположенных вдоль границ, у горных проходов, вдоль рек и проходивших здесь стратегически важных дорог, в пунктах выгодных в тактическом отношении. На пути неприятеля, следовавшего к столице княжества — Мангупу — со стороны моря, находились не заградительные стены, а отдельные укрепления — центры организации обороны небольшого горного района. При этом особое внимание уделялось организации обороны каждого укрепления, учитывалась современная тактика штурма крепостей с использованием огнестрельного оружия.

В 40-е годы XIV в. — 70-е годы XV в. генуэзцы на побережье Крыма создали сеть опорных пунктов, которые позволяли им контролировать проходивший здесь важный торговый путь, связавший Восток и Запад. Весь период колонизации генуэзцы опирались на экономическую и военную мощь метрополии. Во всех военных предприятиях генуэзцев особую роль играл военный флот.

Организация обороны византийской провинции в VI—XIII вв. и княжества Феодоро в XIV—XV вв. В нашем распоряжении нет достаточного количества источников, которые позволили бы составить представление об организации обороны византийской провинции в Таврике в VI—XIII вв. Основной опорой Византии в Крыму в VI в. являлись готы-федераты, которые выставляли по требованию императора 3000 воинов [Прокопий Кесарийский, 1939, с. 249—250]. Надо полагать, что это была только часть боеспособного населения. О вооружении готов (гото-алан) дают представление материалы раскопок позднеантичных и раннесредневековых некрополей. Например, при исследовании могильника III—V вв. н.э., оставленного готами-трапезитами на южном склоне г. Чатырдаг в Алуштинской долине, было открыто два погребения с вооружением пешего и конного воинов. Пеший воин был вооружен легким копьем, боевым топором и защищался круг-

лым деревянным щитом с железным шлемовидным умбоном. Всадник имел длинное копье, длинный меч, дротик и кинжал. Надо полагать, что к VI в. в составе вооружения готов не произошло существенных изменений.

В X в. в Византии получила полное развитие система фем [Острогорский, 1952, с. 64—77; Ostrogorski, 1953, с. 30—60]. Фема Херсона, отмеченная впервые в Тактиконе Филотея (899), являлась частью военно-административного аппарата империи [Oikonomides, 1972, с. 101, 105]. Во второй половине X в. в административном устройстве Византии произошли изменения. Старые фемы были разделены на несколько десятков мелких стратигий, особенно в пограничных областях, чей территориальный обхват не превышал одного города или маленького района [Oikonomides, 1972, с. 345]. Этот процесс коснулся и Таврики, являвшейся в X—XIII вв. восточным форпостом империи. Расположенные здесь византийские крепости служили военно-административными центрами небольших горных районов, называемых Климатами, которые входили в фему Херсона. Во главе гарнизонов стояли стратиги. В 70-х годах X в. в Таврике располагались три фемы: Херсона, Боспора и Понта Эвксинского. Последняя, безусловно, была военно-морской фемой. Местом ее базирования, по мнению И.А.Баранова, являлся Судак.

Численность фемного сухопутного войска в Крыму можно только предполагать. В военном трактате рубежа IX—X вв. "Тактика Льва" численность конного войска одной фемы определяется в 4 тыс. человек [Leonis, XVIII, 143]. При этом на фемное войско средней численности (4 тыс. человек) полагается следующий штатный состав архонтов (командиров различных рангов): 2 турмарха, 4 друнгария, 20 комитов, 40 кентархов, 80 петтеконтархов, 400 декархов, 800 пентархов, то есть 1346 архонтов [Кучма, 1975, с. 82]. По видам вооружения фемное войско делилось на отряды: тяжелая конница — катафракты (воины одеты в кольчуги, вооружены длинными копьями, мечами, щитами, палицами), легкая конница (копья, щиты, луки), тяжелая пехота (кольчуги, щиты, мечи), легкая пехота (луки, дротики, пращи) и т.д. [Литаврин, 1974, с. 90]. В X—XII вв. в значительной степени возрастает роль конного войска. Катафракты являются основной ударной силой, которая используется византийцами в борьбе с кочевниками — печенегами и половцами. Самой распространенной единицей конного войска являлась тамга (банда). Средняя ее численность достигала 300 всадников (минимальная 200, максимальная — 400). Возглавлял тагму архонт в звании комита [Кучма, 1975, с. 80]. Пехотные подразделения также состояли из тагм численностью не более 256 человек [Leonis, IV, 62].

Некоторое представление о численности гарнизона Херсона в X в. можно составить на основании сообщения Константина Багрянородного, который пишет, что в случае восстания жителей этого города-крепости "стратиг должен ... отменить 10 литр, выдаваемые крепости Херсон из казны, две [литры] пакта, а затем стратиг уйдет из Херсона в другую крепость и обоснуется там" [1982, с. 320, 53]. Речь идет, очевидно, о суммах, выдаваемых на выплату жалования гарнизону крепости (10 литр). При условии, что одна литра золотом составляла в X в. 72 номисмы, гарнизону Херсона ежегодно выплачивалось 720 номисм. Если приравнять жалование одного воина к заработной плате сельхозработного, получавшего в год до 3 номисм [Цанкова-Петкова, 1961, с. 15], то окажется, что на 720 номисм можно было содержать отряд в 240 человек. Это число близко по составу одной тагме пехоты или конницы. Как отмечалось выше, такую тагму должен был возглавлять архонт в звании комита.

Численность крепостей в X в. и строительство новых заградительных стен на перевалах Главной гряды в некоторой степени могут указывать на увеличение армейских подразделений в Таврике. Многие из укрепленных сельских поселений возникают на стратегически важных дорогах и у

горных перевалов. Подразделением стратиотов, ведущих караульную службу у клисур, командовал клисуарх [Литаврин, 1982, с. 322].

Византийская армия отличалась большой консервативностью и на протяжении X—XII вв. практически не претерпела сколько-нибудь значительных перемен в структуре и вооружении. Судя по изображениям на иконах и фресках XII—XIII вв. из средневекового Крыма, вооружение и доспехи провинциального войска мало чем отличались от вооружения воинов столичных районов империи. На фресках храмов Горного Крыма XII—XIII вв. часто помещаются изображения святых воинов — защитников Отечества [Домбровский, 1966, с. 42]. Но кроме идеи и пропаганды защиты Отечества от внешних врагов эти фрески дают нам достаточно полное представление о вооружении и снаряжении тех времен. Особо информативными в этом отношении являются фрески храмов Успения и Трех Всадников Эски-Кермена. На северо-восточной стене храма Успения наряду с другими святыми помещен святой воин. Изображение дано в полный рост, но хорошо сохранилась только верхняя часть. Воин стоит опершись на копье, щит овальной формы помещен за спиной. Копье короткое (не на много превышает рост человека — то есть около 2 м) с листовидным наконечником. На левом боку, вероятно, находился меч (изображение плохо сохранилось). Воин облачен в чешуйчатые доспехи, которые почти полностью скрывают верхняя одежда и плащ. Талию перехватывает широкий орнаментированный пояс [Домбровский, 1966, с. 45—49, рис. 21]. Роспись храма Успения относится к рубежу XIII—XIV вв.

На фреске в церкви Трех Всадников (XII — начало XIII в.) изображены три святых воина на конях [Домбровский, 1966, с. 36]. Они вооружены копьями. Поверх туник одеты панцири: у левого и среднего — чешуйчатые доспехи, а у правого пластинчатый. Панцири без рукавов и подола, прикрывают только грудь и живот. Сверху на доспех надеты плащи, скрепляемые пряжками у правого плеча. Щиты на специальных ремнях переброшены за спину, что позволяет воинам свободно управлять конем левой рукой, а правой держать копье. У левого всадника щит круглый, у центрального (св. Георгий) — треугольный, у правого — щит овальной формы.

Эпизоды, связанные с героическим эпосом, прочно вошли в быт средневекового населения Крыма, что нашло свое отражение на керамических предметах — поливных чашах и черепице. На черепице, как правило, изображены скачущие вооруженные всадники (кочевники). Вооружение состоит из копья, лука и сабли. Шлемы и доспехи показаны схематично [Якобсон, 1979, с. 152, рис. 96, 25—29, 33—36, 40]. На нескольких поливных блюдах XII—XIII вв. из Херсонеса изображены конные и пешие воины, борющиеся с драконами и львами, которые, видимо, символизировали собой зло [Якобсон, 1979, рис. 75, 77, 79, с. 121, 126]. Несмотря на общность в технике и манере исполнения рисунка, всадники существенно отличаются по способу нанесения удара копьем. Один, например, наносит колющий удар, вскинув руку с копьем вверх, а воин на другом изображении наносит тарабно-колющий удар. При этом он упирается выпрямленными ногами в стремя, рука и копье прижаты к бедру. Подобный способ нанесения удара получил широкое распространение со второй половины XII в., что было вызвано развитием защитного снаряжения воинов [Кирпичников, 1971, с. 68].

Существенные изменения в формировании войска в византийских провинциях происходят только в конце XII в., когда на смену стратиотским ополчениям приходят воинские формирования прониаров. Мелкой и средней руки феодалы, получив во владение от императора земли, должны были поставлять (в зависимости от размеров надела) вооруженных воинов. Состоятельные прониары в своих владениях отстраивают укрепления, напминающие феодальные замки рыцарей, обеспечивают контроль и охрану вверенной им территории. По сути, в XII в. намечается переход к феодаль-

ному войску, когда уже не государство ведет набор воинов и обеспечивает их всем необходимым, а этим занимаются земельные собственники.

О составе воинских формирований княжества Феодоро и их численности в 60-х годах XIV — 70-х годах XV в. мы не располагаем никакими сведениями. Для всех расчетов можно привлекать только косвенные данные. Например, согласно одному венецианскому источнику в 1475 г. мангупскому князю было подвластно 30 тыс. домов [Колли, 1911, с. 17]. Если от каждого дома (семьи) можно было бы выставить по одному воину, то получилась бы огромная армия в 30 тыс. человек, чего, конечно, не было и не могло быть. Обычно от пяти-шести хозяйств выставлялся один воин. В таком случае мангупский князь мог собрать максимальное число воинов — 5—6 тыс. Эта цифра вполне сопоставима с другими данными, которые сообщают источники XV в. при описании военных действий в Крыму. Например, 4 июня 1434 г. генуэзцы у Балаклавы высадили десант в 6 тыс. солдат. В битве 22 июня 1434 г., произошедшей по дороге в Солхат, со стороны татар участвовали 5 тыс. всадников, а со стороны генуэзцев — 8 тыс. конного и пешего войска [Колли, 1913, с. 118—119]. 14 июля 1454 г. после нападения на Каффу турецкой эскадры Хаджи-Гирей подошел к стенам города с 6 тыс. всадников. В 1476 г. для похода в Молдавию Менгли-Гирей собрал максимально возможное число воинов — 10—12 тыс. человек [Гонца, 1984, с. 22]. Как видим, в Крыму в XV в. все три основные военно-политические силы — Колония Генуи, Крымское ханство и княжество Феодоро — обладали примерно равными силами. Но если Каффа и могла рассчитывать на военную помощь со стороны метрополии, то татарам и феодоритам практически не на кого было надеяться. Этим в некоторой степени и объясняется объединение сил Феодоро и Крымского ханства, которое привело к тому, что между 1434 и 1475 гг. генуэзцы стремились избегать прямых военных столкновений с обеими сторонами и особенно с татарами, которым они после разгрома 1434 г. выплачивали дань в 600 соммов. Если бы в 1475 г. генуэзцы, татары и феодориты объединили свои силы, то они смогли бы оказать достойный отпор туркам, высадившим у Каффы десант в 24 тыс. человек. Но сначала татары во главе с Эминекком перешли на сторону турок, а затем и генуэзцы поспешили сдать город на милость победителя. Даже имея многократный перевес в силе, турки почти шесть месяцев вели военные действия на территории Горного Крыма, потеряв при этом значительную часть своей армии. О численности защитников Мангупа в 1475 г. источники не сообщают ничего. Но известно, что турки после взятия города захватили в плен 15 тыс. человек [Vasiliev, 1936, с. 259]. Если из этого числа примерно 1/5 или 1/6 часть была боеспособной, то тогда число защитников Мангупа в 1475 г. могло составлять 2,5—3 тыс. человек.

Некоторую ясность в организации городского ополчения на Мангупе дают две надписи второй половины XIV в., обнаруженные здесь в ходе раскопок. Согласно одной из них в 1361/62 г. под руководством сотника Хуйтани ведется строительство второй линии обороны Мангупа. В 80-х годах того же столетия возведение стен и башен продолжает начальник городского ополчения — сотник (гекантотарх) Чичикий. Эти работы проводятся по инициативе, на средства и в интересах жителей Верхнего города Феодоро [Малицкий, 1933, с. 9—13]. Эта акция была возможна только в момент ослабления Золотой Орды. До 1359 г. жители Мангупа вряд ли могли осуществить столь крупное крепостное строительство. Таким образом, надпись 1361/62 г. (как и надпись 80-х годов XIV в., в которой упоминается сотник Чичикий), с одной стороны, проливает свет на военно-административное устройство городов Крыма, а с другой — показывает общность социально-политического развития городов Крыма по крайней мере на протяжении XIV—XV вв. Вероятно, что и на Мангупе, как в Каффе и Солдае, сотни делились на десятки городского ополчения.

Строительные мероприятия феодоритов 60—80-х годов XIV в. не ограничиваются только возведением стен на Мангупе. Именно к этому времени в Горном Крыму относится строительство небольших замков, которые как бы оконтуривают владения господ Феодоро, помогая определить границы княжества этого времени. На востоке — это Фуна, Басман, Яман-Таш, Керменчик; к западу и юго-западу от Мангупа — Черкес-Кермен, Камара, Чоргунский исар, Кала-Фатлар, Сарджик, Кокия-Исар; на Южном берегу — Гелин-Кая, Учансу-Исар, Хачла-Каясы, Ай-Тодор, Лимена-Кале, Форос(?).

Военная организация генуэзских колоний в Крыму в XIII—XV вв. Создание на побережье Крыма генуэзских торговых факторий неизбежно привело к превращению их в военные опорные пункты Колонии. В связи с этим вопрос об их военной организации важен для понимания характера генуэзской колонизации XIII—XV вв. в Крыму. Важнейшим источником по этому вопросу является Устав 1449 г. [Юргевич, 1863, с. 629—837]. Изучение этого документа показывает, что военная организация была одной из важнейших частей сложной административной машины управления колониями. В 40-х годах XIV в. (1343) Каффа занимает главенствующее положение среди других колоний генуэзцев на Черном море. В это время первый магистр получает титул "генерального консула в Каффе и во всей Газарии". К началу XV в. консул Каффы становится наиболее высокооплачиваемым колониальным чиновником, превзойдя даже подеста Перы [Balard, 1981, с. 90]. Итак, с 1343 г. во главе колоний на Черном море становится консул Каффы, назначавшийся в Генуе и подчинявшийся дожу. В Каффе консул имел в своем подчинении капитана (военачальника гарнизона и ополчения города), подкапитана и 40 стипендиариев (наемных солдат), 20 полицейских, возглавляемых ковалерием. Кроме того, консула сопровождали 20 аргузиев (конная стража) под командой своего капитана и музыкальная команда. На воротах и в наиболее важных башнях города караульную службу несли оплачиваемые стражники, а также гражданское ополчение, возглавляемое сотниками. "Сотни", в свою очередь, делились на "десятки". Как правило, сотники избирались из греков, а "десятки" иногда возглавляли армяне [Balard, 1981, с. 90].

Из жителей Каффы избирался Попечительный комитет (состоял из восьми человек), который ведал арсеналом, вел наблюдение за строительством и ремонтом оборонительных сооружений Каффы. Специальный комитет занимался вопросами заготовки продовольствия и следил за снабжением горожан водой [Устав 1449 г., с. 686, 677, 651].

На ночь крепости закрывались и в них соблюдался режим осадного положения. Консулам, капитанам и стипендиариям запрещалось покидать город. Ворота в ночное время могли быть открыты только по разрешению консула. Ночью запрещалось ходить по городу, закрывались все увеселительные заведения. Всякое нарушение установленного порядка каралось штрафами.

Другие крепости генуэзцев (Солдайя, Чембало, Алушта и др.) имели более простую структуру военной организации. При этом Устав 1449 г. умалчивает о структуре военной организации таких факторий, как Алушта, Партенит, Гурзуф, Херсон и др., где также располагались консульства [Юргевич, 1863, с. 675, 676]. Для охраны каботажного плавания вдоль побережья Крыма от Каффы до Чембало было создано Капитанство Готии. В его структуре до настоящего времени остается много неясного. Неизвестно точное место, где пребывал капитан и консул Готии. Возможно, что в Алуште. Здесь генуэзцами в конце XIV — начале XV в. была создана мощная крепость с тремя башнями и цитаделью. Известные нам источники сообщают, что капитанами Готии были: в 1429 г. Батиста де Гандино, в 1448 г. Батиста Мархексано, в 1454 г. Вальтазар ди Андора [Юргевич, 1863, с. 826—827].

Консул Солдайи кроме гражданских обязанностей и управляющего финансами исполнял и обязанность коменданта крепости. В его подчинении

находилось 8 аргузиев, полицейский чиновник (кавалерий) и 20 наемных солдат (стипендиариев). Попечительный комитет состоял при консуле и должен был следить за безопасностью города, запасами продовольствия, вооружения, воды. Городским ополчением командовал сотник [Устав 1449, с. 775].

Особое внимание генуэзские власти уделяли организации обороны крепости Чембало, из-за которой неоднократно в XV в. происходили столкновения с владетелями Феодоро, потерявшими этот город в 40-х годах XIV в. Уставом 1449 г. предписывалось иметь в Чембало для его безопасности и защиты 40 солдат — стрелков "хороших и надежных со своим оружием и двумя баллистами (арбалетами.— В.М.) у каждого" [1863, с. 785]. В их число входили: комендант со служителями и шесть солдат нижней крепости (видимо, св.Георгия). Из 40 человек также были два трубача, цирюльник, подкомендант и кавалерий (полицейский пристав). В крепости св.Николая находились подкомендант с одним служителем и семь солдат [Устав 1449, с. 787, § 9]. Кроме того, при коменданте крепости находились четыре аргузия, письмоводитель, переводчик, домовый священник, а "также должен быть пушкарь хороший и надежный" [Устав, 1449, с. 787, § 16]. Насколько можно судить по Уставу 1449 г., кроме Чембало ни одно другое укрепление генуэзцев, даже такие, как Каффа и Солдайя, не имело пушек. Они защищались только стенами, башнями и рвами. В ряде случаев Устав 1449 г. называет только арбалеты, которых полагалось по два на одного воина. Ни в одном месте Устава не сказано о приготовлении или запасах пороха и ядер.

Примечательно, что Устав 1449 г. умалчивает о городском ополчении Чембало, как и о сотниках, которые возглавляли ополчения в других городах. Оборона крепости обеспечивалась только силами небольшого гарнизона, подчиненного коменданту. Это исключение можно объяснить недоверием генуэзцев к жителям города, которые в 1434 г. подняли мятеж и изгнали генуэзский гарнизон из Чембало.

Устав 1449 г. также дает некоторое представление о характере вооружения. Например, конная стража (аргузии) имела щиты, плащи и "свое оружие". Стражники у ворот также имели и баллист (арбалет) и луки. На рынке Каффы продавалось разнообразное оружие. Кроме того, для постоянного пополнения арсенала высшие чиновники города после окончания исполнения своих обязанностей должны были сдать: консул — два полных комплекта оружия; капитан — один комплект и меч. То же должен был сделать пристав, ведущий надзор за торговлей на рынке [Устав 1449, с. 651, 699, 700].

Существенную роль в организации обороны генуэзских крепостей в Крыму играл флот. Источники называют различные типы военных, транспортных и торговых судов: галеры, галеи, бригантины, каракки, кокки и др. [Balard, 1981, с. 88]. Основным типом военного судна являлась галера. Обычно экипаж галеры составлял 140—180 человек. При этом всем членам экипажа и купцам полагалось иметь оружие. Кроме экипажа, на каждом судне находилось по 20—30 солдат (лучников-баллистариев), специальные защитные приспособления [Карпов, 1982, с. 82]. Со второй половины XIV до середины XV в. тоннаж судов вырос со 150 до 250 т водоизмещением. Появившиеся во второй половине XIV в. тяжелые круглые суда "кокки" позволяли перевозить большие грузы и значительное количество солдат. Например, в 1434 г. на 20 кораблях, прибывших из Генуи для завоевания Чембало, разместились 6000 воинов, то есть по 300 человек на каждом судне. Турки не имели большого количества крупных судов. Для переправки в Крым в 1475 г. армии Кедык-Ахмет-Паши (24 тыс. человек) понадобилось более 300 судов — в среднем на одном судне могли разместиться 80 человек. Если же на генуэзской галере (галее) находилось менее 60 человек, то она считалась невооруженной [Lene, 1973, с. 48—49].

В своем флоте генуэзцы использовали и небольшие подвижные суда — бригантины, экипаж которых не превышал 20 человек [Юргевич, 1863, с. 805].

Вопрос о том, какова была численность генуэзских войск в Крыму, остается пока открытым. В 1434 г. при организации похода на Солхат к пришедшим из Генуи 6 тыс. солдат в Каффе примкнули 2 тыс. человек. Надо полагать, что в поход выступил не весь гарнизон и ополчение города. Показательно, что за несколько десятилетий обостренных отношений между генуэзцами и феодоритами не было попытки со стороны генуэзцев напасть на Мангуп. Даже в 1434 г. генуэзцы не воспользовались присутствием в Крыму карательного войска Карло Ломеллино для похода вглубь Горного Крыма. Захватив Каламиту, генуэзцы направились в Солхат, хотя до Мангупа оставалось 20 км. Вероятно, генуэзцы сочли татарскую столицу более легкой добычей, а самих татар менее подготовленными к войне с ними. Этим, видимо, объясняется и беспечность, с которой генуэзцы двигались к Солхату. Захваченные врасплох они не сумели оказать сопротивление противнику, уступавшему по численности.

Рассмотренный в данной главе материал позволяет говорить, что стратегия и тактика обороны населения Горного Крыма строились с учетом реального противника на каждый период времени. В VI—XIII вв. наибольшая опасность исходила со стороны крымской степи, занимаемой кочевниками. Примерно столетие (40-е годы XIV — 40-е годы XV в.) проходит в борьбе с генуэзской Колонией, захватившей побережье Крыма. Поэтому система обороны княжества Феодоро строится уже на организации защиты от противника, обладающего сильным флотом и применяющего тактику морского десанта. Во второй половине XV в. опасность со стороны моря возрастает в связи с захватом в 1453 г. турками Константинополя.

Стратегия обороны византийской провинции в Таврике основывалась на создании линейных и локальных систем фортификационных сооружений. Примерно в середине VI в. Византией в Юго-Западном Крыму создается линейная система обороны, состоящая из длинных стен, перекрывавших горные проходы-кисурсы. В конце VI в. рядом с этими стенами возводятся крепости, которые служили опорными пунктами в организации обороны Таврики от кочевников. В X в. в связи с созданием на полуострове феодоритской системы обороны горных районов усиливается путем строительства новых крепостей (укрепленных военизированных сельских поселений) и заградительных стен, закрывавших проходы через перевалы Главной гряды. Созданная византийцами на протяжении VI—XII вв. система обороны была разрушена в XIII в. татаро-монголами. Стратегия обороны княжества Феодоро (60-е годы XIV — 70-е годы XV в.) строилась на системе крепостей, расположенных вдоль границ, у горных проходов, вдоль рек и стратегически важных дорог, в пунктах выгодных в тактическом отношении. В данном случае предпочтение отдавалось не "линейной", а "локальной" (центрической) форме обороны, когда на пути следования неприятеля находились не заградительные стены, а отдельные укрепления — центры организации защиты определенного небольшого горного района.

Организация обороны генуэзских колоний на побережье Крыма прошла два основных этапа: 1) 60-е годы XIII — 40-е годы XIV в. — период, когда генуэзцы еще не создавали долговременных фортификационных сооружений для защиты торговых факторий, а попытки их создать встречали сопротивление со стороны татар; 2) 40-е годы XIV — 70-е годы XV в. — характеризуются захватом прибрежных территорий, строительством крепостей и замков, подчинением местного населения Колонии. Генуэзцы опирались на помощь со стороны метрополии, в военных операциях генуэзцев особую роль играл флот. Созданная на побережье Крыма сеть опорных укрепленных пунктов позволила генуэзцам контролировать проходившие здесь торговые коммуникации.

Фортификация средневекового Крыма находилась в тесной зависимости от развития тактики захвата крепостей и противостоящей ей тактике организации их обороны. До конца XII в. тактика обороны крепостей строилась на организации пассивной обороны от кочевников, не имевших осадных орудий и не применявших тактику захвата укреплений путем прямого штурма. В XIII в. с появлением татаро-монголов, имевших на вооружении разнообразные орудия и использующих тактику прямого штурма крепостей, изменяются тактика защиты и фортификационные сооружения, рассчитанные теперь на организацию активной обороны с широким применением метательных машин. Во второй половине XIV — первой половине XV в. в Крыму созданы лучшие образцы доогнестрельной фортификации. Период огнестрельной эпохи наступает в Крыму во второй половине XV в., когда начинаются перестройки некоторых крепостей с целью приспособить их к условиям применения огнестрельного оружия, хотя первое использование пушек при штурме крепости относится еще к 30-м годам XV в. (штурм Чембалы в 1434 г.). В данном случае можно говорить о некотором запаздывании преобразований фортификации по отношению к развитию новой тактики штурма крепостей. С конца XIV в. наблюдается общий процесс усиления мощи укреплений, который продолжался и в дальнейшем. Возрастает толщина стен и башен, сооружаются бойницы "подошвенного боя" и бойницы с нишами, увеличивается количество башен со стороны штурма, совершенствуется система защиты входов (сооружаются захабы). Но все эти нововведения были незначительны на общем фоне технической отсталости районов Горного Крыма от общеевропейской фортификации. В крепостях княжества Феодоро пушки не применялись вовсе, а до 1475 г. использовались камнеметы. Даже генуэзцы, обладавшие на море сильными огневыми средствами, крайне медленно наращивали артиллерийскую мощь своих крепостей. Все это явилось одной из причин быстрого и легкого завоевания Крыма турками в 1475 г.

ГЛАВА IV
ДАТИРОВКА ПАМЯТНИКОВ

Из рассмотренного в первой главе материала видно, что на всех этапах изучения укреплений средневековой Таврики особую трудность представляли вопросы хронологии памятников. Датировка крепостей еще до недавнего времени основывалась на узкой археологической базе, что приводило к ошибочному представлению о длительном существовании многих городищ. Те или иные укрепления (разновременные) объединяли в системы, что приводило к неправильному представлению об одновременности существования значительного числа крепостей на относительно небольшой территории Таврики, искажало экономическую и военно-политическую ситуацию в регионе в различные периоды средневековья.

В результате исследований, проведенных в Горном Крыму на протяжении последних десятилетий различными отрядами и экспедициями, получен обильный керамический материал, по которому устанавливается датировка большинства крепостей. Эти находки в силу своей массовости дают наиболее надежный, а зачастую и единственный критерий для определения даты строительства укреплений и культурного слоя [Домбровский, Паршина, 1973, с. 294]. Керамика X—XIII вв., выявленная во время раскопок крепостей, в большинстве своем аналогична сосудам византийского Херсона, что указывает на общность культуры обширного региона и тесные экономические связи, существовавшие между многочисленными поселениями, небольшими укреплениями и этим городом на протяжении средневековья. До настоящего времени большая часть этого материала еще не опубликована. Так, например, в Юго-Западном Крыму раскопки были проведены на 11 укреплениях из 34. Но частично освещены в научной литературе результаты исследований только шести памятников — это Бойка [Домбровский, 1968, с. 90—91, рис. 7, 8], Сүйрен [Баранов, 1971, с. 91, рис. 2; Талис, 1972, с. 218—229], Пампук-Кая [Якобсон, 1970, с. 47, рис. 15, 10, 2], Тепе-Кермен [Талис, 1971, с. 250—262, рис. 1—3], Бакла [Талис, 1969, с. 57—63; 1976, с. 63—87, рис. 1—7; 1980, с. 101—106, рис. 1—2; Романчук, Рудаков, 1975, с. 217—222, рис. 1—4; Рудаков, 1975, с. 20—29, рис. 2—4], Каламита [Веймарн, 1958, с. 55—62]. На Южном берегу раскопки проведены на 21 укреплениях из 42. В статье Е.А.Паршиной, посвященной публикации керамики Южной Таврики, использованы материалы восьми памятников (Кастель, Ай-Тодор, Гурзуф, Панае, Кучук-Исар, Хачла-Каясы, Биюк-Исар, Ореанда-Исар) [1974, с. 56—94, рис. 1—35]. Из крепостей Юго-Восточного Крыма (раскопки М.А.Фронджуло, М.Г.Крамаровского, И.А.Баранова, Е.А.Айбабиной и др.) керамические находки последних лет опубликованы частично [Айбабина, 1988, с. 70, рис. 6]. Таким образом, при условии, что исследования в Горном Крыму были проведены примерно на 43 % всех укреплений, частично опубликованы материалы лишь 17 % из всего числа крепостей.

Во время раскопок горных укреплений в 1979—1989 гг. особое внимание автор сосредоточил на изучении закрытых комплексов: в 1979—1980 гг. на Исар-Кая исследованы три помещения XIII в. [Мьщ, 1987, с. 228—245, рис. 1—10], в 1980 г. на Пампук-Кая — два помещения XIII и XIV вв.; в 1980—1986 гг. на Фуне обнаружен ряд комплексов XIV—XV вв. [Мьщ, 1985, с. 52—54; 1988, с. 106—108, рис. 6, 7], а в 1984—1989 гг. в Алуште

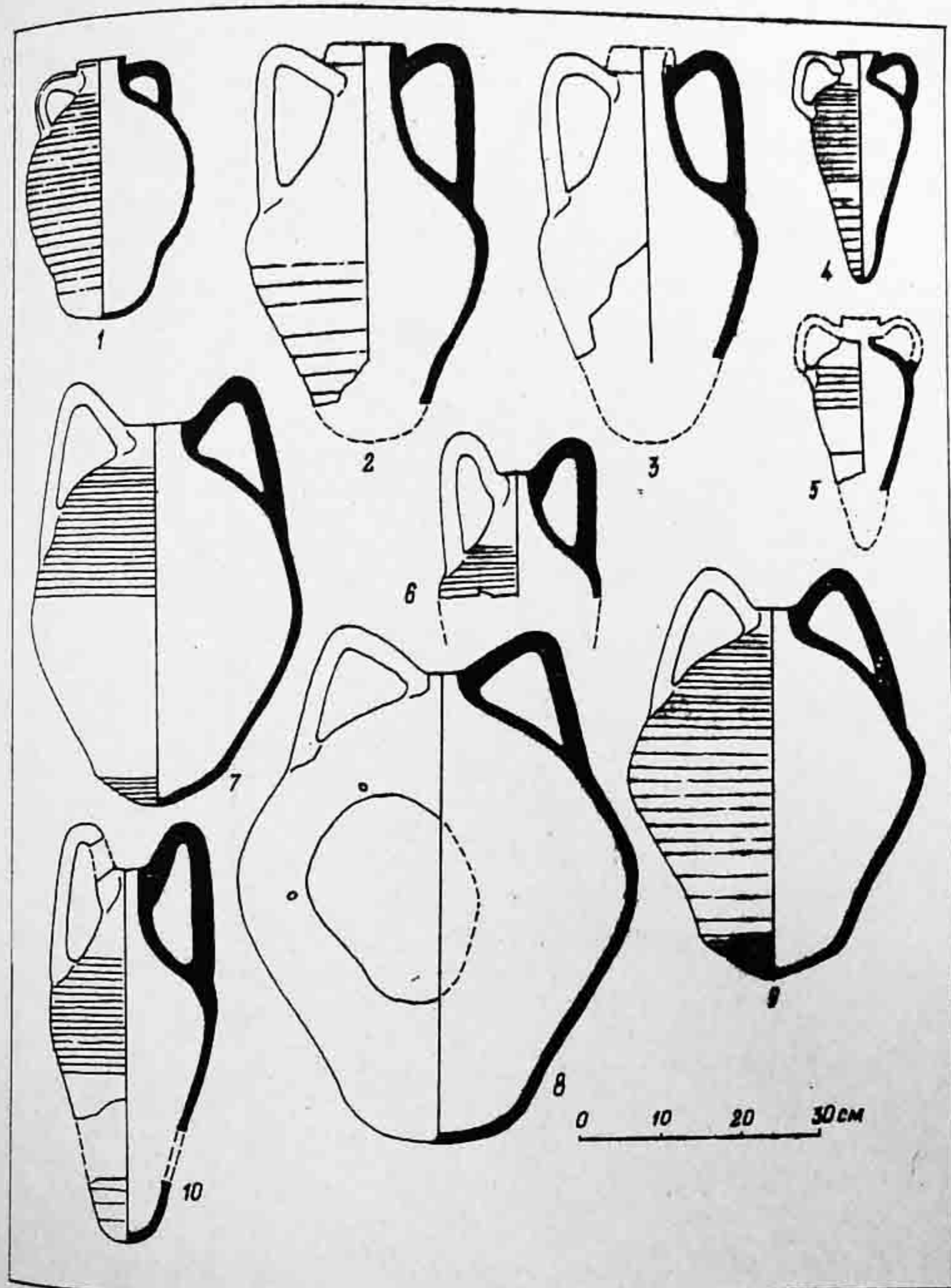
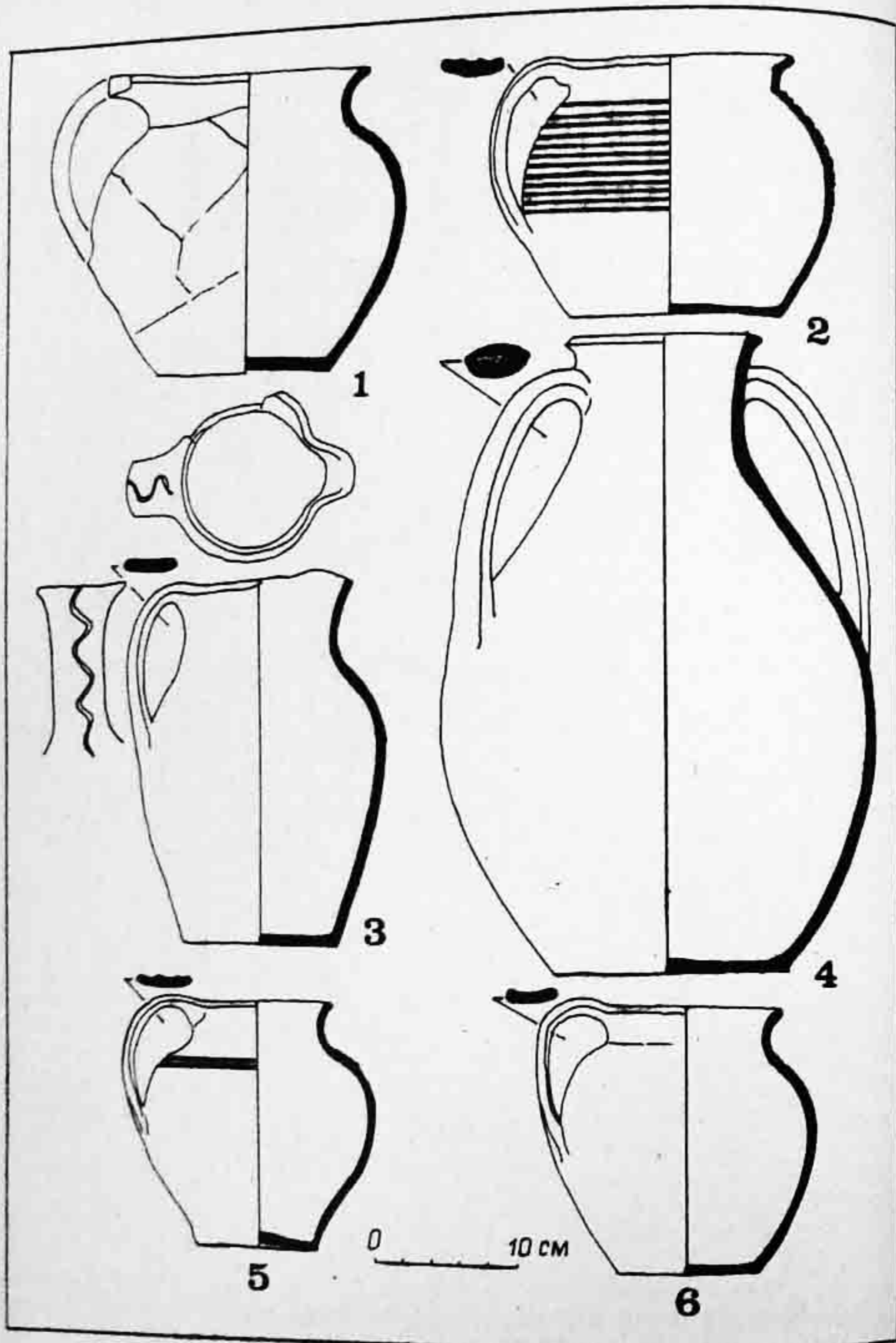

Рис. 32. Амфоры X—XIII вв. из раскопок укреплений Горного Крыма: 1 — Кастель; 2, 3, 5, 10 — Алушта; 4 — Исар-Кая (у горного прохода Шайтан-Мердвен); 6 — Алушка-Исар; 7—9 — Бакла.

комплексы XIII, XV вв. и отдельные интересные находки VI—XV вв. [Мьщ, 1988, с. 278—279].

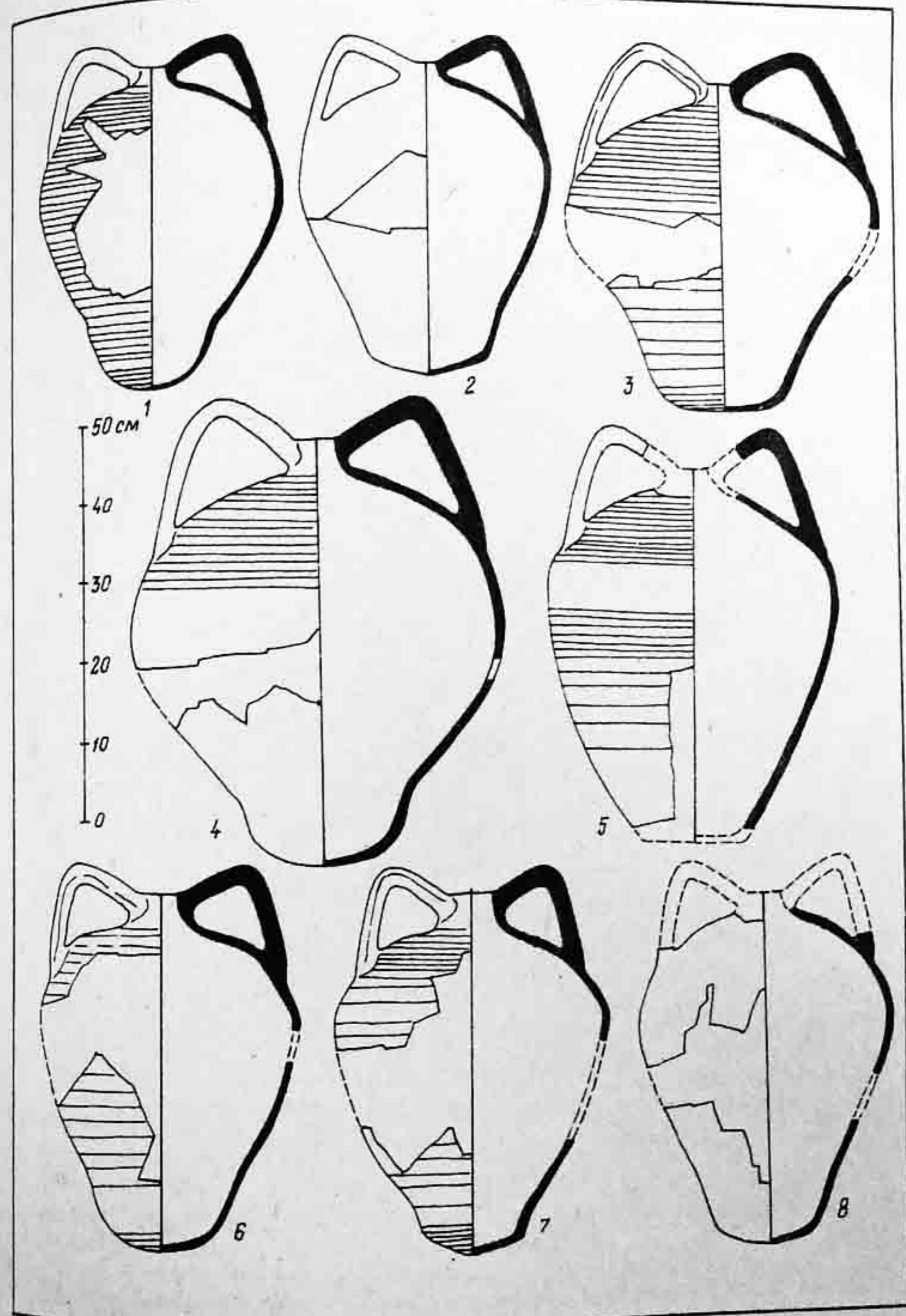
Керамический материал, найденный при раскопках крепостей, можно разделить на пять видов: хозяйственная и торговая тара (пифосы, амфоры, большие кувшины, фляги); простая столовая и кухонная керамика (горшки, крышки, кувшины, черпаки, воронки, тарелки, миски, кубки и проч.); поливная, в том числе и художественная, керамика (блюда, тарелки, чаши, кубки, крышки, кувшины); мелкие глиняные изделия (грузила, пряслица, штампы); керамические строительные материалы (плинфа, кирпичи, керамида, калиптеры, изразцы, трубы, желоба).

Р и с. 33. Кухонная керамика IX—X вв. из раскопок крепости Алустан.

Для датировки укреплений Таврики обычно привлекается амфорный материал: высокогорлые кувшины с плоскими ручками, отдельные виды простой столовой и кухонной посуды; поливная (белоглиняная и красноглиняная) керамика. Эти находки составляют три большие хронологические группы: вторая половина IX—X в.; рубеж XII—XIII вв.; вторая половина XIV—XV в. Если датировка материалов первых двух групп достаточно хорошо разработана, то хронология керамики XIV—XV вв. нахо-

Р и с. 34. Амфоры XII—XIII вв. из раскопок укрепления Исар-Кая.

дится на стадии изучения и поэтому в ряде случаев носит дискуссионный характер. Керамический материал второй половины IX—X в. найден примерно на 50 укреплениях средневековой Таврики (рис. 1), что позволяет установить их существование в этот период. Датировка крепостей строится на находках амфор, кувшинов, различных видов кухонной керамики и византийской поливной посуды. В конце IX—X в. в районах Южной Таврики были

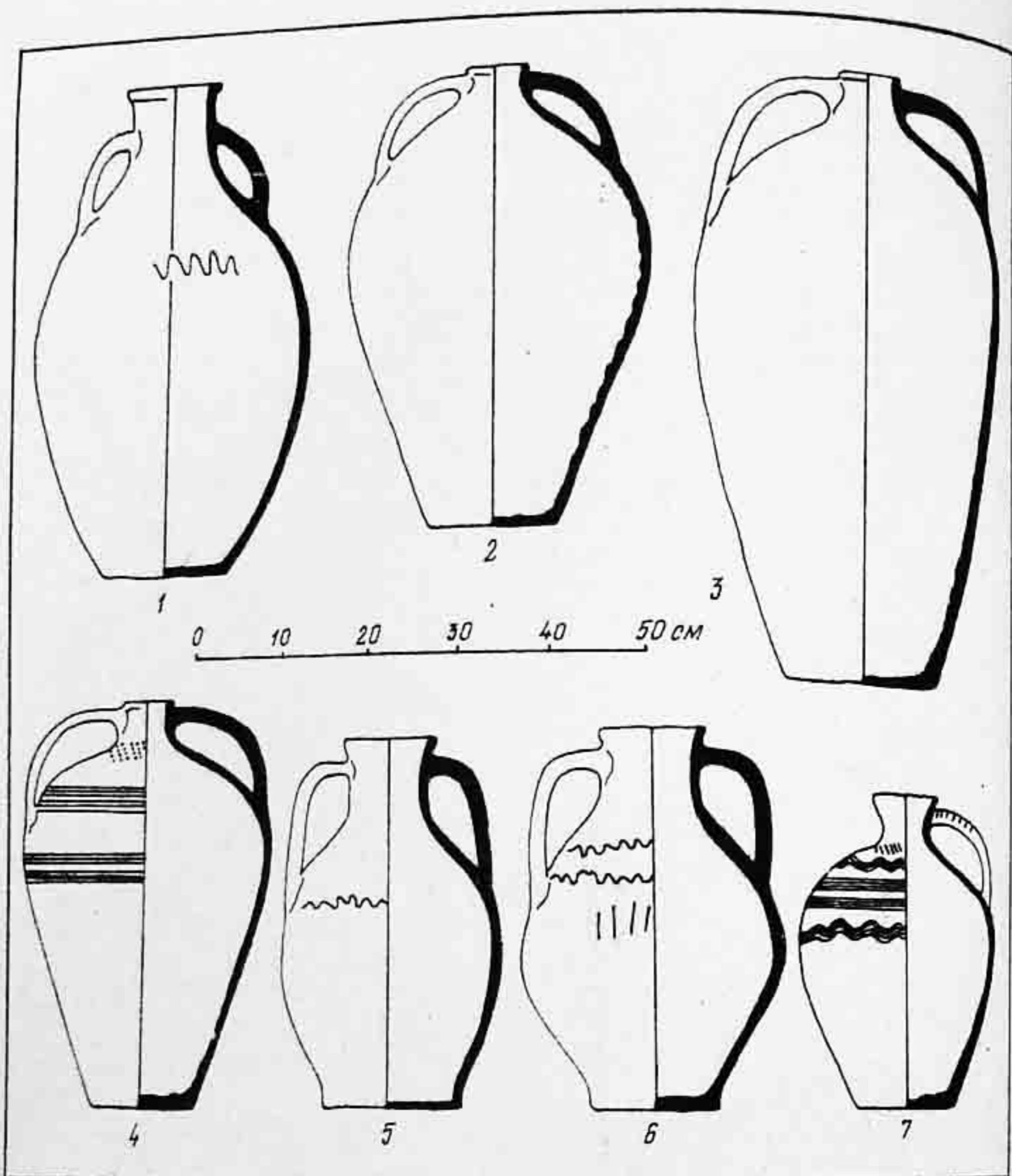

Рис. 35. Амфоры XII–XIII вв. из раскопок горных крепостей: 1, 5, 6 – Бакла; 2, 3, 4, 7 – Исар-Кая (у горного прохода Шайтан-Мердвен).

распространены амфоры двух типов: яйцевидные желобчатые и амфоры с манжетовидным венчиком [Антонова, Даниленко, Романчук и др., 1971, с. 90, 93, типы XVI и XXI, рис. 22–23] (рис. 32, 1–3). Амфоры первого типа известны из раскопок Херсона [Якобсон, 1959, с. 307–309, рис. 161], Тепсея [Бабенчиков, 1958, с. 129, рис. 21, 4–6; Фронджуло, 1968, с. 114, рис. 15, 1], Мангула [Мыш, 1984а, с. 61], Алушты и др. Целый экземпляр такой амфоры найден на Кастеле [Паршина, 1974, с. 60–61, рис. 4, 1] (рис. 45, 1). За пределами Крыма сосуды такого типа встречаются в Саркеле хазарского периода (они являются массовыми находками в слое X в.) [Плетнева, 1959, с. 244, рис. 21, 1–4; 1963, с. 46–50, рис. 28], в Западном Причерноморье (на территории современной Румынии и Болгарии) [Вагнера, 1959, с. 905–906, рис. 2; Вагнера, 1967, с. 250–254, рис. 154, 1; Florescu, 1959, с. 625, рис. V, 7; Чангова, 1959, с. 250–251, рис. 4, 2, 5], в Византии и производились, видимо, в мастерских Константинополя, где они найдены при раскопках дворца в квартале Монганы с монетами второй половины IX–X в. [Demangel, Mamboугу, 1939, с. 46, 148–149, рис. 198]. Часто эти амфоры встречаются на побережье Крыма [Якобсон, 1979, с. 73, рис. 43, 6] и Адриатики [Srusic', 1976, с. 43, рис. VII].

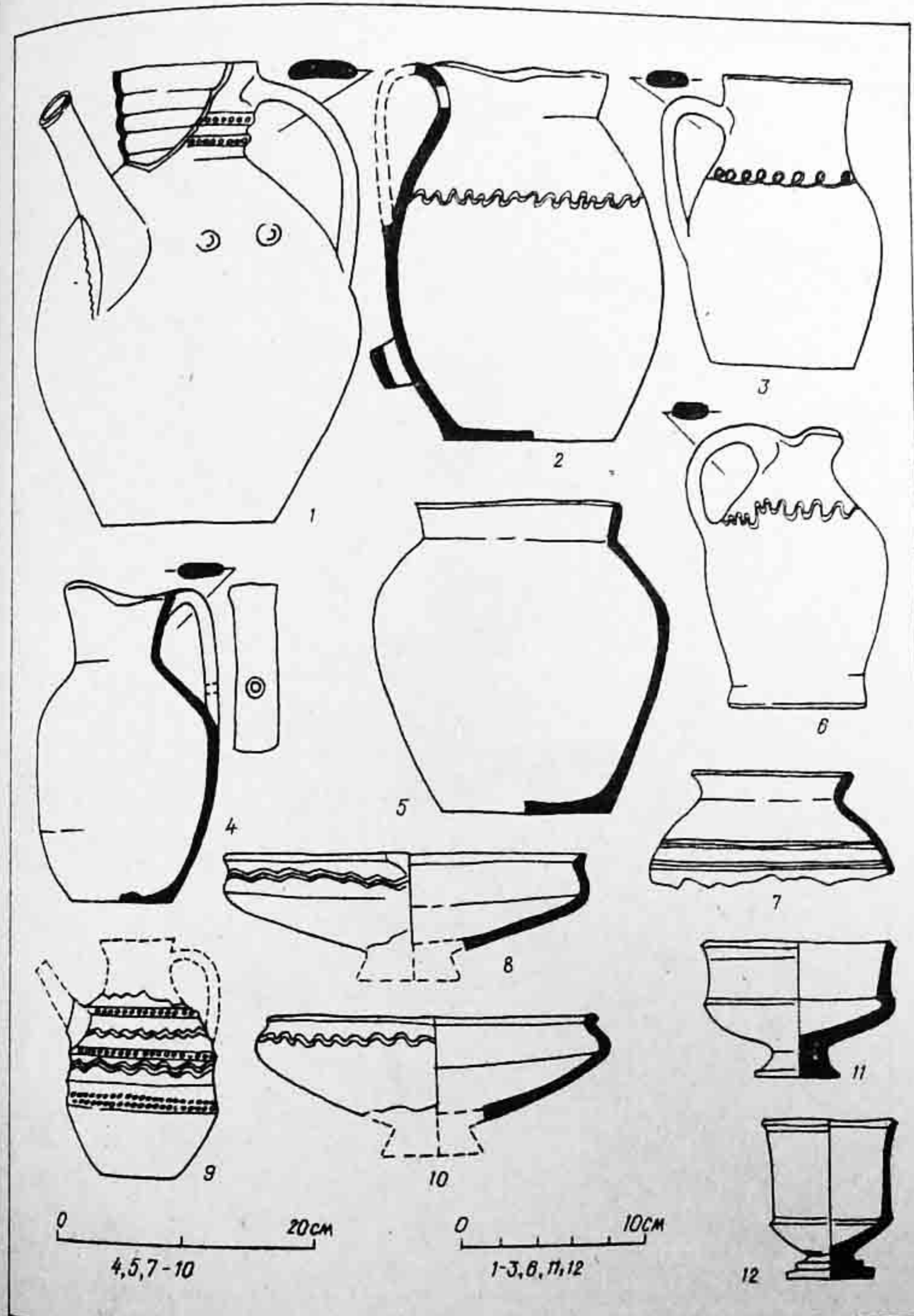

Рис. 36. Столовая и кухонная неполированная керамика XIII в. из раскопок укрепления Исар-Кая.

Амфоры с манжетовидными венчиками двух вариантов — раннего и позднего (соответственно X и XI вв.). Ранние сосуды имеют более массивный венчик и уплощенные ручки, незначительно возвышающиеся над ними [Якобсон, 1979, с. 109, рис. 68, 1, 3]. Они известны из раскопок Константинополя [Demangel, Mamboугу, 1939, с. 46, 148–149] и в Северном Причерноморье — в Херсоне [Антонова, Даниленко, Романчук, 1971, с. 95, рис. 22, 23], Саркеле Тмутаракани и Боспоре [Якобсон, 1979, с. 110,

Рис. 37. Керамика и бытовые предметы XIII–XIV вв. из раскопок укреплений Пампук-Кы (раскопки 1980 г.)

рис. 68, 8; Плетнева, 1959, с. 245, рис. 31, 1, 3, 4; 1963, с. 48, рис. 29, 30]. Почти целые две амфоры этого типа найдены во время раскопок крепости Алустан в помещении, погибшем в пожаре X в. (рис. 32, 2, 3). Кувшины-амфоры с плоскими ручками являются наиболее массовыми находками на городищах Горного Крыма IX–XI вв., сосуды четырех вариантов, что, видимо, соответствует различным центрам их производства и длительности бытования. По материалам Херсона, Таманского городища и других центров, появление сосудов этого типа датируется серединой

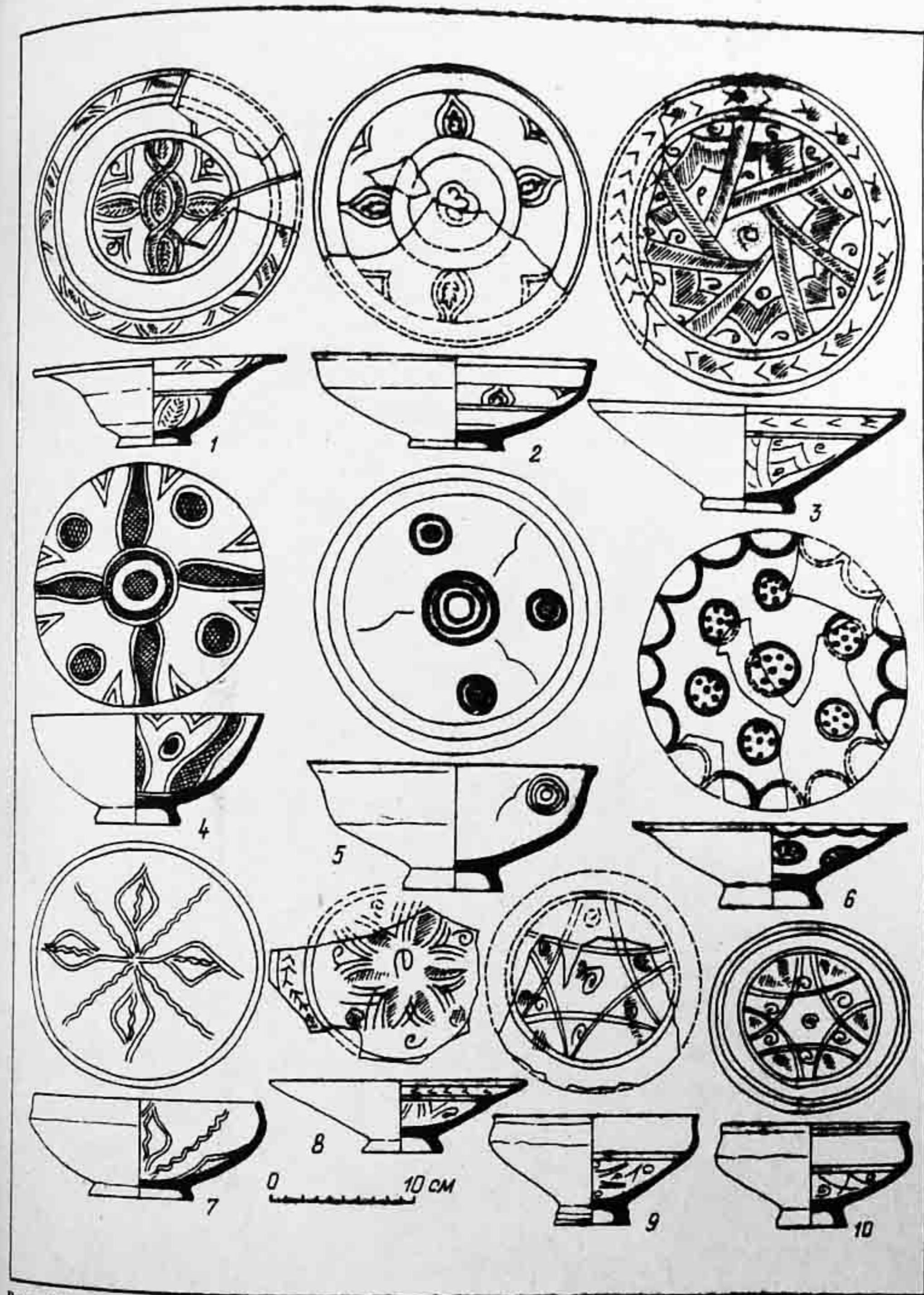

Рис. 38. Красноглиняные поливные сосуды XIII–XV вв. из раскопок укреплений Горного Крыма: 1, 2 – Бойка; 3, 10 – Ай-Тодор II; 4, 7 – Бакла; 5, 6 – Тепе-Кермен; 8, 9 – Гурзуф.

IX в. и доживают они, вероятно, до начала XII в. [Антонова, Даниленко, Романчук и др., 1971, с. 91–92, рис. 20–21; Плетнева, 1959, с. 249; 1963, с. 54, рис. 35; Якобсон, 1979, с. 75–76, рис. 43, 8–10]. На укреплениях средневековой Таврики сосуды такого типа найдены на Эски-Кермене, Мангуле, Бакле, Бойке [Домбровский, 1968, с. 91, рис. 7; Паршина, 1988, рис. 4, 1–6, 9–12], некоторых южнобережных крепостях [Паршина, 1974, с. 64, рис. 8, 5] и особенно в большом количестве в крепости Алустан.

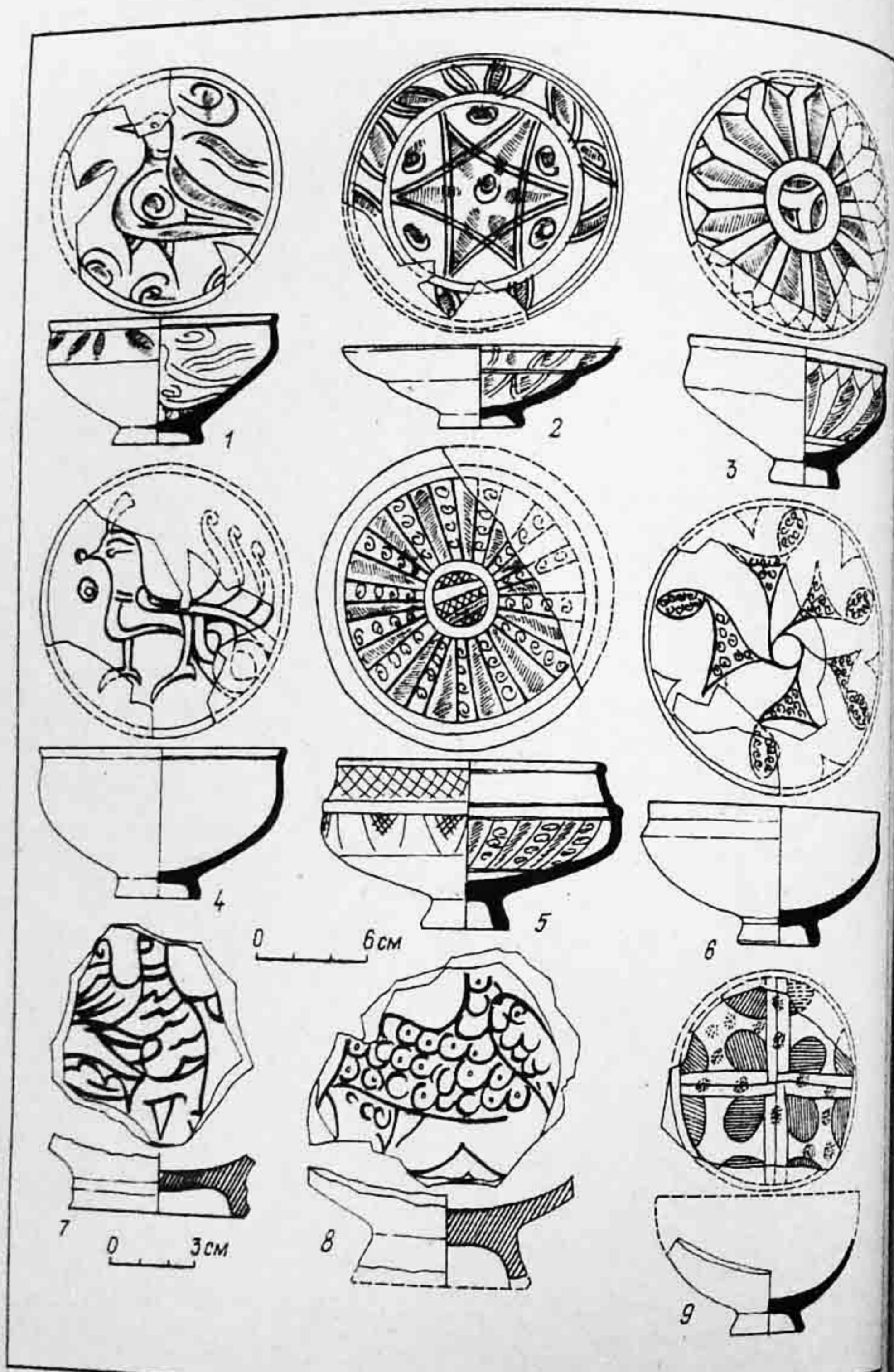

Рис. 39. Красноглиняные поливные сосуды XIII–XV вв. из раскопок крепости Алустан.

Простая столовая и кухонная посуда представлена горшками, кувшинами, светильниками и другими сосудами, известными из раскопок Херсона [Якобсон, 1979, с. 79–83, рис. 48–50], южнобережных памятников [Паршина, 1974, с. 64–65, рис. 8], посада Баклинского городища [Романчук, Рудаков, 1975, с. 217–222, рис. 1–4] и Алустана (рис. 33). Керамика производилась на местах и отличается большим разнообразием форм. От этой группы резко отличаются сосуды "салтовского круга", которые

Рис. 40. Красноглиняные поливные столовые сосуды из доджона замка Фула (1459–1475 гг.)

которые редко встречаются при раскопках городищ Горного Крыма. Это фрагменты горшков с серым в изломе черепком и со сплошным густым рифлением или волной, проведенной многорядной гребенкой, известные из раскопок Мангупа, Баклы [Рудаков, 1979, с. 101–111, рис. 2], Херсона [Якобсон, 1979, с. 79–80, рис. 48, 4, 5] и Алушты.

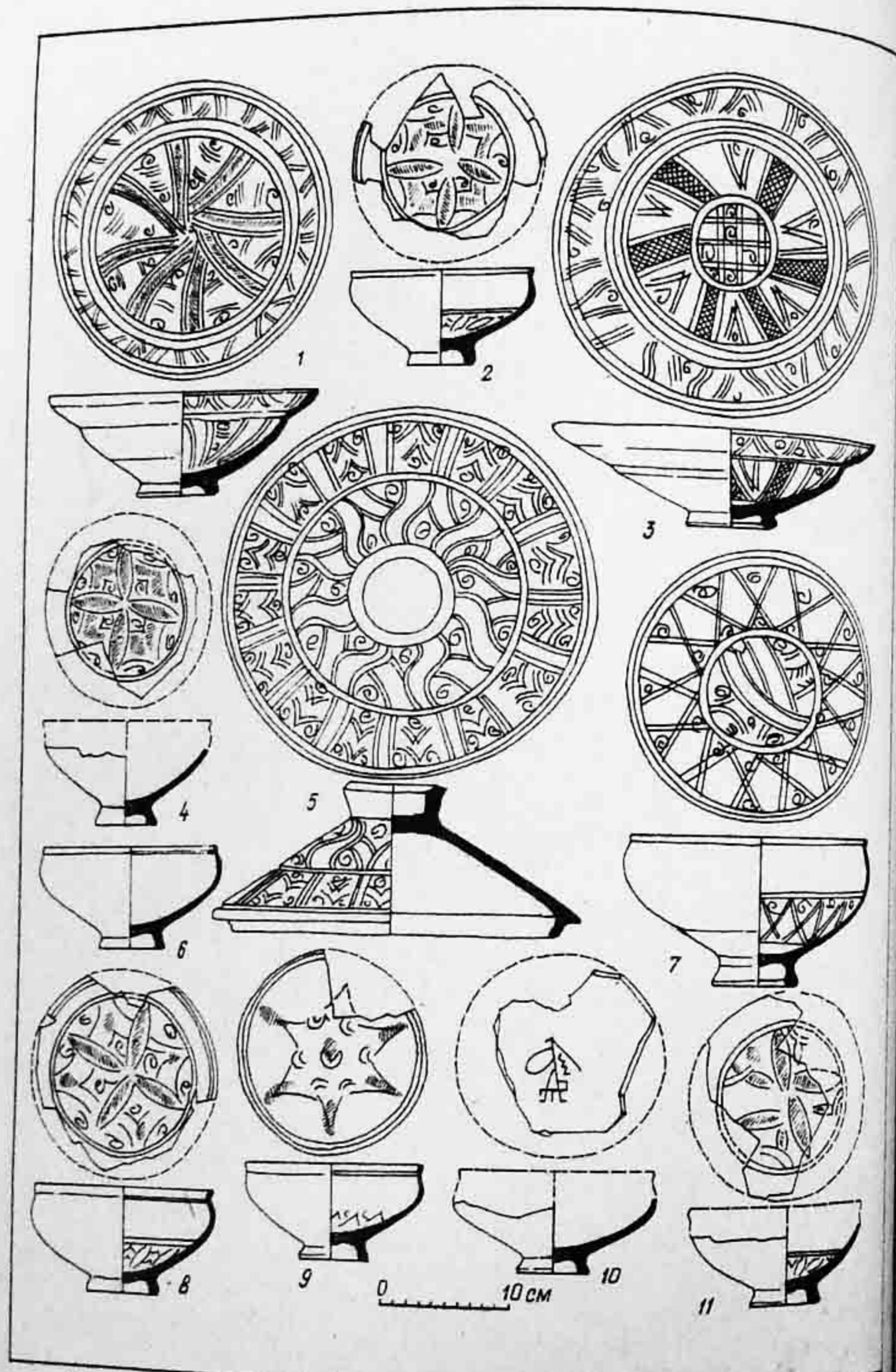

Рис. 41. Красноглиняные поливные сосуды из донжона замка Фуна (1459—1475 гг.).

Ранневизантийская поливная керамика из белой (каолиновой) глины в Горном Крыму, как и в Херсоне, Тамани, Саркеле и Керчи, появляется не ранее второй половины IX в. и бытует, видимо, до XI в. [Талис, 1960, с. 133; Макарова, 1967, с. 10; Якобсон, 1979, с. 83]. Изготавливалась она в Константинополе, Коринфе, Афинах и других крупных ремесленных центрах империи, откуда проникала на рынки провинциальных городов Крыма [Wallis, 1907, рис. 1, III—V, XIV; Ebertsolt, 1910, с. 33—35 (N 116—

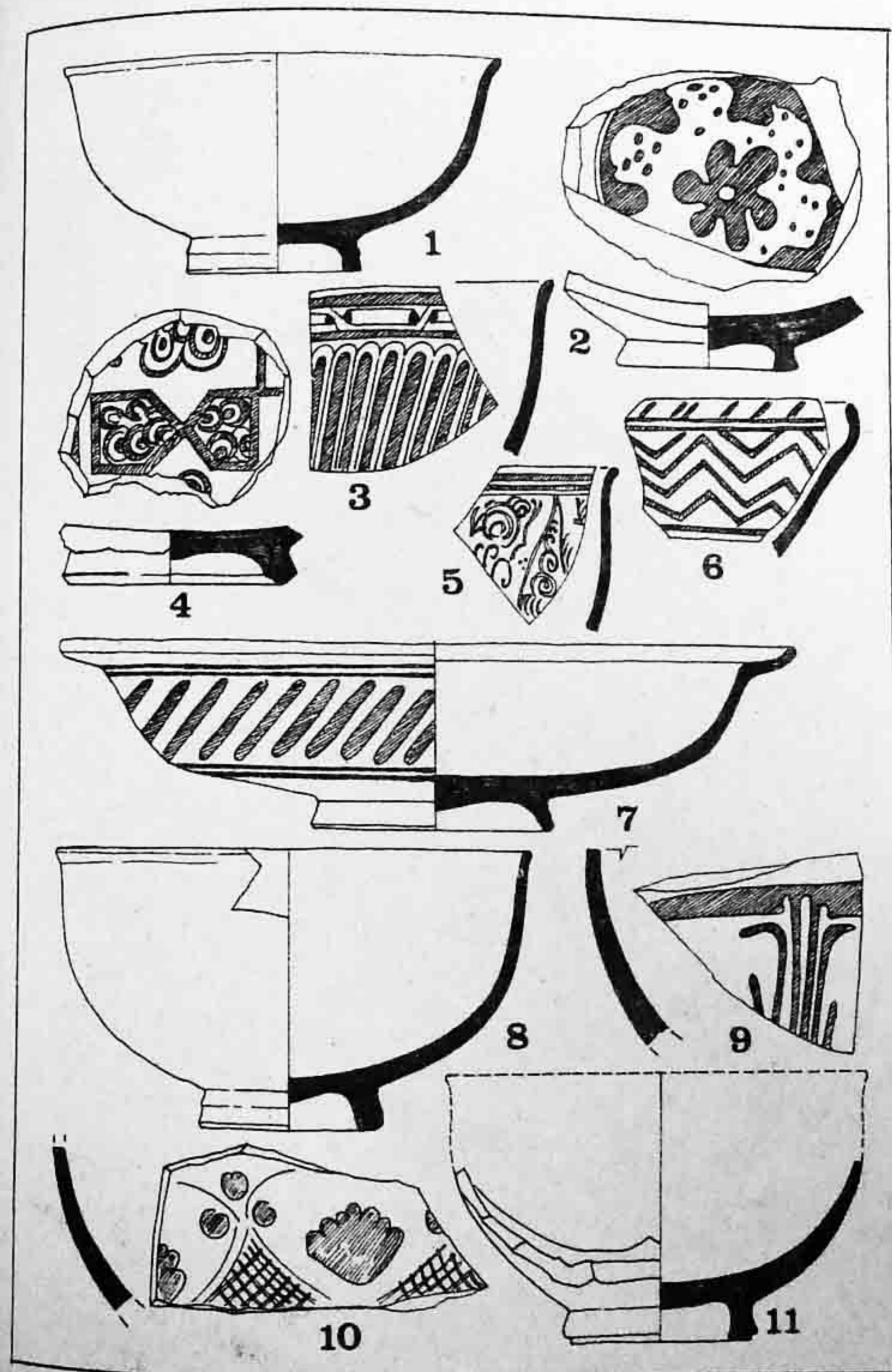

Рис. 42. Красноглиняная поливная посуда с росписью кобальтом из раскопок дворца Мангупа (1—7) и донжона замка Фуна (8—11).

129); Wulff, 1911, с. 100—105, табл. XVIII—XX; Stevenson, 1947, с. 38—60, рис. 16, 17, 21, 22; Raice, 1930, с. 24—29 (группа A5); Morgan, 1942, с. 36, 49, рис. I—VII; Frants, 1938, с. 159, рис. 22; Striker, Dogan Kuban, 1975, с. 315—316, рис. 16, 1]. В качестве византийского импорта белоглиняная поливная керамика также поступала в Саркел и Таматарху, но в меньшем

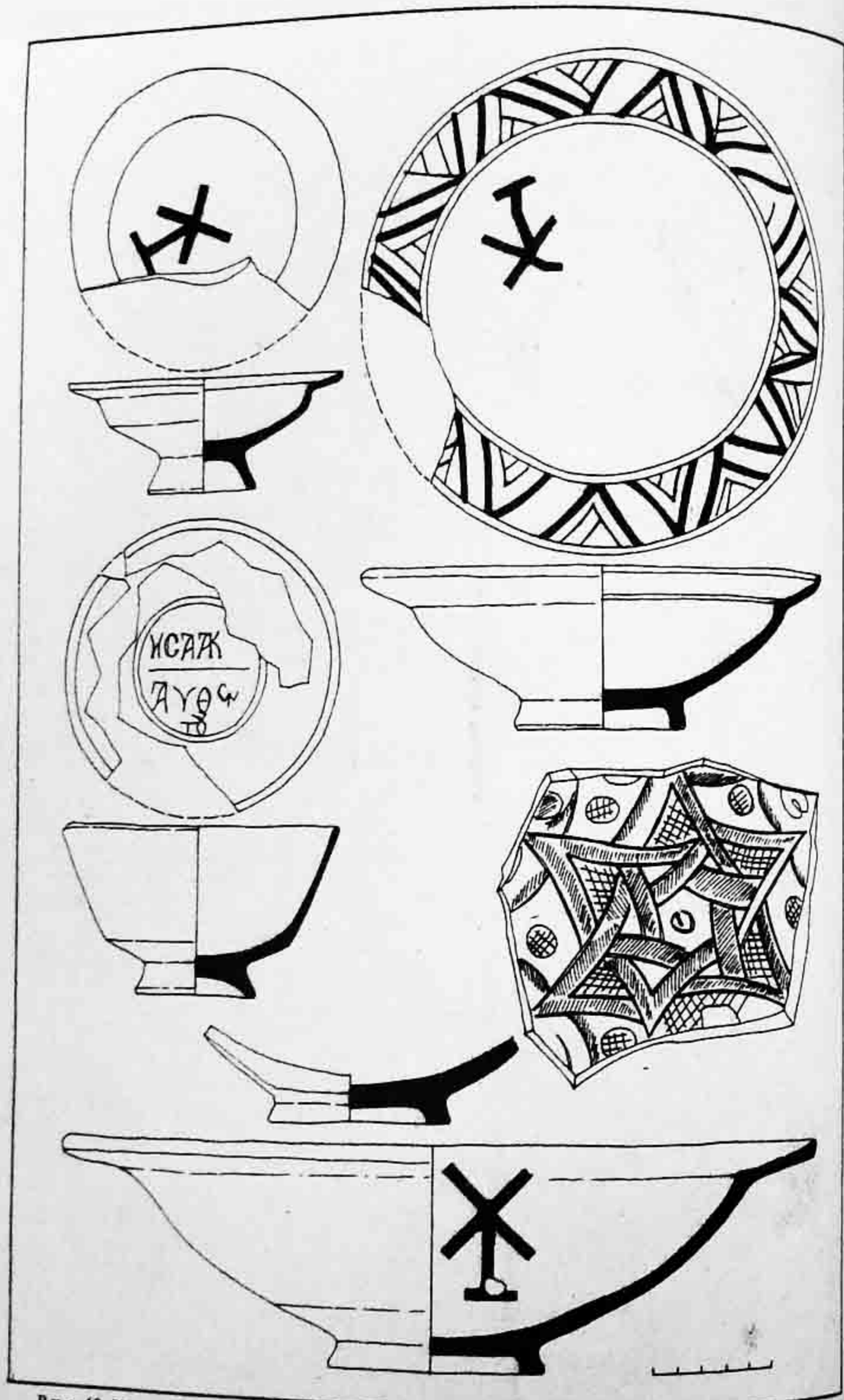

Рис. 43. Красноглиняные поливные сосуды из раскопок дворца Мангупа (1425–1475 гг.).

количестве [Шелковников, 1959, с. 322, рис. 17, е; Макарова, 1963, с. 74–78, рис. 1; Финогенова, 1987, с. 192–194, рис. 1]. Но в глубинных районах Горной Таврики белоглиняная поливная керамика IX–X вв. встречается

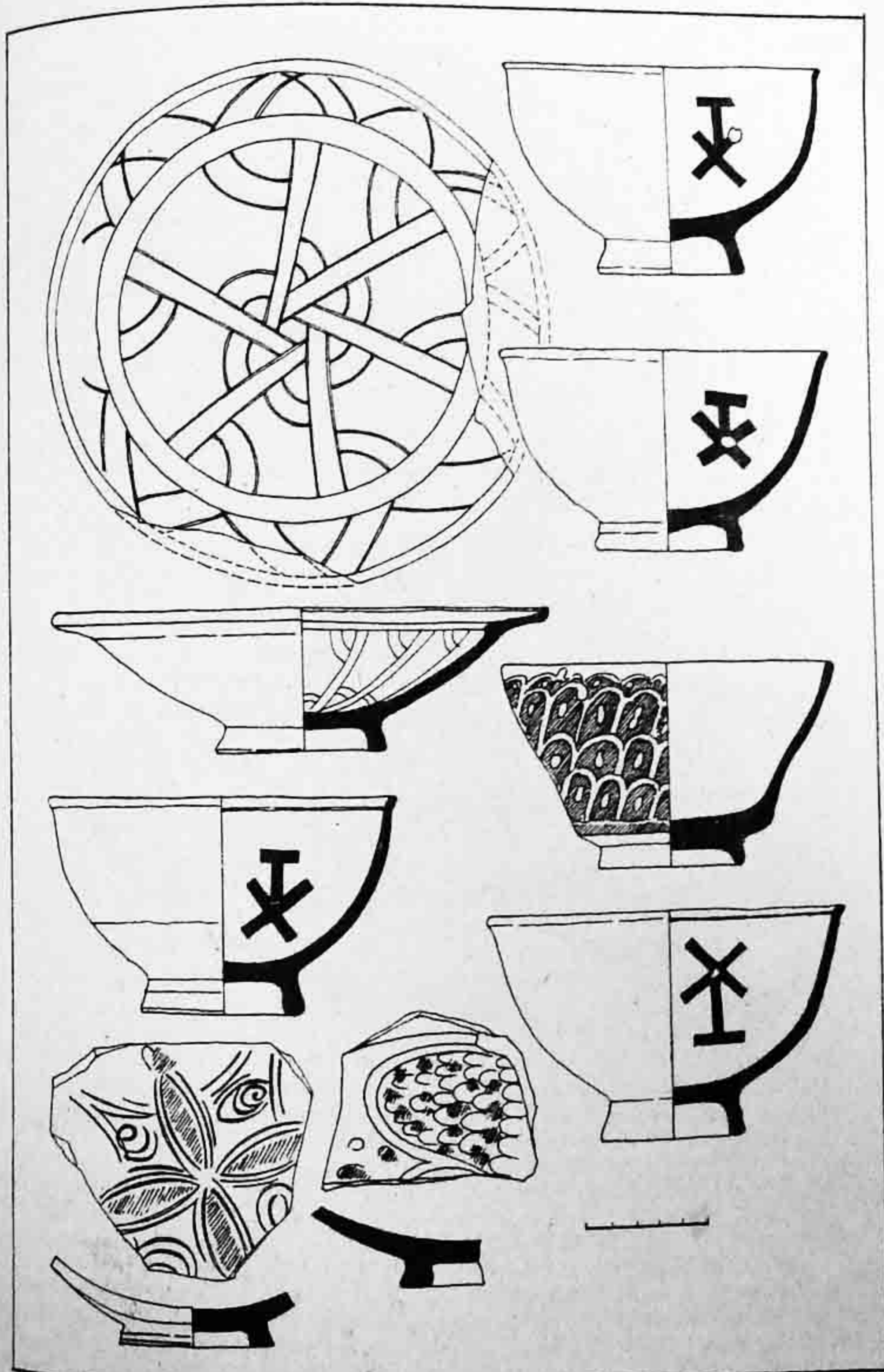
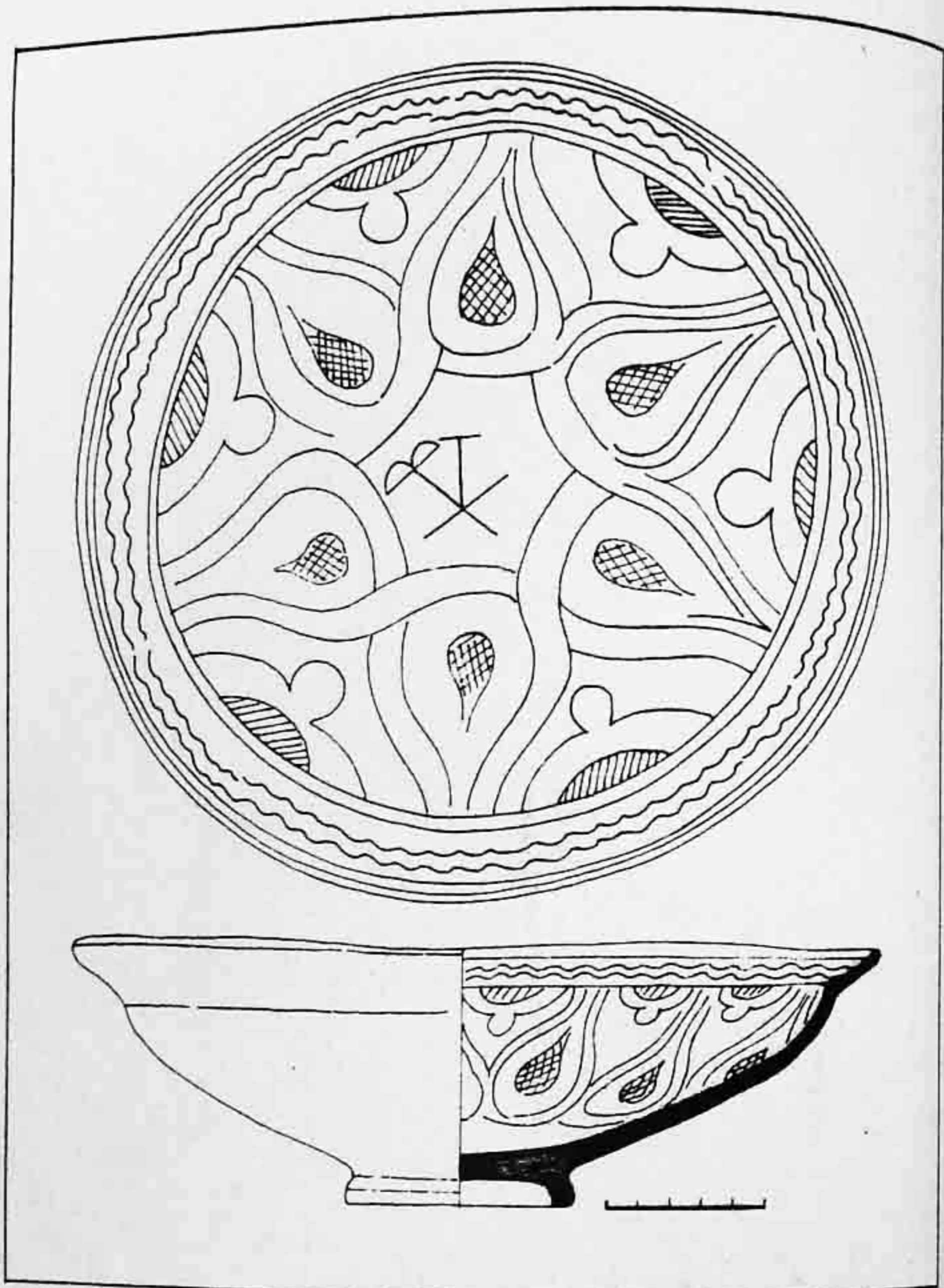

Рис. 44. Красноглиняные поливные чаши и тарелки из дворца Мангупа (1425–1475 гг.).

крайне редко: ее находки известны только в нескольких прибрежных пунктах (Симеизе, Гурзуфе, Верхней Ореанде) [Паршина, 1974, с. 65–66, рис. 9], в Эски-Кермене, Мангупе. Наиболее значительная коллекция этой

Р и с. 45. Красноглиняная поливная тарелка из слоя пожара 1475 г. княжеского дворца Мангупа (из раскопок Р.Х.Лепера в 1913 г.)

керамики происходит из Херсона [Якобсон, 1959, с. 332—357; Талис, 1960, с. 125—139], Баклы [Талис, 1976, с. 64—69, рис. 1, 25; 2, 10] и раскопок 1984—1989 гг. Алуштинской крепости.

По форме и назначению белоглиняные глазурованные сосуды IX—X вв. делятся на блюда, тарелки, вазы ("курильницы"), кувшины с различными орнаментальными украшениями, выполненными в технике штампа, процарапанными по сырой глине ("граффито"), с подглазурной полихромной и монохромной росписью. По характеру украшения их делят на шесть-семь групп [Якобсон, 1959, с. 333—358; 1979, с. 84—93; Талис, 1976, с. 64—74, рис. 1—3].

К рубежу XII—XIII вв. количество крепостей в Горном Крыму увеличилось примерно до 70 (рис. 2). Ограниченность типов амфор IX—XI вв. заменяется разнообразием типов и вариантов этого вида тары [Якобсон,

1979, с. 111—114, рис. 68, 5—8; Антонова, Даниленко, Романчук и др., 1971, с. 93—95, типы XXII—XXV, рис. 24—30]. Закрытые комплексы XIII в. обнаружены при раскопках Херсона, Эски-Кермена [Репников, 1941а, с. 281], Тепе-Кермена [Талис, 1971, с. 262], Баклы [Рудаков, 1975, с. 20—32, рис. 4], Сьюрени [Воронин, 1979, с. 313—315], Исар-Кая [Мыщ, 1987, с. 228—245, рис. 4, 6, 8, 10], Алушты, Пампук-Кая и других укреплений.

Наиболее многочисленным датирующим материалом являются амфоры, которые относятся к семи основным типам, имеющим различные варианты. Количественно преобладают сосуды с грушевидным корпусом, округлым дном, низким горлом и поднятыми над ним дуговидными ручками (первый тип) (рис. 32, 7, 9; 34, 1—4, 6—8). Например, во время раскопок укрепления Исар-Кая у горного прохода Шайтан-Мердвен амфоры этого типа составляли 61 % от общего числа [Мыщ, 1987, с. 239, рис. 6, 2, 3; 8, 2—3; 10, 1, 2]. Подобные амфоры находят практически во всех хозяйственных постройках XIII в. от 1 до 7 экз. Они известны в большом количестве в Херсоне [Антонова, Даниленко, Романчук и др., 1971, с. 94, рис. 25, тип XIII], Балаклаве, Керчи [Якобсон, 1951, с. 340, 342, рис. 10, 35 и сл., рис. 11, 37—39], Эски-Кермене [Репников, 1941 а, с. 279 и сл., табл. XIII, 2], Бакле [Рудаков, 1975, с. 36, рис. 4] и датируются XII—XIV вв.

Ко второму типу можно отнести амфоры с менее выраженной грушевидностью корпуса и плоским дном (рис. 34, 5). Такие сосуды встречаются редко с материалами XII—XIII вв. в Херсоне [Антонова, Даниленко, Романчук и др., 1971, с. 94, рис. 26], Эски-Кермене [Якобсон, 1950, с. 104, рис. 54], Исар-Кая [Мыщ, 1987, с. 239, рис. 6, 1].

Амфоры третьего типа представляют собой сосуды с массивным плоским дном, вытянутым корпусом, коротким горлом, к которому прикреплены плоские ручки (рис. 35, 2, 4). Поверхность покрыта светлым ангобом. Известны из раскопок Херсона, Эски-Кермена [Белов, 1941, с. 248, рис. 83; Якобсон, 1951, с. 279, табл. XIV, 1, 4; Антонова, Даниленко, Романчук и др., 1971, с. 95, рис. 27—30, тип XXV], Пампук-Кая [Мыщ, 1980, с. 7], Тепе-Кермена [Талис, 1971, с. 256], Ласпи [Паршина, 1974, с. 62, рис. 6, 2], Исар-Кая [Мыщ, 1987, с. 239—240, рис. 6, 4, 5; 10, 4], Алушты и других поселений и крепостей. Они бытовали одновременно с сосудами описанных выше типов. Модификацией плоскодонных кувшинов-амфор с внутренней бугристой поверхностью можно считать и большие двуручные сосуды из Баклы [Рудаков, 1975, с. 27—28, рис. 4, 2, 3].

К четвертому типу относятся амфоры-кувшины с массивным дном, раздутым корпусом и плоскими (одной или двумя) ручками, прикрепленными к средней части корпуса и горла (рис. 35, 7). Встречаются редко и известны из раскопок верхних слоев портового района Херсонеса [Антонова, Даниленко, Романчук и др., 1971, с. 95, рис. 29] и крепости XIII в. у горного прохода Шайтан-Мердвен (Исар-Кая) [Мыщ, 1987, с. 240, рис. 6, 8].

Амфоры пятого типа небольших размеров: высота 29—30 см, диаметр корпуса 12—13 см. Горло воронкообразное с венчиком диаметром 5—6 см. Корпус конусовидный с двумя зонами желобков. При раскопках средневековых городов Крыма встречаются редко в слоях XII—XIII вв. Почти целые экземпляры происходят из раскопок усадьбы XIII в., исследовавшейся в 1979 г. на Эски-Кермене [Паршина, 1979, с. 16, рис. 36], Алушты, Исар-Кая (рис. 32, 4, 5) [Мыщ, 1987, с. 250, рис. 10, 3]. Единичность находок этих амфор указывает на то, что они были привозными. Модификацией амфор этого типа являются сосуды тех же размеров и пропорций, но только не с заостренным, а вогнутым вовнутрь дном. Почти целый экземпляр подобной амфоры найден в комплексе XIII в. при раскопках крепости Алустон в 1987 г. (помещение 46).

Шестым типом амфор, бытовавших в XII—XIII вв., являются сосуды с бороздчатым веретенообразным корпусом и высоко поднятыми ручками [Антонова, Даниленко, Романчук и др., 1971, с. 93, рис. 24, тип XXII]. Они

встречаются почти повсеместно на побережье Черного и восточной части Средиземного морей, хотя и в небольшом количестве (найлены при раскопках на о-ве Кипр и Афинской агоре [Megaw, 1972, с. 334, рис. 27]. В Крыму их сравнительно немного происходит из раскопок Херсона (2–4 % от общего числа амфорного материала XII–XIII вв.) [Антонова, Даниленко, Романчук и др., 1971, с. 93; Белов, 1941, с. 250, рис. 102; Яковсон, 1950, с. 105], Саркела [Плетнева, 1959, с. 246], Тмутаракани [Плетнева, 1963, с. 32, тип I], Керчи [Яковсон, 1979, с. 111, рис. 68, 6]. Для районов Западного Причерноморья XII–XIII вв. этот тип амфор является одним из основных [Вагнер, 1967, с. 259, рис. 159, 4; Чангова, 1959 а, с. 256–257, рис. 11]. В Таврике, кроме Херсона, Эски-Кермена, Алушка-Исара (рис. 32, 6) и других крепостей эти амфоры найдены при раскопках крепости Алустан в слое пожара XIII в. (рис. 32, 10). Один целый экземпляр происходит из помещения 56. Полная вместимость амфоры составляет 9,5 л, что примерно равно 1/2 трапезундского модия [Карпов, 1981, с. 33].

К седьмому типу следует отнести сосуды больших размеров, сходные по структуре черепка с амфорами с внутренней бугристой поверхностью. У них более дутый корпус и широкая горловина. Особенность амфор этого типа в том, что они имеют три плоские горизонтально расположенные ручки, которые крепятся непосредственно к корпусу. Венчик, ручки и верхняя часть корпуса украшены наклепными валиками, насечками, зонами рифления и гребенчатой волной. Встречаются в слоях XIII в. редко и, кроме Херсона, известны еще в Эски-Кермене [Репников, 1941 а, с. 28, рис. 3; Белов, 1941, с. 249, рис. 84].

Кухонная и столовая керамика XII–XIII вв. претерпела значительные видовые изменения, что позволяет ее также привлекать в качестве датирующего материала при обследовании крепостей Горного Крыма. Делится она на две большие группы: поливную и неполивную. Неполивая кухонная и столовая посуда представлена горшками, кувшинами, крышками, тарелками, воронками, чашками, солонками, цецилками и проч. (рис. 49; 50). Подавляющее большинство сосудов сформовано на гончарном круге из местных глин, поэтому по структуре черепка их практически невозможно отличить от сосудов более раннего времени. Излюбленным украшением, которое ремесленники наносили на кухонную и столовую посуду, осталась волновая линия (горизонтальная, вертикальная, однорядная или многорядная — рис. 36, 2, 3, 6, 8, 10; 37, 1–3, 6, 10, 11, 19, 21, 22, 24). Поэтому зачастую датировать тот или иной сосуд можно, получив полное представление о его форме или по сопутствующим находкам амфор и поливных сосудов. В каждой местности бытовая посуда имела свои локальные черты, отличающие ее от керамики других районов.

В орнаментации сосудов также видны новые веяния: к ранее распространенному линейно-волнистому орнаменту добавляются наклепы, насечки, оттиски штампом, в чем прослеживается связь с кочевым миром XI–XIII вв. (печенегами и половцами) [Талис, 1980, с. 101–105, рис. 1, 2]. Причем это проникновение отмечается в районах Юго-Западного Крыма (Бакла, Тепе-Кермен, Эски-Кермен, Сюйрен, Херсон) и на южнобережных городищах (Исар-Кая, Алушта и др. — рис. 36, 1, 9).

Полвиная керамика XII–XIII вв., встречаемая при раскопках крепостей, часто привлекается для датировки слоев и строительных остатков этого времени. Она делится на две большие группы: белоглиняную и красноглиняную. К концу XII в. и особенно в XIII в., когда в Крыму получает широкое распространение производство поливных сосудов, численно преобладает красноглиняная керамика, которая к XIV в. почти полностью вытесняет белоглиняную [Яковсон, 1979, с. 119]. По характеру декора, приемам его нанесения, наличию или отсутствию подцветки она делится на девять групп, которые в Крыму наиболее полно представлены материалами Херсона [Яковсон, 1979, с. 120–146, рис. 74–92; Романчук, 1982, с. 99–

113, рис. 8–26а: 1986, с. 132–147, рис. 33–36; 5, 7; 38–42, 8, 10; 44, 45]. Находки из других городов и крепостей Таврики XII–XIII вв. гораздо скромней и известны по публикациям отдельных сосудов или фрагментов из раскопок Баклы [Талис, 1976, с. 70–83, рис. 2, 1, 8, 9; 3, 1–5, 8–11; 4, 1–2; 6, 1–5; 7, 1–3], Тепе-Кермена [Талис, 1971, с. 259–260, рис. 3], Бойки [Домбровский, 1968, с. 91, рис. 7, 8; 8], Сюйрени [Баранов, 1971, с. 91, рис. 2], Южнобережья [Паршина, 1974, с. 70; Мыщ, 1987, с. 243, рис. 10, 11, 14, 15] (рис. 38, 1, 2, 4–7; 39, 4).

В XIII в. в Таврику продолжается импорт белоглиняной поливной керамики, представленной в основном четырьмя формами: чашами, кубками, тарелками, кувшинами. Чаще всего сосуды покрывались светло-зеленой прозрачной поливой без подцветки или подглазурной росписью двух тонов: зеленого и коричневого. Орнаментация довольно проста: с внешней стороны нанесены мазки зеленого и коричневого цвета, но чаще встречаются более сложные рисунки в виде животных (львы, барсы, кабаны), птиц, абстрактных фигур [Яковсон, 1979, с. 144–146, рис. 92; Романчук, 1982, с. 99–105, рис. 8–16]. При раскопках Алустана в 1987 г. в помещении 47 белоглиняная керамика с подглазурной росписью акварельными красками составила 50 % (14 сосудов от всего сервиза). По материалам раскопок Константинополя и Коринфа, появление подобной керамики относится к концу XI в., но в основном датируется XII в., так как найдена с монетами Мануила I (1143–1180) и Алексея III (1195–1203) [Morgan, 1942, с. 77, 80; Stivenson, 1947, с. 55–56]. В Таврике она продолжает бытовать в первой половине XIII в. Попытка А.И.Романчук доказать существование этой группы керамики еще и в XIV в. выглядит неубедительно, потому что в центральных районах империи, где она, очевидно, производилась, белоглиняные сосуды с подглазурной росписью акварельными красками полностью вышли из употребления уже в начале XIII в. [1982, с. 89–113].

Хронология керамических комплексов XIV–XV вв. еще находится в стадии разработки и поэтому содержит в себе значительный элемент дискуссионности. Ранее предлагавшиеся широкие датировки материала XII–XIV или XIII–XV вв. в настоящее время не удовлетворяют исследователей. В нашем распоряжении не много хорошо датированных комплексов, и они ограничены регионально. В XIV–XV вв. в Крыму получает развитие производство местной оригинальной и самобытной красноглиняной поливной керамики, которая, с одной стороны, продолжала традиции византийского круга, а с другой — находилась под сильным влиянием культур Востока (керамического ремесла Золотой орды) и Запада (поток товаров, в том числе и керамических изделий, из городов Северной Италии). Уже в XIV в. на полуострове возникает несколько самостоятельных центров по производству глазурованной посуды. К традиционно признанным керамическим центрам Крыма XIV–XV вв. — Каффе, Солхату, Судаку — теперь можно добавить Фуну и Алушту, где раскопками последних лет выявлен керамический брак, поливные шлаки, треножные подставки для обжига сосудов в печи.

Археологические материалы XIV–XV вв. обнаружены примерно на 40 укреплениях (рис. 3). Наиболее значительные коллекции керамики этого времени происходят из раскопок Мангупа [Тиханова, 1953, с. 346, рис. 10; Яковсон, 1953, с. 399–402, рис. 9; 15, г–е; 16; 25, в; Даниленко, Романчук, 1969, с. 116–133, табл. 1–5], Феодосии [Штерн, 1906, с. 3–104; Айбабина, 1988, с. 72, рис. 6], Чуфут-Кале [Веймарн, 1968, с. 68–69, рис. 18–20, 1, 2–4], Каламиты [Веймарн, 1958а, с. 59], Пампук-Кая, Судак (раскопки И.А.Баранова 1977–1988 гг.), Кордон-Обы [Барсамов, 1929, с. 165, 169, рис. на с. 168]. Многочисленный материал этого времени получен в последние годы при раскопках Фуны и Алустана. Основанием для датировок керамических комплексов служат данные стратиграфии, хорошо датированные аналогии, монеты, свидетельства письменных источников,

в том числе и эпиграфический материал. Совокупность всех этих слагаемых позволяет более точно определить время бытования тех или иных сосудов.

В XIV—XV вв. в составе керамического комплекса произошли существенные изменения. Появляются новые формы и украшения сосудов в виде полос, волн, кругов и точек, нанесенных белым ангобом. Наиболее ранние находки сосудов, орнаментированных белым ангобом, найдены в Алуште в одном слое с монетами хана Узбека (1313—1340) с надчеканкой второй половины XIV в. и анонимной джучидской монетой, чеканенной в Сарай-ал-Джедид в 1350—1361 гг. (определение монет сделано В.А.Сидоренко). Эта керамика продолжает бытовать и в XV в. — фрагменты и целые формы сосудов обнаружены в слое пожара 1475 г. на Мангупе [Якобсон, 1953, с. 396, рис. 9], Фуне, Алуште (рис. 40—45).

Исследования замка Фуна (1980—1986) дают наиболее полное представление о составе керамического комплекса конца XIV—XV вв. Например, при расчистке слоя пожара в донжоне замка, построенного в 1459 г., найдены фрагменты примерно 100 сосудов, из которых удалось реставрировать 42. Найденная керамика четырех видов: хозяйственная тара; керамические строительные материалы; простая столовая и кухонная посуда; поливная, в том числе и художественная. Хозяйственная тара представлена четырьмя пифосами, из которых два имеют украшения в виде налепных валиков с пальцевыми вдавлениями. В верхней части корпуса одного из них "гребенкой" проведены две волнообразные линии. Оба сосуда относятся к одному типу, хорошо известному по раскопкам крымских памятников XII—XIV вв. [Якобсон, 1979, с. 114, рис. 71]. Находка подобных сосудов в слое пожара донжона указывает на то, что они продолжали бытовать и в XV в. Два других пифоса отличаются формой и размерами. Большой толстостенный пифос имеет яйцевидный корпус, массивный венчик и конусовидное дно. Четвертый сосуд тонкостенный, небольших размеров. Материалы из раскопок Фуны показывают, что на протяжении XII—XV вв. такой вид тарной керамики, как пифосы, практически не претерпел изменений.

Среди строительных керамических материалов особый интерес представляют находки пяти полых изразцов без лицевых пластин. Сосуды усеченно-конической формы с прямым не выделенным венчиком, верхний край которого утолщен и горизонтально срезан. Аналогичные изделия известны в Старом Месте (Варшава) [Gordavski, 1955, с. 137, рис. 15] и в Старом Орхее (Молдавия) в закрытых комплексах XV в. [Абызова, Бырня, Нудельман, 1982, с. 61, рис. 52, 53]. Находки подобных изразцов на крымских памятниках не были известны.

Поливная керамика из слоя пожара донжона особенно многочисленна. Она представлена сосудами разнообразных форм: блюдами, чашами, крышками, кувшинами, куманами, кастрюлями (рис. 53; 54). Большой красноглиняный кувшин с дуговидными ручками напоминает по форме амфоры XII—XIII вв. Верхняя часть ручек и горло сосуда покрыты зеленой прозрачной поливой (рис. 40, 1). По корпусу гребенкой проведены две горизонтальные врезные линии. Аналогии этому кувшину нам не известны. Уникален также сервиз, состоящий из пяти широкогорлых двуручных кувшинов, отличающихся между собой только размерами (рис. 40, 2, 3, 4, 6, 7): их высота от 29 до 42, диаметр корпуса 16—25, венчика 8—11, дна 8—12 см. В Крыму наиболее ранние находки подобных кувшинов происходят с поселения золотоордынского времени на левом берегу р. Байбуга (северо-западная окраина Феодосии), где они залегали в одном слое с монетами XIV в. (раскопки 1975 г. Н.О.Осацкого). Следовательно, бытование широкогорлых кувшинов с дуговидными ручками в Крыму следует датировать XIV—XV вв. Близкий по форме сосуд, но без покрытия верхней части ангобом и глазурью происходит из раскопок Белгорода-Днестровского. А.А.Кравченко эту находку датирует неопределенно — XII—XIV вв. [1986, с. 58, рис. 18, 13; 22, 3].

Большая часть красноглиняной поливной керамики явно местного (крымского) производства. На поверхности сосудов нанесен врезной орнамент, выполненный тонкой и широкой линией под светло-желтой и светло-зеленой прозрачной глазурью, нанесенной по белому ангобу. Иногда орнамент усиливает подкраска светло-коричневыми, темно-зелеными мазками или подтеками. Преобладает растительно-геометрический орнамент. На чашах в большинстве случаев изображались четырех- и восьмилепестковые розетки или шестилепестковая "звезда" (рис. 41, 11, 2, 4, 8, 9). На двух блюдах, большой чаше и крышке стилизовано выполнено "солнце" (рис. 41, 1, 3, 5, 7).

Особый интерес среди поливных сосудов представляют фрагменты четырех чаш, на внутренней стороне которых (по сырой глине) выгравирована монограмма Александр, а в ее основании помещена тамга Гиреев (рис. 41, 10). Чаши с монограммой входили в сервиз, выполненный по заказу владельца крепости князя Александра, известного по письменным источникам 1471—1475 гг.

Незначительный процент поливной керамики составляет привозная красноглиняная посуда, расписанная кобальтом, а также золотоордынская кашинная керамика. Она представлена всего несколькими фрагментами венчиков, украшенных с внутренней стороны пересекающимися косыми линиями, а с внутренней — каплеобразными рельефными выступами, стилизованными изображениями растений. Орнамент бирюзового цвета нанесен на фоне мелких точек той же расцветки. В Крыму кашинная керамика встречается редко в слоях XIII—XV вв. [Штерн, 1906, табл. IX, 86] и поступала, видимо, сюда, как и в древнерусские города, из Сарая-Берке [Якубовский, 1931, с. 28—34, рис. 1—8, 21], Хорезма [Вактурская, 1959, с. 319—323, рис. 29, 1] и других ремесленных центров Золотой Орды.

В слое пожара донжона найдены фрагменты трех чаш с росписью кобальтом (рис. 42, 8, 9, 11). Черепок темно-красный плотный. Восстановлена полностью форма одного сосуда. Чаши имели полусферическую форму на низком кольцевом поддоне (рис. 42, 8). Высота чаши 10 см, диаметр поддона 7, высота 1,5 см, диаметр венчика 18,5 см. Все чаши, видимо, одинаковой формы и размера, потому что полностью совпадают параметры поддонов и толщина стенок. Сосуды с обеих сторон покрыты белым ангобом. На реставрированной чаше полива роспись почти полностью осыпалась. Только на небольшом пространстве сохранились фрагменты орнамента в виде "чешуек", "волн" или стилизованных гроздей винограда. Роспись трех цветов: синяя, зеленая и черная. Рисунок покрыт прозрачной бесцветной поливой. Изнутри орнамент выполнен синим цветом различных тонов: от голубого до темно-синего. Центральное поле чаши занимает сложный растительно-геометрический орнамент в виде многоугольников и арок со сложным профилем. Изображение центральных фигур выполнено широкой линией, с подрисовкой тонкой кистью более темного цвета. Внутреннее пространство геометрических фигур заполнено большими и маленькими точками, "волнами". С внешней стороны роспись выполнена зеленым и черным цветом. Здесь изображены побеги и меандроидные узоры. В Крыму аналогичные чаши и тарелки появляются не ранее конца XIV в. (например, в крепостной стене генуэзского времени в Алуште найден фрагмент венчика такой чаши) и известны из раскопок Баклы [Талис, 1976, с. 83, рис. 7, 4—7], Мангупа [Якобсон, 1953, с. 402, рис. 16] (рис. 42, 1—4, 6, 7), Каламиты, Алушты, Судака (раскопки И.А.Баранова). Х.Вэллис один из первых опубликовал небольшую коллекцию красноглиняной поливной керамики с росписью кобальтом из раскопок Константинополя и датировал ее XV в. (до 1453 г.) [Wallis, 1907, с. 3, 25, табл. XVI, XIX, XX, XXI; 38, 48, 51, 52, 57]. Т.Райс обнаружил несколько фрагментов сосудов этого типа при раскопках ипподрома в Константинополе. Определив время ее бытования XV—XVI вв., считал, что она попала на материк с островов Эгейского

моря (поэтому он назвал ее "островной") [Rase, 1930, с. 99—100, табл. XX, XXI]. Ф.Зарре на материалах Милета датировал эту группу керамики XIV в., допуская ее изготовление как в конце XIII, так и в начале XV в. [Sarre, 1935, с. 72, 73, 87, рис. 52, e; 53, a, c]. После выхода в свет работы Ф.Зарре аналогичную посуду стали в литературе называть "милетской", хотя никто из исследователей долгое время не мог указать точное место ее производства. Этот вопрос прояснился после раскопок 1963—1964 гг. О.Асланапы в Изнике, где была открыта большая керамическая печь с сосудами, изготовленными из красной глины и расписанными кобальтом, датируемых по находкам монет второй половиной XIV — первой половиной XV в. [Aslanapa, 1965, с. 28—32, рис. 6, 73; 7, 74; 8, 107, 28; 53, 29; 54; 55, 166, 52, 169, 55, 161, 56, 170; 57, 162—168]. Новейшие исследования М.Роджерса и Д.Карсвелла подтверждают правильность датировок этой керамики, предложенных О.Асланапой. С рубежа XV—XVI вв. (условно принимают дату 1500 г.) в Изнике начинается выпуск красноглиняной керамики, отличающейся по орнаментике от сосудов предшествующего времени: пышный растительный орнамент не столь плотно покрывает поле тарелок и в расцветивании широко применяется красный цвет, которым изображают тюльпаны и гвоздики [Rogers, 1983, с. 9, 95, 100, 113, рис. 8—11; Carswell, 1982, с. 73—120, рис. 55, 81, 89, 90, 97, 100].

Ближайшими аналогиями керамическому комплексу из слоя пожара донжона Фуны служат находки из раскопок Симеиза, Ай-Тодора, в Гурзуфской крепости [Паршина, 1974, с. 70—71, рис. 10, 1—7, 9, 13], дворца Мангула (раскопки 1912—1913 гг. Р.Х.Лепера) [Фонды Эрмитажа, 1808/70—82, 84—91, 95—97] и 1938 г. А.Л.Якобсона [1953, с. 399—401, рис. 13, 16, 32; Даниленко, Романчук, 1969, с. 116—133, табл. 1—4], датируемые XV в. Комплекс керамики из дворца интересен тем, что целая серия поливных чаш и блюд имеет монограммы из двух букв ТХ, а в одном случае из трех—ТХВ (рис. 43—45). Во время раскопок дворца в 1938 г., кроме сосудов с монограммой ТХ, найдено две чаши с надписью НСААК АΥΘω [КРА]Τυ, которую А.Л.Якобсон связывал с именем князя Исаака [1953, с. 414—415, рис. 13, 3; 32]. Сосуды с монограммой ТХ А.Л.Якобсон, а вслед за ним В.Н.Даниленко и А.И.Романчук [1969, с. 123, табл. 2, 25—28, а, б] датировали XIV в., монограмму расшифровывали как имя Хуйтани, известному по надписи 1361/62 г. [Малицкий, 1933, с. 9—14; Якобсон, 1953, с. 414]. Но условия находки этих чаш и тарелок ставят под сомнение правильность даты, предложенной А.Л.Якобсоном (XIV в.), потому что слой пожара, из которого происходят остальные сосуды, все исследователи (в том числе и сам А.Л.Якобсон) отнесли к 1475 г. Есть основание считать, что красноглиняная поливная керамика из дворца не выходит за рамки его существования — 1425—1475 гг. (согласно надписи, найденной рядом с башней дворцового комплекса, он был построен в 1425 г. князем Алексеем [Лепер, 1913, с. 78, рис. 7, с. 150 (с планом)]. Ввиду того что сосуды с монограммой ТХ найдены совместно с чашами князя Исаака, их следует датировать 70-и годами XV в., а не 60-и годами XIV в., как это делалось ранее. Согласно данным письменных источников после смерти Исаака в 1475 г. мангупский престол занял князь Техур, который правил недолго и был свергнут прибывшим из Молдавии Александром. При приближении к столице Феодоро турецкой армии он бежал к османам [Vasiliev, 1936, с. 254]. Вероятно, буквы ТХ являются сокращенным написанием имени Техур. Художественная поливная керамика в период развитого средневековья часто украшалась именами владельцев. Монограммы заказчиков (все они сделаны по сырой глине до обжига) помещались на внутренней стороне чаш и блюд [Wallis, 1907, с. 11—16; Demangel, Mamboury, 1939, с. 148, рис. 195].

Форма и орнаментация отдельных сосудов, составляющих керамический комплекс из слоя пожара донжона, характерны для изделий XIII—

XIV и даже XVI—XVII вв. Но время постройки донжона (1459) дает нам нижнюю хронологическую точку для датировки найденной керамики. Наиболее вероятной датой пожара в донжоне является 1475 г., когда замок был захвачен и частично разрушен турками. Таким образом, время этого керамического комплекса датируется 1459—1475 гг., то есть составляет 16 лет. Имея четкие хронологические рамки, изделия из донжона Фуны служат надежным эталоном для определения "возраста" синхронных археологических находок из других памятников Крыма.

При определении времени существования того или иного памятника исследователи стремятся использовать не только керамику — привлекается комплекс данных, которые можно собрать в каждом конкретном случае: письменные источники (лапидарные и нарративные); монетные находки; предметы быта и культа; предметы искусства (резные архитектурные детали, фрески, мозаика; вооружение; орудия труда; архитектура строений и др. Но на подавляющем большинстве горных крепостей (около 80 %) ничего кроме керамики не найдено. Даже на тех памятниках, где проводились раскопки широкими площадями (Фуна, Алустон, Исар-Кая, Пампук-Кая, Сүйрен и др.), керамика составляет до 95 % от всего числа собранных предметов. Случаи обнаружения во время раскопок строительных надписей, монет, предметов прикладного и монументального искусства, вооружения, орудий труда, бытовых и культовых предметов крайне редки и большей частью позволяют определить только относительную дату существования жизни на том или ином укреплении.

Для установления абсолютных датировок обычно привлекаются данные письменных источников. Но давно известные нарративные источники (об этом говорилось в первой главе) в данном случае малоинформативны и их возможности практически исчерпаны. Другое дело лапидарные надписи. Они единичны и происходят из раскопок крупных средневековых городов Крыма (Херсон, Мангуп, Судак, Каффа и др.). За последние годы можно отметить только одну интересную находку из крепости Фуна, где при исследовании донжона найдена строительная надпись 1459 г. с монограммами трех мангупских князей (Алексея, Ахмета и Александра) и Палеологов [Мьщ, 1988, с. 104, рис. 5]. Но и эта уникальная находка из-за сильной поврежденности текстовой части надписи не читается полностью.

Несмотря на проведение широких разведок и раскопок, монеты на глубинных горных городищах встречаются редко (это явление еще не нашло убедительного объяснения в литературе) и найдены на нескольких памятниках: Бакле, Папук-Кая, Алустоне, Фуне, Гурзуфской крепости, на Артекском поселении, Чоргунском исаре (небольшие коллекции средневековых монет происходят еще с Мангула и Эски-Кермена). Из ранних находок византийских монет только две происходят из горных крепостей. Это золотая монета второй половины IX в. императоров Константина и Василия из Артекского поселения [Домбровский, 1974, рис. 2] и золотая монета императора Ираклия (610—641) из раскопок гробницы № 6 на Пампук-Кая [Якобсон, 1970, с. 144, рис. 97]. Но эта монета использована в качестве обола Харона и по сопутствующим предметам захоронение может быть датировано XII—XIII вв. Даже более поздние монеты херсоно-византийской чеканки, часто встречаемые при раскопках Херсона, на памятниках Горного Крыма редки (одна монета с монограммой ΡΟ происходит из раскопок Алустона). Большая же часть монет происходит из верхних слоев (конец XIII—XV в.) и принадлежит чекану золотоордынских городов (находки на Бакле, Фуне, Алуште). Причем только одна монета из Баклы датируется XIII в. (монета Берке-хана 1259 г. чеканки Булгара с именем ан-Насир меддин-аллаха) [Рудаков, 1975, с. 22].

Единичны также случаи, когда памятники монументального искусства позволяют определить время возведения, реконструкции крепостей или утраты ими оборонительных функций. Так, например, на втором этаже

Сюйренской башни в конце XIII в. устраивается часовня и свод башни расписывается фреской [Домбровский, 1966, с. 56]. В данном случае время создания фресковой росписи совпадает со временем, когда крепость была заброшена и вокруг башни возникает некрополь. При раскопках укрепленного монастыря в Симеизе на г.Панеа был открыт фрагмент мозаичного пола X в., позволивший определить и время сооружения всего монастырского комплекса с оборонительными стенами.

Проведенные исследования позволяют выделить в крепостном строительстве Таврики X—XV вв. три основных хронологических этапа: конец IX—X в.; рубеж XII—XIII вв.; вторая половина XIV — 70-е годы XV в. На каждом этапе складывались условия, стимулирующие это строительство: усиление власти Византии или Хазарского каганата, рост внешней опасности, процесс феодализации в среде местного населения, укрепление военно-политической власти генуэзской Колонии и стремление княжества Феодоро противостоять этому, ослабление власти Золотой Орды, угроза захвата Крыма турками.

В VI—VII вв. Византия ведет ремонт оборонительных сооружений Херсона и Боспора, возводит новые укрепления: Каламиты, Эски-Кермен, Мангуп, Сюйрен, Тепе-Кермен, Чуфут-Кале, Баклу, Гурзуф, Алустон, Судак, создавая тем самым опорные пункты для контроля над горной и прибрежной частями полуострова. В построенных крепостях размещаются византийские гарнизоны и федераты империи. Процесс усиления власти Византии в Крыму ослабевает с появлением в VIII в. хазар. Но с учреждением на рубеже IX—X в. фемы Херсона, Боспора и Понта Эвксинского опять ощущается присутствие военно-административной власти империи на территории Таврики. В X в. стратигами фем ведется восстановление и ремонт оборонительных сооружений византийских крепостей. Районы Горного Крыма делятся на военно-административные округа — климаты, центрами которых становятся отстроенные заново укрепления. В период военно-политической нестабильности в конце IX—X в., вызванной хазаро-византийскими войнами и проникновением на полуостров печенегов, в Таврике появляется около 30 новых крепостей. Это выстроенные общинниками-стратиотами укрепленные поселения, загоны для скота, убежища, сторожевые пункты и обнесенные стенами провинциально-византийские монастыри.

На рубеже XII—XIII вв. появляется большая группа (около 40) новых крепостей типа замков. Для феодальных замков характерно наличие башен-донжонов, которые играли важную роль в системе обороны этих крепостей. С установлением на полуострове власти Золотой Орды и вплоть до 60-х годов XIV в. крепостное строительство в районах Горного Крыма прекращается. Во второй половине XIII в. под ударами татар погибает часть византийских городов и крепостей, которым уже не суждено было возродиться (Эски-Кермен, Сюйрен, Тепе-Кармен и др.). Восстановительные работы на укреплениях Таврики начинаются только после 1361 г., когда в Орде наступает 20-летний период смут и междоусобиц.

Во второй половине XIV — начале XV в. усиливается экономическое и военно-политическое влияние генуэзской Колонии, которой были захвачены на побережье обширные земли, принадлежавшие некогда Византии. В это время генуэзцами возводятся мощные укрепления: Каффа, Солдайя, Чембало, Луста и др. Желая противостоять дальнейшим территориальным захватам генуэзцев, князь Феодоро также предпринимает крепостное строительство: ими заново отстраиваются стены Мангупа и Каламиты, возводится замок Фуна, ремонтируются оборонительные сооружения других укреплений.

После захвата Крыма турками в 1475 г. большая часть крепостей была разрушена, а некоторые восстанавливаются и продолжают существовать почти до конца XVIII в. (Мангуп, Инкерман, Чембало, Гурзуф, Судак, Каффа).

ГЛАВА V ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ И КРЕПОСТЕЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТАВРИКИ

Хозяйственная деятельность и социальная история населения городов и крепостей средневековой Таврики тесно связаны между собой и во многом предопределили друг друга. Поэтому нами предпринята попытка рассмотреть вместе эти вопросы, не претендуя, конечно, на полное и всестороннее их освещение.

Хозяйственная деятельность населения городов и крепостей средневековой Таврики. Слабая изученность укреплений средневековой Таврики позволяет лишь в общих чертах представить быт и хозяйственную деятельность их обитателей. Все основные процессы средневековой экономики протекали в открытых поселениях, расположенных в долинах, где общинники занимались земледелием, скотоводством, а в приморских районах и рыбным промыслом. В период развитого средневековья, характеризующегося быстрым ростом городов, сельское хозяйство преобладало в экономике. Но значительной была и роль городов в судьбах сельских поселений. С ростом городов повышался спрос на сырье, продовольствие, развивались рыночные связи. Не меньшее значение имел и естественный рост населения в X—XIII вв. — пропорционально увеличению населения росла и потребность в продуктах питания. А это, в свою очередь, требовало расширения площадей пахотных земель или интенсификации производства. Изучение развития агрокультуры средневековой Таврики способствует научному освящению многих явлений экономической и социальной истории (в частности, экономического и социального прогресса населения полуострова).

Сельское хозяйство. Набор орудий труда, найденных при раскопках крепостей, указывает на то, что основу хозяйственной деятельности их обитателей составляли различные отрасли сельского хозяйства: хлебопашество, огородничество, садоводство, виноградарство и скотоводство (рис. 46). Культивировались такие технические культуры, как лен и конопля: об этом говорят находки специальных зубаток и железных гребней с длинными стержнями, вставленными в деревянную основу, скрепленную металлическим ободком, служивших для расчесывания шерсти и растительных волокон. Целая серия таких гребней происходит из раскопок в Херсоне [Белов, 1941, с. 211, 256] и крепости Исар-Кая у горного прохода Шайтан-Мердвен, они датируются XII—XIII вв. Аналогичные находки известны на раннесредневековых сельских поселениях Таврики [Якобсон, 1970, с. 150, рис. 51, 1]. Лен для продажи продолжали выращивать на Южном берегу еще в конце XVIII в. П.С.Паллас в 1794 г. обратил внимание на посадки льна на склоне г.Демерджи [1881, с. 179]. Интересно отметить, что лен высевали в районе замка Фуна и в XV в., о чем говорят материалы раскопок. В помещении № 6 в двух пифосах найдено 19 кг обугленных семян льна (*Linum usitatissimum* L.)*. Это помещение погибло во время пожара 1475 г.

Рост городов и развитие в них ремесел привели к увеличению спроса на сырье, а это, в свою очередь, повлекло за собой расширение посевов технических культур. Самыми распространенными техническими культурами в Европе (как, видимо, и в Крыму) являлись лен и конопля, которые

* Определение Г.А.Пашкевич.

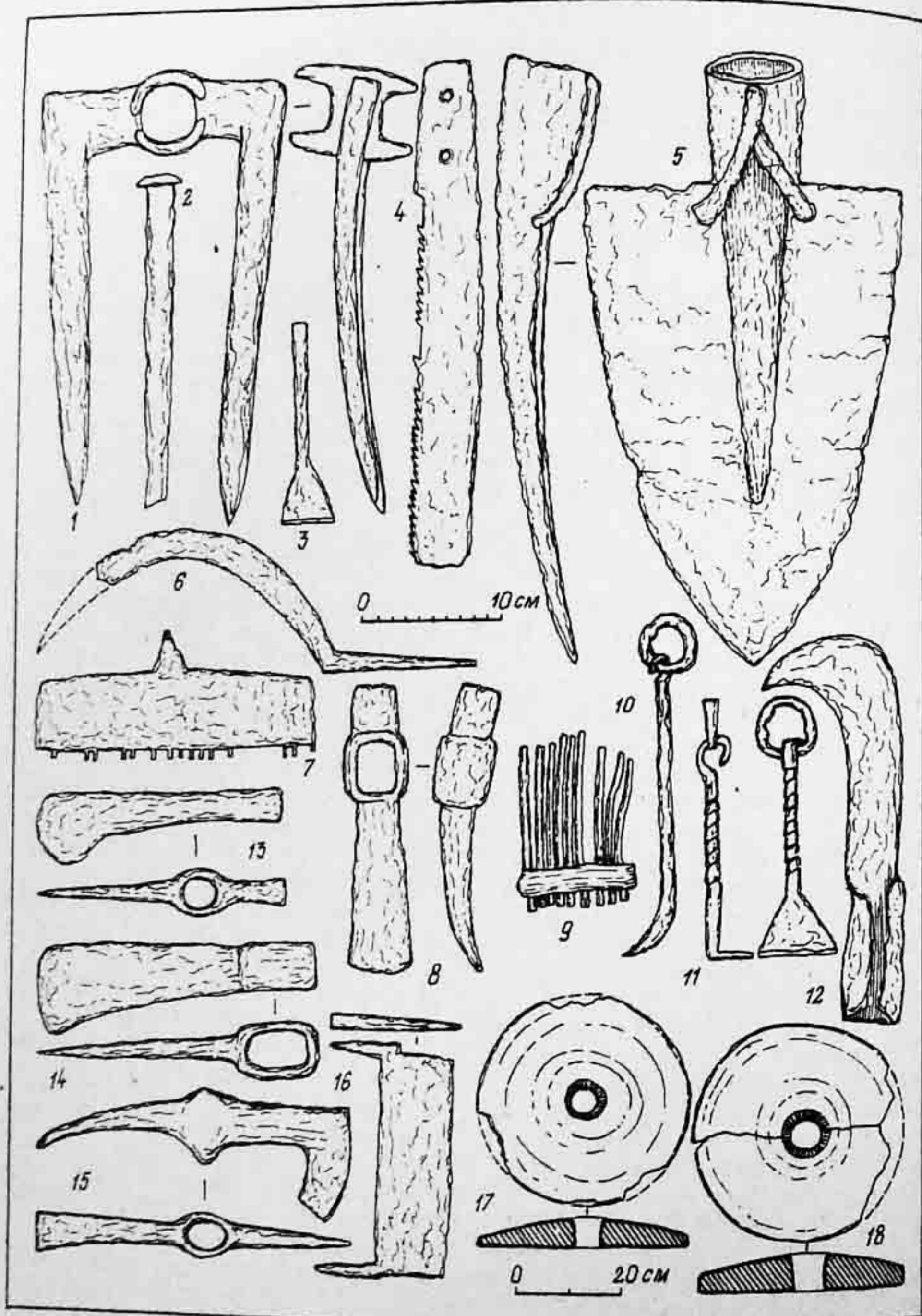

Рис. 46. Орудия труда из раскопок укреплений XIII—XV вв.: 1—4, 6, 7, 9—12, 16—18 — Исар-Кая; 5—8, 13—15 — Алустан (1 — двузубая мотыга; 2 — долото; 3, 10, 11, 12, 16 — скребки; 4 — пила; 5 — допата для окапывания винограда; 6 — серп; 7—9 — гребни; 8 — тесло; 12 — виноградный нож; 13—15 — топоры; 17, 18 — жернова от ручных мельниц).

обеспечивали спрос полотняной промышленности в сырье и использовались для изготовления канатов [Авдеева, 1986, с. 37], столь необходимых при строительстве кораблей. В Южнобережном Крыму распространение посевов технических культур, вероятно, связано с большим спросом на лен и коноплю генуэзских купцов в XIII—XV вв.*

* О канатчиках, работавших в Каффе, упоминает Устав 1449 г. Причем канатные мастера (magister azie) не имели права выезжать из города и работать в другом месте без разрешения консула [1863, с. 815].

Свидетельства письменных источников о составе зерновых культур в Крыму весьма скупы. Западноевропейский путешественник И.Шильтбергер, побывавший в Таврике в первой половине XV в., сообщает, что в "этой стране собирают разного рода хлеб" [Бадян, Чиперис, 1974, с. 186]. В Уставе 1449 г. дается более конкретное название зерновых культур, высеваемых в Крыму: пшеница, просо [1863, с. 759]. Более точную картину о злаках дают материалы раскопок. Например, в крепости Фуна в одном из помещений (№ 6) найдено 10 пифосов, частично заполненных семенами различных культур. В двух сосудах (1 и 5), как об этом говорилось выше, найдены семена льна. В пифосе № 4 хранилась пшеница двузернянка (*Triticum dicossum* Schrank) — 12 кг; в пифосах № 2 и 3 — ячмень пленчатый (*Hordeum vulgare* L.) — 12,5 кг; в пифосах № 7 и 10 — бобы (*Vicia faba*) — 21 кг; в пифосах № 6, 8, 9 найдены обугленные зерна ржи (*Secale cereale* L.) — 20 кг. Примеси других культурных растений (овес, пшеница мягкая и карликовая, пшеница однозернянка) выявлены в каждом сосуде в небольшом количестве (от 0,3 до 9%). Г.А.Пашкевич, проводившая палеоботанические исследования этого материала, считает, что наличие примесей связано или с засоренностью полей, или с качеством хранения собранного материала. Если учесть, что объем каждого сосуда составлял около 150 л, то в помещении хранилось примерно 1120 кг зерна*. Помещение погибло в 1475 г. в момент захвата турками замка Фуна. Произошло это, вероятно, в июне-июле, еще до начала уборки урожая (в пифосах оставалось по 4,5—12 кг зерна). Следовательно, на Фуне найдены остатки запаса зерна урожая 1474 г.**

В крепости Пампук-Кая в жилище XIII—XIV вв., примыкавшем с северной стороны к церкви, найдены обуглившиеся зерна культурной ржи (*Secale cereale* L.), мягкой пшеницы (*Triticum aestivum*) и ячменя [Якобсон, 1970, с. 149]. С организацией хранения зерна в горных укреплениях (на случай осады) связывают и большие пифосообразные или грушевидные ямы, вырубленные в известняке. Подобные зернохранилища глубиной 1,2—2,3 м открыты на Бакле [Талис, 1974, с. 100, рис. 26, А, М], Эски-Кермене, в районе Чуфут-Кале, под Загайтанской скалой [Веймарн, 1963, с. 67—68, рис. 11—13; 1968, с. 62, рис. 15] и в других местах.

Мы не располагаем точными данными об урожайности зерновых в Крыму в эпоху средневековья. А.Н.Щеглов для северо-западного района полуострова в античное время определяет урожайность по 8—12 ц с 1 га и считает, что она была такой же, как и в конце XIX — начале XX в. [1978, с. 113]. Примерно такие же данные получены по Крыму конца XIX — начала XX в. С.А.Секиринским, согласно расчетам которого урожайность пшеницы была сам — 4,5 [1966, с. 313]. Имеющиеся сведения по урожайности в странах средневековой Европы подтверждают расчеты С.А.Секиринского. Например, в Византии чрезвычайно низкий уровень сельскохозяйственной техники обуславливал и низкую урожайность, которая в крестьянских хозяйствах на пахотных землях составляла в среднем сам — 3 [Хвостова, 1986, с. 219]. Средняя урожайность на Балканах в XII—XIV вв. составляла сам — 4 [Фрейденберг, 1984, с. 235]. Поэтому нельзя принимать за точные сведения восторги венецианского путешественника И.Барбаро, побывавшего в Крыму в 1436 г. и дающего чрезмерно высокую оценку качеству и урожайности зерновых культур, произрастающих здесь: "Пшеница, подобная падуанской, крупная и родится сам пятьдесят, а просо — сам сто" [1836, с. 17].

* А.Н.Щегловым установлено, что 1 л обугленного зерна весил до биологического старения в среднем 747 г, а 1 гк весил 74,7 кг [1978, с. 106].

** Небольшие замки, как правило, не выдерживали длительной осады, и турки их брали штурмом в течение 1—3 дней [Рансимен, 1983, с. 92]. Поэтому есть основание считать, что в пифосах найдены остатки урожая 1474, а не 1475 г.

Уборка хлебов в горах производилась серпами*. Представление о горских серпах дают материалы раскопок. Эти находки, хотя и немногочисленны, но известны практически на всех памятниках, исследовавшихся большими площадями. Во время наших раскопок серпы встречены на Исар-Кая и в Алуште. Они имеют небольшое плавно изогнутое лезвие, переходящее под прямым углом в прямоугольный в сечении стержень, служивший основой для деревянной ручки. Расстояние от начала клинка до его конца по прямой линии составляет 21 см, длина рукоятки 10 см. Лезвие у серпов зубчатое (рис. 46, 6). Следует отметить, что в средневековой Таврике особое распространение получили серпы с зубчатой рабочей частью — как более удобные в работе, не требующие постоянной заточки лезвия (если сравнивать с серпами с гладким лезвием). При изготовлении этих серпов железо не подвергалось предварительной закалке, что давало возможность нарезать зубья при помощи напильника (делалась односторонняя насечка). Жать такими серпами можно было только правой рукой [Калоев, 1981, с. 143].

Пахотные орудия — сошники — немногочисленны и происходят из раскопок Херсона [Якобсон, 1950, с. 95, рис. 44] и Баклы [Рудаков, Цибульникова, 1982, с. 135], где они датируются XII—XIII вв. Эти лемехи принадлежат легким плугам, а также ралам и имеют симметричную форму. Легкий плуг преимущественно использовался для обработки сухих каменистых почв**. Легкие плуги (рала) встречаются двух видов: с длинным лемехом без резака (сходный с сохой) и с резаком, лемехом, грядилем, рукояткой, дощечками для заделки семян [Авдеева, 1986, с. 19]. Конструкция легкого плуга сформировалась в эпоху средневековья, и в Крыму подобные рала продолжали использовать до конца XVIII — начала XIX в. П.С.Паллас (в 1794 г.) видел еще в работе подобные орудия, оставил их описание и рисунок: "Татары здесь не пахут большим плугом на колесах, но так как почва камениста и поля их невелики, то они применяют остроконечный плуг, снабженный шестифутовым дышлом, которое прикреплено к горизонтальной жерди. Плуг тянет пара волов; они (татары. — В.М.) называют этот простой крючок, который был бы хорош для употребления в виноградниках, сабан" [1881, с. 156]. Изображение легкого плуга или сохи П.И.Кеппен видел на позднесредневековом надгробии из селения Ласпи [1837, с. 25, прим. 36].

Каменные жернова от ручных мельниц (в обломках и целые) являются обычными находками в жилых и хозяйственных постройках крепостей (Исар-Кая, Алустон, Фуна, Гаспра-Исар и др.). Они, как правило, небольших размеров: диаметр 36—45 см, толщина 5—10 см (рис. 46, 17, 18). Каменные жернова были цилиндрической формы. Их поверхности имеют небольшой наклон от центра к окружности, чем облегчалось передвижение крупки размола.

Есть также основания говорить о наличии рядом с крепостями водяных и ветряных мельниц***. В.Х.Кондараки рассказывает предание о том, как османы захватили Бойку. Один ее житель ночью спустился к своей водяной мельнице, где и был схвачен турками. Под страхом смерти он показал янычарам тайный проход на вершину горы, и крепость была взята [1883, с. 282—283]. М.Балар пишет, что ветряные мельницы являлись характерным элементом в пейзаже пригорода Каффы XV в. [1981, с. 87].

О ведущей роли скотоводства в хозяйственной деятельности обитателей крепостей говорят не только многочисленные находки костей живот-

ных, встречающихся при раскопах домов: в основном крупного и мелкого рогатого скота (бык, корова, овца, коза), реже — свиньи и лошади [Якобсон, 1970, с. 150], но и наличие рядом с замками и поселениями укрепленных загонов для скота (на Ласпинской яйле, Басман, Кипиа, Курушлюк III, Биюк-Исар, Аю-Даг и др.). В качестве тягловых животных использовались волю и ослы, о чем свидетельствуют частые находки подков*.

Насколько можно судить по письменным источникам и археологическим материалам, в районах Горного Крыма в эпоху средневековья было два типа скотоводства: стойлово-пастбищное и отгонное. Отгонное скотоводство, при котором скот зимой выпасали рядом с селениями, а летом выгоняли на далекие пастбища, располагавшиеся на яйлах, известно в Таврике с древнейших времен. Пастбищное содержание скота с элементами стойлового получило распространение в районах, густо заселенных и имеющих богатую кормовую базу, вблизи селений и городов в речных долинах. Причем отгонное скотоводство в Крыму сочеталось со стойлово-пастбищным.

В Уставе 1449 г. упоминаются не только пашни и поля, но также луга и пастбища, на которых выпасают стада крупного и мелкого рогатого скота (волово, лошадей, коз, овец и проч.) [1863, с. 742]. П.С.Паллас дает довольно четкое представление о составе стад населения Крымских гор: "Их небольшой рогатый скот отлично ходит по горам, подобно лошадкам и кавказскому скоту, привык бегать рысью. Горских лошадей татары содержат немного; лошади их малорослы, выносливы и крепки на ноги. Зато они держат много коз... Овцы, подобно козам, малорослы, с большим курдюком и тонкорунны. В продаже шерсть горских овец идет гораздо дороже степных и легко может быть доведена до совершенства..." [1881, с. 156—157].

Почти повсеместно в долинах Горного Крыма было развито виноградарство и виноделие**. Рядом с укреплениями, а иногда и непосредственно на их территории обнаружены тарапаны, гири для прессов, специальные лопаты для окапывания винограда, мотыги и кривые виноградные ножи (рис. 46, 1, 5, 12). Реже удается обнаружить в пифосах или амфорах остатки вина в виде кристаллического осадка. Такая находка, например, обнаружена в 1988 г. в одном из помещений XV в. в крепости Алустон.

Тарапаны Горного Крыма двух типов: вырубленные в камне (стационарные) и деревянные (переносные). Каменные тарапаны получили широкое распространение в районах, где находятся мягкие известняки (по линии Второй гряды), в которых вырубались прямоугольные площадки (30—50 × 1,5—2, 35 × 1,8 × 2,4 м), соединяемые через сливной желоб с отстойником (0,6—0,85 × 0,7—0,9 × 0,6—0,75 м). Наиболее ранние тарапаны этого типа (VIII—IX вв.) обнаружены на Бакле и Кыз-Кермене [Талис, 1974, с. 104; Якобсон, 1970, с. 152, рис. 100—103] и известны на Мангупе, Эски-Кермене, рядом с Сюйренской крепостью, где в настоящее время их открыто около 40 [Веймарн, Лобода, Пиоро и др., 1974, с. 134, рис. 7]. Количество тарапанов, встречаемое в некоторых районах Юго-Западного Крыма, может свидетельствовать о том, что вино производилось не только для личных потребностей, но и на продажу. Наибольшее количество (примерно 120) тарапанов известно возле Качи-Кальона [Репников, 1935а, с. 105].

Деревянные (переносные) тарапаны были, вероятно, распространены на большей территории, хотя их остатки почти не выявлены археологически.

* На Тепсене в одном из домов VIII—IX вв. найдена коса-горбуша, имеющая плавно изогнутое лезвие длиной 31 и шириной 3 см [Фронджуло, 1968, с. 115, рис. 17, 1; 1968 а, с. 144, рис. 10, 2].
** Византийские крестьяне обработку почв вели легким бесколесным плугом без отвалов, в который запрягали пару волов [Хвостова, 1986, с. 219].
*** В XII—XIII вв. в Византии получают распространение водяные мельницы, которые являлись одним из немногих технических достижений этого периода [Teal, 1971, с. 51].

* В шурфе, заложенном Е.В.Веймарном, под северным обрывом Старого города Чуфут-Кале, на площади 90 м² найдено 14 тыс. костей домашних животных. При этом в слое XIV—XVI вв. преобладали кости крупных животных (в основном коровы), в слое XVII—XVIII вв. — овцы и козы [Веймарн, 1968, с. 66—67].
** Западноевропейские путешественники XV в. сообщают, что греки-христиане, населяющие горную часть полуострова, производят отменное вино [Балян, Чиперис, 1974, с. 186].

Следы деревянного тарапана обнаружены во время раскопок крепости Фуна в 1983 г. в одном из хозяйственных помещений XIII—XIV вв. Он состоял из толстых досок, образующих корыто и щитовой пресс. Размеры тарапана определяются примерно из-за плохой сохранности деревянных конструкций — 1,5 × 2 м. Толщина досок 4—5 см. Здесь же найден деревянный брус, на который подвешивалась каменная гиря пирамидальной формы (0,5 × 0,6 × 0,7 м). На ее вершине проделано отверстие для каната. Хотя детально конструкцию деревянного тарапана установить не удалось, есть основания полагать, что она принципиально ничем не отличалась от конструкции каменных давилен.

Для обработки почвы под виноградники применялись специальные лопаты с длинным острым лезвием и двузубые мотыги. Одна такая лопата найдена при раскопках Алустона в слое XIV—XV вв. Ширина плеч лопаты 22 см, длина лезвия 35 см (рис. 46, 5). Двузубые мотыги использовались для рыхления и разравнивания каменистых почв на виноградных плантациях и огородах [Иванов, 1957, с. 221, рис. 10], найдены они на Эски-Кермене, Бакле, Фуне, Исар-Кая в постройках XIII в., по форме близки аналогичным мотыгам XI—XII вв. из крепости Перник и с. Колю Мариново (Болгария) [Чангова, 1957, с. 26, рис. 6; Верапова, 1980, с. 275, рис. 87, 5]. Эта старая форма виноградных мотыг существует до настоящего времени в горных районах Болгарии [Иванов, 1957, с. 222]*. Массивные двузубые мотыги (их иногда называют двузубыми вилами) применялись в подсечном земледелии [Калоев, 1981, с. 111]. Зубья у них массивные прямоугольные в сечении. Длина зубьев 19—25 см, общая длина мотыги 29—31 см, ширина 16—18 см. Вилы имели широкие плечи для нажима ног. Их насаживали на рукоятку с изгибом на конце для удобства при работе. Такими вилами вскапывали поля на подсеках в течение ряда лет до тех пор, пока землю не освобождали от корней и можно было применять на очищенном участке пахотные орудия. До недавнего времени аналогичные вилы использовались черноморскими шапсугами (Кавказ) [Калоев, 1981, с. 111].

Кривыми ножами (рис. 46, 12) производилась обрезка виноградных лоз и фруктовых деревьев. Ножи этого типа были широко распространены на средневековых памятниках Болгарии [Чангова, 1957, рис. 9, 1, 2], Югославии и Малой Азии начиная с раннего средневековья [Верапова, 1980, с. 93, 123, рис. 30, 43]**. Широкому распространению виноградарства способствовало также использование вина в культовых целях [Авдеева, 1986, с. 35]. Византийские крестьяне во времена императора Василия II (X в.) в качестве налога должны были сдавать кувшин вина [Цанкова-Петкова, 1961, с. 4]. Виноград в эпоху средневековья считался одной из наиболее интенсивных культур, потому что по сравнению с зерновыми с площади в пять раз меньшей давал больший доход.

Развитие земледелия, особенно садово-огородного хозяйства, в условиях Горного Крыма было неразрывно связано с ирригацией***. Только благодаря созданной в долинах рек и на склонах гор густой сети небольших каналов-арыков можно было добиться устойчивых и относительно высоких урожаев. Строились системы водоснабжения полей на протяжении длительного времени и за ними тщательно ухаживали многие поколения общинников. Археологически чрезвычайно трудно выявить наличие древних

* Двузубые мотыги римского времени отличаются от средневековых тем, что не имеют плеч. Например, мотыга из раскопок Харакса, датируемая II—III вв. н.э. [Блаватский, 1953, с. 110, рис. 37].

** Статьи Земледельческого закона определяют денежные штрафы за кражу мотыги, садового ножа и другого инвентаря, что указывает на их высокую ценность и важность в хозяйстве крестьян [1984, с. 105, 22].

*** В Уставе 1449 г. перечисляются садово-огородные культуры, доставляемые местными жителями в Каффу для продажи: огурцы, лук, чеснок, капуста, "зелень", орехи, миндаль, виноград, каштаны. Здесь же названы и бахчевые — арбузы и дыни [1863, с. 720—721, 760].

иригационных сооружений. За последние годы раскопок мы можем привести только один пример, когда удалось проследить линию арыка на средневековом поселении (VIII—IX вв.) в уроч. Сотера [Домбровский, 1986, с. 529].

Ремесла и промыслы в X—XV вв. в средневековой Таврике были достаточно развиты. В качестве основных ремесел следует выделить металлургию и керамическое производство. В научной литературе по истории средневековой Таврики достаточно полно представлено развитие керамического производства на территории полуострова (до XIII в.) [Антонова, Даниленко, Романчук и др., 1971, с. 81—101; Паршина, 1974, с. 56—94; Мыщ, 1987, с. 228—245; Якобсон, 1979; Ивашута, 1975, с. 3—22; Романчук, 1986, и др.], в то время как вопросам металлургии посвящено всего несколько статей [Белов, 1941а, с. 224—231; Талис, 1969, с. 233—234; Рудаков, Цибульникова, 1982, с. 134—144]. Возникшая диспропорция объясняется не столько малочисленностью находок из металла, сколько недостатком внимания исследователей к этой важной производственной отрасли. Хронологически опубликованный материал представлен неравномерно. Большинство находок, полученных в результате раскопок укреплений, относится к XII—XIII вв., в то время как изделий раннего времени гораздо меньше.

Предметы из черного металла по своему назначению делятся на пять основных групп [Рудаков, Цибульникова, 1982, с. 135]: орудия труда (сошники, серпы, мотыги, топоры, кирки, молотки, пилы, гребни, зубатки и т.д.); вооружение (наконечники копий, булавы, кистени, наконечники стрел и заготовки к ним, детали панциря, кольчуги и проч.); предметы быта (ключи, замки, иглы, бритвы, подковки); снаряжение коня, тягловых и вьючных животных (подковы, пряжки, кольца для удил и др.); строительные предметы (гвозди, скобы, петли, уключины и др.).

Ввиду того что длительное время на территории городищ не были открыты металлургические горны и кузнечные мастерские, в научной литературе появились высказывания, что эти мастерские располагались за пределами жилой застройки [Якобсон, 1959, с. 322; Рудаков, Цибульникова, 1982, с. 134]. Исследования крепостей средневековой Таврики, проведенные в последние годы, позволяют считать, что мастерские по выплавке металла и кузницы находились на территории городищ. Следы средневекового железоделательного производства (крицы, шлак, печина, железняковые конкреции, обломки полуфабрикатов и отдельных железных предметов) были найдены при обследовании укреплений Кермен-Кая, на Яман-Таше, Кипиа, Бойке, Кучук-Исаре [Домбровский, 1966, с. 63, 65; 1968, с. 92; 1974, с. 30—31], в других местах. В настоящее время подобные предметы обнаружены на 20 памятниках (то есть 25 % всех укреплений). Надо полагать, что при расширении раскопок на территории крепостей эти находки будут увеличиваться.

В крепости Исар-Кая у горного прохода Шайтан-Мердвен в 1980 г. была открыта кузнечная мастерская [Мыщ, 1987, с. 236—237, рис. 9]. Площадь этого производственного помещения составляет 13,5 м². Вход шириной около 1,2 м находился с южной стороны. Стены сложены из бута на глине с использованием деревянных брусьев для связей. Кровля деревянная с толстым глиняным покрытием. В северо-восточном углу помещения расчищены остатки горна размером 1,1 × 1 м по внешнему обводу. Он был сложен из мелкого бута на глине с последующей глиняной обмазкой изнутри. Толщина стен печи 0,25—0,3 м. Камни уложены в два ряда. Возле печи найдена крица овальной формы размером 0,18 × 0,1 м, весом 5 кг. Кроме различной хозяйственной керамики XII—XIII вв., в мастерской найдены предметы, которые, видимо, были здесь изготовлены (или хранились): ножи, двузубая мотыга, пила, садовый нож, долото, серп, цилиндрический замок, скребки, шилья, тесла, гребень, зубатка, наконечники стрел и 12 заготовок для них.

Аналогичная мастерская раскопана в 1983 г. в крепости Фуна. Время ее функционирования определяется первой половиной XV в. (по находке монет). При перестройке крепости в 1459 г. мастерская переоборудуется в помещение для караульных. В плане помещение (№ 9) представляет собой неправильный четырехугольник площадью 21,7 м². В мастерскую вели два входа: с запада и юга. Ширина входов 1,2 м. У южной стены скопление шлака, обломки криц, несколько подков, гвозди, точильный брусок, обломки клинка меча. В шлаке и на полу помещения встречались кусочки оплавленной бронзы. Кузнечный горн находился у южной стены. От него сохранилось только основание из плотной прокаленной глины с железным шлаком (0,8 × 0,9 м).

Материал, накопленный в ходе исследования крымских крепостей, позволяет говорить о том, что ремесленники "владели основными приемами обработки металлов: ковкой, резанием, сверлением, закаливанием, сваркой, волочением, кручением" [Рудаков, Цибульникова, 1982, с. 134]*. Железо получали в основном кричным способом, резе — тигельным. Тигли и льячки обнаружены только на Бакле [Талис, 1974а, с. 103; Рудаков, Цибульникова, 1982, с. 143] и в Херсоне [Якобсон, 1959, с. 329—330, рис. 181], датируются IX—XIII вв. Черная металлургия Горного Крыма развивалась на местной железорудной базе**. В связи с этим в некоторых районах получил развитие углеобжигательный промысел [Домбровский, 1968, с. 92].

Изделия из цветных металлов (преимущественно из бронзы) представлены бытовыми и культовыми предметами: кресты, хоросы, пуговицы, перстни, ступки, браслеты, наперстки, серьги и проч. Относительно редко встречается медная посуда: тазы, кастрюли, ситечки, чаши. Ее находки известны в слоях IX—XIII вв. Херсона [Якобсон, 1959, с. 330], Фуны (вторая половина XV в.), Эски-Кермена (XII—XIII вв.). О том, что предметы из бронзы изготавливались на территории Крыма еще в период раннего средневековья, говорят находки на некоторых памятниках литейных форм из известняка, сланца или керамики [Якобсон, 1959, с. 322—330, рис. 179—180; Фронджуло, 1961, с. 174, табл. 1, 3; Баранов, 1977, с. 245, рис. 3; Рудаков, Цибульникова, 1982, с. 142]. Производство изделий из цветного металла базировалось на привозном сырье.

В ходе раскопок укреплений средневековой Таврики получен разнообразный материал из кости, свидетельствующий о развитости косторезного ремесла. По своему назначению находки делятся на предметы вооружения и охоты; предметы быта; инструменты. Если сравнивать их с изделиями из Херсона или других византийских центров [Романчук, 1981, с. 84—105], то они выглядят довольно скромно, что выдает в них изделия местного производства. На это также указывают многочисленные заготовки различных поделок из кости, которые найдены почти на всех исследованных памятниках. Костяные предметы из горных крепостей имеют те же элементы украшений, что и херсонесские, и не лишены оригинальности (рис. 63, 64). Ремесленники, занимавшиеся резьбой по кости, украшали свои изделия точками, косыми и прямыми насечками, волнообразными линиями, составленными из полукружий, часто так называемым циркульным (или глазчатым) орнаментом.

Предметы вооружения и охоты немногочисленны. Они представлены наконечниками стрел двух типов (втульчатые и черешковые), кольцами для предохранения пальца при натягивании тетивы лука, деталями лука,

* В настоящее время опубликованы материалы химического анализа железных и бронзовых предметов из раскопок Баклы [Рудаков, Цибульникова, 1982, с. 135—139, табл. 1—2]. Но ввиду того что отсутствуют данные металлографического анализа, о технологии обработки металла можно только предполагать.

** Залежи местной железной руды в Крыму отмечались в конце XVIII в. в районе Балаклавы, верховьях Салгира, к западу от Судака и на Керченском п-ове [Габлиц, 1785, с. 25, 31, 43, 45, 46, 53].

рукоятками ножей и кинжалов, обкладками ножен. Бытовые предметы составляют наиболее многочисленную группу изделий косторезного ремесла. Это прежде всего рукоятки ножей, наперстки, пуговицы, детали коробочек, стило, игральные кости, игрушки, иглы, детали музыкальных инструментов и проч. Игровые принадлежности из раскопок крепостей немногочисленны и представлены главным образом астрагалами. Поэтому особый интерес представляет набор игральных костей (три "бабки" и "бита") из караульного помещения замка Фуна, найденный в слое пожара 1475 г. В бите были просверлены отверстия, впоследствии залитые свинцом, отчего она стала тяжелее. Одна сторона биты тщательно отшлифована и имеет ровную поверхность. Игральные кости со свинцовой заливкой известны из раскопок Белгорода XIII—XIV вв. [Кравченко, 1986, с. 85, рис. 33, 7] и Пскова (Окольного города), где они найдены в слое XVI—XVII вв. [Сергина, 1983, с. 91, рис. 13, 9, 10].

Интенсивное крепостное строительство, которое мы наблюдаем на протяжении всего периода средневековья (особенно в X, XIII и XV вв.) на территории Таврики, предполагает наличие среди местного населения искусных каменщиков и плотников. Сохранившиеся до сих пор (хотя и в руинах) башни и стены крепостей Херсона, Чамбала, Каламиты, Мангула, Сюйрени и др. подтверждают высокий уровень строительной техники средневекового времени. Но если результаты труда каменотесов, каменщиков, резчиков по камню очевидны, то о работе плотников мы можем судить по скромным находкам остатков деревянных конструкций. Почти все уничтожили пожары, сопровождавшие захваты городов и крепостей, а то, что осталось, не пощадило время, тем более что в условиях крымских почв дерево сохраняется плохо. Об уровне развития плотницкого дела в средневековом Крыму, как правило, судят по находкам деревообрабатывающих орудий труда. Это тесла, топоры, пилы, скобели, гвозди, долота, стамески, частые находки при раскопках памятников (рис. 46, 2, 4, 8, 13—15). Среди других отраслей деревообработки по количеству труда плотничьи работы занимали ведущее место, потому что широко применялись в строительстве оборонительных сооружений и осадных машин, культовых, жилых, хозяйственных построек и приспособлений, оборудовании портов и в кораблестроении.

Для выполнения строительных и ремонтных работ необходимы были местные лесные ресурсы*. В средневековых письменных источниках ничего не находим о лесах Горного Крыма. Наиболее ранние свидетельства относятся уже к XVII—XVIII вв. Дортелли д'Асколи, путешествовавший по Крыму в 1634 г., пишет, что район Балаклавы в начале XVII в. славился "обширностью окрестных лесов, представляющих такое разнообразие строевого леса, что при виде их впрямь изумляешься. Там строятся ежегодно крупнейшие галионы для доставки толстых бревен в Александрию, в последние годы там также стали строить галеры" [1902, с. 120—121].

Существенную роль в хозяйстве жителей прибрежных районов занимал рыбный промысел, а в отдаленных от моря местах — охота. Среди osteологического материала из укреплений Таврики небольшая часть (около 10—15 %) принадлежит диким животным. В основном это кабан, олень, косуля. Наконечники стрел из кости использовались для охоты на птицу и пушного зверя (куница, ласка, белка, лиса).

В основном пищевой рацион жителей прибрежных районов состоял из продуктов морского промысла. Причем в пищу употребляли не только рыбу, но устрицы и мидии**. Раковины этих моллюсков найдены при рас-

* В настоящее время леса Горного Крыма занимают 309 тыс. га, что составляет 39,6 % всей площади гор [Маринич, 1985, с. 212, табл. 1].

** Устриц ежедневно продавали на рынке в Каффе. Особым способом они пользовались во время Великого поста [Устав 1449, с. 721]. П.С.Паллас писал, что греки из Аутки у мыса Ай-Тодор "повят лучших в Крыму устриц" [1881, с. 161].

копках всех укреплений, расположенных на Южнобережье. Иногда после использования мяса мидий и устриц их раковины не выбрасывали, а выставляли ими улицы. В крепости Алустон слой раковин мидий и устриц на одной из городских улиц IX—X вв. достигал 10 см. В крепости Фуна в нижнем этаже донжона найден был пифос, на 1/4 заполненный раковинами мидий. Вероятно, в этом сосуде, наполненном водой, держали мидий, привезенных с побережья (замок находился в 8 км от моря). Таким образом, к столу владельца замка могло быть всегда подано блюдо из свежих мидий. В княжеском дворце на Мангупе в слое пожара 1475 г. найдены кости белуги или севрюги [Якобсон, 1953, с. 409].

В Уставе 1449 г. упоминаются рыболовные суда — барки (*barcha*) и дается подробный перечень видов рыб, которые отлавливали у берегов Крыма при помощи сети (*resalio*), невода (*tremagis*) и других снастей: камбала, стерлядь, кефаль, скумбрия и др. [1863, с. 721, 722, 791, 792]. Рыбный промысел не утратил своего значения и в позднее средневековье. В конце XVIII в. путешественники видели, что "рыбу ловят здесь сетями, накидывая сверху на воду, которую французы называют *tremagis*, татары "сатма", греки же "песовало". По ночам рыбу ловят с факелами, прямо руками" [Паллас, 1881, с. 156].

Исследования, проведенные на укреплениях Таврики, показали, что их обитатели могли обеспечить себя необходимым продовольствием, орудиями труда и вооружением. Существенное развитие получили и домашние промыслы: здесь занимались обработкой шкур, выделывали кожи, пряли шерсть, ткали полотно, шили одежду, изготавливали посуду и т.д. Находки орудий труда говорят о развитом натуральном хозяйстве, в котором основное место занимало производство сельхозпродуктов. Ремесла в первую очередь обеспечивали орудиями труда эту отрасль. Производимые ремесленниками и промысловиками продукты и предметы не всегда потреблялись самими производителями, их семьями и общинами. Излишки продавались или обменивались на нужные в хозяйстве и быту предметы. В византийских провинциях к таковым относилась и Таврика X—XIII вв.: до 1040 г. преобладала натуральная рента, а с 1040 г. (после реформы 1039 г., проведенной Иоанном Орфанотрофом) — денежная. Так, например, еще при императоре Василии (976—1025) крестьяне платили 1 модий жита, 1 модий проса и 1 кувшин вина [Цанкова-Петкова, 1961, с. 4]. Константинопольский модий составлял 307, 512 л [Карпов, 1981, с. 32], что соответствует 227, 558 кг. Таким образом, в X — начале XI в. византийские крестьяне сдавали государству примерно по 455 кг зерна. С 40-х годов XI в. подати взыскивались в деньгах, при этом регулярный годовой налог с одного хозяйства составлял около 1 номисмы [Цанкова-Петкова, 1961, с. 15]. Если учесть, что средняя годовая зарплата одного сельскохозяйственного рабочего в Византии равнялась 2—3 номисмам, то, следовательно, налог составлял от 30 до 50 % стоимости произведенных продуктов: чем выше был доход земледельца, тем меньше оказывался налог. Поэтому более бедное крестьянство эксплуатировалось сильнее, чем зажиточное [Хвостова, 1986, с. 222]. В XV в. выплата основного налога колебалась в пределах от 1 до 4 номисм [Хвостова, 1986, с. 224]. Основной налог с крестьянского хозяйства — телос (*τελος*) представлял собой сумму податей, состоявшую из нескольких частей: капникона (от *καπνος*) — подати с дома, ситаркии — поземельной подати и зевгаратикии — подати с упряжки [Хвостова, 1986, с. 223]. В Византийской империи в структуре аграрно-правовых отношений дом играл большую роль как основа налогообложения и прикрепления к тяглу. Причем это положение сохранялось до XV в. При отсутствии у крестьянина имущества, кроме дома с приусадебным участком на парическом праве, телос сводился к капникону [Хвостова, 1986, с. 223]. В связи с этим определенное значение имеет свидетельство председателя Рагузского городского совета венецианскому дожу Пьетро

Мочениго о том, что мангупскому князю в 1475 г. было подвластно 30 тыс. домов [Колли, 1911, с. 17]. Можно считать, что указание на численность домов в источнике приведено не случайно, а указывает на количество облагаемых налогом податных хозяйств. В данном случае представляется редкая возможность хотя бы примерно определить сумму налога, собираемого князем в течение года. Если взять за единицу расчета минимальную сумму налога — 1 номисму, то получится, что в казну владельцев Мангупа ежегодно поступало около 30 тыс. номисм. Для получения такой суммы наличных денег население Горного Крыма должно было продать на рынках прибрежных городов сельскохозяйственной продукции и ремесленных товаров на 30 тыс. номисм. Вероятно, с целью сбора сельскохозяйственных товаров генуэзцами была создана сеть торговых станций и факторий на Южнобережье. Через рынки прибрежных поселений и городов, в которых укрепились генуэзцы, купленные продукты поступали в Каффу, а оттуда отправлялись в Италию и другие страны Европы*. Часть продукции, минуя местные рынки, привозилась на небольших судах (барках) и повозках на рынок Каффы, где и реализовывалась.

Поставки продовольствия в такой крупный город, каким являлась Каффа в XV в., были жизненно необходимы. Например, только для того, чтобы удовлетворить минимальные потребности в хлебе, жители города должны были купить около 12740 т зерна, что составляло примерно 56 тыс. константинопольских модиев. Стоимость такого количества зерна в голодные годы могла достигать 56 тыс. номисм [Цанкова-Петкова, 1961, с. 4]. При хорошем урожае эта сумма не превышала 3100—4600 номисм (12—18 константинопольских модиев за одну номисму) [Цанкова-Петкова, 1961, с. 4]. В XIII в. 1 трапезундский модий (17,08 л, или 12,75 кг) стоил 19—20 аспров, то есть по 1,56 аспра за 1 кг зерна [Карпов, 1981, с. 33]. Кроме зерна в Каффу доставлялось большое количество других продуктов и сырья.

О том, что жители Каффы снабжались продовольствием, поступающим из Кампании**, говорит следующий факт. После ссоры с Менгли-Гиреем и правительством города, которое не поддержало его претензий, правитель Кампании (тудун) Эминек запретил населению прибрежных районов доставлять продукты в Каффу, отчего в городе начался голод. Массарии Каффы вынуждены были снаряжать корабли в Трапезунт и Монкастро для закупки продовольствия, и в первую очередь зерна, цены на которое резко возросли.

Кроме телоса, византийские крестьяне выполняли еще и ряд государственных повинностей. Особо тяжелыми были обязанности общинников городов и сельских поселений по отношению к военным властям, располагавшимся на территории провинций, часто подвергавшихся нападению, практически постоянно находившихся на военном положении. К таким повинностям принадлежали кастроктистия (строительство и ремонт крепостей), герифе (строительство и ремонт дорог). Первоначально эти работы выполнялись бесплатно в принудительном порядке сельским и городским

* Главными предметами экспорта из Крыма в города Византии и Италии являлись лес, зерно, сушеная рыба, икра, конский волос, мед, воск, кожа, шкуры и другие предметы сельскохозяйственного производства [Primodaie, 1848, с. 125]. В обмен на продукты сельского хозяйства генуэзцы поставляли в Крым холст, ковры, шелковые и шерстяные ткани [Вгатилиц, 1927, с. 281].

** Так называемая Кампания (*сапрагна*) была, вероятно, создана по договору между Тохтамышем и генуэзцами в 1383 г., когда татарам было разрешено жить в Каффе. С этой целью была учреждена особая сельская управа (*officium сапрагнае, ufficio сапрагна della*), состоящая из четырех членов, которая подчинялась золотоордынскому наместнику — тудуну [Юргевич, 1863, с. 830—831, прим. 114]. Первоначально территория Кампании была обширной и совпадала с землями, предоставленными генуэзцам татарами для основания своих колоний. К 40—60-м годам XV в. после распада Золотой Орды территория Кампании сократилась до пределов побережья Крыма от Босфора до Балаклавы. В 40—70-х годах XV в. тудун (*Titulus Canlucorum*) назначался крымским ханом и консулом Каффы совместно и не имел права вмешиваться в дела жителей города [Устав, 1449, с. 763].

населением*. Наиболее тяжелой повинностью была кастроктистия. По общению Феофилакта Охридского, начальник кастроктистии (οὐχαιοὶ γυλιτῆς) губил имущество бедняков. Впоследствии этот налог взимался в виде денег [Цангова-Петкова, 1961, с. 17—18].

В укрепленных городах Византии жители также несли стражную повинность — парамони (παρονοαί), к которой привлекали даже клириков (в Судаке стражная повинность сохранялась и во время господства генуэзцев в XIV—XV вв., за ее выполнением следили выборные сотники). Сельское население должно было поставлять войскам продовольствие по низким ценам. Подобные поставки назывались χρεῖαι. Общины также облагались специальным налогом в виде набора воинов (ἐξέλασις) [Цанкова-Петкова, 1961, с. 9, 19].

Во второй половине XI в. Исааком Комнином (1057—1059) был установлен налог, выплачиваемый епископу той или иной области, — каноникон (κανονικόν). Алексей I Комнин (1081—1118) подтвердил порядок взыскания этого налога особым хрисовулом. Каноники должны были платить не только парики, принадлежавшие феодалам, но и государственные крестьяне, акриты и стратиоты [Баркитян, 1961, с. 30]. Размеры каноникона достигали 10 % от годового дохода. За право сбора каноникона в XIV в. разгорелся спор между тремя митрополитами Таврики: Херсонским, Готским и Сугдейским. С населения Ялиты (Ялты) и ее окрестностей каноникон взыскивался в пользу константинопольского патриарха [Антоний, 1867, с. 445—473].

Митрополит Дамиан, восстановив в 1427 г. в Партените храм св. Апостолов, поместил рядом со строительной надписью и камень со своей монограммой и титулом, чем утверждал право собственности на сбор каноникона с жителей этого большого приморского поселения, в котором располагалось и генуэзское консульство [Устав, 1449, с. 676].

В XIII—XV вв. государство, как и ранее, продолжало использовать хозяйственные функции общины, связывая их с фискальными [Хвостова, 1986, с. 224]. Податями облагалась вся община, а уже внутри ее происходило распределение налогов [Цанкова-Петкова, 1961, с. 14]. Общины Готии для своевременной уплаты налогов вынуждены были брать деньги в займы, что ставило их в зависимость от итальянских купцов, а это, в свою очередь, приводило к трениям между Колонией и княжеством Феодоро. В связи с этим становится более понятным беспокойство властей метрополии, отраженное в Уставе 1449 г., где введен специальный параграф, требующий от генуэзцев: "не давать займы никакого количества денег общинам деревень и других мест Готии или налагать на эти общины какое-нибудь обязательство продажей товаров или другим образом..." [1863, с. 726].

Производственный потенциал Херсона, как и его особое положение в Таврике X—XIII вв., определял его роль в экономике средневековой Таврики, для которой он являлся административным, политическим и религиозным центром. Херсонеситы занимались посреднической торговлей не только с кочевниками (отношения с ними зачастую носили враждебный характер), но через Херсон ремесленные товары из различных производственных центров Византии поступали в горные районы.

Но не стоит преувеличивать роль Херсона в развитии экономики края (особенно, если говорить о XII—XIII вв., и тем более о XIV—XV вв.). Украшения, дорогие ткани, художественная керамика из Херсона прежде всего поступали в города и крепости, где размещались византийские гарнизоны, оседая у византийской и местной знати и горожан. Показательно, что при раскопках сельских поселений и общинных городищ X—XIII вв. эти предметы не найдены.

* Материалы кашаэкерских (вотчинных) книг за 1608—1781 гг. показывают, что общины Горного Крыма до конца XVIII в. продолжали нести повинность по строительству дорог [Лашков, 1888, с. 9].

Сельские поселения Таврики, затерянные в лесистых горах, были экономически независимы от Херсона, потому что каждая община обеспечивала себя всем необходимым. Экономическая связь с Херсоном выражалась во взимании его администрацией налогов. Подобное положение было характерно для Крыма и других отдаленных от Константинополя (особенно горных) районов империи [Каждан, 1967, с. 155]. Хозяйственная независимость постоянно порождала политическую самостоятельность аппарата самоуправления, развивая центробежные тенденции, что в конце концов и привело к образованию в XIV в. (после ослабления Херсона) феодального княжества в Горном Крыму. Все экономические и политические предпосылки для этого были созданы в предшествующий период — в XII—XIII вв.

Экономическая самостоятельность населения городов, крепостей и поселений Таврики, ведущего полунатуральное хозяйство, на протяжении XI—XIII вв. усиливалась. Поэтому когда Херсон в XII в. начинает утрачивать главенствующую роль в посреднической торговле (ее занимает Судак), он превращается в аграрный город, население которого ведет полунатуральное хозяйство, о чем красноречиво свидетельствуют находки из слоев XII—XIII вв. Та же судьба и у торгового соперника Херсона — Судака, который в XIV в. после серии татарских погромов и захвата его генуэзцами превращается в центр сельскохозяйственной округи. Основным занятием населения Судака в этот период становится сельское хозяйство, судя по письменным источникам XV в. [Милицин, 1955, с. 90].

Торгово-экономическая ориентация X—XIII вв. на Херсон в XIV—XV вв. сменяется ориентацией на города Восточного Крыма (Солхат и Каффу). В это время экономика прибрежных городов и поселений попадает в сферу влияния генуэзской Колонии, создавшей на побережье сеть торговых станций и крепостей. Этот процесс нашел отражение не только в бытовых предметах материальной культуры (керамике, украшениях), но и в денежном обращении. Если в слоях X—XIII вв. известны находки только херсонско-византийских монет или монет государств Малой Азии, то в XIV—XV вв. это монеты золотоордынских городов и Каффы.

В ходе исследований последних лет удалось выявить отличие в роде деятельности гарнизонов крепостей XII—XIII (Исар-Кая) и XIV—XV вв. (Фуна). Если в XII—XIII вв. крепости были заселены воинами-земледельцами (полупрофессионалами), которые в мирное время помимо сторожевой службы занимались земледелием, домашними промыслами, ремеслами, то в XV в. в крепостях, принадлежавших князьям Феодоро, находились профессиональные воины — в слоях середины и второй половины XV в. на Фуна не найдено ни одного орудия труда, а предметов вооружения обнаружено много. Эти перемены в быте населения крепости произошли после перестройки Фуны в 1459 г., когда замок принадлежал князю Александру*.

Социальная организация населения средневековой Таврики. О социальной структуре и ее организации у населения Горного Крыма в X—XV вв. имеются скудные данные письменных источников, и этот вопрос до сих пор остается практически не исследованным. Административное устройство феодальных государств в некоторой степени отражает и сложившуюся (которая продолжает формироваться) социальную структуру общества. По мнению О.И. Домбровского, процесс возникновения и развития феодальных отношений в средневековом Крыму проявляется как сложное и многогранное явление, в котором выделяются три таких момента: феодализация местного населения как закономерный результат его развития; укоренение в местной среде привнесенных извне (на первых порах визан-

* Интересные сведения о населении замка братьев Гуаско в Тасили сообщают итальянские источники 1474 г. "Предполагая, что им никто не угрожает, они (Гуаско. — В.М.) держат в этом замке лишь рабов, которые днем уходят на работы" [Милицин, 1955, с. 91].

тийцами, а затем итальянскими пришельцами) уже готовых форм феодальной собственности, способа производства и производственных отношений; влияние наиболее отсталых социальных отношений попадавших в Крым кочевых народов. Все эти явления не существовали изолированно, а действовали и развивались одновременно, хотя каждое и имело свои районы и время оптимального проявления [1968а, с. 5].

Три тенденции в развитии феодальных отношений населения Крыма завершились в конце XIV — начале XV в., когда на полуострове произошло формирование трех феодальных государственных образований: княжество Феодоро; Крымского ханства; генуэзской Колонии со столицей в Каффе. Если первые два были автономными, то в третьем только проявляется тенденция к отделению от метрополии (особенно после 1453 г.), не успевшая развиться в связи с турецким завоеванием. Для каждого из этих небольших государственных образований характерны свое административное устройство и социальная структура общества, сформировавшиеся на базе предшествующих государственных институтов власти и традиций. Тема нашего исследования, ограниченная хронологически и территориально, позволяет сузить анализ вопросов до районов Горного Крыма, вошедших в XIV—XV вв. в состав княжества Феодоро и до XIII в. принадлежавших Византии.

Низшей единицей в административном устройстве византийских владений в Таврике (как и в других провинциях империи) была община, возглавляемая протевонами (от *protoz*) — "первенствующими", избиравшимися из наиболее знатных и авторитетных жителей поселка. Несколько сельских общин иногда были объединены в "общество", которое возглавлял совет протевонов. "Система" обществ доживает в Крыму до конца XVIII в. Трудно согласиться с мнением О.И. Домбровского, что общество, состоявшее из нескольких селений, объединялось вокруг приходской церкви [1986, с. 534]. Селения, которые входили в общество, располагались иногда на значительном расстоянии друг от друга и в каждом из них была одна, а иногда и несколько церквей. Общинники собирались на площади у приходской церкви, но это отнюдь не означает, что именно священник данной церкви являлся главой общины.

Природа зарождения обществ в районах Горного Крыма не совсем ясна. Часть из них, видимо, образовалась путем разрастания одного поселения, от которого отделялось дочернее поселение, приобретающее со временем и полную автономию в самоуправлении. При этом в совместном пользовании оставались леса, реки, выпасы, сенокосы, колодцы, озера, дороги и проч. В списках поселений конца XVIII в. некоторые из них имеют одинаковые названия и отличаются только нумерацией. Например, в Бельбекской долине было три селения "Албат" (ныне — пос. Куйбышево), которые в списке Бахчисарайского кадылыка названы: "Албат", "другой Албат", "третий Албат" [Лашков, 1888, с. 40]. Рядом с обществом, состоящим из трех селений Албат, располагалось общество из четырех селений Феттах-Сала (ныне — Голубинка) и с. Отарчик (ныне — Новоульяновка). В основном общества состояли из двух—четырёх селений (общин).

Вероятно, был и другой путь формирования обществ, когда объединение происходило "сверху", административным путем. Иначе трудно объяснить объединение 12 селений Байдарской долины, состоящих в одном обществе совместно с общинами Варнутской долины и с селением Ласпи.

Возможно, что в объединении в общество нескольких территориальных общин кроется прежнее членение на феодальные уделы более ранних времен (XIII—XV вв.), образовывавших крупные пронии, принадлежавшие светским и церковным феодалам. Наше предположение, конечно, гипотетично, но если спроецировать "общества" на археологическую карту XIII—XV вв. (когда уже, судя по археологическим находкам, существовали и эти поселения), то окажется, что рядом с ними или в центре этих владе-

ний находится то или иное синхронное укрепление. Например, над обществом, состоявшим из трех селений Маркур (ныне — Новополе, Поляна, Путиловка), господствующее положение занимает замок на г. Сандык-Кая. В центре общества Феттах-Сала (пять селений) находится крепость Пампук-Кая. Среди трех селений Дегерменкой (ныне — Запрудное) возвышается замок — Дегерменкойский исар. Над тремя селениями Узеньбаш, которые также образовывали общество, господствует укрепление на г. Кипиа. Два селения Кучук-Узеньбаш, вероятно, были связаны с крепостью у перевала Лопата-Богаз (Кучук-Узеньбашский исар). Селения Верхний и Нижний Керменчик находятся у подножия скалы Керменчик с руинами замка XIV—XV вв.

Таким образом, начинает проявляться некоторая закономерность во взаимном расположении обществ и крепостей, соответствовавшая, вероятно, административному делению Горного Крыма на небольшие районы, примерно равные поздневизантийским "бандам". Письменные источники XIV в. донесли до нас названия двух таких небольших районов (округов), располагавшихся на побережье — Кинсанус и Эллис [Бертье-Делагард, 1920, с. 64, карта], которые также объединяли по несколько селений.

Иоанном III Ватацем (1222—1254) в Никейской империи была создана система, при которой за счет сборов с крестьян определенного района содержались воинские части. Рядом с крепостями устраивались сельские поселения. С их жителей собирали налоги (натурой и деньгами) для содержания близлежащих укреплений. Эта система оказалась эффективной и получила впоследствии широкое распространение на территории империи. Вероятно, что те же принципы организации обороны и содержания крепостей были использованы в XIII—XV вв. в Таврике.

Сельские общины по своему составу были не однородными и состояли до XII в. из свободных общинников-димосиариев (имевших собственные наделы и плативших налоги), париков-димосиариев (живших на государственных землях) или частновладельческих париков (селились на землях частных собственников). В XIII—XV вв. поселений с полностью свободными крестьянами почти не осталось [Хвостова, 1986, с. 219].

В X—XIII вв. продолжали существовать стратиотские участки воинов-земледельцев. Иногда целые общины состояли из акритов, несших службу на границах империи. Таковыми в Таврике являлись аланы, жившие в XIII в. вблизи Херсона [Кулаковский, 1898, с. 17]. Уже в IX в. византийские крестьяне были разделены на две большие категории: одни платили подати и выполняли повинности, другие — несли военную службу. За полученные наделы стратиоты должны были являться на службу со своим вооружением, снаряжением и конем. Во второй половине X в. земельные наделы для стратиотов были увеличены втрое, что вызвано изменением военной тактики. В это время основным ядром византийской армии становятся катафрактары — всадники, вооруженные копьями, мечами и одетые в панцири. По своему существу войско катафрактов являлось феодальным [Каждан, 1967, с. 166].

Сельские общины Таврики уже в период раннего средневековья осуществили переход от родовой к сельской общине и сохраняли такую организацию до конца XVIII в. Обладая известным самоуправлением, общины контролировали совместное использование угодий, пастбищ, лесов и т.д. Протевоны распределяли между отдельными хозяйствами в зависимости от наличного скота, размеров и качества надела начисленные на общества и общины налоги [Хвостова, 1986, с. 215].

Основной единицей провинциального управления в X—XII вв. оставалась фема [Каждан, 1967, с. 168]. В некоторых случаях создавались более мелкие территориальные единицы — клисуры и архонтии [Ферлуга, 1953, с. 61—98]. Фема Херсона была разделена на климаты — небольшие районы, в которых находились византийские крепости с гарнизонами. Начальники

климатов Готии были подчинены стратигу фемы Херсона. Первоначально стратиги сосредоточивали в своих руках военную и гражданскую власть, что в условиях быстрого развивающегося процесса феодализации приводит к их усилению и стремлению освободиться от контроля со стороны центральной власти. Поэтому византийские императоры ограничивали срок пребывания стратигов в одной феме четырьмя годами и запрещали им приобретать в фемах земли [Каждан, 1967, с. 168]. Но уже в X в. функции стратига фемы ограничиваются командованием войсками и вершением суда над своими стратиотами. Гражданская власть теперь сосредоточивалась в руках фемного судьи — претора. С конца X — начала XI в. в системе управления провинциями происходят изменения, когда командование войсками нескольких фем переходит к дукам и катепанам. Роль фемного судьи вырастает настолько, что он становится единственным правителем района. Стратиги теперь возглавляют гарнизоны крепостей или командуют подразделениями небольших фем [Каждан, 1967, с. 168—169].

Иерархия господствующего класса Византии основывалась на титулах, раздаваемых императором. Согласно требника, составленного в конце IX в. Филофеем, сановная знать и все чиновничество империи делились на 18 рангов [Вугу, 1911, с. 131—179]. Причем каждый чиновник государственного аппарата имел титул. Но византийская иерархия отличалась текучестью и нестабильностью, потому что титул давался пожизненно и не передавался по наследству [Каждан, 1967, с. 159—160].

В XIII в. крупная знать состояла из мегистанов и архонтов. Архонты представляли собой служилую аристократию, занимавшую должности внутреннего управления империей. Так, со временем стратигов и преторов в провинциях заменяют архонты. В условиях феодализации Таврики архонты (как и в других частях империи) [Горянов, 1962, с. 83—84] быстро превращаются в крупных земледельцев-прониаров и звание "архонт" остается при них, даже если они уже не служили [Андреева, 1927, с. 116].

К 60-м годам XIV в. архонты бывшей фемы Херсона и Климатов Готии превращаются в самостоятельных правителей небольшого феодального государства — княжества Феодоро. Стало традиционным называть это формирование княжеством, хотя в действительности в XIV—XV вв. его, видимо, называли архонтией или деспотией.

В едином русле с развитием социальной структуры и административного аппарата империи протекало и становление церкви. Процесс феодализации затронул все стороны и церковной жизни. Внутри церкви начинает четко вырисовываться социальная градация, свойственная феодальному строю: епископы и игумены по своему положению являлись феодалами, в то время как рядовые клирики и младшие монахи близки к зависимым крестьянам [Каждан, 1967, с. 170—171].

На территории Горного Крыма широкое распространение получили монастыри и церковное землевладение. В IX—X вв. в связи с обострением в регионе военно-политической обстановки монастыри обносятся крепостными стенами. На территории полуострова располагалось пять епархий: Херсонская, Готская, Сугдейская, Фульская и Боспорская. В XII в. Фульская епархия включена в состав Сугдейской. К середине XIV в. Херсонская и Сугдейская епархии беднеют. Готская епархия, наоборот, становится богатой и многолюдной. В 1292 г. Готская епархия получает статус митрополии [Кеппен, 1837, с. 69]. Константинопольские патриархи, используя свое право ставропигии, приобрели земли с церквями на территории Готской епархии в районе Ялты [Acta, 1867, VI, CCCLXXI]. Территория Готской епархии по размерам превосходила территорию княжества Феодоро, потому что митрополит распространял свою власть и на паству, проживающую на землях, захваченных в Юго-Западном Крыму татарами, а на Южном берегу — генуэзцами*.

* Более подробно о границах епархий, как и о самих епархиях, см. работу А.Л.Бергье-Делагарда [1920, с. 35—134].

На строительстве оборонительных сооружений в средневековой Таврике отразились в какой-то мере и перипетии сложного процесса формирования феодальных отношений и складывания государственных образований на территории полуострова. Данные архитектурно-археологического исследования памятников позволяют охарактеризовать некоторые конкретные проявления этого процесса и разработать типологию укреплений, которые возникли в разное время и отличаются планировкой, архитектурой построек и фортификацией.

Исследования, проведенные в последние десятилетия, показывают, что в строительстве крепостей Горного Крыма было несколько хронологических отправных точек: 1) VI—VII вв.; 2) рубеж IX—X вв.; 3) конец XII—XIII в.; 4) вторая половина XIV—XV в. В крепостном строительстве принимали участие различные социально-политические и экономические силы, что накладывало свой отпечаток на характер и внешний облик укреплений (византийская администрация, сельские общины и монастыри, светские феодалы, владетели Феодоро, генуэзская Колония и итальянские сеньоры). В связи с этим по социально-историческим критериям выделяются такие разновидности укреплений: города; византийские крепости; укрепленные монастыри; сельские поселения, обнесенные оборонительными стенами; укрепленные загоны для скота, убежища; городища типа замков в прибрежных и горных районах. Сложность историко-социальной типологизации заключается в том, что многие оборонительные сооружения функционировали на протяжении длительного времени, поэтому система, конструкция обороны и характер застройки менялись. В каждой группе памятников можно также вычленить несколько вариантов. Города, например, делятся по численности населения на большие, средние, малые. Церковно-монастырские комплексы не однородны и существенно различаются по размерам, архитектурно-планировочному решению застройки укрепленной территории. Замки XII—XIII вв. отличаются от замков, возведенных в конце XIV — первой половине XV в., более сложной системой обороны.

В VI—VII вв. Византия ведет ремонт крепостных сооружений Херсона и Боспора, а также возводит ряд новых укреплений (Алустон, Гурзуф, Мангуп, Эски-Кермен и др.), создавая тем самым опорные пункты для контроля над горной и прибрежной частью полуострова. В построенных крепостях размещаются византийские гарнизоны и федераты империи. Эти укрепления являлись военно-административными центрами региона, они способствовали распространению христианства в среде автохтонного населения. Процесс укрепления Византии в Таврике приостанавливается с появлением в VIII в. хазар. Но с учреждением в конце IX — начале X в. фемы Херсона опять начинается ощущаться присутствие администрации Византии на территории полуострова. В X в. стратиги фемы ведут ремонт и восстановление оборонительных сооружений старых крепостей. Районы Горного Крыма делятся на военно-административные округа — климаты, центрами которых становятся византийские крепости.

В период военно-политической нестабильности в конце IX—X вв., вызванной хазаро-византийскими войнами и проникновением на полуостров печенегов, в Горном Крыму появляются выстроенные общинниками-стра-

тиотами укрепленные поселения, а также обнесенные стенами провинциально-византийские монастыри. Монастыри Таврики были религиозно-административными и хозяйственными центрами на принадлежавших им сельских поселениях. На рубеже IX—X вв. широко распространяется в районах Горного Крыма христианство, что отразилось на изменении погребального обряда и храмовом строительстве. Укрепления сельских общин служили не только убежищами на случай военной опасности, но и административно-хозяйственными центрами прилегающей округи.

Появление за столь короткий срок (конец IX — начало X в.) такого количества крепостей отражало нестабильность военно-политической обстановки и отсутствие временами реальной верховной власти на большей части Таврики, разобщенность сельских общин, которые вынуждены были самостоятельно на протяжении ряда столетий (X—XIII вв.) вести непрерывную борьбу с кочевниками (печенегам, половцами и татарами). Эта борьба привела к усилению вооруженной прослойки местного населения, возрастанию власти военных вождей и постепенному вытеснению родоплеменных отношений феодальными. В условиях Горного Крыма этот процесс протекал медленно. Выделившийся из местного населения феодализировавшийся слой сливается с византийской служилой аристократией.

В XII—XIII вв. в Южной Таврике появляются укрепления типа замков. Это явление означает переход феодального строя на территории Горного Крыма на новую, более высокую стадию развития. Для замков характерно наличие башен-донжонов. Они являлись военно-административными центрами земельных угодий их владельцев-прониаров. С появлением замков в Таврике почти повсеместно исчезают общинные городища. Этот процесс был ускорен появлением на полуострове монголов в XIII в., которые осуществляют ряд походов в районы Горного Крыма.

Во второй половине XIV — начале XV в. усиливается экономическое и военно-политическое влияние генуэзской Колонии, которой были захвачены на побережье земли, принадлежавшие до XIII в. Византии. На территориях, выгодных экономически и стратегически, генуэзцы возводят мощные укрепления: Каффа, Сугдея, Чембало, Луста, Гурзуф и др. В это время князь Феодоро также ведет усиленное крепостное строительство: заново отстраивают Мангуп, Каламиту, возводят замок у селения Фуна, ремонтируют оборонительные стены других крепостей.

Военное дело в Таврике X—XV вв., которое на протяжении нескольких столетий претерпело значительные изменения, обусловленные развитием тактики и средств осады крепостей, все-таки характеризуется наличием архаических черт: использование камнеметов до конца XV в., а главное — непригодность большей части фортификационных сооружений к условиям применения огнестрельного оружия. Отсталость в военной технике (отсутствие огнестрельного оружия, которым в XV в. владели уже многие страны Европы и Османская империя), явилась одной из причин быстрого завоевания княжества Феодоро турками в 1475 г.

После захвата Крыма турками в конце XV в. большая часть укреплений была разрушена, а некоторые восстанавливаются и продолжают существовать до конца XVIII в. Перестройка крепостей османами в XVI—XVII вв. свелась к приспособлению их для применения огнестрельного оружия: переделываются парапеты и амбразуры, возводятся пушечные бастيونы, гласисы и барбаканы. Следы этих перестроек видны на Мангупе, в Инкермане (бывшей Каламите), Балаклаве (Чембало), Гурзуфе, Судаке, Каффе.

Особой была роль городов Таврики — военных, административных, хозяйственных, религиозных и культурных центров края. Причины и время возникновения городов Крыма различны. Единственным городским центром полуострова, сохранившим преемственность от позднеантичной эпохи, является византийский Херсон — крупный торгово-ремесленный и аграр-

ный центр (в меньшей степени это касается Боспора-Корчева). Большинство других городов возникло на базе византийских крепостей — военно-административных, хозяйственных и культурных центров горных районов. Со временем (в X—XII вв.) они превращаются в укрепленные населенные пункты, носившие аграрно-ремесленный характер, не утрачивая при этом военно-административных, культурных и религиозных функций. Перемещение международных торговых путей в Восточную Таврику способствует росту Судака, а с началом итальянской колонизации — Каффы. Этот крупный городской центр полуострова возник сразу как пункт транзитной торговли.

Если говорить в целом о роли укреплений Таврики в ее историческом развитии, то именно благодаря созданию долговременных оборонительных сооружений население Горного Крыма смогло выдержать на протяжении почти 1000 лет натиск кочевых народов, иноземных завоевателей, избежало порабощения, полной ассимиляции или физического уничтожения.

Данная монография является первым опытом обобщения накопленного за последние десятилетия обширного археологического и картографического материала по истории оборонного зодчества Таврики эпохи средневековья и, конечно же, не может претендовать на полноту и завершенность. Практически это только начало сложного процесса изучения средневековых крепостей Крыма. И на этом этапе виден ряд проблем, определяющих перспективы дальнейших исследований фортификационных сооружений Таврики. Необходим дальнейший поиск средневековых древностей; не изучена северо-восточная часть Горного Крыма, где, по предварительным данным, находится не менее десяти средневековых городищ. В Юго-Западном Крыму не найдены крепости Хапулар и Сарысап-Кермен, упоминаемые в литературе XIX в. Дискуссионный характер носят вопросы возникновения ряда крепостей Юго-Западного Крыма (Эски-Кермен, Мангуп, Суйрен, Тепе-Кермен и др.) и местоположение длинных стен Прокопия Кесарийского. Не решены остаются вопросы демографии населения городов и его этносоциальной характеристики, как и вопрос формирования на территории полуострова городских центров и феодальных государственных образований, а также на чем строилась экономическая база городов и крепостей Таврики VI—XV вв. Для решения этих задач потребуются дальнейшие усилия историков и археологов.

П Р И Л О Ж Е Н И Е
АРХЕОЛОГО-ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ
УКРЕПЛЕНИЙ

Для понимания исторических процессов, происходивших в средневековую эпоху на территории Южной Таврики, необходимо представить ту естествен-но-географическую среду, в которой она находилась. Специфика местности Горного Крыма наложила свой отпечаток на все стороны жизни средневекового населения: экономику, социальную структуру, этногенез, культуру, политику, идеологию и др. Жизнь в горных условиях, множество труднодоступных урочищ, связанных с внешним миром через перевалы, постоянно сохраняющаяся угроза нападений кочевников или жителей соседних долин привели к тому, что к X в. на скальных возвышенностях возникают укрепления. Эти крепости занимают господствующее положение над горными долинами и расположенными в них открытыми поселениями. Не вызывает сомнений, что эти синхронные памятники имеют не только видимую, но и историческую связь.

Южную часть Крымского полуострова занимают горы, которые тянутся от мыса Фиолент на западе до г. Феодосии на востоке и образуют выпуклую к северо-западу дугу. Наибольшая протяженность гор около 150 км, ширина 50 км. Они состоят из трех четко выраженных в рельефе гряд — самой высокой Главной (Первой) и двух предгорных — Внутренней (Второй) и Внешней (Третьей), разделенных продольными понижениями. Характерной особенностью этих гряд является то, что они имеют пологие северные склоны и крутые, местами обрывистые, южные. Отделяясь от Внутренней цепи гор продольной долиной, с запада на восток тянется самая южная и самая высокая Главная гряда, максимальные высоты которой превосходят 1500 м над уровнем моря (Роман-Кош — 1545 м, Демир-Капу — 1540, Зейтин-Кош — 1534 м, Эклизи-Бурун — 1525 м). На западе эта гряда на протяжении нескольких десятков километров плотно прижимается к морю, а местами обрывается к нему круто, почти отвесно (у мыса Айя). Далее к востоку Главная гряда постепенно отступает на 2—8 км, оставляя между морем и горами полосу Южного берега.

В центральной и западной частях Главная гряда состоит из сплошной цепи массивов, вершины которых получили названия яйл, что в переводе с тюркского означает "летнее пастбище". По своему происхождению это типичные карстовые плато. Ширина яйл обычно составляет 3—4 км и лишь плато Караби-Яйлы — около 7 км. Высшая точка Яйлы — г. Роман-Кош расположена на Бабуган-Яйле. На участке между Байдарскими воротами и г. Ай-Петри Главная гряда отступает от берега всего на 1—4 км, обрываясь к югу отвесными скалами высотой в 300—600 м. В восточной части Главной гряды, начиная от Алуштинской долины, глубокие и широкие проходы — богазы (Кебит-Богаз, Ангар-Богаз и др.) — отделяют от общего массива Яйлы несколько обособленных плато: яйлу Чатырдага, Демерджи-Яйлу, Долгоруковскую яйлу. Здесь горы отстоят от моря на 6—8 км. В районе Судака горы опять подступают к морю, но их высота снижается до 600 м. Самая высокая гора Восточного Крыма — Агармыш выдвинута несколько к северу и расположена у Старого Крыма.

Полоса Южного берега тянется вдоль моря от мыса Айя на западе до полуострова Киик-Атлама на востоке. Над этой полоской суши с севера нависают громады известняковых обрывов, у подножия которых залегают

глинистые сланцы. В результате размывов в них образовались обширные амфитеатры — Ялтинский, Гурзуфский, Партенитский, Алуштинский и др. с четко выраженными долинами небольших горных речек. Прибрежная полоса Южного берега, защищенная от холодных ветров полуторакилометровым барьером Главной гряды, отличается наибольшим разнообразием природы, похожей на восточноевропейскую. Наиболее обширной на Южном берегу является Алуштинская долина.

К северу от Главной расположена Вторая гряда гор, идущая по линии Феодосия—Белогорск—Белокаменск (бывший Инкерман). Она также имеет крутые обрывистые южные склоны. Северные и северо-западные, как правило, пологие. Наибольшая высота Второй гряды 595 м, средняя около 450 м. Вторая и Главная гряды отделены продольными долинами шириной 10—20 км. Эти долины образовались в результате эрозии и тектонических процессов. Размывы способствовали образованию поперечных и диагональных долин, над которыми высятся окруженные со всех сторон обрывами останцы (Мангуп, Тепе-Кермен и др.).

Третья гряда имеет высоту 150—250 м и постепенно полого снижается к северу, сливаясь с равниной. Между Второй и Третьей грядами расположена долина шириной 3—5 км. В районе Зуи Третья гряда соединяется со Второй. В западной своей части она достигает высоты 250 м.

Северные склоны Второй и Третьей гряд, а также долина, расположенная между ними, образуют предгорные районы, отличающиеся по своим климатическим и природным условиям от степных северных районов и горных на юге и юго-востоке. Собственно Горный Крым образуют Первая гряда, долины, примыкающие к ней с запада и северо-запада, южное и юго-восточное побережье. Именно на этой территории находится большинство средневековых памятников и практически все ныне известные укрепления. Для строительства крепостей использовались в большинстве случаев мысы, останцы (по линии Второй гряды), отторженцы и локалиты (на склонах Главной гряды и в прибрежной зоне).

Крепости на территории Горного Крыма размещены неравномерно: На Южном берегу известно 42 укрепления, в Юго-Западном Крыму — 36, в Юго-Восточном — 2 (рис. 1—3). Территориально укрепления в Юго-Западном Крыму располагаются следующим образом. К югу от Херсонеса находятся Чембало и Камара. В долине р. Черной крепости известны только в среднем и нижнем течении реки. Это укрепленное поселение на г. Асаране-Бурун, рядом расположенный замок Сарджик, Чоргунский исар, Чирка-Каясы, Чоргунская башня. В устье реки находится Каламита (Инкерман) и укрепление на Загайтанской скале. В восточной части Байдарской долины известно укрепление Хапулар. К югу от Варнутской долины, на одном из отрогов хребта Кала-Фатлар, находятся руины крепости, занимавшей господствующее положение над узкой прибрежной полосой. Над Шульской и Каралезской долинами возвышается Мангуп с замком князей Феодоро на мысе Тешкли-Бурун. В небольшой Эски-Керменской котловине после разрушения города в конце XIII в. возводится замок Кыз-Куле.

Наибольшее число укреплений находится в Бельбекской долине: Сюйрен, Пампук-Кая, Сандык-Кая, Сюрю-Кая, Бойка, убежище на западном склоне Бойкинского массива (Курушлюк III), укрепление на южной оконечности хребта Курушлюк (Курушлюк II) и расположенный рядом загон для скота (Курушлюк I), Кучук-Узеньбашский исар и Кипиа.

В Качинском бассейне известны городища Тепе-Кермен, Качи-Кальон, Кыз-Кермен, Керменчик, Кермен и Подковообразное на Басмане, Яманташ, укрепленный загон в верховье Алимовой балки (Кчи-Дже) и на Бурун-Кая. Далее на восток, в долине р. Альмы и ее притоков, находятся укрепления Бакла, Сарамамбаш-Кермен, а также на г. Долгая.

На Южном берегу крепости, как и в Юго-Западном Крыму, группируются по долинам. В самой обширной на побережье Алуштинской котловине

находятся укрепления Пахкал-Кая, укрепленное поселение и сторожевой пост на западном склоне г. Южная Демерджи (Демерджи I и Демерджи II), Фуна, на г. Каменк, Чунгур-Кая, Ай-Иори, Сераус, Капель и Алустон. Далее к западу идут Карабахский исар, Плака, Кале-Поти, Аю-Даг, Дегерменкойский исар. В районе Гурзуфа известны Гелин-Кая (Кизил-Таш), Кобоплу и Дженебез-Кая (Гурзуфское укрепление). На скалистых возвышенностях, как бы обрамляющих Ялтинскую котловину, расположены Палеокастрон, Рускофиль-Кале, Учансу-Исар и укрепление на мысе св. Иоанна (последнее разрушено при городской застройке).

В районе Ореанды находятся Хачла-Каясы, Ургенда, Исар на одном из отрогов мыса Каракули-Кая, Гаспра-Исар (разрушен) и Ай-Тодор у Лас-точкина гнезда. Далее на запад идут Алупка-Исар, Панеа, Лимена-Кале (г. Кошка), Биюк-Исар, Кучук-Исар (на мысе св. Троицы), Кастропуло (мыс Ифигении), Исар-Кая (у горного прохода Шайтан-Мердвен) и Форосское укрепление. Над Ласпинской долиной возвышаются Ильяс-Кая и Кокья-Исар. На Мачукском перевале находится укрепленный загон (Ласпинское укрепление). К востоку от Алушты известны небольшие укрепления Чобан-Куле и Кордон-Оба.

Различная плотность местонахождения укреплений, с одной стороны, может указывать на отличие военно-политической обстановки, в которой находились районы Горного Крыма в эпоху средневековья [Домбровский, 1974, с. 44], с другой — подобное положение может указывать на характер и размеры владений отдельных феодалов (светских и церковных) или свободных общин. "Разряженность" укреплений в Юго-Западном и Юго-Восточном Крыму по сравнению с Юго-Западным побережьем можно объяснить и наличием в этих районах больших (для средневековья) городов, игравших роль военно-административных, экономических, политических и культурно-религиозных центров.

Рассматривая топографию укреплений Горного Крыма, необходимо отметить, что почти каждое из них являлось центром, вокруг которого группируются синхронные поселения от одного до пяти-десяти. В среднем на каждое укрепление приходится по три-четыре поселения. В Южной Таврике X—XV вв. существовали открытые и укрепленные сельские поселения. Несмотря на то что число городищ на протяжении столетий постоянно увеличивалось (по крайней мере с X в.), открытые поселения количественно преобладали.

Ниже приводится описание каждого памятника в порядке номеров, установленных на рис. 1—3. Археолого-топографическое описание построено по единой схеме, включает в себя: местоположение укрепления относительно ближайшего населенного пункта; основную литературу о памятнике; планировку, общие размеры и площадь защищенной территории; характеристику фортификационных сооружений и внутрикрепостной застройки и т.д. Слабая, а иногда и полная неизученность отдельных крепостей не дает возможности охарактеризовать их все по приведенной выше схеме.

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ

Б а к л а (рис. 1, 1; 8, 1). Первоначально (в VI—X вв.) византийская крепость, приобретающая к XII—XIII вв. черты небольшого города. Находится в междуречье Альмы и Бодрака в 2 км к северу от с. Скалистое (бывший Тав-Бодрак) на вершине г. Бахла [Богущ-Сестренцевич, 1806, с. 34—36; Кеппен, 1837, с. 321; Марков, 1902, с. 460; Маркевич, 1889, с. 108—114; Волошинов и Клепинин, 1912, с. 149—160; Эрнст, 1930, с. 1—21; Талис, 1968, с. 243; 1969, с. 57—63; 1970, с. 293—294; 1974а, с. 103—109; 1976, с. 63—86; 1980, с. 101—106; Рудаков, 1975, с. 20—30; 1979, с. 105—111; 1981, с. 73—83; 1982, с. 134—144; 1984, с. 35—56].

С юга территория укрепления ограничена обрывами высотой 12—20 м; с севера, востока и запада его замыкала линия оборонительной стены с башнями. Толщина культурных напластований достигает 3 м. Наибольшая протяженность городища с юго-запада на северо-восток 175 м, с юга на север 55 м. Площадь крепости около 1 га. Внутрикрепостная территория занята жилыми, хозяйственными, культовыми и фортификационными постройками. В качестве боевых казематов использовались пещеры, расположенные вдоль южного обрыва. В районе Бахлы насчитывается около 100 пещерных сооружений различного назначения. Перед восточной линией обороны была устроена вылазная калитка (из пещеры на площадку перед стеной вел ход, вырубленный в скале). Оборонительные стены и башни сложены из грубо отесанных квадратов, образующих внешний и внутренний панцири с забутовкой между ними и заливкой известковым раствором. В настоящее время стены сильно разрушены и представляют собой задерживающий вал высотой до 3,5 м. Толщина стен 2,5—3,5 м. На некоторых участках, открытых раскопками, сохранились в высоту до 1,6 м. В месте стыка юго-восточной и юго-западной куртин выявлены развалины прямоугольной башни 7,5 × 6 м [Талис, 1974, с. 100—101]. Расстояние между башнями около 25 м.

Первый этап строительства оборонительных стен Д.Л.Талис датирует V — первой половиной VI в. В X в. была произведена существенная перестройка всей оборонительной системы городища [1974, с. 103—104]. Сооружению крепости на этом месте предшествовало длительное существование открытого поселения (III—V вв. н.э.). Вокруг городища, на склонах возвышенности и в долине, располагалось открытое поселение, просуществовавшее с некоторыми перерывами, фиксируемыми иногда слоями пожаров и разрушений, с III—IV по XIV в. Жизнь на городище и поселении замирает постепенно — после пожара XIV в. Материал XV в. представлен единичными находками [Талис, 1969, с. 63; 1974, с. 108, рис. 1, 6, 7].

С а р ы м а м б а ш-К е р м е н (рис. 1, 2; 11, 1). Укрепленное поселение XIV—XV вв. Находится в 1,5 км к юго-востоку от с. Трудолюбовка (бывший Бодрак) [Кеппен, 1837, с. 318—319; Юргевич, 1889, с. 24—25; Эрнст, 1927, л. 2; Шульц, 1949, с. 65 и сл.; Баранов, 1986, с. 236; Мыш, 1978, с. 7—10].

Укрепление занимает оконечность широкого мыса, вытянувшегося с северо-востока на юго-запад на правом берегу р. Бодрак и возвышающегося над этой частью речной долины. С юго-востока плато ограничено глубокой балкой Папас-Баир (Монаший лес), с северо-запада оврагом Джидазр-Дере. Оборонительная стена, сложенная из бута, отгораживает с востока в самом узком месте часть мыса (рис. 5, 1). Толщина стены 2,2—2,3 м. Сохранилась в высоту 1,7—2,2 м. Кладка выполнена на глине. Перед стеной был вырыт ров, глубина которого в настоящее время 0,7—1 м, ширина 3,5—5 м. Общая протяженность стены 327 м. Размеры крепостной площадки 345 × 325 м, площадь укрепления 7,8 га. В 115 м от обрыва балки Папас-Баир находится проем ворот шириной 2,5 м. Ров перед воротами засыпан землей, а засыпь с боковых сторон облицована камнем. На территории, огражденной стенами, видны следы построек (более 50) средневекового поселения. Примерно 1/3 часть городища в настоящее время распахана.

Д о л г а я (рис. 1, 3; 11, 2). Укрепленное поселение XIV—XV вв. Находится в 1 км к юго-востоку от с. Прохладное (бывший Мангуш) [Веймарн, 1955, с. 71]. Крепость находится на вершине каменистого холма, вытянувшегося с юго-востока на северо-запад. По краям холма прослеживаются остатки оборонительных стен, сложенных из разномерного бута. Площадь укрепления около 0,5 га. В юго-восточной части холма, вероятно, находилась цитадель, отделенная от остальной части укрепления дополнительной стеной. В крепости заметны развалины построек. Грунт сильно золистый. На юго-западном склоне холма при террасировании разрушено

несколько плитовых могил с безинвентарными одиночными захоронениями. При обследовании памятника в 1978 г. на восточном склоне возвышенности собраны фрагменты амфор II—III вв. н.э. и небольшое число обломков красноглиняной поливной керамики XIV—XV вв. Раскопки на укреплении не проводились.

Тепе-Кермен (рис. 1, 4; 11, 6, фото 1, 5). Византийская крепость (VI—X вв.), перерастающая в небольшой городской центр (XII—XIII вв.). Расположена в 2 км к северо-востоку от с.Кудрино (бывший Шурю) [Сумароков, 1803, с. 42; Кеппен, 1837, с. 303; Dubois de Montpereux, 1843, с. 305; Караулов, 1872, с. 61—66; Струков, 1876, с. 32—33; Попов, 1888, с. 22—24; рис. 25—26; Кондараки, 1875, с. 67; Безчинный, 1902, с. 128; Боровко, 1913, с. 11—16; 29—37; 40—42; 53—72; Латышев, 1918, с. 44—46; Репников, 1940, с. 356; Тиханова, 1953, с. 324; Якобсон, 1964, с. 32, 51, 52, 102; 1970, с. 14; Веймарн, 1958, с. 71—79; Талис, 1969, с. 131—140; 1971, с. 250—262; 1974, с. 95—96].

Городище расположено на отдельно стоящем останце высотой 535 м над уровнем моря. Дорога к крепости поднималась по северному наиболее пологому склону (остальные склоны горы круты, обрывисты и труднодоступны). В обрывах Тепе-Кермена и на его склонах высечено около 250 пещер различного назначения: некоторые из них служили для хозяйственных целей (стойла, подвалы и проч.), использовались в качестве боевых казематов, церквей, усыпальниц. Располагаются пещеры группами в два-четыре ряда по вертикали (редко семь-восемь). На самом плато пещер меньше и они видны в основном по кромке обрывов. Территория городища была плотно застроена. Въезд в крепость находился на северо-западной оконечности плато, где была вырублена узкая дорога шириной 2,5 м. Здесь же находилась и оборонительная стена, на что указывают высеченные в скале "постели". Оборонительные сооружения Тепе-Кермена состояли из двух линий стен, которые находились на двух высотных уровнях. Верхняя стена проходила по кромке обрывов (их высота 3—5 м), нижняя — прикрывала доступ к пещерным сооружениям, расположенным у подножия горы, отгораживая с севера площадку размером 45 × 130 м. Нижняя линия оборонительной стены выявлена во время разведок 1980 г. В настоящее время она сильно разрушена и представляет собой заплывший землей каменный вал. В размыве хорошо видна структура стены, которая состоит из внешнего панциря, сложенного из грубо обработанных блоков известняка с последующей забутовкой рваным камнем и щебнем. Признаки какого-либо вяжущего раствора не выявлены. Кладка, видимо, производилась насухо с тщательной подгонкой блоков. Общая площадь, защищенная крепостными стенами, составляет 1,4 га. На северном склоне Тепе-Кермена в 1980 г. обнаружен грунтовый некрополь, аналогичный, вероятно, могильнику Эски-Кермена (VI—IX вв.).

Кыз-Кермен (рис. 1, 5; 11, 4). Убежище, укрепленный загон X—XIII вв. Находится в 2,5 км к северу от с.Кудрино (бывший Шурю), рядом с Тепе-Керменом (оба памятника разделяет глубокая балка) [Никольский, 1927, с. 73—74; Репников, 1940, с. 319—320; Веймарн, 1955, с. 65; 1968, с. 75; Якобсон, 1964, с. 47—49; 1970, с. 103—107; Белый, 1986, с. 213]. Укрепление занимает оконечность мыса, вытянувшегося с севера на юг на 700 м и с запада на восток на 240 м. Площадь городища около 12 га. В самом узком месте мыс перегораживает стена длиной 125 м. На расстоянии 24 м друг от друга и 31 м к востоку от западного обрыва были устроены две небольшие полукруглые башни, выступающие на 2,55 м за линию стены. Вместе с пандусом ширина куртины достигает 4—6 м. Въезд на городище находился, видимо, у северо-восточного обрыва, куда подходят колеи дороги. Полная высота стены с парапетом и мерлонами, вероятно, не превышала 5 м.

Изучавшееся А.Л.Якобсоном и А.В.Белым поселение VIII—IX вв. не связано с городищем и предшествует возведению крепостной стены, по-

строенной уже после его разрушения на рубеже IX—X вв. Оборонительная стена разрезает на две неравные части обширное поселение VIII—IX вв., большая часть жилых и хозяйственных построек которого группируется вокруг источника, расположенного в 350 м к северо-западу от укрепления.

Бурун-Кая (рис. 1, 6; 25, 1). Убежище, укрепленный загон IX—X вв. Городище находится в 1,5 км к западу от с.Баштановка (бывшие Пычки) [Репников, 1940, с. 286; Веймарн, Чореф, 1976, с. 46; Баранов, 1986, с. 236]. Находится на вершине утеса, ограниченного с трех сторон обрывами высотой 15—35 м. С южной (напольной) стороны доступ на плато перегорожен стеной, сложенной из бута насухо. Ширина стены около 3 м, длина 87 м, сохранилась в высоту 1,2 м. Размеры отгораживаемой ею территории 150 × 65 м. Площадь городища 0,8 га. Подъемный археологический материал, на основании которого строится датировка, фрагментарен (стенки амфор с желобчатым корпусом IX—X вв.). Культурный слой на памятнике ничтожно мал, то есть его использовали кратковременно и эпизодически в качестве убежища.

Качи-Дже (рис. 1, 7; 25, 2). Убежище, укрепленный загон IX—X вв. Находится в верховьях Алимовой балки, в 2 км к северо-западу от с.Баштановки (бывшие Пычки). Городище расположено на оконечности мыса, вытянувшегося с юго-востока на северо-запад. Стена, сложенная из крупного бута насухо, перегораживает доступ на территорию крепости с напольной юго-восточной стороны. Она сильно разрушена и представляет собой вал высотой 1—1,5 м и шириной 4 м. Протяженность ее около 70 м, ширина 2—2,5 м. Кладка двухпанцирная. Внешний лицевой панцирь сложен из грубо обработанных блоков. В развале стены собраны фрагменты гончарной и лепной керамики IX—X вв. (обломки кувшинов с плоскими ручками и амфор с желобчатым корпусом, а также салтовских горшков). Наибольшая протяженность утеса с юго-востока на северо-запад 205 м, с северо-востока на юго-запад — 55 м. Площадь укрепления 0,76 га. Следы каких-либо построек на поверхности не выявлены.

Качи-Кальон (рис. 1, 6; 11, 5; фото 3, 1, 2). Первоначально (в VIII—IX вв.) открытое поселение, в X—XV вв. укрепленный монастырь. Расположен памятник в 0,5 км к северо-западу от с.Баштановки (бывшие Пычки), на правом берегу р.Качи [Репников, 1935, с. 105—111, рис. 73; Тиханова, 1953, с. 324; Веймарн, 1955, с. 60; 1958, с. 73; 1976, с. 454, 455, 464, 466; Якобсон, 1970, с. 14; Талис, 1974, с. 91]. Подъемный материал указывает на длительность существования на этом месте поселения — VIII—XVIII вв., которое размещалось на террасированном восточном склоне Качинского ущелья. Обычно его относят к группе пещерных городов. В скалах были вырублены хозяйственные (стойла, подвалы, ямы, тарапаны) и культовые помещения (церкви и усыпальницы), существовавшие одновременно с наземными постройками. Отдельные пещеры могли использоваться и для жилья. Большая часть пещерных сооружений расположена возле четырех больших гротов, доступ к которым некогда прикрывала линия оборонительной стены, сложенной из грубо отесанных блоков [Репников, 1935, с. 105]. Перед четвертым гротом находится площадка размером 83 × 43 м (0,2 га). С юго-востока, юго-запада и запада она ограничена обрывом высотой 6—15 м. С северо-запада доступ на площадку преграждает линия оборонительной стены. Ее протяженность около 45 м. На северо-восточном фланге куртины находился вход шириной 1,5 м. Юго-западный фланг замыкала прямоугольная башня размером 7 × 4,5 м. Стена сложена из бута и обработанных блоков вторичного использования на песчано-известковом растворе. Толщина стены 1—1,1 м, сохранившаяся высота 4,5 м. При раскопках Н.И.Репникова в 1933 г. у оборонительной стены был получен материал XIII—XIV вв. [1935, с. 109—111, рис. 73]. На площадке, за линией стены, прослеживаются развалины построек. Здесь же имеются руины небольшой церкви с некрополем. С юго-востока проход

к Четвертому гроту прикрывала линия оборонительной стены — об этом позволяют говорить вырубленные в скале "постели". В самом гроте пещерные сооружения устроены в три яруса. На его верхней площадке — источник с водоемом.

К е р м е н ч и к (рис. 2, 9; 24, 1). Замок XIV—XV вв. Расположен в 0,5 км к юго-западу от с.Высокое (бывший Юхары-Керменчик) [Кеппен, 1837, с. 300—301; Бертъе-Делагард, 1899, с. 29—32; Веймарн, 1958, с. 68; Якобсон, 1970, с. 16]. Городище находится на скалистой возвышенности, подходы к которой возможны со всех сторон. Поэтому крепостная стена была возведена по всему периметру (около 230 м). С наиболее доступной южной стороны находилась башня-донжон. Она четырехугольная в плане (6 × 8 м). Вход в крепость расположен в 20 м к востоку от башни (рис. 25, 1). Площадь укрепления около 0,3 га. Наибольшая протяженность крепостной площадки с юга на север 100 м, с запада на восток — 40 м. Оборонительная стена сложена из бута на песочно-известковом растворе. На юго-западном участке куртина сохранилась на высоту 6,8 м. У основания толщина стены 1,5—1,7 м. В верхней части она сужается до 1,2—1,5 м. Сохранилась и нижняя часть парапета шириной 0,7—0,9 м, высотой 0,5 м. Полная высота куртины с парапетом и зубцами в данном случае реконструируется довольно точно (8,7—8,8 м). Для размещения защитников на боевой площадке крепостной стены были устроены деревянные подмости, от которых сохранились пазы. Раскопки в укреплении до настоящего времени не проводились.

К е р м е н-К а я (рис. 2, 10; 22, 3). Замок XIII—XIV вв. Находится на северном отроге Басманского хребта над ущельем р.Хури [Кеппен, 1837, с. 297—298; Веймарн, 1955, с. 66—68; Иванов, Дублянский, Домбровский, 1963, с. 27—32; Домбровский, 1966, с. 62; 1974, с. 19; Якобсон, 1970, с. 14]. Размер крепостной площадки 85 × 30 м. Доступ на вершину утеса преграждает стена, сложенная из бута на песочно-известковом растворе. С запада к укреплению подходит дорога. На стыке западной и южной куртин находится въездная башня (6 × 8 м). Ширина ворот 2,7 м. Западный участок стены имеет протяженность 13 м, южный — 68. Стены в виде вала сильно разрушены. Толщина стен 1,5—1,7 м. Южный фланг обороны замыкает четырехугольная башня размером 6,2 × 6,3 м. За башней, над скальным обрывом, сохранились следы потерны шириной 0,7 м. Внутри укрепления — следы отдельных построек, примыкавших к оборонительным стенам. У восточного обрыва находятся руины небольшой церкви. К северо-западу от укрепления, на расстоянии 50 м, на холме находится плитовый могильник.

Б а с м а н (рис. 1, 9; 25, 3; фото 3, 3). Убежище, укрепленный загон для скота IX—XIII вв. Городище расположено на восточном обрыве Басманского хребта, над группой пещер которых размещался небольшой монастырь IX—XIII вв. [Кеппен, 1837, с. 299; Веймарн, 1948, с. 58; Иванов, Дублянский, Домбровский, 1963, с. 27—32; Домбровский, 1974, с. 18]. Размер огражденной стенами площадки 80 × 50 м. Площадь укрепления 0,35 га. Углы стен закруглены. В северной и южной стенах находятся две узкие калитки. Стены сложены насухо. Сохранились в высоту до 1,8 м. Толщина стен 1,6—2,1 м. С городища в карстовые пещеры попадали по навесным деревянным лестницам. Во время раскопок 1948 г. у северной калитки найдено несколько фрагментов красноглиняной гончарной керамики [Веймарн, 1948, с. 7]. Культурный слой на памятнике выражен слабо, то есть он служил убежищем и загонем для скота и использовался эпизодически.

Я м а н т а ш (рис. 2, 12; 24, 2). Замок XIII—XIV вв. расположен на отдельно стоящей скале на северном склоне Ялтинской яйлы в верховье р.Стили [Кеппен, 1836, с. 68; Домбровский, 1966а, с. 65]. Доступ на вершину скалы практически со всех сторон преграждают вертикальные обры-

вы высотой до 30—40 м. Два небольших прохода с южной стороны перекрыты оборонительными стенами. На юго-восточном участке обороны, где, видимо, находился главный вход в крепость, на разных уровнях сооружено две линии крепостных стен. Куртины сложены из бута на песочно-известковом растворе. Толщина стен 1,2—1,4 м. Размер укрепленной территории 50 × 27 м. Площадь городища 0,15 га. У восточного обрыва находятся развалины церкви (4,5 × 7 м). В 1962 г. небольшие раскопки на Яманташе провел О.И.Домбровский. Найденный в шурфе материал датирован X—XV вв. [1966а, с. 65]. При нашем обследовании в 1985 г. находок ранее XIII в. не обнаружено. Толщина культурного слоя на памятнике незначительна и, судя по всему, он был однослойным, существовавшим непродолжительное время. Замок располагался в удобном месте: рядом проходит колесная дорога, ведущая на Южный берег. С Яманташа открывается широкая панорама гор. Отсюда хорошо просматривается почти вся Качинская долина от Качи-Кальона до Басмана, верховья Бельбека с Бойкой, Мангуп и Керменчик.

К и п и а (рис. 1, 10; 24, 3; фото 1, 2). Первоначально (в X—XII вв.) укрепленное сельское поселение, в XIII—XIV вв. замок. Находится в 2 км к востоку от с.Счастливое (бывший Биюк-Узеньбаш) на г.Кипиа [Кеппен, 1837, с. 297]. Крепость занимала небольшой скальный массив, вытянувшийся с юго-запада на северо-восток примерно на 250 м и с северо-запада на юго-восток на 100 м. Почти со всех сторон гора обрывиста и только с юго-запада имеет проход шириной около 30 м. На самой скале каких-либо оборонительных сооружений нет. Крепостные стены загораживали ближайшие подступы к Кипиа. Они были сложены из бута на песочно-известковом растворе. Толщина оборонительных стен 1,4—1,5 м, сохранились в высоту до 1,4 м. В северо-восточной части горы обнаружены развалины строений, часовня и несколько разрушенных плитовых могил. Часть построек (в том числе еще одна церковь и некрополь) располагалась за стенами с внешней стороны.

К у ч у к-У з е н ь б а ш (рис. 2, 14; 11, 3). Замок XIII—XIV вв. Находится на южной окраине с.Многоречье (бывший Кучук-Узеньбаш) у большого одноименного источника. Размер скальной площадки, на которой размещалось укрепление, 65 × 40 м, площадь 0,18 га. С северо-востока и северо-запада она ограничена обрывами 5—15 м, с юго-запада глубоким оврагом (до 10 м). С напольной стороны скалу отгораживала крепостная стена протяженностью около 30 м. Сложена она из бута на песочно-известковом растворе. В настоящее время стена сильно разрушена и почти не прослеживается на поверхности. Раскопки на памятнике не проводились. Территория городища использовалась до недавнего времени, средневековые остатки перекрыты более поздней застройкой (XVIII—XX вв.). При обследовании укрепления на юго-западном склоне были найдены обломки керамики XIII—XIV вв., а также несколько блоков из туфа (травертина), имеющих криволинейную форму. Топографическое положение укрепления весьма выгодно. С юга просматриваются склоны яйлы, перевал Лопата-Богаз, восточные склоны г.Бойка, вся Кучукузеньбашская долина и верховье р.Бельбек.

Б о й к а (рис. 1, 11; 31, В). Церковно-феодальный комплекс IX—XV вв. Горный массив Бойка расположен в верхнем бассейне р.Бельбек. Занимает площадь около 1200 га и отделен от Главной гряды каньонообразным ущельем Аузун-Узенья. На юго-востоке Бойка соединена с Ай-Петринской яйлой узким хребтом. Состоит из пяти скалистых высот: Курушлюк, Богатырь, Сотира, Караул-Кая и Кош-Кая, которые обращены обрывами во внешние стороны массива, а пологими склонами образуют центральную котловину, наклоненную и имеющую сток к верховьям Большого каньона [Кондараки, 1883, с. 282—283; Маркевич, 1928, с. 5; Репников, 1940, с. 255; Домбровский, 1968, с. 83—96; Якобсон, 1959, с. 44—45,

рис. 98; 1970, с. 16]. Обследование Бойкинского массива провел в 1955 и 1956 гг. О.И.Домбровский. Ему удалось обнаружить развалины большого храма Спаса (размер 27 x 18 м), о котором упоминал еще В.Х.Кондараки, длинные стены загораживающие проходы на Бойку между Сотирой и Караул-Кая (длина 730 м), Караул-Кая и Кош-Кая (320 м), следы шести поселений, остатки кузнечно-литейной мастерской у храма, углеобжигательные ямы, старые дороги, два небольших укрепления на г.Курушлюк [1968, с. 83—96]. В 1977—1980 гг. автором проведены разведки, позволившие получить дополнительные сведения об оборонительных сооружениях Бойки: со стороны Коккозской долины открыты два участка стен длиной 120 м. Общая протяженность заградительных стен массива составляет около 1500 м. Их ширина 1,5—2,6 м, сохранились в высоту до 3 м. На некоторых участках в развалах стен найден известковый раствор. Более вероятным временем возведения заградительных стен на Бойке следует признать IX—X вв., потому что на самом массиве более ранний материал не найден.

Проходы на Бойку со стороны Коккозской долины были защищены не только длинными стенами, но и двумя небольшими крепостями, размещившимися на скальных выступах хребта Курушлюк (в 4,5 км к юго-востоку от с.Соколиное): одно на самом плато, другое — несколько ниже. С обеих укреплений хорошо просматриваются долина и дороги, идущие на Бойку и Ай-Петринскую яйлу.

К у р у ш л ю к I (рис. 1, 13; 31, 3; 10, 2). Укрепленный загон X—XIII вв. Представляет собой вытянутый с северо-запада на северо-восток мыс длиной 84, шириной 27 м, отгороженный от остальной части плато полукольцом оборонительной стены (45 м), сложенной насухо из крупного бута. Толщина стены 1,5—2 м, сохранилась в высоту до 1,5 м. Керамика встречается редко и большей частью в мелких фрагментах. Культурный слой отсутствует. На скальной поверхности собраны обломки стенок пифосов, красноглиняных гончарных кувшинов, горшков, сероглиняной лепной керамики IX—X вв.

К у р у ш л ю к II (рис. 1, 12; 10, 1). Сторожевое укрепление X—XIII (XIV?) вв. Состоит из крепостной стены, отделяющей от крутого каменистого склона Курушлюка небольшую площадку размером 78 x 49 м. В некоторых местах стены сохранились в высоту до 3 м. Сложены из бута насухо (?). Толщина стен 2—3 м. Общая протяженность 96 м. У входа в укрепление находятся развалины четырехугольной башни. Подъемный материал в основном представлен фрагментами керамики XII—XIII вв. На территории укрепления следов каких-либо строений не видно, но за пределами оборонительной стены городища — руины небольших однокамерных средневековых построек.

К у р у ш л ю к III (рис. 1, 14; 31, Б). Убежище, укрепленный загон X—XIII вв. (?). Находится в 3,5 км к юго-востоку от с.Соколиное (бывшее Коккозы), на западном склоне г.Курушлюк. Укрепление занимает скалистую возвышенность, окруженную по периметру каменной стеной, сложенной из бута насухо. Толщина стены 1,3—1,5 м, сохранилась в высоту до 1,5—1,7 м. Стена двухпанцирная с внутренней забутовкой мелким камнем и щебнем. Размер площадки, огражденной стеной, 52 x 24 м. Вход в укрепление находился с восточной стороны (ширина 2 м). Общая протяженность стен около 120 м. Раскопки на памятнике не проводились.

С ю ю р ю - К а я (рис. 2, 19; 10, 3). Замок XIII в. Находится в 5 км к югу от с.Соколиное (бывшие Коккозы) [Кондараки, 1883, с. 265; Репников, 1940, с. 254; Домбровский, 1966а, с. 67; 1968, с. 86]. Разведки, проведенные автором в 1977 и 1980 гг., дали дополнительный материал по топографии памятника. Оборонительные сооружения Сюрю-Кая состоят из трех поясов крепостных стен. Первая (снизу) стена расположена в 50 м выше седловины, соединяющей Сюрю-Кая с Седам-Кая, и является как бы естественным продолжением преграды, созданной самой природой в виде

разлома скального массива, идущего с юго-запада на северо-восток. Ее толщина 1,5 м, сложена она из крупного бута насухо и сохранилась в высоту до 1—1,2 м. Линия первой оборонительной стены прослеживается на 70 м. Там, где к стене подходит тропа, ведущая на вершину скалы, находится проем ворот шириной 2,2 м. С внутренней стороны у проема ворот находятся развалины постройки, служившей, видимо, помещением для стражи. От ворот дорога ведет по склону вверх и выводит ко второй оборонительной стене, которая сохранилась лучше первой. Ее высота в некоторых местах достигает 2 м, толщина 1,5—1,8 м. Протяженность стены около 180 м. Верхнюю площадку Сюрю-Кая замыкает третья линия оборонительной стены, образующая цитадель. Ее толщина 1,9—2,3 м. Прямоугольная башня, стоящая на юго-западном фланге обороны, позволяла вести обстрел вдоль куртины, в направлении юг-север. На территории цитадели заметны развалины небольших построек размером 3 x 4 м. Обращают на себя внимание руины большого (15 x 7 м) многокамерного дома, рухнувшими стенами которого было раздавлено несколько больших гладкостенных пифосов. На самой вершине Сюрю-Кая видны остатки постройки, сложенной из бута на известковом растворе. Вокруг этих развалин расположено семь гробниц, вскрытых и ограбленных. Судя по всему, это храм-часовня. Раскопки на территории крепости не проводились. По подъемному материалу, собранному на Сюрю-Кая, укрепление можно датировать XIII в.

С а н д ы к - К а я (рис. 2, 20; 12, 1). Замок XIII—XV вв. находится в 1,5 км к югу от с.Поляна (бывший Маркур) [Репников, 1940, с. 252—253; Домбровский, 1966а, с. 67; Якобсон, 1970, с. 17, 171]. Укрепление занимает вершину изолированной скалы, вытянувшейся с юго-запада на северо-восток. Размер крепостной площадки 390 x 120 м. Площадь 2,38 га. Почти со всех сторон возвышенность окружена обрывами высотой от 5 до 30 м. Но с запада и юго-востока обрывы не столь высоки и здесь легко проникнуть на вершину скалы. В этих местах сооружены оборонительные стены, сложенные из крупного бута на песчано-известковом растворе. Оборонительная система замка состояла из трех линий крепостных стен с шестью прямоугольными башнями. Башни относительно небольших размеров — 4,5 x 5 м. Наиболее мощная стена составляла внешнее кольцо обороны. Протяженность этой куртины, состоявшей из западного и восточного участков, 360 м, толщина 1,9—2,2 м. Сохранилась в некоторых местах в высоту до 2—3 м. Внутрикрепостная территория дополнительно была разделена на три части еще двумя крепостными стенами. Нижняя куртина протяженностью около 60 м отгораживала юго-западную часть городища, а верхняя (ее длина 105 м) — северо-восточную. Толщина стен 1,2—1,4 м, сохранились в высоту до 1,2 м.

В укрепление вели два входа: с запада и востока. Главным был западный, потому что к нему подходит колесная дорога. С востока же в оборонительной стене находилась вылазная калитка (потерна). Три башни расположены на западном участке обороны (одна стояла у входа, другая замыкала северный, третья — западный фланг), расстояние между ними около 30 м. Две башни также были на восточном и юго-восточном участке внешнего кольца обороны. Шестая была поставлена у входа на верхнюю площадку укрепления в 60 м от башен 2 и 4.

Поверхность скалы относительно ровная с небольшим уклоном к юго-западу и юго-востоку. Внутрикрепостная территория застроена плотно: на поверхности видны руины нескольких десятков построек. Некоторые из них довольно больших размеров. На северной оконечности скалы находилась небольшой некрополь. Центральное место в нем занимала часовня, стоящая над большой усыпальницей, вырубленной в скале. Стены церкви не сохранились, но ее план "читается" по подтекам в скале. У восточного обрыва видны вырубленные в скале и обложенные бутовым камнем на из-

вестковом растворе гробницы (открытые и ограбленные). Укрепление Сандык-Кая занимает выгодное стратегическое положение: с него просматриваются верхняя часть Бельбекской долины, Байдарская долина, а также Мангуп с окрестностями.

П а м п у к-К а я (рис. 1, 15; 12, 2). Укрепленное поселение X—XIII вв., монастырь (?) XIV—XV вв. Находится в 1,5 км к западу от с. Нижняя Голубинка (бывшее Нижняя Фоти-Сала) [Келлер, 1872, с. 388; Репников, 1940, с. 246—247; Веймарн, 1955, с. 56; Домбровский, 1956, с. 1—4; 1964, с. 65—71; 1970, с. 121—122, 125, 144—147]. Руины крепости находятся на скальном мысу, называемом иногда Кильсе-Бурун. Восточная сторона скалы представляет собой обрыв над долиной р. Бельбек. С юго-запада и севера городище замыкает стена протяженностью около 100 м. Кроме того, укрепление разделяется внутренней стеной (ее длина 40 м) на две части — южную и северную. Поверхность крепости бугристая с золистой почвой и ясными следами построек. Площадь укрепления около 0,57 га, причем 0,19 га приходится на цитадель. Наибольшая протяженность территории, огороженной оборонительными стенами, с северо-запада на юго-восток 124 м, с юго-запада на северо-восток 53 м.

Раскопки на Пампук-Кая в разное время велись О.И. Домбровским (1956), А.Л. Якобсоном (1961—1962) и автором (1980). На памятнике исследовались оборонительные стены, храм, жилые и хозяйственные помещения. Оборонительная стена состояла из двух панцирей и забутовки между ними. Вяжущим раствором служила глина. Внешний панцирь — из слегка подтесанных блоков известняка разных размеров (от 0,4 × 0,4 × 0,2 м до 0,8 × 0,5 × 0,4 м), уложенных с соблюдением рядов. Толщина стены 2 м. В кладке углов использованы тщательно обработанные блоки прямоугольной формы. Камень отесывался бучардой. Стены сохранились на высоту 0,4—1,1 м (один—четыре ряда). Куртины Пампук-Кая перестраивались дважды, примерно сохраняя прежнюю планировку. Важно отметить, что лицевые кладки стен сложены из привозного материала — известняка датского яруса, выходы которого находятся примерно в 3 км к северо-западу от городища у массива Чардаклы-Баир, откуда, видимо, и был привезен строительный камень для оборонительных стен.

Во время работ на Пампук-Кая в 1980 г. получен материал, нижние хронологические рамки которого можно отнести к X—XII вв., верхние — к XIV—XV вв. (рис. 50). До возведения укрепления на этом месте располагалось открытое поселение, датируемое по подъемному материалу VI—IX вв.

Т е ш к л и-Б у р у н (рис. 13; фото 8). Замок XV в., цитадель города Феодоро, принадлежавшая мангупским князьям. В XVI—XVIII вв. здесь размещался турецкий гарнизон. Занимает оконечность восточного мыса Мангула [Броневский, 1867, с. 343; Д'Асколи, 1902, с. 121; Боплан, 1896, с. 327; Czelebiego, 1969, с. 260—261; Pallas, 1801, с. 103; Паллас, 1881, с. 123, 132—135; Guthrie, 1802, с. 86; Clark, 1839, с. 478; Сумароков, 1805, с. 45—49; Муравьев-Апостол, 1823, с. 182—189; Келлер, 1872, с. 395; Келлен, 1837, с. 261; Dubois de Montpereux, 1843, с. 272—286; Мурзакевич, 1837, с. 643; Андриевский, 1839, с. 541—544; Шишкина, 1848, с. 127—128; Кондараки, 1872, с. 420—426; Попов, 1883, с. 115, 126; Марков, 1902, с. 404—426; Никольский, 1893, с. 72; Браун, 1890, с. 21—23; Бертье-Делагард, 1918, с. 44; Репников, 1940, с. 249; Якобсон, 1964, с. 126; Герцен, 1983, с. 88—104 и др.].

Крепостная стена цитадели длиной в 105 м перегораживает мыс с напольной стороны. В 30 м от южного обрыва стоит прямоугольная башня-донжон. Ее размер 16,60 × 9,6 м. Сохранилась на высоту 9,5—10 м. Башня была трехэтажной. Высота нижнего этажа около 3 м, второго и третьего 4,5—5 м. Общая высота здания с кровлей не превышала 15 м. Стены башни и куртины сложены из бута с подтесанной лицевой стороной на песчано-

известковом растворе. В кладке использовано много квадров из каких-то ранних построек. Толщина оборонительных стен 2,5—3 м. Сохранились на высоту 5—5,5 м. В некоторых местах на куртинах видно основание парапета шириной 0,7 м. Толщина стен донжона различна: от 1,75 до 2,3 м на уровне первого этажа и от 1,15 до 1,75 на уровне второго и третьего этажей. В нижнем этаже размещалась одна амбразура подножного боя (в западной стене) и два входа: один (в северной стене) вел за пределы крепости и второй (в восточной стене) — во внутреннюю часть крепости. Амбразуры имеют трапециевидную в плане форму с большим основанием шириной 1,9 м.

Часть башни, обращенная вовнутрь укрепления, имела дворцовый облик. Порталы входов и наличники окон украшены резьбой. Главным входом считался северо-восточный, портал которого обладает особенно пышным орнаментом из плетенки и розеток, выполненных в сельджукском стиле.

К югу от башни в куртине сделана вылазная калитка, а к северу — крепостные ворота, перекрытые цилиндрическим сводом, выложенным из отесанных камней. Ширина ворот 3,2 м, высота 4 м. В месте ворот стена шире, 3,6 м. Башня и куртины сложены вперевязь. Донжон выступает за линию стен на 7,1 м. Межэтажные перекрытия и кровля башни деревянные. На стропила и обрешетку крыши укладывалась желобчатая черепица.

На кромке обрывов мыса Тешкли-Бурун размещаются многочисленные пещерные сооружения. Они были приспособлены под боевые казематы, обеспечивающие обстрел вдоль всего периметра, церкви, усыпальницы, склады, тюрьму (?) и проч. На поверхности также видны руины наземных построек.

С ю й р е н (рис. 1, 16; 4; фото 10, 1, 2). В VI—XI вв. византийская крепость, которая в XII—XIII вв. приобретает черты небольшого городского центра. Расположена на мысе Кулле-Бурун в 1 км к югу от с. Малое Садовое (бывшее Кучук-Сюйрен) [Караулов, 1861, с. 1—24; Келлер, 1872, с. 388; Веймарн, Репников, 1935, с. 115—125; Тиханова, 1953, с. 324; Якобсон, 1959, с. 120—122; 1964, с. 11, 26; Талис, 1972, с. 217—219; Баранов, 1971, с. 88—92; Воронин, 1979, с. 313—315]. Мыс Кулле-Бурун перегораживают две куртины, сходящиеся под углом 132° к круглой башне, выдвинутой во фронт обороны. Общая протяженность оборонительной стены 110 м. Толщина стен 2,5 м, сохранившаяся высота 4—4,5 м. Стены башни несколько тоньше — 1,5 м. Башня двухэтажная, сохранилась в высоту до 10 м. Полная ее высота с парапетом и мерлонами около 12 м. Наверху башни располагалась открытая боевая площадка. К юго-западу от башни находилась потерна, а с северной стороны — ворота. Стены укрепления двухпанцирные. Сложены из хорошо отесанных квадров с соблюдением горизонтальности рядов по системе чередования ложков и тычков. На первом и втором этажах размещалось по три бойницы.

Площадь укрепления около 1,7 га. Внутрикрепостная территория была плотно застроена. На поверхности четко видны следы построек. В городище практически не оставалось свободной территории. У северного обрыва мыса Кулле-Бурун Ю.С. Ворониным в 1980 г. был открыт потайной ход, с помощью которого можно было незаметно покинуть крепость.

В 240 м к юго-востоку от башни находится стена, сложенная из бута насухо, перегораживающая мыс. Ее протяженность около 145 м, ширина 2—2,1 м, сохранившаяся высота 1,2 м. В 1978 г. у этой стены Ю.С. Ворониным и автором проведены раскопки. При этом получен материал не ранее XIII—XIV вв., как, видимо, и следует датировать время возведения этой стены, относившейся ранее к эпохе тавров. Практическое назначение ее также очевидно — эта ограниченная территория использовалась в качестве загона для скота.

Кы з-Куле (Черкес-Кермен) (рис. 3, 11; 7, 2; 17). Замок XIV—XV вв. Находится в 6 км к юго-западу от с.Красный мак (бывший Биюк-Каралез), на северной оконечности плато Топшана [Кеппен, 1837, с. 252, 351—352; Dubois de Montpereux, 1843, с. 290; Келлер, 1872, с. 390; Караулов, 1861, с. 1—24; 1872, с. 60—61; Паллас, 1881, с. 37, 60, 82; Боданинский, 1935, с. 81—87; Репников, 1940, с. 76—77]. Территория городища с трех сторон замкнута вертикальными обрывами, достигающими в некоторых местах 15—20 м. С южной стороны укрепление соединено с остальной частью плато узким перешейком, по которому к въездной башне ведет вырубленная в скале дорога шириной 2,5 м. Она подходит ко рву шириной около 5 м, на обеих сторонах которого видны гнезда для крепления бревен, служивших основанием моста.

Наибольшая протяженность территории крепости с юга на север 225 м, с востока на запад — 75 м. Общая площадь городища около 1,3 га. Оборонительные сооружения крепости состояли из въездной башни и куртины длиной около 30 м, прикрывавших территорию городища с напольной стороны. Размер въездной башни в основании 6,8 × 6,36 м, толщина стен 1,2 м. Сохранилась на высоту 7,8 м. Сложена в основном из бута с подтесанной лицевой стороной на известковом растворе с добавлением толченой керамики. В южной и северной стенах башни находятся две стрельчатые арки разной ширины и высоты. Высота внешней арки 4 м, ширина 2,6 м, внутренней — 4,6 × 3 м.

С восточной стороны к башне примыкал парапет с зубцами высотой 2 м, толщиной 0,9—1 м. В 1933 г. У.А.Боданинским в укреплении рядом с башней раскопана часовня размером 7,5 × 4,5 м [1935, с. 81—87]. Памятник однослойный. Керамика, найденная при раскопках, относится к XIV—XV вв.

Каламита (Инкерман) (рис. 3, 13; 7, 1; фото 9, 2, 3). Первоначально (в VI—VIII вв.) — византийская крепость, в XIV—XV вв. небольшой город и порт, принадлежавший князьям Феодоро, в XVI—XVII вв. здесь размещался турецкий гарнизон. В XV в. (1434—1441) укреплением некоторое время владели генуэзцы. Находится на вершине Монастырской скалы на юго-западной окраине г.Белокаменска (бывший Инкерман) [Бертье-Делагард, 1886, с. 179—206; 1918, с. 2—10; Бабенчиков, 1937, с. 1—4; Веймарн, 1958а, с. 55—62; Якобсон, 1964, с. 11, 17, 25]. С юга и запада доступ на вершину преграждают вертикальные обрывы высотой 40—80 м, с севера и востока (с напольной стороны) — оборонительные стены. Размер крепостной площадки 215 × 110 м, площадь городища около 1,3 га. Протяженность оборонительных стен около 240 м. Система обороны состояла из шести башен, куртин и рва.

Укрепление на Монастырской скале является сложным архитектурно-археологическим комплексом, перестраивавшемся на протяжении своего существования не менее семи раз. Городище построено во второй половине (конце) VI в. [Веймарн, 1958а, с. 62]. На раннем этапе (VI—VIII вв.) крепость перестраивалась дважды. К первому строительному периоду относится ров, который образовался при выборке камня для возведения оборонительных стен. Крепость VI—VIII вв. имела одну башню, поставленную на месте стыка куртин. Размер башни определяется по подтескам в скале — 14 × 14 м. Возможно, эта башня прикрывала крепостные ворота, которые находились к юго-востоку от нее.

Следующий этап функционирования крепости относится уже к концу XIV в. Укрепление этого времени состояло из большой воротной башни открытого типа и двух оборонительных стен, сходящихся под тупым углом (толщина 1,1—1,2 м). Размер башни 6 × 10,9 м. Ширина ворот 5,3 м. Впоследствии стены были усилены дополнительно еще пятью башнями небольших размеров. Ширина башен 6,4—6,5 м, они выступают за линию куртин на 3,5 м. Хорошо сохранились четыре башни этого периода. Пятая

находилась на месте стены, соединяющей башню 6 с крепостью и была разобрана при возведении последней в XVII—XVIII вв. Четвертый строительный период можно относить к первой четверти XV в. и связывать с деятельностью мангупских князей. Генуэзцы после захвата крепости в 1434 г. успели перестроить только северо-западную линию обороны (башни 1, 2, 3, а также куртины, расположенные между ними). Башням 1 и 2 придана полукруглая форма, а башня 3 осталась прямоугольной, но была значительно увеличена в размерах. Перестройке подверглась и въездная башня, увеличенная до 13 × 10,6 м выдвиганием в напольную сторону. Ей придается полукруглая форма.

Генуэзцы не успели завершить перестройку крепости, потому что восточная линия обороны вплоть до захвата укрепления турками осталась не усиленной. Феодориты, вероятно, в последний период обладания крепостью (1441—1475) не проводили в ней сколько-нибудь значительных перестроек. Башня 5 тоже перестраивалась генуэзцами. Реконструкция крепости турками в конце XVII—XVIII вв. свелась к сооружению гласиса и возведению башни 6.

Загайтанское (рис. 1, 17а; фото 1, 6). Первоначально (в IX—X вв.) укрепленное сельское поселение. В XV в. на оконечности мыса строится небольшое укрепление, существовавшее, вероятно, одновременно с Каламитой. Таким образом, на Загайтанской скале существовали в разное время два укрепления. Раннесредневековая крепость занимала площадь 3,6 га. Оборонительная стена длиной около 300 м отгораживала оконечность мыса. Сложена стена из бута насухо. Сохранилась в виде каменного вала высотой 1,5—2 м. Толщина стены 1,9—2,2 м. Кладка двухпанцирная с забутовкой мелким камнем и щебнем. Внешний панцирь сложен из крупных камней с грубо околотой внешней гранью; 2/3 территории городища в настоящее время распаханно. Памятник открыт в 1950 г. Е.В.Веймарном, который считал укрепление таврским [1957, с. 3].

Крепость XV в. находится на западной оконечности Загайтанской скалы [Бабенчиков, 1937, с. 4—7]. Сохранились остатки основания оборонительной стены с башней, отгораживающей с напольной стороны площадку 95 × 50 м. Площадь укрепления 0,13 га. Длина крепостной стены 95 м, ширина 1,65—2 м. Сложена из крупного бута на песочно-известковом растворе. Сохранилась в высоту на 1,1 м. На южном фланге обороны — развалины башни. В плане она имеет форму трапеции, обращенной меньшим основанием на восток. Толщина стен башни 1,2—1,3 м, размер 6,2 × 7,4 м. Вход находился в западной стене, его ширина 3 м. Башня выступает за линию куртины на 4,9 м.

Чоргунская башня (рис. 15; фото 10, 4). Донжон XV—XVII вв. Находится в с.Чернореченское (бывшее Чоргунь) [Czelebiego, 1969, с. 260; Pallas, 1801, с. 103; Кеппен, 1837, с. 45, 243; Фабр, 1844, с. 249; Келлер, 1872, с. 374, 388; Марков, 1902, с. 483—484; Кондараки, 1883, с. 123—124; Бертье-Делагард, 1886, с. 350; Репников, 1940, с. 28—29; Талис, 1974, с. 94]. Сохранившаяся высота башни 22 м. Снаружи — двенадцатигранная, внутри — круглая. Внешний диаметр 12,5—14 м. Толщина стен 2,85—3,6 м. Башня трехэтажная. В ее основании (на уровне цоколя) помещается цистерна для воды, выложенная из песчаника и оштукатуренная цементным раствором. Вход в башню — на уровне второго этажа. В восточной и северной гранях нижнего этажа находятся две амбразуры подножного боя. Во втором этаже также помещалось две бойницы, а на третьем — 6 окон бойниц. Здесь же устроены ниши для шкафчиков, камин и лестница, которая вела на верхнюю площадку башни. Сообщение между этажами осуществлялось по деревянным лестницам. Верхний этаж перекрыт стрельчатым куполом, выложенным из плинфы. Верхняя площадка башни ограждена парапетом, стоявшим на каменных кронштейнах. Так были устроены махикули, позволяющие вести обстрел вокруг всей башни, ликвидируя полностью "мертвое" пространство.

Чоргунская башня стоит у переправы через р.Черная. В древности здесь проходила самая короткая дорога от Мангупа к морю. Отсюда до столицы феодоритов 17 км, а до Чембало — 8 км. Вероятно, здесь находилась граница между владениями генуэзцев и правителей Мангупа.

Чирка-Каясы (рис. 1, 17; 26, 2). Укрепленный загон, убежище IX—X вв. Находится на вершине одноименного горного массива в 2 км к юго-востоку от с.Чернореченское. Вершину опоясывала по всему периметру линия оборонительной стены. Размер крепостной площадки 70 × 36 м, площадь около 0,2 га. Стены сложены из бута насухо, их толщина 1,5—1,8 м, сохранились в высоту до 0,8 м. Внутри укрепления следов каких-либо строений не заметно. С запада (со стороны долины, в которой находится поселение VIII—X вв.) к укреплению ведет дорога.

Чоргунский (Бибиковский) исар (рис. 2, 25; 26, 1). Замок XIII—XV вв. Расположен в 2 км к юго-востоку от с.Чернореченское на вершине г.Исар (один из отрогов массива Чирка-Каясы) [Келлер, 1872, с. 390; Бибинов, 1939, с. 30—32; Савеля, 1982, с. 32]. Укрепление занимает вершину горы, с которой хорошо просматривается большая часть долины р.Черная. С юга и востока территория городища ограничена скальными обрывами высотой до 100 м, с севера и запада — оборонительной стеной. Куртины, поставленные с напольной стороны полукольцом, отгораживают площадку размером 59 × 49 м (0,2 га). Общая протяженность стен около 130 м. В некоторых местах куртины сохранились на 3,25 м. Толщина стен 1,8—2,2 м. Сложены из крупного бута на песочно-известковом растворе. Вход в крепость находился с запада. У ворот располагалась прямоугольная башня-донжон. Внутрикрепостная территория была занята постройками, которые прослеживаются на поверхности в виде впадин. Большая часть строений примыкала к внутренней стороне куртин.

Асаране-Бурун (рис. 1, 18; 26, 3). Укрепленное поселение X—XIII вв. [Кондараки, 1868, с. 520]. Находится в 4,5 км к северо-западу от с.Широкое (бывший Кучук-Мускомья), на левом берегу р.Черная. Занимает вершину горы, вытянувшуюся с запада на восток. Южный и восточный склоны обрывисты и труднодоступны. Северный склон более пологий. Крепостные стены сложены из разномерного бута насухо. Толщина стен 1,5—2,3 м. Сохранились в высоту до 2,2—2,5 м. Обрывы южного и восточного склонов не превышают 3—5 м высоты, поэтому стены были устроены по всему периметру (около 1500 м). В крепость вело четыре входа: с востока, юго-востока, юго-запада и запада. К западному входу шла колесная дорога шириной 2,5—3 м. Проем ворот составляет 2,3 м. Остальные три входа представляли собой небольшие узкие калитки, через которые могли пройти выючные животные (ширина этих проходов 1,4 м).

Крепость башен не имела. Для обороны главных ворот был специально устроен фланкирующий выступ протяженностью 33 м с входящим углом 95°, что давало возможность обстреливать полностью пространство перед стеной, обеспечивая надежную защиту входа. Наибольшая протяженность укрепленной площадки с запада на восток 395 м, а с севера на юг — 125 м. Площадь городища около 3,2 га. На поверхности четко прослеживаются следы одно- и двухкамерных строений. Всего фиксируется около 100 домов.

Сарджик (рис. 2, 27; 10, 4) (Исарчик или Биюк-Мускомское укрепление). Замок XIII—XV вв. Находится в 5 км к северо-западу от с.Широкое (бывшее Биюк-Мускомья), на левом берегу р.Черная [Келлер, 1837, с. 244—246; Кондараки, 1868, с. 520—522; 1875, с. 49—55; Репников, 1940, с. 27; Веймарн, 1955, с. 26; Якобсон, 1970, с. 21]. Крепость занимает вершину скального мыса, ограниченного с трех сторон обрывами. С напольной (западной) стороны доступ на мыс преграждала линия оборонительной стены протяженностью около 160 м с тремя прямоугольными башнями размером 6 × 4 и 6 × 8 м. По кромке обрывов, где можно было подняться

на территорию крепости, поставлены небольшие стены-парапеты. Въезд в крепость проходил через башню, поставленную на юго-восточном фланге обороны. Ширина ворот 2,5 м. Расстояние между башнями 30—60 м. Площадь укрепления 1,3 га. На территории укрепления видны следы построек, стены которых были сложены из бута на песочно-известковом растворе; на руинах церкви множество обломков кровельной черепицы и туфовые блоки криволинейной формы.

Чембало (рис. 3, 14; 6; фото 9, 1) (ныне Балаклава). Видимые ныне остатки оборонительных сооружений построены генуэзцами в XIV—XV вв. В XVI—XVII вв. здесь еще находился небольшой турецкий гарнизон, но к XVIII в. укрепление приходит в запустение и разрушается. Руины Чембало находятся на южной окраине г.Балаклава на высоком скалистом мысу, вытянувшимся с востока на запад. Восточный, северный и западный склоны возвышенности пологие, к югу мыс завершается обрывом [Czelebiego, 1969, с. 256—257; Келлер, 1837, с. 210—217; Аркас, 1848, с. 266—267; Юргевич, 1863, с. 158, 979; Келлер, 1872, с. 373, 388, 390; Кондараки, 1875, с. 48; Skrizinska, 1928, с. 129—134, № 53—55; Веймарн, 1929; Репников, 1940, с. 3—9; Якобсон, 1964, с. 120—121].

Более чем за столетний период своего господства в Чембало генуэзцы сумели создать порт и укрепление из трех частей: верхний замок Николая Чудотворца; нижний — Георгия Победоносца; внешняя линия оборонительных стен, прикрывавших обширную территорию, занятую жилыми кварталами города. По периметру крепостных стен располагалось десять башен: одна полукруглой формы (1), одна круглой (2), две имели в плане форму эллипса (5, 6) и шесть прямоугольной формы. В систему оборонительных сооружений, видимо, входил и маяк круглый в основании (диаметр 6,5 м), несоединенный со стенами, располагавшийся на западной оконечности мыса. Башни были в большинстве своем двухэтажными с открытыми боевыми площадками наверху и зубчатым парапетом, опиравшимся на двойной аркатурный пояс. Крепостные ворота располагались у башни 5. Ширина ворот 4,7 м. С северо-востока ворота прикрывала дугообразная стена. Арка ворот опиралась на пилон, пристроенный к башне, и на эту стену. Башня 5 больших размеров — 10,3 × 8,3 м, в плане имеет форму эллипса. Сохранилась на высоту 9,7 м. С юго-запада к ней примыкало помещение для стражи, в котором находился камин. В башнях и стенах были устроены амбразуры подножного боя.

Лучше других сохранилась башня 2. Ее современная высота 18 м. Конструкция башни интересна и требует тщательного изучения. В основании имеет форму круга диаметром 12,5 × 12,7 м. Стоит на мощном цоколе высотой 6,5 м, имеющем в разрезе форму трапеции. Кверху цоколь сужается до 8,8—8,6 м. Толщина стен башни 1,9 м. Состояла из трех этажей и верхней боевой площадки с зубчатым парапетом на выносных кронштейнах с машикулями. В нижнем (или цокольном) этаже размещалась большая цистерна для воды, оштукатуренная цемянковым раствором. Вода сюда поступала по водопроводу из керамических труб, проведенному до верховьев балки Кефали-Вриси в 1,5 км к востоку от крепости [Репников, 1940, с. 3]. Из башни 2 вода распределялась по всему городу. Водосборный бассейн находился и в прямоугольной башне нижнего замка (10). Размер этого бассейна 2—2,3 × 4,7 м. Он был перекрыт коробовым сводом, выложенным из плинфы [Репников, 1940, с. 3]. Вход в башню 2 вел с крепостной стены на второй этаж. Ширина входа 1,3 м. Он был снабжен подъемным мостиком. Во втором этаже находилось большое окно, камин и ниши для шкафов. Пол третьего этажа был деревянным. В полу второго этажа был сделан люк, по которому можно было опуститься в цистерну.

От внутрикрепостных строений на поверхности видно несколько разрушенных зданий. Их стены сложены на песочно-известковом растворе. Следы сильно разрушенной маленькой капеллы размером 3,1 × 4,7 м сохрани-

лись к югу от башни 2 у самого обрыва. З.А.Аркас видел в замке св.Георгия (в верхнем городе) еще сохранившуюся церковь (стены высотой до 4 м, внутренний размер 5 × 10,5 м без алтарного полукружия) [1848, с. 265; Кондараки, 1875, с. 48]. Вероятно, это церковь Георгия Победоносца, в честь которого и был назван нижний замок.

Бага (рис. 1, 19). Укрепленное поселение IX—X вв. (?) В 1 км к юго-востоку от с.Новобобровка (бывшее Бага), на склоне г.Таш-Кой находятся развалины поселения, обнесенного стеной [Кондараки, 1868, с. 293; Репников, 1909, с. 122; Якобсон, 1959, с. 98, рис. 44, 45]. По склону из речной долины к этому укреплению поднимается дорога. Стены городища сложены из разномерного бута насухо. Их ширина 1,5—2 м. Сохранились фрагментарно по периметру возвышенности. Площадь, защищенная стенами, составляет около 1,2 га. На поверхности видны кладки стен, обломки черепицы, фрагменты красноглиняной керамики IX—X вв.

Хапулар (рис. 1, 20). Укрепленный загон, убежище X—XIII вв. Находится на вершине конусовидной горы к северу от с.Колхозное (бывшее Узунджа) [Кондараки, 1868, с. 293]. На скале Хапулар сохранились руины оборонительной стены, сложенной из крупных камней. Стена преграждала доступ на изолированную с трех сторон обрывами площадку. Это укрепление остается до сих пор не обследованным.

Камара (рис. 2, 29). Замок XIII—XIV вв. Находится в 1 км к югу от с.Оборонное (бывшее Камара), на вершине скалистой возвышенности, называемой Хаос [Репников, 1940, с. 10; Веймарн, 1968, с. 81]. Площадка размером 63 × 20 м с трех сторон (с запада, юга и востока) замкнута крепостными стенами толщиной 1,4—1,5 м. Куртины сохранились на высоту до 2,5 м. Сложены из местного мраморовидного известняка на песочно-известковом растворе. На юго-западном фланге обороны находится квадратная башня-донжон размером 7,5 × 7,5 м, на восточном — фланкирующий выступ. С внутренней стороны по периметру стен видны следы построек. Въезд в крепость, вероятно, находился в восточной стене. На самой возвышенной точке, почти у обрыва, видны руины маленькой церкви, стены которой сложены из бута на известковом растворе. Ее размеры примерно 3 × 6 м.

Кала-Фатлар (рис. 2, 31; фото 3, 5). Замок XIII—XIV вв. Находится в 4 км к юго-западу от с.Резервное (бывшее Кучук-Мускомья), у самого моря, на вершине скалы конической формы [Репников, 1940, с. 13]. Оборонительные стены примыкали к скале, отгораживая перед ней небольшую площадку размером 33 × 35 м. На восточном фланге обороны, вероятно, стояла башня, в настоящее время сильно разрушенная. Сохранилась в высоту до 3 м. К югу от башни — вход шириной 2,4 м. Стены сложены из крупного бута на песочно-известковом растворе. Их толщина 2,2—2,3 м. Перешеек шириной 135 м между крепостью и восточными обрывами горного массива Кала-Фатлар был перегорожен стеной, сложенной также из бута на известковом растворе. Толщина этой стены 2,2—2,4 м. Она выступает на поверхности на 0,8—1 м. Рядом с крепостью в стене — проход, возле которого руины двухкамерной постройки, примыкающей к заградительной стене с юга. Размер этого здания 9,1 × 3,5 м.

ЮЖНОБЕРЕЖЬЕ

Кокья-Исар (рис. 2, 32а; 22, 6). Замок XIII—XIV вв. Находится в 5 км к югу от с.Резервное (бывшей Кучук-Мускомья) на вершине скалистого мыса Айя-Бурун [Кеппен, 1837, с. 208—210; Келлер, 1872, с. 388, 390; Паллас, 1881, с. 98; Dubois de Montpereux, 1843, с. 107—108, табл. XVIII, рис. 4; Кондараки, 1868, с. 288—289; Эрнст, 1935, с. 430; Репников, 1940, с. 14; Домбровский, 1974, с. 19, рис. 7]. С напольной (восточной)

стороны крепостную площадку отгораживает оборонительная стена длиной около 52 м. С севера, запада и юга территорию городища ограничивают обрывы. Размер укрепленной территории 110 × 70 м, площадь 0,58 га. По кромке южного обрыва в некоторых местах сооружены стены-парапеты общей протяженностью около 35 м. Южный и северный фланги оборонительной застройки замыкали прямоугольные башни. Расстояние между ними 30 м. Южная башня сравнительно больших размеров и могла служить донжоном (6,5 × 8 м). Куртины и башни сложены из бута на песочно-известковом растворе. До недавнего времени стены сохранялись на высоту 4 м. Толщина куртин в основании 1,4—1,6 м. Кверху они сильно сужаются и составляют 1,1—1,2 м. С внутренней стороны к крепостной стене примыкали различные постройки. На западной оконечности мыса, почти у самой вершины, — руины небольшой одноапсидной церкви.

Ласпинское (рис. 1, 21; 29, 2). Укрепленный загон (X—XIII вв.?). Находится к югу от г.Мачук на Ласпинской яйле [Домбровский, 1974, с. 25—26, рис. 16]. Представляет собой кольцеобразное укрепление, обнесенное толстой стеной, сложенной из бута насухо. Наибольшие размеры окруженной стеной территории 85 × 40 м, площадь 0,2 га. Толщина стен до 2 м. К стенам примыкает несколько построек. Рядом с крепостью, стоявшей возле скотопроегонной тропы, — руины небольшой церкви.

Ильяс-Кая (рис. 1, 22; 16, 1). Укрепленный монастырь X—XIII вв. Находится на вершине г.Ильяс-Кая, которая с востока замыкает Ласпинскую котловину [Кондараки, 1868, с. 289; Эрнст, 1935, с. 431; 1974, с. 25]. Скала, на которой находится укрепление, с севера, юга и запада неприступна. На ее вершину можно подняться только по крутому восточному склону. С этой стороны доступ на вершину преграждала линия крепостной стены, сложенной из бута на известковом растворе. Ее протяженность более 50 м. В настоящее время почти полностью разрушена и прослеживается на склоне в виде развала камней. Площадь, защищенная некогда стеной, около 1,9 га. Наибольшие параметры крепостной площадки 300 × 100 м.

В 1966 г. Е.А.Паршиной и О.И.Домбровским на Ильяс-Кая был раскопан храм. Его размер 4,7 × 9,35 м. Стены сложены из бута на песочно-известковом растворе. Вход шириной около 1 м находился в западной стене. Церковь ориентирована абсидой на северо-восток. Слева от входа (в северной стене) — каменная скамья, справа — аркосолий с 11 погребениями. Время возведения храма О.И.Домбровский отнес к концу IX—X в. [1967, с. 180—181].

Форосское (рис. 2, 34; 29, 3). Сторожевое укрепление X—XIII вв. (?). Руины крепости находятся над Форосом (к северу от поселка) выше современного шоссе Ялта — Севастополь, между каптированным родником и старой дорогой из Фороса в Орлиное (бывшие Байдары) [Домбровский, 1974, с. 27]. Укрепление стояло на скалистой возвышенности. Кое-где на склоне прослеживаются основания оборонительной стены и небольших строений. Обращают на себя внимание руины монументальной постройки, сложенной из бута на песочно-известковом растворе. Без раскопок трудно определить характер этого здания (башня-донжон или церковь).

Исар-Кая (рис. 2, 35; 22, 1; фото 6, 7). Замок XIII в. Находится в 2 км к северо-западу от с.Верхняя Мухалатка у горного прохода Шайтан-Мердвен [Кеппен, 1837, с. 206; Кондараки, 1868, с. 291; Келлер, 1872, с. 388, 390; Эрнст, 1935, с. 431; Фирсов, 1974, с. 94—107; Домбровский, Паршина, 1973, с. 295; Мыш, 1987, с. 228—245]. Крепость занимает вершину скалы и представляет собой четырехугольник неправильной формы (75 × 55 м) площадью 0,3 га. С юга и запада вершина ограничена обрывами высотой 20—40 м. С севера и востока территория городища легко доступна. Здесь и были поставлены крепостные стены, которые в настоящее время сильно разрушены. Общий периметр укрепления 205 м, протяженность

оборонительных стен 100 м. Сложены стены из бута на известково-песчаном растворе. Их толщина 1,7–2,7 м. Вход в укрепление находился в восточной куртине. Ширина входа 1,7 м. Со стороны северной седловины к нему вела колесная дорога. На месте стыка восточной и северной куртин располагалась небольшая башня 2,35 × 3,3 м. С запада северная куртина завершалась прямоугольной башней (4,7 × 7 м). С внутренней стороны к оборонительным стенам примыкали небольшие помещения. Почти в центре крепостной площадки располагался храм (3,75 × 6,35 м). Наши раскопки 1979–1980 гг. показали, что Исар-Кая является однослойным памятником, построенном в XIII в. Толщина культурного слоя 0,5–2,1 м [Мыщ, 1987, с. 228–245].

К а с т р о п у л о (рис. 2, 36; 9, 1). Замок XIII–XIV вв. Находится в верхнем Кастрополе на скале Ифигения, возвышающемся над берегом моря [Кеппен, 1837, с. 4, 151, 179, 205; Эрнст, 1935, с. 431; Репников, 1940, с. 4; Якобсон, 1970, с. 22; Домбровский, 1974, с. 30]. Возвышенность, на которой находилось укрепление, труднодоступна почти со всех сторон. Оборонительные стены в настоящее время сильно разрушены и на поверхности почти не прослеживаются. Они закрывали проходы на вершину скалы с юга и запада. Под застройку использовалась только южная часть скалы (она относительно ровная и здесь образуется несколько площадок). Наибольшие размеры защищенной стенами территории 80 × 30 м, площадь укрепления 0,18 га. В 1968 г. на южной площадке частично раскрыты стены постройки, сложенной из бута на песочно-известковом растворе (видимо, руины церкви) [Домбровский, 1974, с. 30].

Б и ю к-И с а р (рис. 1, 24; 27, 3, 4; фото 4, 2). В X–XIII вв. укрепленное поселение. В XIII в. на вершине скалы строится феодальный замок. Находится к северу от с.Оползневое (бывший Кекенеиз) [Кеппен, 1837, с. 202; Данилевич, 1907, с. 60; Эрнст, 1935, с. 431–432; Домбровский, 1974, с. 30]. Занимает вершину г.Биюк-Исар, ограниченную почти со всех сторон обрывами. Следов каких-либо оборонительных сооружений на склонах скалы не видно. Плоскость скалы наклонена к северу. На самой вершине, на естественных террасах видны развалины построек, в том числе и небольшой церкви (2,7 × 4,7 м). Площадь верхнего укрепления около 1 га. Наибольшие размеры крепостной площадки 140 × 120 м.

На западном склоне Биюк-Исара находится небольшая пещера, которая использовалась для хранения и сбора воды. Проходы между скалами, окружающими с севера и запада утес с укреплением, были закрыты стенами, сложенными из бута насухо. Огражденная таким образом территория площадью около 4 га использовалась в средневековье в качестве загон для скота и убежища для жителей окрестных селений [Домбровский, 1974, с. 30].

К у ч у к-И с а р (рис. 2, 37). Первоначально (в X–XIII вв.) укрепленное поселение, в XIII–XIV вв. существует как феодальный замок. Руины укрепления находятся на вершине невысокого мыса (св. Троицы) с каменной вершиной, расположенного в 2 км к югу от с.Оползневое [Кеппен, 1837, с. 203–204; Данилевич, 1907, с. 58; Эрнст, 1935, с. 432; Репников, 1933, с. 6–7; Баранов, 1969, с. 16–18; Домбровский, 1974, с. 30]. Вершину мыса по всему периметру замыкала линия оборонительной стены, отгораживающая площадку размером 27 × 40 м. Куртины толщиной около 2 м сложены из бута на известково-песчаном растворе. В плане городище имело форму прямоугольника. В центре северного участка стены располагалась круглая башня диаметром 6,2 м, занимавшая господствующее положение в обороне крепости. К западу от башни в 1968 г. был раскопан комплекс жилых и хозяйственных помещений с горновыми печами [Баранов, 1969, с. 18].

Л и м е н а-К а л е (рис. 2, 39; фото 2). Замок XIII–XV вв. Находится на вершине г.Кошка к западу от пос.Симеиз [Кеппен, 1837, с. 201; Эрнст,

1935, с. 433; Репников, 1941, с. 124; Дьяков, 1942, с. 16, 52, 63, 66, 68, рис. 9, 10; Шульц, 1957, с. 60–64; Фирсов, 1967, с. 223–224; Якобсон, 1970, с. 23; Домбровский, 1974, с. 31]. С трех сторон г.Кошка ограничена крутыми обрывами и только с севера имеется удобный подход. Линия оборонительной стены идет в направлении юго-запад – северо-восток, опираясь флангами на обрывы. Площадь замкнутая между восточной и западной грядками, около 1,2 га, но удобная для жилья и застройки не превышает 0,6 га. Протяженность оборонительных стен около 90 м. По линии западного и южного обрывов в некоторых местах были сооружены небольшие стены, закрывавшие доступ на крепость. Стены укрепления сложены из бута на известково-песчаном растворе. Толщина куртин 2,2–2,3 м. Сохранились в высоту до 3,5 м. Стены носят следы ремонтов и перестроек. Вход в укрепление находился на северо-восточном фланге оборонительной стены. Вероятно, его прикрывала надвратная башня. Ширина ворот 2,3 м. К юго-западу от них по линии стены находятся две прямоугольные в плане башни. Расстояние от ворот до первой башни 21 м, а между 1 и 2 башнями 23 м. Башни выступают за линию куртин на 2,6 м (их размер 4,5 × 5,2 и 4,7 × 4,5 м).

П а н е а (рис. 1, 25; фото 3, 4; 4, 3). В X–XIII вв. укрепленный монастырь, в XIV–XV вв. — замок. Находится на скале конической формы у самого моря на юго-западной окраине пос.Симеиз [Кеппен, 1837, с. 198–200; Эрнст, 1935, с. 433; Репников, 1940, с. 8; Фирсов, 1967, с. 214–227; Якобсон, 1970, с. 22; Домбровский, 1974, с. 28–29]. С севера и востока крепостную площадку замыкают оборонительные стены толщиной 2–2,2 м. Сохранились на некоторых участках в высоту до 3,5–4 м. Сложены из бута на песчано-известковом растворе. Вход в укрепление находился с восточной стороны. Его прикрывала круглая башня диаметром около 6 м, другая (вероятно, круглая) находилась почти в центре северного участка обороны. Расстояние между башнями 18 м. Внутрикрепостная территория делится на три площадки. Размер защищенной территории примерно 40 × 45 м.

В 1966 г. О.И.Домбровским на нижней площадке частично исследованы руины трех сменявших друг друга на этом месте храмов. Пол первоначальной церкви (IX–X вв.) был украшен мозаикой, изображавшей павлинов, клюющих виноград. После пожара X в. храм перестраивается. При этом пол выстланы мраморными плитами. После пожара XIII в. производится восстановление церкви в тех же пределах [1974, с. 28–29].

А л у п к а-И с а р (рис. 1, 26; 9, 5; фото 4, 1). Замок XIII в. Находится на вершине г.Крестовой, возвышающейся над Алушкой [Кеппен, 1837, с. 195–198; Dubois de Montpereux, 1843, с. 81–82; Эрнст, 1935, с. 434; Репников, 1941, с. 124; Дьяков, 1942, с. 58–69; рис. 11; Соломоник, 1951, с. 236; Шульц, 1957, с. 66; Никитин, 1957, с. 330–332; Лесков, 1965, с. 42; Фирсов, 1967, с. 214–227; Якобсон, 1970, с. 23; Домбровский, 1974, с. 31]. Плоскость скального массива, на котором располагалось укрепление, имеет общий наклон к западу, пересечена разломами. Почти со всех сторон окружена обрывами высотой 70–80 м. С севера и юга к Исару ведут две дороги. Наибольший размер защищенной стенами площадки 250 × 120 м (2,5 га). Оборонительные стены сложены из бута на известково-песчаном растворе. Ширина стен 1,8–2 м. Сохранились в некоторых местах в высоту до 2,2 м. Крепостные стены, подчиняясь микрорельефу скалы, делят городище на три разновеликие части: нижнюю, среднюю и верхнюю (цитадель). Общая протяженность крепостных стен около 600 м. Цитадель почти по всему периметру была обнесена стенами. Ее площадь 0,17 га. На юго-западном фланге обороны цитадели помещалась прямоугольная башня, а вход в нее прикрывала полукруглая башня. Примерно в центральной части цитадели видны развалины небольшой церкви. Внутрикрепостная территория была застроена небольшими по размерам (в основном одно- или двухкамерными) домами. Подъемный материал не выходит за рамки XII–XIII вв.

И с а р-К а я (Гаспринский Исар) (рис. 2, 42; 9, 4). Укрепление XII—XIII вв. располагалось над Гаспррой, выше шоссе Ялта — Севастополь [Кеппен, 1837, с. 193; Эрнст, 1935, с. 435; Домбровский, 1974, с. 31, рис. 19]. Памятник исследовался О.И.Домбровским в 1961—1962 гг. в связи с уничтожением утеса при строительстве дороги. На плоской вершине скалы раскопками был открыт большой многокамерный дом, погибший в пожаре XIII в. Под открытым навесом здания находилась кузница с горном. Здесь изготавливались наконечники стрел. Одно из помещений было приспособлено для отдыха караульных. По периметру скалы (вдоль кромки обрывов) был, видимо, устроен каменный парапет. Размер двух скальных площадок, на которых размещалось укрепление, 20 × 54 и 12 × 30 м (площадь городища 0,1 га). На меньшей скальной площадке — небольшая башня. В расселине между скалами находились двухкамерная хозяйственная постройка, цистерна для воды, кладовая, устроенная в пещере. Подходы к утесу с востока прикрывала линия заградительной стены, сложенной насухо [Домбровский, 1974, с. 31, рис. 19].

К а р а к у л и-К а я (рис. 1, 29; 29, 4). Убежище X—XIII вв. (?) . Находится на 5/71 км южнобережного шоссе Ялта — Севастополь [Новиченкова, Новиченков, 1982, с. 12—13, рис. 10, 11, 26—30]. Занимает вершину небольшого отторженца площадью 0,62 га. С юга, востока и запада окружено обрывами. С напольной северо-западной стороны сохранились руины оборонительной стены протяженностью более 40 м, сложенной из бута насухо. Толщина стены 1,3—1,4 м. Следы каких-либо строений на территории городища незаметны. У подножья скалы (с южной стороны) в лесных зарослях видны следы поселения, датируемого по подъемному материалу VIII—X вв.

А й-Т о д о р (рис. 1, 30; 9, 3). Укрепленный монастырь (?) или замок XIII—XV вв. Находится на мысу Ай-Тодор (св. Федор) у Ласточкина Гнезда [Паллас, 1881, с. 162; Кулаковский, 1914, табл. II; Домбровский, 1974, с. 31—32]. Крепость занимает вершину скалы, ограниченную с юго-востока обрывами высотой 30—40 м. С напольной стороны (севера и запада) укрепление замыкала линия оборонительной стены. Протяженность западного участка 17 м, северного — около 40 м. В месте стыка куртин стояла прямоугольная башня, выступающая за линию стен: к западу на 3,9, к северу на 2,3 м. Стены крепости были сложены из бута на песчано-известковом растворе. В настоящее время сильно разрушены. Западная куртина прослеживается на всем протяжении (сохранилась на два-три ряда кладки). Северная стена и башня разрушены полностью и прослеживаются по остаткам известкового раствора, видимого на поверхности скалы, и по фрагментам кладки. Ширина стен 1,2—1,4 м. На внутрикрепостной территории культурный слой почти полностью отсутствует. Примерно в центре городища видна вырубленная в скале гробница (засыпана землей), над которой стояла, вероятно, часовня (ее план читается по подтекам скалы и натекам известкового раствора).

Х а ч л а-К а я с ы (рис. 2, 45; 16, 3). Замок XIII—XIV вв. Укрепление расположено в 2,5 км к западу от пос.Верхняя Ореанда [Паршина, 1968, с. 58—60]. С востока, юга и запада скальную площадку ограничивают обрывы. Вдоль них видны следы парапета, сложенного из бута на песчано-известковом растворе. С напольной (северной) стороны были возведены оборонительная стена и башня. Протяженность стены 30 м, толщина 2 м, сохранилась в высоту 1,5—1,8 м. Размер башни 6 × 7,5 м. С восточной стороны возле башни находились ворота шириной около 3 м. На одной из площадок, расположенных у северо-восточного обрыва, в 1967 г. Е.А.Паршиной был раскопан храм (4,5 × 8,6 м) [1968, с. 58—61]. Наибольшая протяженность крепостной территории с востока на запад 78 м, с севера на юг — 30 м. Площадь укрепления около 0,15 га.

О р е а н д а-И с а р (рис. 1, 28; 9, 2). Укрепленное поселение X—XIII вв. Находится на г.Крестовой в Верхней Ореанде [Кеппен, 1837, с. 189;

Паллас, 1881, с. 162; Эрнст, 1935, с. 436; Дьяков, 1942, с. 70; Репников, 1933, с. 45—46; Скобелев, 1974, с. 108—111; Домбровский, 1974, с. 33]. С северо-востока, востока и юго-востока вершина горы ограничена обрывами. Южный склон крутой, завален скальными обломками. Городище занимало вершину горы. Его площадь около 0,52 га (размер крепостной площадки 100 × 85 м. Эта территория обнесена стеной, сложенной из бута на глине (местами на известковом растворе). Толщина стены 2—3 м, сохранилась в высоту до 2,5 м. Вход в укрепление находился, видимо, в северной стене. В 1967 и 1968 гг. на памятнике О.И.Домбровским, Е.А.Паршиной и Ю.М.Скобелевым проводились раскопки. У оборонительной стены были открыты остатки часовни, три плитовые могилы, часть хозяйственного помещения с пифосом. Выявлены два слоя пожара — X и XIII вв. [Домбровский, 1974, с. 33; Скобелев, 1974, с. 108—111].

У ч а н с у-И с а р (Зиго-Исар) (рис. 3, 27; 22, 4). Замок XIII—XV вв. Находится на правом берегу р.Учан-Су, при впадении в нее р.Барабала, в 1,5 км восточнее водопада Учан-Су [Кеппен, 1837, с. 185—189; Кондараки, 1875, с. 100; Марков, 1902, с. 237, 356; Эрнст, 1935, с. 436; Репников, 1933, с. 49; Бертье-Делагард, 1889, л. 54; Дьяков, 1942, с. 69—70; Якобсон, 1970, с. 23; Домбровский, 1974, с. 35]. Укрепление расположено на отдельно стоящей скале. Оборонительная стена толщиной 1,5 м сложена из бута на песочно-известковом растворе. Она преграждала доступ на скалу с востока и юга. Длина стены около 50 м. Развалины крепости находятся на двух разных по высоте площадках. Размер нижней площадки 41 × 15, верхней — 20 × 25 м. Вход в укрепление находился в восточной стене.

С в. И о а н н а (рис. 1, 31). Укрепленный монастырь X—XIII вв. (?) . Располагался на одноименном мысу на западной окраине г.Ялты [Сумароков, 1801, с. 202, 204; Кеппен, 1837, с. 181; Кондараки, 1875, с. 72; Эрнст, 1935, с. 436; Репников, 1933, с. 52—53; Лашков, 1886, с. 140]. В настоящее время территория памятника застроена. Предложенная датировка дана предположительно, по аналогии с другими укрепленными монастырями Южнобережья, возникающими в X в. (Панеа, Ильяс-Кая и др.).

П а л е к у р (рис. 2, 48). На вершине холма, вероятно, располагался монастырь X—XV вв. [Сумароков, 1801, с. 202, 204; Кеппен, 1837, с. 181; Домбровский, 1974, с. 35]. Этот район Ялты уже длительное время застраивается. О.И.Домбровский, обследовавший эту местность в 60-х годах, не смог отыскать следов средневековой крепости [1974, с. 35]. В 1974 г. на Палекуре провед раскопки И.А.Баранов, которому удалось открыть остатки небольшой позднесредневековой часовни и двух примыкавших к ней построек, которые трудно связывать с городищем более раннего времени. Таким образом, только расширенные разведки и раскопки могут решить окончательно вопрос о существовании здесь средневекового укрепления.

П а л е о к а с т р о н (рис. 1, 51; 28, 3) (Палеокастер). Сторожевое укрепление X—XIII вв. Находится к северо-западу от пос.Ботаническое (бывший Никита) [Кондараки, 1875, с. 103; Репников, 1935, с. 198; Эрнст, 1935, с. 437; Дьяков, 1942, с. 64, рис. 9; Домбровский, 1974, с. 37, рис. 22]. Крепость занимает скалистую возвышенность, круто обрывающуюся к западу, востоку и югу. С северо-западной (напольной) стороны была установлена крепостная стена, сложенная из бута на песчано-известковом растворе. В настоящее время стена сильно разрушена и прослеживается в виде каменного развала на крутом склоне скалы. Общая протяженность стены около 20 м. Куртина отгораживала небольшую площадку, на которой размещались внутрикрепостные постройки (размер защищенной территории 28 × 12 м). Раскопки в укреплении не проводились, поэтому толщина стен и мощность культурного слоя не определены.

Р у с к о ф и л ь-К а л е (рис. 2, 50; 22, 5). Замок XIII—XIV вв. Находится на оконечности мыса Мартыян над морем (на территории Никитского

ботанического сада) [Кеппен, 1837, с. 178; Dubois de Montpereux, 1843, с. 61; Бертье-Делагард, 1920, с. 80; Эрнст, 1935, с. 437; Репников, 1933, с. 56; Домбровский, 1974, с. 37, рис. 25, 18]. Оборонительная стена, сложенная из бута на известковом растворе, отгораживает с напольной (северной) стороны площадку размером 15 × 30 м. Толщина стены 1,1–1,2 м. Сохранилась на высоту 1–1,3 м. Протяженность куртины 32 м. На восточном фланге обороны А.Л.Бертье-Делагард видел круглую башню (не сохранилась), на западном — прямоугольную, поставленную на самой высокой точке мыса, занимающую господствующее положение в обороне крепости. Но эта небольшая башня не выступает за линию стены, то есть могла обеспечивать только фронтальный обстрел. Размер башни 3,5 × 6 м. Ориентирована она продольными стенами на северо-восток. Вероятно, это развалины крепостной часовни. Общая площадь укрепления невелика и не превышает 450 м².

Г о р з у в и т а (рис. 1, 33; 8, 2; фото 4, 5) (Гурзуфское укрепление). В VI–VIII и X–XII вв. — византийская приморская крепость, в XIII в. — феодальный замок, в конце XIV–XV в. — генуэзская фактория, в XVI–XVII вв. — турецкий сторожевой форт. Руины городища находятся на скале Дженебез-Кая, господствующей над небольшой бухтой [Прокопий Кесарийский, 1939, с. 249–250; Афанасий Никитин, 1986, с. 17, 31, 42, 58; Келлер, 1872, с. 373, 388, 390; Кеппен, 1837, с. 56–57, 175; Pallas, 1801, с. 151; Муравьев-Апостол, 1828, с. 155–156; Dubois de Montpereux, 1843, с. 33–34; Фабр, 1859, с. 50; Колли, 1905, с. 5; Бобринский, 1894, с. 56–58; Кулаковский, 1914, табл. II; Бертье-Делагард, 1920, с. 3, 4, 15–19; Эрнст, 1935, с. 437; Домбровский, 1974, с. 9–13, рис. 4, 5]. Раскопки укрепления с некоторыми перерывами велись О.И.Домбровским с 1956 по 1966 г. Во время этих работ под кладками укрепления XVI–XVII вв. обнаружены основания оборонительных стен и жилых построек XIII–XV вв., которые перекрывали остатки крепостных сооружений VI–X вв. Сложный микрорельеф скалы определил и сложность архитектурно-планировочного решения застройки укрепления. Строителями максимально использованы защитные возможности скалы — фортификационные сооружения лишь дополняют ее неприступность. Крепость состояла из небольшой цитадели (50 × 55 м) и внешнего оборонительного пояса, защищавшего часть поселения, примыкавшего к скале [Домбровский, 1974, с. 13]. Постройки цитадели располагаются на трех площадках. На средней площадке О.И.Домбровским открыты руины оборонительной стены с воротами, прямоугольная башня и жилые постройки XIV–XV вв. На верхней площадке укрепления обнаружена цистерна для воды, облицованная плотно пригнанными плитами мшанкового известняка на цемянковом растворе. Здесь же частично раскопана небольшая церковь [Домбровский, 1972, с. 3–109].

Г е л и н-К а я (Кизил-Таш) (рис. 2, 54; фото 5). Замок XIII–XIV вв. Находится в 0,5 км к востоку от пос. Краснокаменка (бывший Кизил-Таш). Укрепление располагалось на отдельно стоящей скале [Кеппен, 1837, с. 173–174; Келлер, 1872, с. 388, 390; Репников, 1909, с. 100; Эрнст, 1935, с. 438; Дьяков, 1942, с. 64, 9; Домбровский, 1974, с. 37]. С трех сторон (юга, запада и востока) скала ограничена почти вертикальными обрывами высотой до 20–35 м. Попасть на ее вершину можно только с северной стороны, пройдя по крутой тропе, представлявшей в древности узкую дорогу с крепидами. Вершина скалы разломом разделена на две части: южную и северную. Южный участок был отделен от остальной части каменной стеной протяженностью около 30 м. В центре стены находился проход шириной 2 м. Напротив входа на расстоянии 16 м находятся руины прямоугольной башни (6,9 × 6,8 м), занимавшей господствующее положение над северной площадкой и всем укреплением. Толщина оборонительных стен (сложены из бута на песчано-известковом растворе) 1,2–1,5 м.

Сохранившаяся высота 1,2–1,8 м. На южной части скалы, защищенной крепостной стеной (0,29 га), видны следы построек, в том числе и небольшой церкви.

К о б о п л у (рис. 1, 34; 23, 1). Укрепленное поселение X–XIII вв. Находится в 3,5 км к северо-востоку от с. Краснокаменка [Домбровский, 1974, с. 45, рис. 25, 19]. Для устройства крепости была выбрана возвышенность, окруженная со всех сторон обрывами. Только в одном месте, через небольшую расселину, можно попасть на верхнюю площадку скалы. Сейчас здесь проходит тропа, бывшая некогда колесной дорогой. Скала Кобоплу представляет собой хорошо защищенное природой место и поэтому почти не требовалось сооружения крепостных стен. Достаточно было на некоторых участках возвести каменный парапет, предохраняющий от случайных падений и стрел противника. На поверхности скалы (155 × 90 м) площадью 0,9 га видны развалины примерно 12 строений (6,4 × 3,5–5 м). Здания располагались на естественных террасах.

А ю-Д а г (Бюк-Кастель) (рис. 1, 35; 30, 3, 4). Церковно-феодальный комплекс IX–XV вв. Находится между пос. Фрунзенское (бывший Партениты) и Артеком [Кеппен, 1837, с. 166–172; Dubois de Montpereux, 1843, с. 262, 295–297; Келлер, 1872, с. 388, 390; Репников, 1909, с. 102–103; 1941, с. 124; Эрнст, 1935, с. 438; Дьяков, 1942, с. 52–53; Шульц, 1959, с. 251–257; Лесков, 1965, с. 39; Баранов, 1972, с. 250–253; Домбровский, 1974, с. 39–41; Домбровский, Столбунов, Баранов, 1975, с. 113–123] (рис. 10, 3, 4). Гора Аю-Даг представляет собой локкалит высотой 565 м над уровнем моря. Наибольшая протяженность массива с северо-востока на юго-запад 2,5 км, с северо-запада на юго-восток 3,2 км. Периметр горы у основания около 30 км. С юга, запада и востока Аю-Даг ограничивают скальные обрывы. Подняться на вершину можно по крутому северному и северо-восточному склонам. Этот комплекс состоит из трех линий заградительных стен, четвертый эшелон обороны представляет кольцообразное укрепление на вершине горы. Исследованиями О.И.Домбровского и И.А.Баранова выявлены следы нескольких поселений IX–X вв., руины церквей XII–XIV вв.

Ширина заградительных стен, сложенных из бута насухо, 2,2–2,8 м. Они сохранились в некоторых местах на высоту до 3 м. Стены кольцообразного укрепления сложены из бута на глине, ширина 1,8–2,2 м. С внешней стороны к стене примыкают 14 прямоугольных и 4 полукруглых башни. Культурный слой на укреплении отсутствует. Его размер 220 × 180 м (3,25 га). Это городище, по мнению О.И.Домбровского и И.А.Баранова, использовалось в качестве убежища или загона для скота.

Д е г е р м е н к о й с к и й и с а р (рис. 1, 56; 23, 2). Замок XIII–XIV вв. Находится на юго-восточной окраине с. Запрудное (бывший Дегерменкой) [Кондараки, 1875, с. 78; Мыц, 1979, с. 17–18]. Крепость располагалась на каменной возвышенности, ограниченной с севера и востока оврагом глубиной 15–20 м, а с юга и запада крутыми склонами. С этой стороны были установлены крепостные стены. В настоящее время куртины сильно разрушены и на поверхности прослеживается только их основание. На стыке западной и южной куртин стояла прямоугольная башня, основанием для которой служила скальная глыба (8 × 10 м). Стены были сложены из бута на песчано-известковом растворе. Толщина стен 1,3–1,4 м. Размер крепостной площадки 73 × 44 м (0,15 га). К югу от крепости располагалось открытое сельское поселение XIII–XV вв. с храмом и некрополем.

К а л е-П о т и (рис. 1, 57; 22, 2). Замок XIV–XV вв. Руины крепости находятся на вершине скалистой возвышенности, расположенной у моря на восточной окраине пос. Фрунзенское [Репников, 1909, с. 102–103; Когонашвили, Махнева, 1972, с. 257–259]. Крепостные стены толщиной 1,25–1,3 м опоясывали вершину скалы по всему периметру. Сложены они

из бута на песочно-известковом растворе. На северо-восточном и юго-восточном участках обороны находились две четырехугольные башни (7 x 6,8 и 6 x 6 м). Площадь укрепления около 800 м². Рядом с крепостью, на склонах холма Тепелер, находятся остатки поселения XIII—XV вв. Вероятно, в этом замке в конце XIV—XV в. размещался генуэзский консул Партеши.

П л а к а (рис. 2, 58; 23, 3) (Карабах-Бурун) [Кеппен, 1836, с. 53; Толстой, Кондаков, 1891, с. 31—32; Репников, 1935, с. 199, № 64; Домбровский, 1974, с. 45, рис. 25, 26; Б—7]. Укрепление занимает вершину небольшого локкалита с обрывистым южным, восточным и западным склонами. С запада и востока располагаются небольшие бухты. Мыс доступен только с северной стороны, где в XIII—XIV вв. была возведена крепостная стена, сложенная из бута на песочно-известковом растворе. В настоящее время стены на поверхности почти не прослеживаются. В средние века территория мыса была плотно застроена домами, крытыми черепицей. Крепость, вероятно, имела две линии обороны: одна отгораживала вершину мыса, другая — участок, располагавшийся к северу от цитадели. Размер укрепленной территории 155 x 50 м (0,85 га). На "цитадель" приходится 0,28 га.

К а р а б а х с к и й И с а р (рис. 1, 36; 30, 2). Сторожевое укрепление X—XIII вв. Находится на отдельно стоящей скале среди мощного каменного навала, именуемого Карабахским Хаосом (в 0,5 км к северу от моря, в 1 км к северо-востоку от мыса Плака). Доступ на скальную площадку с напольной стороны преграждает стена, сложенная из бута насухо. Толщина стен 1,4—1,5 м, протяженность около 45 м. Сохранилась на высоте 1—2,2 м. На западном фланге стены находится вход шириной 1,8 м. Размер укрепленной площадки 42 x 30 м (0,1 га).

А й-Т о д о р II (рис. 1, 37; 16, 2). В XII—XIII вв. сторожевое укрепление или феодальный замок, в XIV—XV вв. на его руинах возводился монастырь. Расположен в 0,5 км к северу от пос. Малый Маяк (бывший Биюк-Ламбат) [Кеппен, 1837, с. 159, 162, 172; Репников, 1935, с. 199; Эрнст, 1935, с. 439; Паршина, 1972, с. 253—257; Домбровский, 1974, с. 41—42, рис. 24]. Руины укрепления находятся на вершине конусовидной горы, состоят из двух линий оборонительных стен. Площадь крепости 0,37 га. Стены сложены из бута на глине или насухо. Опоясывают вершину по всему периметру. Вход в крепость, вероятно, находился на южном участке оборонительной стены. Ширина куртин 1,5—2 м. Сохранились в отдельных местах в высоту до 1,7—2 м. На самой вершине находятся развалины церкви (6,92 x 4,52 м), которая была раскопана в 1969 г. [Паршина, 1972, с. 253—257]. Храм поставлен на развалинах прямоугольной башни XII—XIII вв., стены которой сложены из бута на песочно-известковом растворе. Размер башни 6,5 x 5,15 м (толщина стен 1,4—1,5 м).

К а с т е л ь (рис. 1, 38; 30, 1). Укрепленное поселение X—XIII вв. Находится на вершине одноименной горы, доступ на которую с севера и востока преграждали две линии оборонительных стен. Третью линию обороны представляет собой небольшая цитадель, расположенная на юго-западной оконечности горы. Крепостные стены сложены из бута насухо (их толщина 2—3 м). Внутрикрепостная территория была занята жилыми, хозяйственными и культовыми постройками. В настоящее время памятник сильно разрушен. Размер укрепленной площадки значителен — 400 x 300 м (около 10 га). На Кастеле известны руины трех храмов: св.Иоанна, св.Константина и св.Николая [Кеппен, 1837, с. 158—162; Марков, 1902, с. 168, 170]. Один из храмов был раскопан Е.В.Веймарном в 1947 г. (6,5 x 10 м) [1947, с. 4]. На западном склоне горы, за пределами крепости, сохранились развалины небольшого монастыря св.Прокула (XIV—XV вв.) [Кеппен, 1837, с. 158, 160]. От источника Вриси (юго-восточный склон г.Урага) к Кастелю шел водопровод из керамических труб [Кеппен, 1837, с. 160]. Некото-

рые авторы ошибочно считали укрепление на Кастеле таврским [Эрнст, 1935, с. 434; Репников, 1941, с. 124; Веймарн, 1947, с. 4; Шульц, 1957, с. 62; Лесков, 1965, с. 39].

С е р а у с (рис. 1, 62; 28, 2). Укрепленное поселение X—XIII вв. Находится в 4 км к западу от Алушты [Репников, 1933, с. 83; Веймарн, 1947, с. 21; Шульц, 1949, с. 65; Домбровский, 1974, с. 43]. Вершина горы ограждена по периметру стеной, сложенной из бута насухо. Толщина стены 1,9—2,4 м. Сохранность стен плохая: они прослеживаются на поверхности в виде каменного вала высотой до 1 м, шириной 8 м. Площадь городища 1,7 га. На южной оконечности заметны руины построек, среди которых выделяются остатки небольшой церкви (4,5 x 8,2 м). Стены храма сложены из бута на песочно-известковом растворе. Кровля была черепичной. В укрепление вели три входа: с юга, запада и севера, к северному входу вела колесная дорога — здесь в крепостной стене сохранился проем шириной 2,6 м.

А й-Й о р и (св.Георгий) (рис. 1, 40; 28, 1). Находится в 5 км от Алушты на скалистой возвышенности, являющейся юго-восточным отрогом Бабугана (рис. 11, 1) [Кондараки, 1875, с. 58; Головкинский, 1894, с. 14; Эрнст, 1935, с. 441; Репников, 1933, с. 83; Веймарн, 1947, с. 15; Шульц, 1959, с. 65; Домбровский, 1974, с. 45]. С доступной западной и южной сторон скальная площадка отгорожена стеной, сложенной из бута насухо. Общая протяженность стены около 90 м, ширина 1,5—2 м, сохранившаяся высота 1—2 м. С внутренней стороны к ней примыкают несколько строений, сложенных из бута. Площадь укрепления около 0,3 га, но примерно 1/3 занята нагромождениями скал и непригодна для использования. При нашем обследовании памятника в 1980 г. на поверхности скалы найдены обломки амфор II—III вв. н.э. и керамика IX—X вв. Характер памятника не совсем ясен. В эпоху средневековья здесь, вероятно, размещался сторожевой форт или убежище. К западу от укрепления (примерно в 100 м), у источника, до недавнего времени были заметны руины церкви св.Георгия (отсюда и название всего урочища Ай-Йори, то есть св.Георгий).

Ч у н г у р-К а я (рис. 1, 41; 27, 1). Убежище, сторожевое укрепление X—XIII вв. (?). Находится на отдельно стоящей скале на восточном склоне Бобугана (в 1,5 км к югу от пос.Розовое). С севера и востока крепостную площадку ограничивают обрывы, с юга и запада по крутому склону протянулась линия оборонительной стены, сложенной из крупного бута насухо. С запада к крепости вела дорога. Толщина стены 1,8—1,5 м. Сохранилась в высоту до 2,1 м. Общая протяженность стены 150 м, наибольший размер защищенной территории 80 x 65 м (0,29 га). На западном участке обороны, у большой скалы, служившей в качестве башни, находился вход в крепость шириной 2,1 м. Следов каких-либо построек внутри укрепления не заметно.

К а м е н к а (рис. 1, 42; 30, 5). Сторожевое укрепление X—XIII вв. Находится в 2 км к западу от с.Изобильное (бывшие Корбеклы) на небольшой возвышенности. С северной (напольной) стороны доступ на вершину преграждает стена, сложенная из крупного бута насухо. Протяженность стены около 75 м, толщина 2 м, сохранилась на высоту до 1 м. Вход в укрепление находился с севера. Площадь городища 0,2 га. Башен по периметру стен не было. Каких-либо построек внутри укрепления не видно. Наибольший размер территории, огражденной стенами, 83 x 32 м [Мыш, 1979, с. 16].

Ч а т ы р д а г с к о е (рис. 1, 47; 27, 2). Находится у подножия мыса Эклизи-Бурун [Кеппен, 1837, с. 45; Веймарн, 1947, с. 16—20; Домбровский, 1968, с. 34—35; Веймарн, 1980, с. 20—26]. Представляет собой небольшую цитадель, замыкающую южный фланг заградительной стены, протяженностью около 1 км, перекрывавшую перевал Ат-Чокрак-Богаз [Веймарн, 1980, с. 31, прим. II]. Стены возведены по всему периметру

(даже с южной стороны, где территорию укрепления ограничивал обрыв 15—20 м). Стены сложены из бута насухо, их толщина 1,5—2 м, сохранились в высоту до 1 м. Размер цитадели 25 × 26 м. Укрепление, вероятно, служило для размещения небольшого гарнизона, несшего караульную службу у перевала. Вероятно, заградительная стена и цитадель были построены в раннесредневековое время (IX—X вв.).

П а х к а л - К а я (рис. 1, 43; 28, 4; фото 1, 3). Укрепленный монастырь X—XIII вв. Находится на вершине гряды, отделяющей г. Чатырдаг от г. Северная Демерджи [Домбровский, 1974, с. 44, рис. 25, 32; 26, Б—8]. Скала, на которой находятся развалины укрепления, имеет обрывистые восточный, западный и южный склоны. С северной (напольной) стороны доступ к вершине преграждала стена, сложенная из крупных блоков конгломерата на песчано-известковом растворе. Куртина, стоявшая на крутом склоне, в настоящее время почти полностью разрушена. В древности она лишь дополняла неприступность возвышенности. Площадь укрепления около 1,6 га. На самой вершине утеса находятся развалины церкви (6 × 11 м), где располагался некрополь. Возле храма на террасах видны развалины небольших строений.

Д е м е р д ж и I (рис. 1, 44). Укрепленное поселение X—XIII вв. Располагается в более пологой северо-западной части Ущелья привидений [Марков, 1902, с. 188]. С севера территория поселения защищена обрывами г. Южная Демерджи, с востока, юга и запада — обрывы, достигающие в некоторых местах 40—50 м. С юго-востока и юга сооружены заградительные стены, закрывающие проходы на территорию городища. Стены сложены из бута насухо. Толщина их различна (от 1,2 до 1,8 м). Сохранились в высоту до 1,5 м. На искусственных террасах, прослеживаемых на юго-восточном склоне, видны руины построек. На двух скальных мысах обнаружены развалины небольших церквей. Возле нижней церкви был устроен некрополь. Общая площадь укрепления около 4 га, но примерно 1/2 ее часть занята скальными глыбами и поэтому не пригодна для строительства.

Д е м е р д ж и II (рис. 1, 45; 29, 1). Сторожевое укрепление X—XIII вв. Находится на восточной стороне Ущелья привидений на западном склоне г. Южная Демерджи. В научной литературе памятник не упоминается. Обследован автором в 1982 г. Раскопки на нем не проводились. Крепость контролировала дорогу, ведущую из уроч. Джурла в Алуштинскую долину. К высокой башнеобразной скале примыкает стена, сложенная тщательно из бутового камня насухо. Сохранилась в высоту до трех-четырех рядов кладки. Отгораживает с востока площадку размером 80 × 50 м, ограниченную с юга, запада и севера обрывами. Стены закрывают проходы между скалами, замыкая территорию площадью 0,26 га. Толщина стен различна — от 1,5 до 2,7 м. На северо-восточном фланге обороны толщина стены 3,55—4,6 м. Вход в укрепление, вероятно, находился на юго-восточном фланге обороны.

Ф у н а (рис. 3, 36; 18—21; фото 10) (Демерджинское укрепление). Замок XIV—XV вв. Находится в 2 км к северу от с. Лучистое (бывшее Демерджи) [Кеппен, 1837, с. 17—18, 158; Dubois de Montpereux, 1843, с. 433; Келлер, 1872, с. 373, 374, 391; Струков, 1876, с. 19; Кондараки, 1875, с. 15; Бертъе-Делагард, 1886, с. 211; 1889, с. 31, 32; 1918, с. 26; 1920, с. 5; Марков, 1902, с. 188; Эрнст, 1935, с. 442; Когонашвили, Махнева, 1974, с. 111—122; Домбровский, 1974, с. 43; Мыц, 1988, с. 97—115]. Укрепление находится на небольшой скалистой возвышенности, с которой хорошо просматривается вся Алуштинская долина. С севера, востока и запада крепостная территория была защищена стенами. С юга и юго-запада ее окружают скальные обрывы высотой 5—6 м. Вдоль обрыва был устроен паранет. Наибольшая протяженность крепости с севера на юг 106 м, с запада на восток — 56 м. Площадь укрепления 0,52 га.

Исследования 1980—1986 гг. показали, что первоначально фортификация Фуны имела упрощенную планировочную схему. На стыке восточной и северной куртин была сооружена небольшая трапециевидная в плане башня (4,3 × 5,45 м). Еще одна башня находилась в центре северного фланга обороны (7,7 × 6,7 м). Вход в укрепление был в 45 м от угловой башни и первоначально ничем не был защищен. Позднее для прикрытия входа была сооружена полукруглая башня (6,4 × 5,5 м), выступающая за линию стены на 3,7 м. Войти в крепость можно было только через башню. В первой половине XV в. крепость охватил пожар. При восстановительных работах перестраиваются северный и восточный участки обороны. К восточной куртине пристраивается прямоугольная башня-донжон (14,15—14,3 × 9,5—9,65 м), имевшая решающее значение в обороне всей крепости. Между полукруглой башней и донжоном возводится мощная стена протяженностью 16,5 м, замыкавшая крепостной двор (захаб). При раскопках 1982 г. у входа в донжон найдена строительная надпись 1459 г., позволяющая точно определить время последнего восстановления крепости. В 1459 г. была реконструирована и полукруглая въездная башня, которую переделали в двухэтажную церковь, сохранив при этом проезд через нижний этаж. Размер церковного комплекса 14,4 × 11,3 м. Высота церкви 9 м.

Внутри укрепления частично или полностью исследованы 12 помещений. Большая их часть хозяйственного назначения: для хранения зерна, содержания скота, изготовления и ремонта изделий из металла, отдыха караульных и хранения вооружения. Все эти постройки примыкают к оборонительным стенам. От других внутрикрепостных строений их отделяет улица шириной 2—2,1 м.

На протяжении своего недолгого существования (конец XIV—XV в.) Фуна разрушалась и отстраивалась заново дважды. Первый раз крепость была сожжена в первой половине XV в. (между 1421 и 1459 гг.), об этом говорят находки монет. В 1459 г. укрепление отстраивается заново мангупскими князьями и является пограничной крепостью и резиденцией наследного княжича Александра. Турки захватили и разрушили замок в 1475 г.

А л у с т о н (рис. 1, 46; 5; фото 9, 5; 12). В VI—VIII вв. византийская сторожевая крепость, перерастающая постепенно в небольшой приморский город (X—XV вв.). В конце XIV—XV в. им владеют генуэзцы [Прокопий, 1939, с. 249—250; Плетнева, 1976, с. 10; Vasiliev, 1936, с. 202; Кеппен, 1837, с. 81; 156—157; Паллас, 1881, с. 127—129; Келлер, 1872, с. 391; Dubois de Montpereux, 1843, с. 429—433; Миллер, 1888, с. 127—128; Кулаковский, 1914, табл. II; Веймарн, 1947, с. 5—7; 1951, с. 22—23; Махнева, 1968, с. 160—161]. Крепость занимала вершину холма, отстоящего на 200 м от моря. Раскопки, проведенные на территории Алустана в 1984—1989 гг. [Мыц, 1988, с. 314—315], показали, что культурные напластования содержат шесть строительных горизонтов, которым соответствует и шесть планировочных решений городской застройки: первый строительный период относится к VI—VIII вв., второй к IX—X вв., третий — XII—XIII вв., четвертый — XIV—XV вв., пятый к XVI—XVIII вв., шестой — к концу XIX — началу XX в. На первом этапе (VI—VIII вв.) Алустон представлял собой византийскую сторожевую крепость, которая занимала вершину холма площадью около 0,25 га. Куртина VI в., открытая раскопками 1987 г. на протяжении 35 м, сложена из крупных камней с соблюдением горизонтальности рядов. Толщина стены 2,8 м. Сохранилась в высоту до 2,2 м. Укрепление, построенное византийцами в VI в., являлось историческим ядром города до конца XV в., пока не было разрушено турками. К IX—X в. площадь крепости увеличивается до 0,5 га за счет ограждения небольшого посада, примыкавшего с востока к стенам цитадели. Оборонительная стена хазарского периода (IX—X вв.) идет в направлении северо-запад — юго-восток и открыта раскопками на протяжении 60 м. Ее толщина в основа-

нии 1,4—1,9 м. Сохранилась в высоту на 0,5—0,9 м. Внешний панцирь сложен из крупного бута с ровной лицевой гранью, что придает стене монументальный вид. Возведена стена на глине.

В XII—XIII вв. городская территория увеличивается за счет роста посада, занимающего в это время склоны холма (площадь города примерно 3 га). Единственной защитой для горожан в XII—XIII вв. продолжает служить византийская цитадель, так как оборонительная стена хазарского времени разрушена в X в. В 80—90-х годах XIV в. возводится новое внешнее кольцо оборонительных стен с тремя мощными башнями. Это строительство, вероятно, было осуществлено по инициативе генуэзцев, к которым Алушта отошла по договору с татарами в 1380 г. Площадь генуэзской крепости достигает 1 га. К ней примыкает пригород в 5—6 га. Территория укрепления плотно застраивается небольшими домами.

В большинстве случаев перепланировка и перестройка домов в городских кварталах были вызваны сильными пожарами. Так, например, с X по XV в. город трижды разрушался полностью. Пожар X в. можно связывать с нападением печенегов или хазаро-византийскими войнами, разгром второй половины XIII в. с вторжением в Горный Крым татар, пожар XV в. — с захватом Алушты турками в 1475 г. Особенно значительной по своим последствиям была катастрофа X в., после которой отдельные участки городской территории не застраивались до XII—XIII вв.

К началу XV в. оборонительные сооружения Алушты приобрели свой законченный вид. Фортификационная система состояла из двух линий — цитадели и внешней стены, укрепленной тремя башнями, — Чатал-Куле (Рогатая), Орта-Куле (Средняя) и Ашага-Куле (Нижняя). Стены располагались по всему периметру. В плане крепость представляла собой четырехугольник неправильной формы. С севера линию обороны замыкала башня Чатал-Куле шестигранной формы (размер 12 × 12 м), высокая, завершающаяся зубчатым парапетом на навесных кронштейнах с машикули. В центре северо-восточной линии обороны помещается прямоугольная башня размером 12 × 12,5 м. Сохранилась на высоту до 8 м. Толщина стен башни 2,75—2,85 м. Южный фланг обороны замыкает круглая башня (Ашага-Куле) диаметром 8 м, высотой до 16 м. Толщина крепостных стен 1,55—1,7 м. Сложены они из бута на песочно-известковом растворе. Протяженность западной линии обороны 135 м, южной 125 м, северо-восточной 150 м. Расстояние между башнями 75—77 м. Наибольший размер цитадели 67 × 50 м, всей крепости 135 × 125 м.

ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ КРЫМ

Ч о б а н-К у л е (рис. 3, 37; фото 9, 4). Замок XV в. Расположен в 5 км к западу от с. Морское (бывший Капсихор) [Кеппен, 1837, с. 138—140; Келлер, 1872, с. 388, 391; Паллас, 1881, с. 187—188; Бертъе-Делагард, 1889, л. 53; Репников, 1941, с. 124; Якобсон, 1964, с. 118—119; Фронд-жуло, 1975, с. 484; Милицин, 1955, с. 73—94; Секиринский, 1955, с. 86, 89—91]. Крепость располагалась на каменистом холме, вытянувшимся с востока на запад. Восточный и северный склоны пологие, западный и южный — обрывистые, спускаются к морю. С запада, севера и востока доступ на вершину прикрывала оборонительная стена, сложенная на глиняном или песочно-известковом растворе, она отгораживала территорию размером 210 × 50 м, площадью примерно 0,68 га. Протяженность крепостной стены 230 м. Сохранилась в высоту до 2,5 м, толщина 1,1—1,2 м. На вершине холма стоит башня-донжон, в плане имеет форму эллипса. Размер башни 12,75 × 14 м, толщина стен на уровне первого этажа различна — 1,8—3,45 м. Утолщение нарастает в напольную сторону, которая больше всего могла быть подвергнута обстрелу. Верхняя часть башни разрушена. В настоящее

время ее высота не более 8—9 м. В цоколе находится бассейн для воды. На первом этаже сохранились камин, амбразура с камерой, откос входа в башню. На стыках куртин были установлены еще две круглые башни (диаметр их около 5 м). Вход в крепость, вероятно, находился в северо-западной стене.

К о р д о н-О б а (рис. 3, 38). Замок (монастырь?) XIV—XV вв. Находится на вершине каменистого холма на территории пос. Курортное (бывшие Оттузы) [Кеппен, 1837, с. 101—103; Кулаковский, 1914, табл. II; Барсамов, 1929, с. 165—169; Репников, 1941, с. 124]. По всему периметру территории крепости ограждена оборонительной стеной толщиной до 2 м. Куртины сложены из бута на песочно-известковом растворе. Размер крепостной территории 85 × 56 м, площадь около 0,26 га. В 1927—1928 гг. на Кордон-Обе вел раскопки Н.С. Барсамов. Им были раскрыты башня-донжон, церковь, хозяйственные и жилые помещения, примыкавшие к оборонительным стенам. Храм размером 8,4 × 5 м находился в центре крепости. Стены церкви толщиной 0,8 м изнутри были оштукатурены известью и покрыты фресковой росписью. Башня-донжон размером 10,5 × 8,35 м (толщина стен 2 м) находилась на южном участке обороны и занимала господствующее положение во всем комплексе строений крепости.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

- Архив (чертежный) А.Л.Бертье-Делагарда // Арх. Крым. обл. краевед. музея, 1889, оп. 5, д. 68. – 55 л.
- Бабенчиков В.П. Разведки в окрестностях Севастополя в 1935 г. // Арх. ЛОИА, 1936, ф. 2, оп. 1, д. 69. – 12 с.
- Бабенчиков В.П. Разведки близ Балаклавы и на вершине Сюрюю-Кая // Там же, д. 237. – 10 с.
- Бабенчиков В.П. Отчет о работах археологической экспедиции ГАИМК в Инкермане в июне – июле 1937 г. // Там же, 1937, ф. 2, оп. 1, д. 160. – 7 с.
- Баранов И.А. Отчет об археологических раскопках на мысе Троицы в 1968 г. (городище XII–XIV вв.) // Арх. ИА АН УССР, 1969, № 6290-91. – 18 с.
- Барсамов Н.С. Разведки в Феодосийском районе от Феодосии до Алуштинского района в 1926 г. Экспедиция в Оттузы в 1927–1928 гг. Разведочные раскопки на Коктебельском городище в 1929–1931 гг. // Арх. ЛОИА, 1938, ф. 35, оп. 1, д. 212. – 33 л.
- Белый А.В. Отчет о разведочных раскопках на городище Кыз-Кермен в 1980 г. // Арх. ИА АН УССР, 1981, № 9712. – 36 с.
- Белый А.В. Отчет о раскопках городища Кыз-Кермен Бахчисарайского района в 1981 г. // Там же, 1982, № 10100-01. – 18 с.
- Бертье-Делагард А.Л., Белявская С.П. Перевод сочинения Палласа: Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства в 1793–1794 гг. // Арх. Крым. обл. краевед. музея. – Симферополь, 1918. – № 56.
- Браун Ф.А. Отчет и другие материалы о раскопках на Мангупе в 1890 г. // Арх. ЛОИА, 1891, ф. 1, № 40. – 23 л.
- Веймарн Е.В. Отчет о работах Бахчисарайского Горного отряда Тавро-Скифской экспедиции ИИМК АН СССР и ГМИ им. А.С.Пушкина в 1947 г. // Арх. ОАСА, 1948, инв. № А-1. – 60 с.
- Веймарн Е.В. Отчет о полевых разведочных работах 1948 г. Бахчисарайского Горного отряда Тавро-Скифской экспедиции Крымской научно-исследовательской базы АН СССР // Там же, 1949, инв. № 2 г. – 19 с.
- Веймарн Е.В. К вопросу о периодизации истории феодальных отношений в Крыму // Там же, 1955, № 94. – 89 с.
- Кулаковский Ю.А. О раскопках в Крыму в 1895 г. // Арх. ЛОИА, 1895, ф. 1, д. 90. – 87 с.
- Кулаковский Ю.А. Об археологических разведках в Крыму в 1896 г. // Там же, 1896, ф. 1, д. 23. – 22 с.
- Мыц В.Л. Отчет об археологических разведках в Горном Крыму в 1978 г. // Арх. ОАСА, инв. № 105/1-6. – 19 с.
- Мыц В.Л. Отчет об археологических раскопках средневекового укрепления Пампук-Кая в долине р.Бельбек в 1980 г. // Арх. ИА АН УССР, 1981, № 9531. – 12 с.
- Новиченкова Н.Г., Новиченков В.И. Отчет об археологических исследованиях средневекового поселения у Ливадийской больницы в 1982 г. // Там же, 1983, № 20434. – 16 с.
- Паршина Е.А. Отчет о раскопках на г. Ай-Тодор у пос. Малый Маяк в 1969 г. // Сводный отчет о работе Южнобережного отряда Отдела археологии Крыма ИА АН УССР в 1965–1969 гг.: разд. 28 // Арх. ОАСА, 1970, № 1. – С. 282–300.
- Репников Н.П. Археологическая карта Южного берега Крыма // Арх. ЛОИА, 1933, ф. 10, оп. 1, д. 6. – 107 с.
- Репников Н.И. Археологическая карта Крымского нагорья // Там же, 1940, ф. 10, оп. 1, д. 9. – 320 с.
- Савеля О.Я. Отчет Севастопольской охранно-археологической экспедиции о полевых исследованиях 1981 г. в зонах новостроек // Арх. ИА АН УССР, 1982, № 20290-91. – 46 с.
- Фирсов Л.В. О времени возведения нижней "мегалитической" оборонительной стены Харакса // Арх. ОАСА, 1963, № 165. – С. 1–43.
- Фирсов Л.В. Некоторые аспекты проблемы средневековых исаров Южного берега Крыма // Там же, 1970, № 163. – 110 с.
- Шмитт Ф.И., Репников Н.И. Памятники истории материальной культуры на берегу Крыма от мыса Ая до Алушты включительно // Арх. ЛОИА, 1933, ф. 2, оп. 1, д. 118. – 94 с.

- Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. Древности Старого Орхья: (Золотоордын. период). – Кишинев, 1982. – 99 с.
- Авдеева К.Д. Сельскохозяйственная техника и агрикультура // История крестьянства в Европе. – М., 1986. – Т. 2. – С. 16–41.
- Айбабина Е.А. Оборонительные сооружения Каффы (По материалам археол. раскопок) // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – Киев, 1988. – С. 67–80.
- Андреева М.А. Очерки по культуре византийского двора в XIII в. – Прага, 1927. – 186 с.
- Андреевский И.С. Рзавалины Мангупа // Одесский альманах на 1840 г. – Одесса, 1939. – С. 538–552.
- Аноним Византийский. Инструкции по полиокретике // ВДИ. – 1940. – № 3/4. – С. 425–453.
- Антонин. Заметки XII–XIII века, относящиеся к крымскому городу Сутдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // ЗООИД. – 1863. – Т. 5. – С. 595–628.
- Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашуто Л.П., Кадеев А.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. – 1971. – № 7. – С. 81–101.
- Арендт В.В. Греческий огонь // Тр. Ин-та истории науки и техники. – 1936. – Вып. 9. – С. 148–184.
- Аркас В. Описание Ираклийского полуострова и древностей его: История Херсонеса // ЗООИД. – 1848. – Т. 2. – С. 245–271.
- Артамонов М.И. История хазар. – М., 1962. – 522 с.
- Артемов А.А. Крымская область // Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. – Киев, 1983. – С. 262–333.
- Бабенчиков В.П. Итоги исследования средневекового укрепления на холме Тепсень // АИСК. – 1958. – С. 88–146.
- Бадян В.В., Чиперис А.М. Торговля Каффы в XIII–XV вв. // Феодальная Таврика. – Киев, 1974. – С. 174–189.
- Баранов И.А. Археологическая разведка на территории Сюренского укрепления в Крыму // АПУ 1968 г. – 1971. – Вып. 3. – С. 88–92.
- Баранов И.А. Средневековая литейная форма // СА. – 1977. – № 2. – С. 244–246.
- Баранов И.А. Раскопки средневековой Сутдеи // АО 1978 г. – М., 1979. – С. 297.
- Баранов И.А. Главные ворота средневековой Солдайи // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – Киев, 1988. – С. 81–96.
- Барбаро И. Путешествие в Тану 1436 г. // Библиотека иностранных писателей в России. – СПб., 1836. – Т. 1.
- Баркитян Р.М. Критические заметки о завещании Евстафия Воилы (1059) // ВВ. – 1961. – Т. 19. – С. 26–37.
- Барсамов Н.С. Археологические раскопки в Оттузах 1927 и 1928 гг. // ИГОИАЭ. – 1929. – Т. 3 (60-я). – С. 165–169.
- Безчинный А. Путеводитель по Крыму. – М., 1902. – 471 с.
- Белов Г.Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931–1933 гг. // МИА. – 1941. – № 4. – С. 202–267.
- Белов Г.Д. К изучению экономики и быта средневекового Херсонеса // СА. – 1941а. – № 7. – С. 224–231.
- Белов Г.Д. Западная оборонительная стена и некрополь возле нее [Херсонес] (раскопки 1948 г.) // МИА. – 1953. – № 34. – С. 237–254.
- Белый А.В. Раскопки городища Кыз-Кермен // АО 1984 г. – М., 1986. – С. 213.
- Бертье-Делагард А.Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя // ЗООИД. – 1886. – Т. 14. – С. 166–279.
- Бертье-Делагард А.Л. Керменчик (Крымская глушь). – Одесса, 1899. – 41 с.
- Бертье-Делагард А.Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. – 1918. – № 55. – С. 1–44.
- Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // Там же. – 1920. – № 57. – С. 1–134.
- Бибииков С.Н. Средневековое укрепление Исар близ села Чоргунь // КСИИМК. – 1939. – Вып. 2. – С. 30–33.
- Бибииков С.Н. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья (Опыт изуч. первобыт. экономики) // СА. – 1965. – № 1. – С. 48–62.
- Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. – М., 1953. – 316 с.
- Бобринский А. Несколько слов о местности, прилегающей к развалинам замка в Гурзуфе // ИТУАК. – 1894. – № 21. – С. 56–58.
- Богущ-Сестренцевич С. История Таврии. – СПб., 1806. – Т. 1. – 440 с.
- Боданинский У.А. Черкес-Керменское укрепление Кыз-Куле по разведкам 1933 г. // ИГАИМК. – 1935. – № 117. – С. 81–87.
- Боплан Г. Описание Украины // Мемуары, относящиеся к истории Южной России. – Киев, 1896. – 490 с.
- Боровак Н.А. Тепе-Кермен // Зап. Крым. об-ва естествоиспытателей и любителей природы, 1913. – Вып. 3. – С. 11–72.
- Броневский М. Описание Таврии (Tartariae descriptio) // ЗООИД. – 1867. – Т. 6. – С. 333–367.
- Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XII вв.) // Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция. – М., 1954. – Вып. 4. – С. 261–342.

Вачева К. За терминологията на строителните техники през античността // Археология. – София, 1979. – № 1. – С. 1–10.

Веймарн Е.В. Балаклава (Экскурс. очерк) // Крым. – 1929. – № 10. – 63 с.

Веймарн Е.В., Ренников Н.И. Сюрренская крепость: Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931–1933 гг. // ИГАИМК. – 1935. – № 117. – С. 115–125.

Веймарн Е.В. Разведки оборонительных стен и некрополя // МИА. – 1953. – № 34. – С. 419–429.

Веймарн Е.В. "Пещерные города" Крыма в свете археологических исследований 1954–1955 гг. // СА. – 1958. – № 1. – С. 71–79.

Веймарн Е.В. Оборонительные сооружения Эски-Кермена (Опыт реконструкции) // История и археология средневекового Крыма. – Киев, 1958а. – С. 7–54.

Веймарн Е.В. О времени возникновения средневековой крепости Каламита // История и археология средневекового Крыма. – Киев, 1958б. – С. 55–62.

Веймарн Е.В. Археологические работы в районе Инкермана // АПУ. – 1963. – Вып. 13. – С. 5–17.

Веймарн Е.В. "Пещерные города" и вопрос о зарождении и развитии феодальных отношений // Материалы сесс., посвящ. итогам археол. и этногр. исслед. 1964 г. в СССР. – Баку, 1965. – С. 146–147.

Веймарн Е.В. О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. – Киев, 1968. – С. 45–82.

Веймарн Е.В. Одні з важливих питань ранньосередньовічної історії Криму // Середні віки на Україні. – К., 1971. – Вып. 1. – С. 61–64.

Веймарн Е.В. Еще раз о Таврическом лимесе // АДСВ. – 1973. – Вып. 10. – С. 255–258.

Веймарн Е.В., Лобода И.И., Пиоро И.С. и др. Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика. – Киев, 1974. – С. 123–139.

Веймарн Е.В., Чорев Ф. "Корабль" на Каче. – Симферополь, 1976. – 86 с.

Веймарн Е.В. От кого могли защищать готов в Крыму "длинные стены" Прокопия? // Античные традиции и византийские реалии. – Свердловск, 1980. – С. 19–33.

Велков В. Градът в Тракия и Дакия през късната античност: Исторически извори за крепостните кули с изпаден остър ръб // ИАИ. – 1959. – 24. – С. 172–183.

Византийский земельный закон: Текст, исслед., коммент. / Е.Э.Липшиц, И.П.Медведев, Е.К.Пиотровская. – Л., 1984. – 279 с.

Витрувий. Десять книг об архитектуре (Пер. Ф.А.Петровского). – М., 1936. – 331 с.

Волошинов И., Клепикин Н. Пещерное поселение Бакла в Крыму // Зап. Крым. о-ва естествоиспытателей и любителей природы. – 1912. – Вып. 2. – С. 149–160.

Ворохин Ю.С., Даниленко В.Н., Кутайсов В.А. и др. Работы в Бахчисарайском районе // АО 1978 г. – М., 1979. – С. 313–315.

Габлиц К. Физическое описание Таврической области по ее местоположению и по всем трем царствам природы. – СПб., 1785. – 189 с.

Гершен А.Г. История изучения оборонительного комплекса Мангупа // Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. – Свердловск, 1983. – С. 88–104.

Гершен А.Г. Система оборонительных сооружений Мангупа // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1984. – 21 с.

Глушева В.Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв.: Хронол. обзоры и описание архив. материалов. – М., 1940. – 310 с. – (Тр. арх.; Вып. 4).

Головкинский Н. Путеводитель по Крыму Н.Головкинского (бывший путеводитель Сосногородской). – Симферополь, 1894. – 552 с.

Гонца Г.В. Молдавия и османская агрессия в последней четверти XV – первой трети XVI в. – Кишинев, 1984. – 149 с.

Горянов Б.Т. Позднелизантийский феодализм. – М., 1962. – 499 с.

Григорьев А.П. "Книга путешествия" Эвлии Челеби как источник по истории Крыма XVII в. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. – 1974. – Вып. 3. – С. 19–28.

Гриневич К.Э. Стены Херсонеса Таврического // Херсонес. сб. – 1927. – Вып. 2. – С. 7–103.

Данилевич В. Заметка о древностях в окрестностях д.Кекенез, Ялтинского уезда // ИТУАК. – 1907. – Вып. 40. – С. 56–60.

Даниленко В.Н., Романчук А.И. Поливная керамика Мангупа // АДСВ. – 1966. – № 6. – С. 116–138.

Дашевская О.Д., Якобсон А.Л. Два сборника по истории и археологии Крыма // СА. – 1961. – № 2. – С. 282–293.

Дероко А. Средневековни градови у Срби и Црно Гори и. Македони и. – Београд, 1950. – 214 с.

Домбровский О.И. Стародавни стени на перевалах Головного пасма Кримських гір // Археологія. – 1961. – Т. 11. – С. 155–167.

Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. – Киев, 1966. – 107 с.

Домбровский О.И. Предисловие к сборнику // Археологические исследования средневекового Крыма. – Киев, 1968а. – С. 3–8.

Домбровский О.И. Средневековые памятники Бойки // Археологические исследования средневекового Крыма. – Киев, 1968. – С. 83–96.

Домбровский О.И. Крепость в Горзувитах. – Симферополь, 1972. – 110 с.

Домбровский О.И., Паршина Е.А. Опыт хронологизации средневековых памятников на территории Крымского Южного бережья // АДСВ. – 1973. – № 10. – С. 294–296.

Домбровский О.И. Средневековые поселения и "исары" Крымского Южного бережья // Феодальная Таврика. – Киев, 1974. – С. 3–56.

Домбровский О.И. Памятники південнобережної та горної частин Криму // Археологія УРСР. – 1975. – Т. 3. – С. 467–476.

Домбровский О.И. Средневековый Крым X–XV вв. // Археология Украинской ССР. – Киев, 1986. – Т. 3. – С. 518–535.

Дорогой тысячелетий // Экскурсии по средневековому Крыму / В.П.Бабенчиков, Е.В.Веймарн, Т.Н.Высотская, В.К.Гарагуля, О.И.Домбровский, М.Г.Кустова, С.А.Секиринский, М.А.Фронджуло. – Симферополь, 1966. – 192 с.

Дортелли д'Асколи Э. Описание Черного моря и Таврии // ЗООИД. – 1902. – Т. 24. – С. 89–180.

Дьяков В.Н. Таврика в эпоху римской оккупации // УЗМГПИ. – 1942. – Т. 28. – Вып. 1. – С. 3–42.

Егоров В.Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. – М., 1980. – С. 174–213.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М., 1985. – 236 с.

Жеребцов Е.Н. Материалы к периодизации античных памятников Маячного полуострова // КСИА АН СССР. – 1985. – № 182. – С. 38–45.

Иванов Т. Археологические проучвания при Спарева баня // ИАИ. – 1957. – Т. 21. – С. 220–232.

Иванов В.И., Дублянский В.Н., Домбровский О.И. Басманские пещеры в Горном Крыму // Крымское государственное заповедно-охотничье хозяйство (50 лет). – Симферополь, 1963. – С. 25–32.

Ивашута Л.П. Неполиванная керамика позднесредневекового Херсона (По материалам раскопок портового квартала) // АДСВ. – 1974. – № 11. – С. 3–22.

История Льва Диакона Калойского. – СПб., 1820. – 114 с.

Каждан А.П. Государство и церковь во второй половине IX–X вв. // История Византии. – М., 1967. – Т. 2. – С. 155–171.

Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М., 1981. – 247 с.

Караулов Г.Э. Древнее Сюрренское укрепление и башня на Бельбеке // Новороссийский календарь. – Одесса, 1861. – С. 1–24.

Караулов Г.Э. Крымские пещерные города и крипты // ЗООИД. – 1872. – Т. 8. – С. 39–108.

Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. – М., 1981. – 232 с.

Келлер. Донесение, представленное Императорской академии наук академиком Келлером о путешествии его в Крым в 1821 г. // ЗООИД. – 1872. – Т. 8. – С. 372–396.

Кеппен П.И. О древностях Южного берега и гор Таврических // Крымский сборник. – СПб., 1837. – 409 с.

Киртичников А.Н. Древнерусское оружие (доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв.) // САИ. – 1971. – Е1-36. – 89 с.

Киртичников А.Н. Каменные крепости Новгородской земли. – М., 1984. – 274 с.

Клавдий Птолемей. Географическое руководство // ВДИ. – 1948. – № 2. – С. 231–257.

Когонашвили К.К., Махнева О.А. Раскопки у подножия горы Демерджи // АПУ 1965–1966 гг. – Киев, 1967. – Вып. 1. – С. 193–195.

Когонашвили К.К., Махнева О.А. Алустон и Фуна. – Симферополь, 1971. – 93 с.

Когонашвили К.К., Махнева О.А. Работы у Партенити // АПУ 1969 г. – К., 1972. – С. 258–259.

Когонашвили К.К., Махнева О.А. Средневековая Фуна // Феодальная Таврика. – Киев, 1974. – С. 111–123.

Колли Л.П. Исторические документы о падении Каффы // ИТУАК. – 1911. – Вып. 45. – С. 125–139.

Колли Л.П. Хаджи-Гирей-хан и его политика // ИТУАК. – 1913. – Вып. 50. – С. 99–139.

Кондараки В.Х. Исарчик или Буюк-Мускомское древнее укрепление в Крыму // ЗООИД. – 1867. – Т. 6. – С. 519–523.

Кондараки В.Х. Байдарская долина (в Таврическом полуострове) // ЗООИД. – 1868. – Т. 7. – С. 287–297.

Кондараки В.Х. Мангуп-Кале // Там же. – 1872. – Т. 8. – С. 419–426.

Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. – Николаев, 1873. – Ч. 1. – 253 с.

Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. – СПб., 1875. – Ч. 15. – 88 с.

Кондараки В.Х. В память столетия Крыма // История и археология Тавриды. – М., 1883. – 571 с.

Константин Багрянородный. Об управлении империей (Пер. и коммент. Г.Г.Литаврина) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. – М., 1982. – С. 267–343.

Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (Конец XIII–XIV вв.). – Киев, 1986. – 125 с.

Кузев А., Гюзелев В. и др. Български средновековни градове и крепости по Дунав и Черно море. – Варна, 1981. – Т. 1. – 439 с.

Кулаковский Ю.А. Епископа Феодора "Аланское послание" // ЗООИД. – 1898. – Т. 21. – С. 16–22.

Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. – Киев, 1914. – 154 с.

Кучма В.В. Из истории византийского военного искусства на рубеже IX–X вв. (Структура и численность армейских подразделений) // АДСВ. – 1975. – № 12. – С. 79–85.

Латышев В.В. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. – 1918. – Вып. 65. – С. 9–21.

Лашков Ф. Статистические сведения, сообщенные каймаканами в 1783 г. // ЗООИД. – 1886. – Т. 14. – С. 91–156.

Лашков Ф.Ф. Камеральное описание Крыма // ИТУАК. – 1888. – Вып. 6. – С. 36–57.

Леврон Ж. Лучшие произведения французских архитекторов прошлого. – М., 1986. – 165 с.

Лепер Р.Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. // ИАК. – 1913. – Вып. 47. – С. 73–79.

Лесков А.М. Горный Крым в I тыс. до н.э. – Киев, 1965. – 197 с.

Липшиц Е.В. О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в Балканских и Малоазийских провинциях Византии // ВВ. – 1958. – Т. 13. – С. 28–54.

Макарова Т.И. Поливная керамика Таманского городища // КСТ. – М., 1963. – С. 73–101.

Макарова Т.И. Поливная посуда (Из истории керам. импорта и пр-ва Древн. Руси) // САИ. – 1967. – Е1-38. – 127 с.

Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. – 1933. – Вып. 71. – С. 47.

Маринич А.М. Рациональное использование и охрана ландшафтов : Ландшафты и физ.-геогр. районирование // Природа Украинской ССР. – Киев, 1985. – С. 211–216.

Маркевич А.И. Экскурсия на гору Багла и дер.Мангуш // ИТУАК. – 1889. – Вып. 8. – С. 108–113.

Маркевич А.И. Географическая номенклатура Крыма как исторический материал: Топоним. данные Крым. арх. // ИТОИАЭ. – 1928. – Т. 2. (53). – С. 17–32.

Марков Е. Очерки Крыма // Картины крымской жизни, истории и природы. – М., 1902. – 520 с.

Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях (Введ., пер. и коммент. С.А.Аннинского). – М.; Л., 1936. – 228 с.

Махнева О.А. Поселения ранних тавров // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – Киев, 1988. – С. 129–137.

Мшвенцерадзе Д.М. Строительное искусство в древней Грузии. – Тбилиси, 1959. – 128 с.

Милищин С.А. Дело братьев Гуаско // Приложение № 2 к работе С.А.Секиринского "Очерки истории Сурожа IX–XV вв.". – Симферополь, 1955. – С. 73–94.

Муравьев-Апостол И.М. Путешествие в Тавриду в 1820 г. – СПб., 1823. – 337 с.

Мурзакевич Н.Н. Поездка в Крым // ЖМНП. – 1837. – № 3. – С. 625–691.

Мыц В.Л. Разведки в Юго-Западном Крыму // АО 1978 г. – М., 1979. – С. 376–377.

Мыц В.Л. Раскопки в Горном Крыму // АО 1980 г. – М., 1981. – С. 288–289.

Мыц В.Л. Загородный храм и некрополь Мангупа // Античная и средневековая идеология. – Свердловск, 1984. – С. 57–66.

Мыц В.Л. Раскопки крепости Алустан // АО 1984 г. – М., 1986. – С. 278–279.

Мыц В.Л. Средневековое укрепление Исар-Кая // СА. – 1987. – № 2. – С. 228–245.

Мыц В.Л. Некоторые итоги изучения средневековой крепости Фуна // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – Киев, 1988. – С. 97–114.

Никитин Г.А. О древних памятниках на г.Крестовой у с.Пешерного и Чертовой лестницы // История и археология древнего Крыма. – Киев, 1957. – С. 330–334.

Никольский Н.П. Мангуп-Кале // Зап. Крым. горн. клуба. – 1893. – Вып. 3. – С. 67–82.

Никольский П.В. Бахчисарай и его окрестности. – Симферополь, 1927. – С. 74–77.

Овчаров Д. Византийски и български крепости V–X век. – София, 1982. – 172 с.

Оточинская А.И. Судакская крепость // Архитектур. наследство. – 1986. – № 34. – С. 253–265.

Острогорский Г.А. Постановка тема Халида и Пелопонез // 36. Радова. – САН. – Београд. – 1952. – Кн. 21. – С. 64–77.

Паршина Е.А. Средневековые укрепления на гори Ай-Тодор // АПУ 1969 р. – 1972. – Вып. 4. – С. 253–257.

Паршина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики // Феодальная Таврика. – Киев, 1976. – С. 56–94.

Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – Киев, 1974. – С. 36–59.

Плетнева С.А. Керамика Саркела-Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции (МИА. – 1959. – № 75. – Т. 2). – С. 24–76.

Плетнева С.А. Средневековая керамика Таманского городища // КСТ. – М., 1963. – С. 5–72.

Паллас. Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 гг. // ЗООИД. – 1881. – Т. 12. – С. 62–208.

Паллас. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // Там же. – 1883. – Т. 13. – С. 35–92.

Попов А.Н. Вторая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. – Симферополь, 1888. – 124 с.

Попович М. Београдска тврѣва. – Београд, 1982. – 237 с.

Прокопий из Кесарии. Трактат "О постройках" // ВДИ. – 1939. – № 1. – С. 203–283.

Равдоникас В.И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадияльным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК. – 1932. – Т. 12. – Вып. 1/8. – С. 5–106.

Раксимен С. Падение Константинополя в 1453 г. – М., 1983. – 200 с.

Рапорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // МИА. – 1961. – № 105. – 242 с.

Рашев Р. Старобългарски укрепления на Долния Дунав (VII–XI вв.). – Варна, 1982. – 235 с.

Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готов // ЗООИД. – 1907. – Т. 27. – С. 101–148.

Репников Н.И. Разведки и раскопки на Южном берегу Крыма и в Байдарской долине // ИАК. – 1909. – Вып. 30. – С. 99–155.

Репников Н.И. Предполагаемые древности тавров // ИТОИАЭ. – 1927. – Т. 1 (58). – С. 137–140.

Репников Н.И. Остатки укреплений Эски-Кермена (Гот. сб.) // ИГАИМК. – 1932. – Т. 12. – Вып. 1/8. – С. 153–180.

Репников Н.И. Городище Качи-Кальон (Материалы Эски-Кермен. экспедиции 1931–1933 гг.) // Там же. – 1935. – № 117. – С. 102–114.

Репников Н.И. Работы на Южном берегу Крыма (Гипрогор) : Археол. памятники // Там же. – 1935а. – № 109. – С. 195–200.

Репников Н.И. О характере римской оккупации Южного берега Крыма // СА. – 1941. – № 7. – С. 121–128.

Репников Н.И. Городище Эски-Кермен, 1936 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. : Крат. отчеты и сведения ИИМК АН СССР. – М.; Л., 1941а. – С. 277–282.

Романчук А.И., Рудаков В.Е. Керамический комплекс IX–X вв. Баклинского городища // СА. – 1975. – № 2. – С. 217–222.

Романчук А.И. Изделия из кости в средневековом Херсоне // Античный и средневековый город. – Свердловск, 1981. – С. 84–105.

Романчук А.И. Материалы к истории Херсона XIV–XV вв. // Византия и ее провинции. – Свердловск, 1982. – С. 83–114.

Романчук А.И. Херсонес XII–XIV вв.: Ист. топография. – Красноярск, 1986. – 192 с.

Рубрук В. Пътуване из източните страни през 1253 г. / (Увод, превод и бележки от М.Петрова) // Извори за Българската история. – София. – 1981. – Кн. 24. – С. 192–262.

Рудаков В.Е. Материалы XII–XIII вв. из раскопок посада Баклинского городища (раскопки 1973 г.) // АДСВ. – 1975. – № 12. – С. 20–32.

Рудаков В.Е. Элементы салтово-маяцкой культуры на посаде Баклинского городища // Социальное развитие Византии. – Свердловск, 1979. – С. 105–111.

Рудаков В.Е. Багла – малый городской центр Юго-Западного Крыма // Античный и средневековый город. – Свердловск, 1981. – С. 73–83.

Рудаков В.Е., Цибульникова В.А. К характеристике металлических изделий из раскопок Баклинского городища // Византия и ее провинции. – Свердловск, 1982. – С. 134–144.

Рудаков В.Е. Христианские памятники Баглы. Храмовый комплекс X–XIII вв. // Античная и средневековая идеология. – Свердловск, 1984. – С. 35–57.

Секиринский С.А. Очерки истории Сурожа IX–XV вв. – Симферополь, 1955. – 104 с.

Секиринский С.А. Об урожайности зерновых в Таврической губернии (XIX – начало XX в.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1966 г. – Таллинн, 1971. – С. 313–316.

Сергина Т.В. Раскопки в Окольном городе в 1978–1979 гг. // Археологическое изучение Пскова. – М., 1983. – С. 81–104.

Скобелев Ю.М. Археологические разведки на г.Крестовой в Верхней Ореанде // Феодальная Таврика. – Киев, 1974. – С. 108–111.

Скржинская Е.Ч. Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. – М., 1958. – С. 155–174.

Соломоник Э.И. Сессия по итогам археологических исследований в Крыму // ВДИ. – 1951. – № 4. – С. 234–237.

Соломоник Э.И., Домбровский О.И. О локализации страны Дори // Археологические исследования средневекового Крыма. – Киев, 1968. – С. 11–46.

Сосногорова М. Мегалитические памятники в Крыму // Рус. вест. – 1875. – Вып. 7. – С. 266–287.

Струков Д.М. Древние памятники христианства в Тавриде. – М., 1876. – 51 с.

Сумароков П. Досути крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. – СПб., 1803. – Ч. 1. – 226 с.

Суров Е.Г. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом // УЗМГПИ. – 1942. – Т. 28. – Вып. 1. – С. 93–128.

Талис Д.Л. К характеристике византийской керамики IX–X вв. из Херсонеса // Археол. сб. (Тр. ГИМ). – 1960. – Вып. 37. – С. 125–139.

Талис Д.Л. Некоторые проблемы истории раннесредневековой Таврики и литература последних лет // ВВ. – 1961. – Т. 19. – С. 241–244.

Талис Д.Л. Раскопки на Баклинском городище // АО 1967 г. – М., 1968. – С. 243.

Талис Д.Л. О классификации и датировке некоторых средневековых городищ Крыма // Экспедиция ГИМ. – М., 1969. – С. 132–137.

Талис Д.Л. Раскопки Баклинского городища в 1961–1965 гг. // КСИА АН СССР. – 1969. – № 120. – С. 57–63.

Талис Д.Л. Позднесредневековая керамика Тепе-Кермена // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. – М., 1971. – С. 250–262.

Талис Д.Л. Сюйренская крепость // ВВ. – 1972. – Т. 33. – С. 217–229.

Талис Д.Л. Оборонительные сооружения Юго-Западного Крыма как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. – М., 1974. – С. 84–113.

Талис Д.Л. Новые материалы по истории Юго-Западного Крыма // КСИА АН СССР. – 1974а. – № 140. – С. 103–109.

Талис Д.Л. Поливная керамика Баклинского городища // СА. – 1976. – № 4. – С. 63–86.

Талис Д.Л. Кочевнические компоненты в населении средневековых городищ горного Крыма : История и культура Евразии по археол. данным // Тр. ГИМ. – 1980. – Вып. 51. – С. 101–106.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. – СПб., 1884. – Т. 1. – 563 с.

Тиханов М.А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. – 1953. – № 34. – С. 319–333.

Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. – СПб., 1891. – Вып. 4. – 176 с.

Удальцова З.В. Советское византиноведение за 50 лет. – М., 1969. – 360 с.

Устав для генуэзских владений на Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. (Пер. и коммент. В.Н.Юргевича) // ЗООИД. – 1863. – Т. 5. – С. 623–837.

Фабр А. О древних нагорных укреплениях в Крыму // Там же. – 1844. – Т. 1. – С. 239–242.

Фабр А. Достопамятнейшие древности Крыма. — Одесса, 1859. — 98 с.
Федорова Е.В. Знаменитые города Италии: Рим, Флоренция, Венеция // Памятники истории и культуры. — М., 1985. — 466 с.
Фердуга И. Ниже воино-административна единица тематског укрепен а // ЗРВИ. — 1953. — № 2. — С. 61—98.
Финогенова С.И. Поливная керамика из раскопок Таманского городища // СА. — 1987. — № 2. — С. 192—211.
Фирсов Л.В. Средневековое укрепленное поселение на Крестовой горе близ Алупки // ЗОАО. — 1967. — Вып. 2 (35). — С. 214—227.
Фирсов Л.В. Археологические разведки на Исар-Кая и Шайтан-Мердвене в 1967 г. // Феодальная Таврика. — Киев, 1974. — С. 94—107.
Фрейденберг М.М. Городская община X—XI вв. в Далмации и ее античный аналог // Ев. — 1977. — № 2. — С. 115—129.
Фрейденберг М.М. Дубровник и Османская империя. — М., 1984. — 283 с.
Фронджуло М.А. Розкопки жилих комплексів на середньовічному поселенні поблизу с.Планерське // Археологія. — 1961. — № 2. — С. 168—182.
Фронджуло М.А. О раннесредневековом ремесленном производстве в Юго-Восточном Крыму // Археологические исследования средневекового Крыма. — Киев, 1968а. — С. 133—154.
Фронджуло М.А. Раскопки средневекового поселения на окраине с.Планерское 1957—1959 гг. // Археологические исследования средневекового Крыма. — Киев, 1968. — С. 99—132.
Фронджуло М.А. Пам'ятки південно-східного Криму // Археологія УРСР. — 1975. — Т. 3. — С. 476—484.
Халпахчян О.Х. Строительные традиции народных мастеров Армении // Арх. наследство. — 1953. — № 3. — С. 36—78.
Харбова М. Укрепеният български средновековен град XIII—XIV вв. — София, 1979. — 296 с.
Харбова Ч. Обранителни съръжения в българското средновековие. — София, 1981. — 211 с.
Хвостова К.В. Византийское крестьянство XII—XV вв. // История крестьянства в Европе. — М., 1986. — Т. 2. — С. 210—232.
Цанкова-Петкова Г. Феодальна рента в болгарских землях под византийским владычеством // ВВ. — 1961. — Т. 19. — С. 3—25.
Чангова Й. Средновековни оръдия на труда в България // ИАИ. — 1957. — Кн. 21. — С. 24—32.
Чангова Й. Средновековни амфори в България // ИБАИ. — 1959. — Т. 22. — С. 242—264.
Чангова Й. Средновековна битова керамика от България (VIII—XI вв.) // Археологія. — 1959а. — Кн. 1/2. — С. 136—257.
Черепанова Е.Н. Архив А.Л.Бертъе-Делагарда (1842—1920) в Крымском областном музее // Археологические исследования средневекового Крыма. — Киев, 1968. — С. 205—212.
Шелковников Б.А. Поливная керамика Саркела-Белой Вежи: Труды Волго-Донской археологической экспедиции // МИА. — 1959. — Т. 2. — С. 273—305.
Шишкина О. Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 г. — СПб., 1848. — Ч. 2. — 165 с.
Штерн Э.Р. Феодосия и ее керамика. — Одесса, 1906. — 104 с.
Шуази О. История архитектуры. — М., 1937. — Т. 2. — 694 с.
Шульц П.Н. Тавро-Скифская экспедиция 1947 // КСИИМК. — 1949. — Вып. 27. — С. 56—66.
Шульц П.Н. Таврское укрепленное поселение на горе Кошка в Крыму // КСИА АН СССР. — 1957. — Вып. 7. — С. 62—66.
Шульц П.Н. О некоторых вопросах истории Тавров // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. — М., 1959. — С. 235—272.
Шеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. — Л., 1978. — 157 с.
Эрнст Н.Л. Историко-археологические памятники Южного берега Крыма // Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма. — Симферополь, 1935. — С. 425—443.
Эрнст Н.Л. Обзор археологических исследований в Крыму в 1935 г. // СА. — 1937. — 3. — С. 241—245.
Юргович В.Н. Генуэзские надписи в Крыму // ЗООИД. — 1863. — Т. 5. — С. 157—177.
Юргович В.Н. Об археологических розысканиях и открытиях в Южной России, предшествующих учреждению Одесского общества истории и древностей // Там же. — 1886. — Т. 14. — С. 27—51.
Юргович В.Н. Две печати, найденные в Византийском Херсонесе // Там же. — 1886а. — Т. 14. — С. 1—21.
Юргович В.Н. Писемсы древнего города Херсонеса о назначении почестей и наград Диофанту, полководцу Митридата Евпатора, за покорение Крыма и освобождение херсонесцев от владычества скифов // Там же. — 1889. — Т. 16. — С. 21—45.
Якобсон А.Л. О раннесредневековых крепостных стенах Мангула // КСИИМК. — 1949. — Вып. 29. — С. 55—63.
Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII—XIV) // МИА. — 1950. — № 17. — 256 с.
Якобсон А.Л. Средневековые амфори Северного Причерноморья // СА. — 1951. — Т. 15.
Якобсон А.Л. Дворец // МИА. — 1953. — № 34. — С. 390—418.
Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. — 1959. — № 63. — 364 с.
Якобсон А.Л. Средневековый Крым. — М.; Л. — 1964. — 183 с.
Якобсон А.Л. Ранневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. — 1970. — № 168. — 224 с.
Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. — Л., 1979. — 164 с.

Якубовский А.Ю. Рассказ Ибн ал Биби о походе малоазийских турок на Судак // ВВ. — 1928. — Т. 25. — С. 53—77.
Якубовский А.Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке // ИГАИМК. — 1931. — № 8. — Вып. 2/3. — С. 1—48.
Aslanapa O. Turkische fliesen und keramiken Anatolien. — Istanbul, 1965. — 93 S.
Balard M. Continuite ou changement d'un paysage urbain? Caffa Genoise et Ottomane // Le Paysage urbain au Moyen Age. — Lion, 1981. — P. 79—131.
Barnea I. Discoperili arheologica diu epoca feodala la Mangalia // MCA. — 1959. — 6. — P. 901—915.
Barnea I. Ceramica de import // Dinogetia Asezarea feodala timpurie de la Bisericuta-Garvan. — 1967. — 1. — P. 232—268.
Benov M. Rozwoj Starych punktow opuru w Polsce do połowy XV wieku. — Poznan, 1964. — 332 S.
Benvenuti A. Zara nella cinta della sue fortificazioni. — Milano, 1940. — 266 S.
Beranova M. Zemledelstvi Staryh Slovanu. — Praha, 1980. — 320 S.
Bratianu G.I. Actes des notaires genois de Pera et de Caffa de la fin du XIII siecle. — Bucurest, 1927a. — 312 S.
Bury I. The Imperial administrative sistem in the ninth centuri. — London, 1911. — P. 131—179.
Carswell J. Ceramics, Tulips, Arabesques and Turbans // Decorative arts from the Ottoman Empire. — London, 1982. — P. 73—120.
Clarke E.D. Trevels in Russia and Turkey. — London, 1839. — Vol. 2. — 588 p.
Demangel R., Mamboury E. Le quartier des Manges et la premiere region de Constantinople. — Paris, 1939. — 167 p.
Dubois de Montpereux F. Yoyage autour du Caucase, cher les Tcherkesses et les Abkhases, en Colhide, en Georgie, en Armenie et en Crimée. — Paris, 1843. — T. 6. — 461 p.
Ebersolt I. Catalogue des poteries byzantines et Anatoliennes du Musee de Constantinople. — Paris, 1910. — 64 p.
Eydoux H.-P. Les chateaux du soleil. Fortereses et guerres des Croises. — Paris, 1982. — 429 p.
Florescu Gr. Capidava. Raport asupra activitatii arhiologice din 1956 // MCA. — 1959. — 5. — P. 613—634.
Frants A. Middle byzantine pottery in Athens // Hesperia. — 1938. — N 7(3). — P. 148—167.
Georgil Pachymeris. De Michaelae et Andronico Paleologis libri XIII, rec. I, Bekker. — Bonnae, 1835. — Vol. 1/2.
Gordavski A. Kruppe lerzy Poznosredniwieczne naczynia kuchenne i stolowe // Szkice Staro Miesskie. — Warszawa, 1955. — 189 S.
Guthrie M.A. Tour performed in the years 1795—1796, through the Taurida or Crimea. — London, 1802. — 221 p.
Huuri K. Zur Geschichte des mittelalterlichen Geschützwesen aus orientalischen Quellen // Studia Orientalia. — Helsingforsiae, 1941. — N 9(3). — 261 S.
Jerphanion G. Melanges d'archeologie Anatolienne. — Beyrouth, 1928. — P. 175—180.
Glossarium Arts: Burgen und Festplatze // Chateaux — forts et places Fortes. — Tubingen, 1977. — 235 S.
Ksiega podrozy Ewiji Czelebiego (Wybor). — Warszawa, 1969. — 477 S.
Megaw A.H.S. Supplementary excavations on a Castle site at Paphos, Cyprus // DOP. — 1972. — Vol. 26. — P. 328—346.
Morgan Ch. The byzantine Pottery // Corinth. — 1942. — Vol. 11. — 369 p.
Oikomides N. Les listes de presiance Byzantines des IX et X siecles. — Paris, 1972. — 403 p.
Ostrogorsky G. Sur la date de la composition du livre des themes et sur l'epoque de la constitution des premiers themes d'Asie Mineure Byz. — 1953. — T. 23. — P. 30—60.
Pallas P.S. Bemercungen auf einer Ruise in die südlichen Stattalters haften des Russichen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. — Leipzig, 1799. — Bd 1. — 516 S; 1801. — Bd 2. — 525 S.
Paradissis A. Fortresses and castles of Greece // Westen Central Greece. — Athens; Thessaloniki, 1972. — 174 p.
Paradissis A. Fortresses and castles of Greece // Islands of Greece. — 1982. — Vol. 3. — 321 p.
Lassus J. La forteresse Byzantine de Thamugani. — Paris, 1981. — Vol. 1. — 262 p.
Lukša B. The city walls of Dubrovnik. — Dubrovnik, 1978. — 47 p.
Primodale. Etudes sur le commerce du moyen age. — Paris, 1848. — 246 p.
Rice D.T. Byzantine Glazed Pottery. — Oxford, 1930. — 132 p.
Rogers J.M. Islamic Art and Design 1500—1700 // Publishe for the Trustees of the British Muzeum by Britich Muzeum Publications Limited. — London, 1983. — 167 p.
Sarre F. Die keramik der islamischen zeit von Milet // Milet. — 1935. — 3, H 4. — 114 S.
Skrzinska E. Inscriptions latines des colonies genoises en Crimée (Theodosie, Soudak, Balaklava) // Atti della Societa Ligure di Storia Patria. — 1928. — Vol. 56. — S. 103—138.
Stevenson R.B.K. The Pottery // The Great Palace of the Byzantine Emperors. — Oxford, 1947. — P. 31—101.
Striker L., Kuban Y. The Dumbarton oaks center for Byzantine studies: New York, 1975. — P. 307—318.
Teall J.L. The Byzantine Agricultural Tradition // Dumbarton Oak Papers. — 1975. — 25. — P. 44—69.
Tomaschek W. Die goten in Taurien. — Wien, 1881. — 77 S.
Vasiliev A.A. The goths in the Crimia. — Cambridge; Massachusettes, 1936. — 293 p.
Viollet-le-Duc E. Die tionnaire raisonne-de l'architycture Francaise du XI-e au XVI-e siecle par E.Viollet-le-Duc, architecte. — Paris, 1875. — Vol. 6. — 458 p.
Wallis H. Byzantine Ceramic Art. — London, 1907. — 40 p., 41 ill.
Wulff O. Altchristliche und mittelalterliche, byzantinische und italienische Bildwerke. — Berlin, 1909—1911. — Bd. 1—2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	– Археологические открытия
АДСВ	– Античная древность и средние века
АИСК	– Археологические исследования средневекового Крыма
АПУ	– Археологические памятники Украины
ВВ	– Византийский временник
ВДИ	– Вестник древней истории
ВИА	– Всеобщая история архитектуры
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	– Государственный исторический музей
Д. ТМАО	– Древности. Труды Московского археологического общества
ЖМНП	– Журнал министерства народного просвещения
ЗООА	– Записки Одесского археологического общества
ЗООИД	– Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРВИ	– Сборник Радова. Византалошки институт в Константинополе
ИА АН СССР	– Институт археологии Академии наук СССР
ИА АН УССР	– Институт археологии Академии наук УССР
ИАИ	– Известия на Археологически институт на Българска академия на науките. София
ИАК	– Известия археологической комиссии
ИБАИ	– Известия на Българския археологически институт
ИГАИМК	– Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИРАИК	– Известия Русского археологического института в Константинополе
ИТОИАЭ	– Известия Таврического общества истории, археологии, этнографии
ИТУАК	– Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА АН СССР	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСТ	– Керамика и стекло древней Тмутаракани
ЛОИА	– Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МАЗ	– Музей антропологии и этнографии Института этнографии
ОАК	– Отчеты Археологической комиссии
ОАСА	– Отдел античной и средневековой археологии Крыма
ПРСЛ	– Полное собрание русских летописей
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
УЗМГПИ	– Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В.И.Ленина
УЗПГУ	– Ученые записки Пермского государственного университета
АА	– Archeologischer Anzeiger
АІ	– Anale de istorie. București
BSA	– Annul of the British Schol at Athens
DOP	– Dumbarton Oaks Papers
ЕВ	– Etudes balkaniques
ЕсНН	– Economic history review
MCA	– Materiale si cercetari arheologice. București
ROL	– Revue de l'Orient latin
JOB	– Jahrbuch des Österreichischen Archäologischen
SCTV	– Studii si cercetari de Istorie Veche. București

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ УКРЕПЛЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТАВРИКИ	7
ГЛАВА II. ФОРТИФИКАЦИЯ	23
ГЛАВА III. ОРГАНИЗАЦИЯ ОБОРОНЫ	69
ГЛАВА IV. ДАТИРОВКА ПАМЯТНИКОВ	82
ГЛАВА V. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ И КРЕПОСТЕЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТАВРИКИ	105
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	121
ПРИЛОЖЕНИЕ. АРХЕОЛОГО-ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ УКРЕПЛЕНИЙ	124
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	154
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	162